

Огни Кузбасса

№ 4 / 2022

Русскому поэту Сергею Донбаю – 80 лет!

ДЕРЕВЬЯ

Без листьев, без криков, без перьев,
Под взглядами нашими сквозь
Рентгеновский снимок деревьев –
Гнезда охладевшая горсть.

Безжизненны и недвижимы.
Уже отлетел листопад.
И кажется, с каждой вершины
И души вот-вот отлетят...

Деревьям не больно на свете.
Но, тронув рукою лицо,
Как будто почую на срезе –
Еще годовое кольцо...

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

А. И. Юдина,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 4 / 2022

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Вера ЛАВРИНА
Олег МАКСИМОВ
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Сергей Донбай. Гори, моя слеза!	3
Дмитрий Филиппенко. Жизнь длиною в штрэк	12
Юрий Михайлов. Сыграй «калашниковым»	47
Мария Ватутина. Ева живет не в саду, в аду... ..	49
Юлия Белохвостова. Папина яблоня.....	77
Геннадий Скарлыгин. Скорбим о Родине большой.....	86
Татьяна Колач. Перемешаны мгновенья... ..	101

ПРОЗА

Александр Савченко. «Нет, он первый». Рассказ	6
Андрей Убогий. Река навсегда. Повесть	14
Александр Смышляев. Женщина для бродяги. Повесть	51
Леонид Иванов. Рассказы	79
Николай Башев. Знамение. Рассказ	88

КНИГА ПАМЯТИ

Лариса Вигандт. Александр Родионов.....	103
Екатерина Тюшина. «И все-таки наш эксперимент удался» (к 100-летию АИК «Кузбасс»).....	120

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Виктор Чурилов. Мои пернатые соседи.....	125
--	-----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

прот. Сергей Адодин. Справочник православного христианина (окончание)	128
---	-----

ДАЛЬНИЕ КРАЯ

Сергей Чернопятков. Семь дней в Крыму	140
---	-----

ИСКУССТВО

Ольга Кусакина. Безжалостно-прекрасный край земли.....	159
--	-----

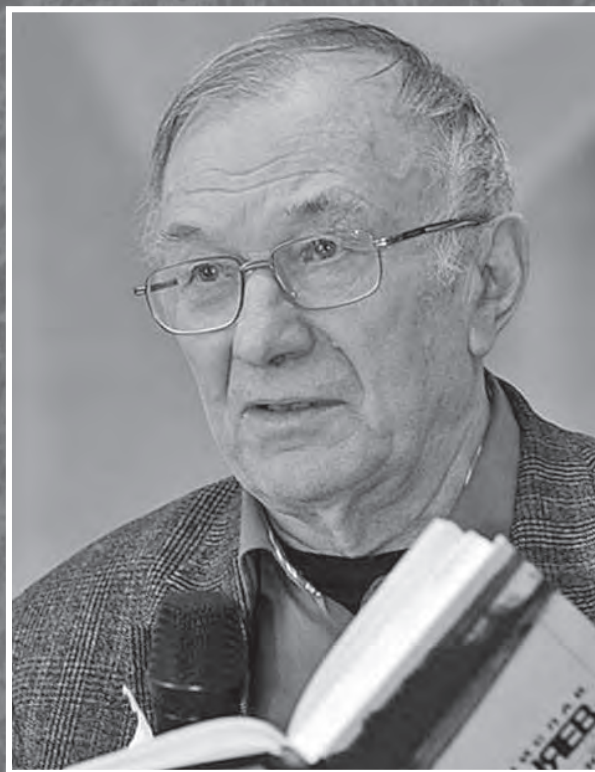
КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Татьяна Колач. Молитвенные строки – тревожный зов души	162
Нина Инякина. «И мысли сложатся в слова...». Отклик на творчество Юлии Сычевой.....	162
Александр Балтин. К 80-летию С. Донбая	164

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин	166
---	-----

Русскому поэту Станиславу Юрьевичу Куняеву – 90 лет

* * *

*Подымешь глаза к небесам.
Припомнишь людские печали
и сердце откроешь словам,
что в древности вдруг прозвучали,
как гром:*

*– Возлюбите врагов!
Живите как вольные птицы!
Прекрасен полет облаков
и звездных огней вереницы...
Но вспомнишь, как черные дни
ползли по любимой отчизне
и все, что вершилось людьми
во имя возмездья и жизни!
Земля и черна, и влажна,
а синее небо высоко...
И вдруг выплывает со дна
бессмертное:*

– Око за око!

**Сергей
ДОНБАЙ**

ГОРИ, МОЯ СЛЕЗА!

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

*Здесь живем и ходим по просторам,
Дав Европе волю разговорам.*

*Человеку не окинуть взглядом
Сей простор, где вечность с жизнью рядом.*

*Здесь на мерзлоту имеем виды
И умыли нефтью Ледовитый.*

*Меньше прочих этот океан
Близок пролетариям всех стран.*

*Бороздить его в пространстве голом
Лёдьям вслед мы стали ледоколом.*

*Здесь прошли мы – точно не в коляске –
Пехом от Европы до Аляски.*

*Сей простор к России прирастил
Мыслью из поморов Михаил.*

*Эту мысль до подвига напряг
Мышцей из донских краев Ермак.*

*...Кажется,
Жизнь дышит здесь на ладан.
Европейцу кажется.
И ладно.*

ПОКАЯНИЕ

*Вот я иду:
молодой, разудалый да ладный.
Время вокруг мне как раз:
и не шире, не уже.
Каждому встречному друг я
и каждому равный.
Впрочем, как все мы
в надежном Советском Союзе.*

*Время сменилось.
На мне поменялось время.
Реки разумно текут, как текли,
слава богу...
В дебрях тайги
та ж забота у всякого зверя...
Птицы небесную знают,
как знали, дорогу...*

*Горы стоять продолжают
надежно и долго...
Замысел помнит звезда
и горит по команде...
С места не сдвинутся,
как ни толкай их,
береза и елка...
Время на мне поменялось,
да будь я неладен*

* * *

*Клясться в жизни не спеши,
Не божись по крайней мере.
Чувств живые чертежи
Прочитает, кто умеет.*

*Искры божьей свет горит,
Хоть от тела отделилась.
Расстояние томит,
И растаивает близость.*

*Ожидание всегда
Рассветает, вечереет.
А жива ли та звезда?
Рассчитает, кто умеет.*

* * *

Памяти Н. Хоничева

*Колокольчиком
Голосок дрожал.
Он не песни пел,
Он стихи писал.*

Беззащитный сам,
Он тревожил зал.
Коля песни пел
Как стихи писал.

Колокольчиком
Голосок пророг.
Жил он как поэт.
Умер как уж смог.

В Томске Коля был.
Вот и Коли нет.
Как уж мог он жил.
Умер как поэт.

ОДИНОКОСТЬ

Одинокость, одинокость –
Ах ты, волчья сыть!
Близок локоть, близок локоть,
Да не укусить.

Одинокость, одинокость –
Сметь или не сметь?
В эту пропасть, в эту пропасть
Как в себя смотреть.

Одинокость, одинокость –
С Богом или без?
Это чудо или ловкость
Происходит здесь?

Одинокость, одинокость –
Сей программы гвоздь.
Накось выкусь, выкусь накось,
Словно в горле кость.

Одинокость, одинокость,
Чтоб со всеми врозь.
Молодых да ранних взрослость,
Гордость, глупость, злость!

Одинокость, одинокость –
Ах ты, волчья сыть!
Но охватывает робость,
Укрощая прыть.

Одинокость, одинокость –
В ней земная высь,
Одинокость – встречи новость,
Расставанья мысль.

* * *

Советские пропали времена,
Как будто их послали круто на...
Колхозы и деревни оптом вымерли,
Под номером коровы вместо имени.

Не стало пионерских лагерей,
Социализма лагерь тихо крякнулся...
Масштабнее ГУЛАГа и верней
Зверь Интернет теперь с любого ракурса.

Забыв телеэкраном Зурбаган,
Воспет телеэкраном уркаган.
На нем не слышно детских песен звонких
Или хотя бы ботала буренки.

* * *

Оба мы из коммунизма,
Из исчадия войны.
Сладкий дым патриотизма
С детства впитывали мы.

Вот и мучаюсь вопросом –
Ты мне друг или не друг?
Почему ты смотришь косо,
Либеральных сил продукт?

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК

Сталин знал, «как закалялась
Сталь» на ленинских дрожжах.
Сталин знал, как заклиналась
Та «Баллада о звездах».
Чтоб спасти страну из бездны
И держать победный строй,
Феликс должен быть железный!
А Иосиф – быть стальной!

Не справляй арбатской мести,
Не учись ей, горлица.
Вкусы ворона известны:
Он не сыром кормится.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Это море работает без утомленья,
Чтоб поддерживать в нас вещество
удивленья.

Доставать из своей непроглядной пучины
Человеческой памяти сны и причины.

*И рождать из своей ненаглядной волны
Песнь прибоя, в которую мы влюблены.*

*Это море содержит в себе механизмы –
Берега превращать в человечьи отчизны.*

*То не скалы, то – окаменели шторма!
Человеческой мудрости в них закрома.*

*Это – взгляд египтянина, ставший примером.
Это – грек, навсегда упоенный Гомером.*

*Это – немца свинец, англосакса слеза.
Это – взгляда славянского даль-бирюза.*

*Хоть мольбой возвеличь, хоть умом умали,
Это море не даром средина земли.*

Дорогой Александр Карпович! Поздравляем Вас с 85-летием! Журнал всегда рад публиковать Ваши повести и рассказы на своих страницах. Ваш профессионализм как писателя проверен временем. Крепкого сибирского здоровья Вам!

Александр САВЧЕНКО

«НЕТ, ОН ПЕРВЫЙ»

Рассказ

До сознания докатилась мысль, что он жив. Но Иван никак не мог понять, почему без конца, словно срываясь с конца сосулек, стрекочет вода: кап, кап, кап... Ведь весна прошла и сейчас на улице осень. У него снова наступало состояние между явью и сном, между озарением и бредом.

...Он, как казалось, в сотый раз появлялся в одном и том же месте – пытался проползти по узкому, почти непролазному тоннелю, заполненному какими-то кабельными проводками и десятками разных трубопроводов. Ивану чудилось, что его навсегда замуrowали в этом ограниченном пространстве, где никогда не бывает ни тепла, ни света. А самое главное, заканчивался свежий воздух. Заканчивалась сама жизнь. Он понимал, что умирает, задыхаясь от недостатка живительного притока кислорода. И в этот момент начинал выходить из своего полусна-полузабытья. Кап, кап, кап... Откуда это проклятое «кап»?

Нестерпимо хотелось, чтобы наступил рассвет, оголилось солнце, послышался голос жизни: щебет птиц, людская речь, случайные посторонние, но живые звуки... И снова: кап, кап, кап...

Прожитая жизнь вкатывалась отдельными клубочками нитей будто из других миров. Иван напрягал себя и, потянув кончик одной нитки, чувствовал, как какой-то моток начинал разматываться. Потом тонкая нитка неожиданно запутывалась и терялась. Вместе с ней блекло и совсем растворялось все его прошлое. Рвалось, будто у человека не было никогда собственной жизни...

6 «Дядя Ваня!.. Ну дядечка Ваня!» – и следом назойливое, как звуки литавр на похоронах: кап, кап, кап...

Он снова начинал плутать в забытье. Ощущал себя окутанным бесконечной толщей воды. Дышать совсем нечем. И при всем этом царит тягостная тишина. Только где-то одно и то же неистребимое упирается остро в мозг: кап, кап, кап... Да еще вдруг около уха настырно прорастает чей-то знакомый голос: «Ну дядечка Вань! Ты живой? Посмотри ж на меня!»

Наконец сквозь полуоткрытые веки проникает подобие света: он свит из тысячи невидимых мотыльков, бьется совсем рядом, колет глаза. И тут вдруг начинается реальная жизнь.

Иван осознает, что находится под землей. В шахте. Знает точно, что над ним мощная полу-

САВЧЕНКО Александр Карпович родился в 1937 году в рабочем поселке Любино Омской области. Получил специальность инженера-гидротехника, по распределению из Омска был направлен молодым специалистом в Кузбасс. Работал в Мариинске и Кемерове, три года занимался поиском подземных вод в пустыне Гоби (Монголия), с 1967 г. – в Новокузнецке. Печатался в альманахах «Литературный Омск», «Кузнецкая крепость», «Притяжение», в журналах «Юность», «Крокодил», «Шмель», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Метаморфозы» (Беларусь), «Страна Озарение», в «Литературной газете», участвовал в коллективных сборниках, изданных в Москве, Волгограде, Брянске, Орле, Кемерове, Омске, Новокузнецке. Автор книг «Сов падение», «В плену времен», романа «Двое из-за бугра». Лауреат журнала «Огни Кузбасса» 2012 года. Живет в Новокузнецке.

километровая твердь. Не открывая глаз, прислушивается, пытается понять, кто находится возле него. Сначала уловил, а потом узнал почти мальчишечий голос, не устававший повторять: «Милый дядечка Ваня!..»

Так это ж Равиль! Иван, не шевеля телом, разомкнул веки – боясь, что сейчас почувствует в себе неимоверную боль. И снова почти рядом: кап, кап, кап... Теперь все понятно: это с кровли штрека сочится грунтовая вода. Значит, в шахте остановлены все «лягушки» – насосы, откачивающие пластовые воды...

Равиль не заметил, как старый шахтер открыл глаза и даже пошевелил головой. Парень сидел полусогнувшись, в каске, на которой мутно высвечивал фонарь. Его тощее тело судорожно вздрагивало. Иван расслышал слова: «Ну как же так, дядя Ваня? Нас ведь теперь никто не выручит...» А потом совсем непонятное, как молитвенное причитание: «Эби сенелем! Син мине ишетэсенме?...»

Иван медленно отвел затекшую руку. Фигура напарника встрепенулась и приблизилась к шахтеру. Слабый лучик света скребанул глаза.

– Живой я, Рава! Живой! Только скажи: давно без сознанки?

Парень вскочил на ноги:

– Ой, дядя Ваня! Точно не знаю... Наверно, давно... Может быть, сутки... Или больше... Я уже сильно захотел есть...

– Ладно! Сейчас не до того... Нацеди мне воды. Душа вся иссохла. А без еды можно прожить долго...

Только теперь Иван понял, что пришел в сознание окончательно. Он вспомнил, как перед самым концом смены, когда большинство мужиков уже направлялось к подъемнику, ему, дураку, взбрело в голову показать молодому рабочему (он же практикант из института и попутно сосед по подъезду) место своей повседневной работы в лаве. Позарез захотелось высоким рабочим штилем дать наказ безусому «ежику» или «пингвину», как кличут в шахтах такой неоперившийся народ.

Это была последняя шахтерская смена Ивана. Завтра он начнет жить совсем по другому графику – по заслуженному статусу пенсионера... Соберется после смены вся его бригада «на бутылек», есть заветное место у березняка за шахтой. И отметят уход Ивана на покой. В таких случаях после стакана водки герой встречи обязан символически распрощаться со своей робой,

то есть сжечь шахтерки. И уже вся прожитая жизнь и эта лава окажутся далеко позади. Просто станут историей...

Полусогнувшись, но споро они добрались до места. На выработке слева выпирал массив угля – забой лавы; справа, красуясь, громоздились опоры проходческого комбайна, поддерживающие наполовину закрепленные своды уже пройденного участка.

– Вот, Рава, смотри, что напридумывал человек... Какое чудо сотворили людские мозги. Пашет за семерых и еще за того парня. Я сам...

И не договорил. В этот момент раздался резкий грохот – словно внезапно набежал электровоз. И все. Так бывает при взрыве или при резкой сдвижке подземных пластов...

Слава богу, обошлось без пожара, подумал шахтер. Значит, не взрыв. Иначе бы в воздухе стояла смолистая гарь после съеденного метаном кислорода. И души Ивана с Равилем уже осваивались бы с высокими небесами. Но от этой мысли не прибавилось оптимизма: воздух был затхл, без намека на какое-либо движение. Значит, вентиляция в шахте обесточена, а это дурной признак...

Равиль заметно ободрился. Даже, повеселев, спросил:

– Как нам теперь?

А Иван, отработавший под землей почти весь отпущенный ему рабочий век, не знал ответа на этот вопрос. Но собрался со словами.

– Нет, наверно, силы, которую б не одолел человек. Давай вместе покумекаем. Надо двигаться туда, где могут быть люди... – Помолчал и, показалось, что-то вспомнил. – А ты чего там бубнил про «синелем»?

Равиль смутился:

– Это я мысленно обращался к бабушке Фариде. Думал, что она меня услышит. Она ж у меня одна на свете, а я у нее единственный...

«Конечно, услышит бабка... Как бы не так!» – подумал Иван. В голове шахтера складывалось два варианта пути к спасению. Иван прогонял в голове каждый шаг их возможного маневра в крошечной темноте.

В конце концов голова выдала решение: пробираться следует тем же коротким путем, которым сюда пришли. Там старый отработанный штрек. Почти на всем пути стоят деревянные опорные стойки. Иван подсознательно доверял дереву больше, чем современному крепежу. Деревяшки наверняка выдержали давление верх-

них пластов. По другому пути можно было бы идти во весь рост, но он длиннее и там не исключены завалы или сплошные перемычки...

– Значит, так, Рава... Я пошел на разведку, а ты остаешься один. Будешь за главного! По крайней мере, тебе здесь хуже не станет... Дай я расцелую твою физиономию! Мало ли что...

Иван прислонился корявой щекой к мягкой щеке Равиля, обнял его. Слабеющий свет фонаря выхватил округлившиеся глаза парня.

– А вы вернетесь, дядь Вань? – со страхом и надеждой спросил Равиль.

– Ты что, парень? Сомневаешься во мне? Иначе зачем иду? Разберусь с дорогой и в тот же миг за тобой.

– А это? – показал Равиль взглядом на оставленную Иваном «черепаху» – самоспасатель с дюралевым ранцем.

– Он мне теперь только в тягость. Пусть простит меня наш «мухомор». – Так в рабочей среде за глаза называли представителей охраны труда и горных мастеров по технике безопасности.

И Иван осторожно нырнул в крошечную темноту.

Только б не напороться на завал в каком-нибудь узком месте. Тогда надо будет начинать поиск к спасению сначала. Ступал осторожно, почти на ощупь. Пот заливал глаза. Неожиданно показалось, что попал в ловушку: груды угля и породы преградили путь. Но Иван инстинктивно просунулся в небольшую щель на самом полу штрека. Здесь не хватало воздуха, но он полз и полз. Позади, наверно, уже больше ста метров... Старался не думать ни о себе, ни об оставшемся у комбайна парне. Жалости в эти минуты не было места. Иван мысленно тянулся к спасительной соломинке. Но она, стерва, все ускользала и ускользала...

И вдруг он представил, что находится не на глубине пятисот метров, а на поверхности в благостную пору, когда все живое истомлено наслаждением середины лета. Покрытая зеленым одеялом земля растворяется в июльском зное. Хорошо еще, что близость тайги сдерживает напор горячего солнца. Деревья глубокими корнями вытягивают соки земли, гонят их через себя – через стволы и ветви до самого вершинного прутка. Этим соком кормится и поится весь лес, а излишки влаги уходят в широкий воздух, отчего волнами растекается терпкая духота древостоя, перемешанная с ароматом трав, срезанных на примыкающих к лесу полянах. Среди душного

дня виднеется подпирающий облака лес с муравейными кучами у корявых комлей берез. Темными фонарями среди крон повисли птичьи гнезда. Слышен шелест осинової листвы, и горло саднит смолисто-сырой хвойный запах, какой в концентрированном виде опустится вечером на берег знакомой с детства реки...

И не заметил, как выбрался из проклятой щели, усеянной пылью и штыбом – крохотными кусочками угля, и уже на четвереньках одолевает дальнейший участок пути. Маячивший перед глазами кружок света неожиданно уперся в широкое пространство. Иван хорошо знал это место. Он поднялся, выпрямился, попытался взглянуть в бескрайнюю черноту. Дальше могли быть новые преграды, но переждать сподручнее пока здесь: можно хотя бы встать в полный рост. Иван осторожно, почти на ощупь обследовал площадку нового прибежища и понял, что две ближайшие стойки надломлены – одну надо срочно менять... Пополз назад.

...И снова явилась картина далекого детства. Он идет по тропинке, витиевато пронизывающей осиново́й подлесок. В стороне бухнут молодые калиновые кусты, успевшие сбросить молочную пену цветков. Изредка тянется черемушник, увитый изумрудными ожерельями хмеля. Стволы деревьев понизу заполонила густая папоротниковая поросль, из нее широкими ладонями поднимаются листья переспелых пучек. За свежей валежиной дерево, поваленное грозой. Возле него семьями растут молодые саранки, обсыпанные сиреневыми завитками... И почему-то неожиданно явилось то, чего у него никогда в жизни не бывало: на поляну выбегает смуглолицый Равиль, а за ним медленно и по-своему величаво ступает костлявая бабка Фарида. Равиль в белой прозрачной рубашке, машет ладошкой проплывающим облакам, а Фарида стоит в стороне, прикрывая глаза от солнца кривыми пальцами. На ней розовая длиннополая рубаха с оборками, поверх синий приталенный камзол с желтой оторочкой. На голове бархатная шапочка – калфак, обшитый серебристыми блестками. Ну настоящая красавица в металлических украшениях: цепочки, серьги, браслеты, блестящие наколки. Вдобавок на ногах оранжевые ичиги на мягкой подошве... Иван даже прыснул смехом от неожиданной мысли: Фарида ведь, если разобратся, ненамного старше его, а может, даже ровесница...

Когда он появился перед Равилем, тот встретил шахтера радостным возгласом:

– Дядя Ваня, а нас услышали! Понимаете, они знают, что мы живы!

– Кто? Кто, Рава? Ты не шуток так. Сейчас вся напруга и связь в отключке...

А сам подумал, что парень от пережитого сломился, его начало колбасить.

– Я, дядя Ваня, про свою мобилу... Я ее в раздевалке машинально в карман робы сунул. Но до этого никому, клянусь, не попытался звонить. Знаю, что бесполезно... А когда вы ушли, написал бабушке эсмэску. И представьте: тут же ответ пришел от них. Правда, рванный какой-то: «...оняли, живы, дер...»

Иван тыльной стороной ладони смахнул со лба крупные капли пота.

– Паразит ты, пацан! Во-первых, грубо нарушил все правила техники безопасности. Во-вторых, а это главное всего, скрыл от меня! Я тебе такого вовек не прощу. Понял? Но если не врешь, то понимай: там знают, что мы живы. И мы, выходит, должны держаться до конца!..

Фонарь на каске Ивана предательски тускнел. В вязкой тьме шахтер отыскал прутوك гибкой проволоки, сделал на каждом его конце по петле. Потом выбрал на ощупь одну из оказавшихся поблизости стоек и охватил ее удавкой.

Коротко приказал:

– С богом, брат! Следуешь четко вслед за мной! Уловил?

Обратная дорога была ему уже хорошо знакомой. У образовавшегося лаза Иван накинуд другую проволочную петлю на резиновый сапог правой ноги. Снова скомандовал:

– При возможности подталкивай деревяшку, а то доползу без конечности...

Равиль старался как мог. Иногда излишне рьяно давил на конец стойки. Шахтер же боялся одного: как бы петля не соскочила с ноги вместе с сапогом. Тогда парню отсюда уже не выбраться. Поэтому, пытаясь повернуть голову и сплевывая хрустящую на зубах пыль, негромко произнес:

– Не торопись, Рава. Скоро будет половина пути. Думай, как со своей бабкой завтра пойдешь по грибы, какие у вас нынче яблочки в саду... Думай о хорошем! А о том, что с нами может случиться, не бери в голову! Такие мысли только убавляют людские силы...

Наконец они выползли из спасительной расщелины. Свет двух несильных фонарей изредка

пересекался, обшаривая пространство штофа. Иван выставил новую стойку рядом с той, что ему не понравилась, – наверно, треснула при обвале. Равиль как мог старался помочь шахтеру.

– Я вот тебе сказал: «С богом!» А ты веришь какому-нибудь богу? Или молодежь теперь питает доверие только к одним баксам?

Равиль задышал тяжело и медленно, ответил с хрипотцой:

– Не знаю... Два раза за жизнь был в мечети. И все... Если окажемся наверху, значит, Он есть. Пересмотрю себя... Я еще не готов ответить. Но, наверно, есть...

И в это время там, где они находились всего несколько минут назад, что-то тяжело ухнуло. Казалось, что из грозовой тучи с далекого поднебесья под землю провалился невиданной силы удар молнии. Сотряслись стены оголенной породы. С шуршанием посыпались, тычась в каски, мелкие камешки.

– Боися! – крикнул надрывисто Иван и заломил голову Равиля так, что тощая фигура парня оказалась накрытой могучим телом шахтера.

В шахте окриком «боися!», сходным с морской командой «полундра!», опытный шахтер обычно предупреждает других о надвигающейся опасности. Сейчас угроза близкого обвала миновала, и Иван высвободил из-под себя охваченного кашлем Равиля.

– Видишь, не выдержал верхняк. Ждал, когда мы с тобой пройдем это место... А ты говоришь: сильно проголодался... Вот после и подумаешь о Боге!

Парень уже научился понимать смысл многих слов, которые циркулируют только в шахтерской среде. Он представил, как совсем рядом обрушился верхний элемент крепи, которую местный народ величает «огнивом».

Сначала ничего не ответил, потом с некой осторожностью произнес:

– Я читал, один человек три недели не ел. Можно и больше. В общем, подумаю над вашими словами...

– Ну, пошел парень фантазии крутить. Ты не каждое мое слово бери в голову. Учись отсеивать из того, что говорят другие. Знай, в людских словах много мусора.

Они выбрали место посуше, улеглись. Четыре уха, остро вслушиваясь, словно ждали сотворения какого-то чуда. Но стояла мертвецкая тишина. Равиль не лез к Ивану с вопросами, боль-

ше молчал. Тот тоже нечасто подавал голос. Какое счастье бы сейчас, думал он, «посушить лес, поровнять спину», то есть не валяться на смеси угольной пыли и влажного штыба, а протянуть ноги и уснуть на еще теплых шпалах или пахучих распилах, только что доставленных в шахту с поверхности земли...

А время ползло медленно и зловеще. Два живых существа в нем уже почти не ориентировались. «Моторола» Равиля не фурычила совсем: сел аккумулятор. Да и бесполезно здесь надеяться на мобильник. Это по какому-то невероятному совпадению пространственного перемещения и отражения волн в эфире парню удалось дать знак о себе и даже получить ответ...

Иногда пленники подземелья пытались о чем-то заводить разговор. Потом один уходил в дрему. Другой сидел или лежал в темноте рядом, иногда вытягивал руку, осторожно касаясь ладонями холодных и осклизлых стен. Или уходил в ту сторону, куда штрек должен был тянуться к главному стволу шахты. Но дальше никакого прохода не было. Все от пола до того места, где могла находиться крепь, оказалось заваленным углем и рваными кусками породы. И было неведомо, как далеко простирается этот проклятый подземный кляп.

...Прошли еще сутки, двое или больше – этого никто из них не знал.

– Ты, Рава, медленно моргай!

– Не понял...

– Спать, говорю, надо больше. Беречь силы. И не покидай надежды.

– Не получается, дядя Ваня...

– Тогда девчонок своих в уме пересчитывай! Скорее сон придет.

– Какие девчонки? У меня всего одна была... Дашка... И та с родителями в Калининград умотала. Даже поцеловаться не успели... Мне с женщинами, дядя Ваня, не везет.

– Ишь ты! С женщинами... – усмехнулся Иван, а про себя подумал: «Я б твоей Дашке показал место в жизни...»

Так и перекидывались малозначащими фразами. Но больше молчали. Иван не пытался рулить: пусть парень сам разберется в сложившейся ситуации. Главное, что обоих не покалечило. И пока еще живы...

Но однажды Равиль неожиданно спросил:

– А верно, что вы первыми вышли бастовать на нашей шахте?

– Было, было, Рава, такое. Только много воды утекло с тех пор. Подрал я в те поры глотку вволю. Считал, что советская власть довела народ до ручки... Ездил даже с братвой в Москву. Каску, помню, о бордюр возле Дома правительства вдрызг расколотил. Мы там надеялись, что рай наступит... А вышло чутко по-другому. Вот шахта, к примеру, наша сначала по рукам пошла. Хорошо, что к хорошему человеку попала. Повел по нужному руслу дело товарищ Бабичев. Видел, как старье в темпе меняем? Крепи ставим по последнему слову техники. Наш красавец в забое появился благодаря этому. Только, Рава, у меня все больше сомнений в душе копится...

И замолчал, словно устал от навороченных им слов.

– Оно и должно быть так. Прогресс ведь. А то бы вы никогда не разогнулись с отбойным молотком...

Четко обозначилось недовольство Ивана. Он сначала вроде как продул ноздри.

– Ты, Рава, про молоток помолчи! С ним мой отец под землей всю жизнь провел. И я четверть века не вылезал отсюда. Жалостливо, что не удалось мне на таком «бобике», как наш, понастоящему поработать. Молодая смена, вроде тебя, пришла, умеет на нужные кнопки давить... Я ж тебя не случайно повел к нашему красавцу. А сам видишь кем заканчиваю жизнь возле твоего прогресса? А ведь был в давние времена знатным гоблином – передовым проходчиком. Не успевали менять мои фотокарточки на Доске почета, а теперь оказался рядовым «грозоном» – высокое-превысокое звание горнорабочего очистного забоя! Бандерлог, хозяин «карагандинки»... Да что я все про себя! Ты лучше брось взор на других наших мужиков.

Иван подышал часто-часто, зло сплюнул в черную пустоту и закончил свой монолог:

– Чувствовал, Рава, я себя тут раньше хозяином, хоть и платили поменьше нынешнего... А теперь никто я! Одним словом, чурка с глазами...

Равиль уловил недосказанную горечь в словах старого шахтера. Особенно после того, как тот резко отвернулся в другую сторону. Больше на производственную тему Иван ни разу не говорил, а Равиль долго жалел, что закинул вопрос о давних забастовках на шахте.

Еще Иван старался обойти всякое упоминание о еде, о голоде. Он знал, что этого червяка

расшевеливать тут никак нельзя, съест заживо, навалившись дурными думами и воспоминаниями. Хотя и прошел переломный момент, когда втянулись они в состояние, при котором к пище начинает расти внутреннее равнодушие...

«Ха! Равнодушие!» – с усмешкой вспомнил Иван, как поймал себя на постыдном факте. Сунул недавно палец в карман «шкур» – потертой шахтерской куртки – и обнаружил забытый кусок тетрадного листа, в который дочь Нина, готовя отцу «забутку», завернула шмат сала и две поджаристые котлеты. Не успел расправить бумагу, как от нее пахло знакомым домашним теплом и кухонным жиром. Рука сама по себе скомкала лист и в один миг отправила комок в рот. Он жевал бумагу жадно и быстро, позвериному. Понимал, что этого делать нельзя, но ничего с собой поделать не мог. Проклятая плоть оказалась сильнее человеческой воли. А еще, наверно, надо было половиной нечаянно свалившегося фарта поделиться с пацаном. Но мысль подсказывала: «Не могу и не надо, от этого будет только хуже!» Больно задышавшись, он проглотил тот проклятый сухой комок. И больше старался не ворошить в себе воспоминаний о происшедшем...

Через какое-то время, коснувшись пальцами впалых щек, по длине щетины он догадался, что прошло больше недели, как они угодили в подземное заточение. И в этот самый момент в глубинах кромешной темноты, нарушая пронизывающую тишину, послышались далекие глухие стук. Иван и Равиль встрепенулись одновременно.

– Там люди! – почти закричал Равиль.

Иван соскочил со своего лежбища и попытался дать о себе знак – куском породы дважды саданул по металлическому брусу, поддерживающему свод штрека. Но раздался лишь слабый и короткий, глухой-преглухой отзвук. Кричать тоже оказалось бесполезно: голос безвозвратно уходил в каменную стену породы, растворяясь в ней, словно вода в промокашке... Но какое счастье: из далекой глубины в ответ тоже донеслось два слабых стука!

А дальнейшие звуки постепенно нарастали и приближались, становились все явственней и внятней. Иногда на короткое время они испыты-

юще замолкали, но через некоторый промежуток возобновлялись снова.

С этого раза узники подземелья воспрянули духом по-настоящему. Иван старался припомнить старые шутки и анекдоты. Но не все у него получалось. Шахтер знал, что парень страдает сильнее, чем он. А у Ивана в запасе не оказалось для такого случая нужных и красивых слов. Он жалел, что за свою долгую жизнь прочитал мало интересных книг и всегда отмахивался от дальних путешествий. Теперь даже вспомнить и рассказать нечего...

Тщательно ковырялся в памяти, но выцарапал из головы лишь какую-то глупость:

– У меня, Рава, прогулов за жизнь набежало больше, чем у тебя упряжек по коловой...

– Чего?

– Ну, трудового стажа по табелю учета времени.

Слышно было, как Равиль усмехнулся и произнес с непроходящей хрипотцой:

– Зато вы здорово стойку к ноге пришпандорили. Я б до такого ни в жизнь не додумался.

...Оба они то ли спали, то ли были в забытьи, когда совсем рядом, как за кухонной стеной, раздался сильный шум. С громоуханьем кто-то разгребал куски угля и породы. Пленники соскочили со своих мест.

– Мы здесь, ребята! – закричал Иван.

И не узнал своего ослабшего голоса – будто его и не было вовсе.

Оттуда, из-за завала, кто-то напористо протрубил:

– Вы здесь, мужики? Живые?

И вот через долгое, томительное время в непроницаемую мглу штрека хлынул поток электрического света. Вместе с ним к месту, где обожновались двое шахтеров, пробирались люди.

Иван, ухватившись за пихтовую стойку, сдавленным голосом выдал:

– Берите скорее парня! Там у него бабка нагору зажалась!

Равиль, ухватившись рукой, слабо раскачивался на коленях у другой стойки:

– Нет, нет! Он первый! Дяде Ване завтра на пенсию! А мне тут еще долго работать!..

Дмитрий ФИЛИППЕНКО

ЖИЗНЬ ДЛИНОЮ В ШТРЕК

* * *

*Я вглядываюсь снова в темноту.
И солнцем не напьюсь... Судьба шахтера.
Когда-нибудь на пенсию уйду.
И станет шахта для меня Матерой.*

*Семнадцать лет бреду в своей тени
По штреку жизни я без остановок.
И на-гора меня выводит нить.
Глубокий сон. А утром все по новой.*

*Остановите шахту, я сойду.
И пересяду в мир с другою былью.
Но разрезаю светом темноту,
Размешивая штыб с инертной пылью.*

* * *

*В Сибири дождик пахнет черемшой,
Немного сеном, вредною крапивой.
И на душе свежо и хорошо.
Не запретишь в Кузбассе жить красиво.*

*Шахтерской лампы негасимый свет
Щекочет нежно пятки небосвода.*

*Хохочет дождь, его смешнее нет,
В Сибири дождь теплей и слаще меда.*

*Дождь спрятался, проснулась тишина.
И заиграли радужные рыбки.
На солнышке родная сторона,
И светятся шахтерские улыбки.*

* * *

*Идет по шахте человек,
Как будто в ней живет.
И путь его длиною в штрек
Закончится вот-вот.*

*Свернет на путевой уклон
И выйдет на-гора.
Стране свой первый миллион
Он выдал в шесть утра.*

*Идет герой по ламповой –
Счастливый человек.
Он бригадир, он деловой,
Но жизнь – длиною в штрек.*

12

ФИЛИППЕНКО Дмитрий Александрович родился в 1983 году в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Юность», «Дальний Восток», «Родная Ладога», «Плавучий мост», «Нева», «Алтай», «Енисей», «Бельские просторы», «Сура», в «Литературной газете» и других изданиях. Главный редактор альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор пяти книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В. Макарова (Омск), ежегодной премии «Слово» (Москва). Член Союза писателей России. Живет в Ленинске-Кузнецком.

* * *

А в шахте зреет виноград –
Он черный, крупный и блестящий.
Стремится к солнцу на-гора
Кормиться светом настоящим.

Легла инертная мука.
Зима на шахтном континенте,
Но виноградная река
Бежит по скороходной ленте.

Бежит во власти куража
И пахнет угольной ванилью.
И благодатный урожай
Плывет под виноградной пылью.

* * *

Подземный космос тоже по плечу,
Светильники мерцают словно звезды.
Начальник по фамилии Ткачук
Во всей вселенной сотрясает воздух.

Бурление космической реки,
Но не бывает здесь погоды хмурой.
Шахтеры – это значит мужики,
Без пафоса, без шоу и гламура.

А дома жены держат кулачки,
Подземных космонавтов ждут с работы.
И в космосе летают светлячки,
Роскосмос им не запретит полеты.

* * *

Гнется к воде загорелый рассвет,
Словно небесный теленок.
Тянется времени прожитый след
Из васильковых пеленок.

Тает в реке облепиховый свет,
Переливается с вишней,
Йети меж сосен ползет силуэт,
Ежики снежные вышли.

Ели уснули в зеленой нуге,
Пахнет травой земляничной.
Как же уютно в сибирской тайге,
Сказочно и гармонично.

* * *

А в шахте звезды не шумят
И не шумят березы тоже.
Зато есть подвиги ребят –
От подвигов мороз по коже.

А в шахте не растет трава,
Но пахнет осенью и мятой.
И после смены все в дрова –
Другого не дано ребятам.

В забой вгрызается комбайн,
И нет проблем и «геморроев».
Мужик работает офлайн:
Онлайны все не для героев.

* * *

В шахте время идет по-другому,
От звонка до звонка и опять.
Подземелье впадает в кому
В пересменок минут на пять.

Дальше время ползет по почве,
Превращаясь в подземный туман,
Оставляя на каждом почерк
В виде стажа и прожитых ран.

Время плотно впиталось в уголь,
В бригадира седые усы.
И не сходятся друг на друге
Биоритмы и биочасы.

* * *

Жена шахтера верит в черный снег,
Но в черную судьбу она не верит.
Растут цветы в душе, и акварели
У женщины рифмуются во сне.

Жена хранит в своих ладонях свет,
Им тормозок с надеждой наполняя,
Она шахтеру и любовь и няня,
И мужика счастливей в мире нет.

* * *

На поверхности мороз.
Ледовитый запах шахты,
По штрекам летают шаттлы,
Так похожи на стрекоз.

Кто-то точит тормозок.
В шахте тихо, нет метана.
Кетчуп есть, и есть сметана,
Мяса жареный кусок.

Пообедав, все в забой
Обводненный, ледовитый.
Бригадир кричит сердитый.
В шахте весело зимой.

Андрей
УБОГИЙ

РЕКА НАВСЕГДА

Повесть

I. ЗАМЫСЕЛ

Конец февраля. Солнце – и нежный, хмельной морозец. Ты бежал по льдистой гремющей лыжне, синеватые тени стволов мелькали поперек лыж, и солнце то вспыхивало, то притухало над правым плечом, в сплетении веток. В лесу, в сетчатой тени деревьев воздух еще был зимним, сухим, каким-то сыпучим и ломким; казалось, что он и солнечный свет существуют пока раздельно.

Но деревья редели, ты толкался сильнее, спеша выскочить на простор, и свет зимнего поля огромной волною вставал впереди. Последний толчок – и ты вылетел, жмурясь, на солнце!

Ослепший, растерянный, ты терял под ногами лыжню, катил наугад. Горячее, громкое шипение наста раздавалось под лыжами. Что-то невыразимое, яркое окружало тебя: воздух и свет сливались в единой искрящейся массе. Дрожащая, влажная, с прожилками облачных нитей синеватая лапа над тобою. В том, как она была сочна, тяжела, как низко нависла, – уже ощущалась весна. Солнце давило в лицо, и шипение наста под лыжами вдруг представилось шкворчанием огромной сковороды, нагретой яростным, почти темным от напряжения кругом солнца. И – наверное,

для полноты картины – в небе висел бледный месяц...

Наст держал крепко. Слюдяные, ветром обдутые языки протянулись по полю, лыжи дробили их, хрустко ломали – и невесомая пыль снеговая искрилась, вилась за тобою. Широко, враскат разгоняясь по насту, ты вылетал на высокий берег реки. Редкие старые сосны стояли над склоном. Зелень их казалась черна на фоне густой небесной сини. Внизу полоса ольшаника обозначала излуку реки. Слышалось бульканье, бормотание переката.

Как во сне, как в счастливом бреду – день был настолько хорош, что казался призрачным, ненастоящим, – ты медленно, наискось соскальзывал по склону к реке. Ноздреватый зернистый снег уже истлевал, обнажая на склоне бурые пятна травы. Этот снег, крупитчатый, влажный, казался горячим, и хотелось потрогать его. Голова кружилась, шумела. Ты совершенно был пьян от солнца и загустевшего неба, от зерен снега, бегущих навстречу носкам твоих лыж. Шатнувшись, с трудом устояв, ты тормозил у воды. Яркая, гладкая чернота ее тоже слепила глаза. И ты, замерев, смотрел жадно, не в силах отвести глаз от живой воды.

УБОГИЙ Андрей Юрьевич родился в 1963 году в Железногорске Курской области, в семье врачей. Среднюю школу окончил в Калуге, медицинский институт – в Смоленске. Более тридцати лет работал хирургом-урологом в городской больнице скорой помощи. Врач высшей категории, заслуженный работник здравоохранения, кавалер ордена Гиппократы. Продолжает медицинскую практику. Прозаик, драматург. Член Союза писателей России с 1993 года. Автор многочисленных публикаций в российских журналах и альманахах. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Патриаршей литературной премии за 2021 год. Роман «Доктор» переведен на итальянский язык. Живет в Калуге.

Широкой дугой в устье омута обрывался, кончался лед. Его тонкая кромка, зализанная водою, была прозрачна, и продолговатые зыбкие воздушные пузыри лепились к ней снизу, дрожали, словно рыбы, упорно плывущие против течения. Все новые массы черной тяжелой воды, дымясь, выкатывали из-под льда. Река поначалу двигалась медленно, как бы еще не проснувшись, еще не вполне доверяя блеску весеннего дня. Но мало-помалу она веселела и разгонялась. Несколько валунов торчали из воды – обледенелых, зеркально-гладких – и река, запинаясь об них, распускалась усами.

Потом поверхность ее начинала гнуться, кривиться крупной стоячей волною. Быстрее, быстрее бежала вода – уже и на глаз был виден уклон переката. И наконец, река закипала!

Прозрачная, стеклянная пена плясала над черной водой. Вся гребенчатая, остервенелая от напора и спешки, река теперь не отражала ни берегов, ни нависших веток ольхи, одно лишь солнце дробилось и прыгало по всей ширине потока. Перекат дымился – и ветви, протянутые над водой, были мохнаты от инея.

Ты смотрел на кипящую черную воду, на то, как беснуется, пляшет она меж камней переката. Странное, сложное чувство река пробуждала в душе. И восторг, и оцепенение, и ощущение незапной свободы. И, главное, смутная тоска и тревога – все это вдруг подступало к тебе...

Что это было? Что означала эта странная, но так ясно тобой ощутимая тревога зимней реки?

Вдруг начинало казаться, что в упорном биении переката, в его торопливом, взхлеб, бормотанье проступает мучение неполноты. Реке словно мало было самой себя – и нависших в инее веток, и талого снега, и тонкого писка синицы... Ей, реке, словно чего-то хотелось иного...

Может, она от тебя чего-то ждала? Потому и кипела, бурлила в досаде, что ты пока не понял, не разобрал ее речь?..

Обратный путь проходил в том же солнечном и морозном хмелю. Но память о беспокойной реке все же тебя волновала. Пробегал жаркое, светом залитое поле, затем нырял в синеватый мороzec лесной чащобы, молотил в упоении по гремющей лыжне, а река все чернела, дымилась перед глазами...

Ближе к городу лес становился люднее, и ты соступал с лыжни, то обгоняя кого-то, то пропускав встречного. Переезжал насыпь железной дороги, бежал затем сосняком по лыжне, всегда

здесь разбитой, выскакивал скоро на поле – и уже видел окраину города и то место, где жил.

Потом стоял в ванне, двигал над млеющим телом горячее рыльце души и отдувался блаженно. И вот тут наконец приходили слова, все томленье твое облекавшие в мысль. И ты вдруг понимал, что хотелось в поход на байдарках!

Даже чай допивал торопливо: мечтал раскинуть карту и прикинуть будущий маршрут хотя бы пока на бумаге. Опадая зелеными крыльями, карта ложилась на пол шелестящим, в изломах квадратом. И притягивал чаще всего верхний левый угол: в густой зелени, в синих прожилках там лежали верховья Угры.

Скоро комната пропадала. Надвигались густые сосновые кроны, меж ними мелькала полоска реки – и одинокая лодка. Тяжелеющим телом ты пробивался сквозь колкие ветви и падал на теплую хвою. Все прежнее ты забывал, жадно вдыхая запах смолы и земляники. И бормотал как в бреду: «Знаменка, Дрожжино, Воря, Олоны Горы, Палатки, Звижи...» От этих слов, как от заклипания, расползалось бумажное полотно карты – и ты словно воочию видел церкви, деревни, дощатые кривые мостки и притопленные плоскодонки у берегов, видел мелькающих над обрывом ласточек, и лошадей на лугу, и дымки рыбацких костров в наплывавшем тумане...

Ты словно давно уже плыл по реке, и брызжали над потной спиной овода, наливались усталостью плечи, и твой взгляд, привычно прищуренный от ветра и солнца, был и напряжен, и сонлив, и печален, и счастлив, и цепок, и отрешенно-туманен – потому что река отражалась в коричневой радужке глаз...

II. ПАВОДОК

А помнишь, как еще мальчиком ты ходил смотреть гонки байдарок? Где-то в начале апреля родители повели тебя на Калужку – реку, где ежегодно случались эти весенние гонки.

Миновав деревенские улицы, шли краем леса. Ноздреватые грязные корки снега белели между стволов. Переходили насыпь железной дороги. Желтые легкие шарики вербы светились на глянцевых прутьях. С отцом наперегонки бежали, отламывали по веточке, маме дарили – и все трое счастливо смеялись. Шли затем лугом, по бурой траве, затем вниз можжевельным склоном, затем взбирались по вязкому полю озимых – и было жалко ступать на зеленые мягкие иглы, торчавшие из отпотевшей земли.

Вдруг ты слышал глубокий, утробный, пока отдаленный гул. Он из-под земли доносился, или слышался с неба, или раздавался внутри тебя самого? Ревело все громче и ближе – и с высокого, в соснах, берега ты видел желтую бурную реку.

Да, это ее глинистый мутный поток ревел так монотонно и грубо. Берега казались безжизненными и оцепенелыми рядом с бешеной водой. Проносились стремглав шапки пены, коряги, мелькнул и пропал трупик крысы, затем бутылка вверх доньшком проскочила. Ветви старой, упавшей в реку ракиты упруго гнулись и резали, резали желтую воду...

Ты, как заколдованный, глаз не мог оторвать от ревушей реки. И казалось, что сам ты куда-то исчез. Ведь для этой реки было совершенно все равно, стоит ли на берегу восьмилетний растерянный мальчик, нет ли его, – поток несясь в остервенелой и равнодушной слепоте. Ты оглянулся, ища глазами родителей. Они, хоть и рядом стояли, вдруг показались страшно сейчас далеки. А порою мерещилось, что мощный бургистый поток замирает – и ты сам быстро движешься вверх по реке. Глаза торопливо, испуганно прыгали по пенной воде...

Но вдруг и река начинала казаться растерянной. Может статься, поток так ревет и торопится оттого, что сам не знает собственной цели? Может, он рвется куда-то в слепом и бездумном усилии, лишь бы забыться, не зная, не увидеть за собственной яростью – пустоту? Конечно, мальчишкой ты так не думал, но все равно испытал мгновенную странную жалость к потоку. Река словно проваливалась в какую-то неведомую дыру – и никак не могла остановиться...

Внезапно из-за поворота вылетали байдарки. Одна, другая, затем несколько сразу. Люди в оранжевых спасательных жилетах и красных шлемах торопливо и вразнобой перебирали веслами. Издалека лодки напоминали жуков, перевернутых на спину: они словно хотели оторваться от мутной воды и сучили в воздухе лапками. Байдарки близились быстро. Мелькнули напряженные мокрые лица гребцов, тусклый блеск лопастей мягко ударил в глаза – и первые лодки уже пронеслись. В их движении что-то чудесное, необъяснимое было...

С волшебной, скользкой легкостью байдарки неслись над потоком, и ты вдруг понимал, что река перед ними бессильна. Ты с нетерпением ждал следующих байдарок, чтобы еще раз

увидеть, как эти хрупкие, странные насекомые-лодки, перебирая лапками-веслами, скользят над потоком, над страшной, ревушей водой...

Порой гонщики махали нам руками и кричали что-то – неслышное в реве потока. И сердце сжималось: неужели вот эта байдарка – последняя? Нет, еще одна показалась, потом еще... Но в конце концов пережат остался пустынен, лишь рыжие шапки тающей пены вылетали из-за поворота.

А с рекой – или это тебе померещилось? – произошло что-то странное. Вдруг показалось: она успокоилась. То есть река и бурлила по-прежнему, и вскипала у грязных кустов, и летела стремглав – но в ее мощном движении уже не было прежней тоски. Ей словно бы сделалось легче после прохода байдарок. Она – как бы это сказать? – облегченно смирилась. Поток словно видел отныне пределы свои – и теперь сам себя не боялся. И даже ревел по-другому – не грозно, а радостно...

И тебе уже не было страшно стоять возле бурной реки. Даже подошел к ней и поболтал в воде носком сапога: вода была обыкновенная, мутная, как в любой луже. И берега, лишь недавно оцепенелые и оглушенные паводком, теперь оживали. По дальнему берегу пробежали мальчишки: они кричали, камни в воду бросали. Лохматая черно-белая собачонка, таякая, весело бежала за ними.

– Пап, а мы поплывем на байдарках?

– Конечно. Вот только пусть потеплеет немного...

III. СБОРЫ

Сходились обычно к Виталию. Рассаживались в маленькой комнате, и неизменно веселый хозяин варил для всех кофе. Сначала неспешно болтали о том и о сем, а потом на столе появлялась бумага и ручка.

– Ну что, Виталь, пиши, что ли?

– Ага, ага... – Хозяин склонялся над листом.

«Байдарки», – выводил он в первой строке.

– Чью берем? Ладно, мою: она не течет вроде. И Серегину, да?

Все оглядывались на брезентовый тюк в углу – на байдарку Виталия. Старый выгоревший брезент изнутри распирало – тугая шнуровка едва сдерживала содержимое. Угадывался контур сиденья, лопасть весла и стволы стрингеров.

– Так, палатка. Ну, моей одной хватит, – продолжал Виталий записывать. – Теперь спальни...

Список рос на глазах, и скоро лист был заполнен. Перечислялось подробно все снаряжение, вплоть до свечного огарка и нитки с иглой, и ты изумлялся обилию тех предметов, из которых складывался поход.

Долго спорили о провизии. Не мало ли, скажем, будет двух пачек сахара? Или не взять ли для дневных перекусов несколько банок рыбных консервов? Разговор стоял шумный, живой.

– Вы что, обалдели? – кричал я Виталию и Валере. – Мы что туда – жрать идем? Куда столько масла – морды, что ль, мазать?!

В ответ хохотали:

– Доктор, да тебе ж первому мало будет! Нет, ты представь: блинцов на маслице поутру – разве плохо?

Даже закончив все споры и решив, что кому взять, медлили расходиться. Все сейчас были радостно возбуждены, словно уже находились в пространстве похода.

Накануне отъезда пошел на рынок купить сала. Мясные ряды были малолюдны. Продавцы скучали, стоя за горами мяса, и на редких покупателей смотрели с важностью. Будто они все и не торговали, а охраняли от недостойных эти кровяные сочные ломти, этот мир телесного изобилия.

Салом же торговали все больше старушки.

– Бабушка, сало почему?

Дробенькая старушонка засуетилась, зачем-то начав перекидывать на прилавке розовые мягкие ломти.

– Милый, да я не обижу – себе в убыток отдам...

Казалось, она закованная в безлюдном холоде мясных рядов и рада была наконец поговорить с живым человеком.

– Ну, грамм шестьсот взвесь.

Торопясь, старушка кинула на весы искрящийся солью брусок. Оказалось чуть больше, чем надо; она отделила ножом тонкую, полупрозрачную дольку, но затем устыдилась и бросила ее обратно:

– Ладно, бери с подходом, чего там...

Забрав деньги, она облегченно вздохнула.

– Я ведь впервые торгую, – виновато моргая и вытирая о грязный передник ладони, объяснила она. – Зять заставил: езжай, говорит, да езжай...

Затем она испуганно оглянулась на мрачных торговцев-соседей и прошептала:

– Слышь, ты, это... еще как-нибудь приходи...

На другой день с утра начиналась укладка вещей. Два спальных мешка, вобравшие запах дыма и пота, соскальзывали в рюкзак – и казалось, места в нем больше не остается. А еще пропасть вещей предстояло засунуть! Туго, впритирку входила палатка; по бокам втискивались пахнущие резиной надувные матрацы. Пакеты с крупой, чаем, сахаром, кружки и миски, спички, две банки сгущенки, холщовый мешок сухарей, моток капронового шнура, одежда – все это заколачивалось коленом или кулаком. Холстина рюкзака, распертая изнутри, чуть не лопалась. Спасали карманы: нож, ложки, карта, огарок свечи, тюбик с клеем, топорик, обернутый тряпкой, и еще множество мелочей в них помещалось.

Укладывал вещи, сверяясь со списком, но время от времени что-нибудь долго вертел в руках. Брал, например, брезентовую штормовку – и представлялось холодное утро, серый налет росы на днище перевернутой лодки и то, как, набросив штормовку, ты стаскивал байдарку к воде по росистой траве. Или вспоминал дождь, когда потемневшие мокрые полы штормовки лежали на бедрах, а тяжелый, набрякший водой капюшон охлаждал твою голову. Или, например, жаркий полдень, когда эту же «брезентуху», горячую и шелестящую, ты совал в изголовье – и засыпал на песке, в ажурной тени ивняка...

Каждый предмет, что ты брал в руки, волновал душу. Словно что-то от прошлых походов до сих пор сохранялось в них, и ложка была уж не просто ложкой, а котелок не простым котелком: все они были словно ключами от тайны прошедших и будущих странствий.

А весь наконец упакованный и неподъемный рюкзак казался огромным бутоном, готовым вот-вот развернуться в живом и прекрасном соцветье похода...

IV. ВОКЗАЛ

Рюкзак тянул назад и вниз; его брезентовые лямки казались окаменелыми. Хриплые краткие вздохи сопровождали твой путь. То, как ты двигался, мало напоминало ходьбу: ты словно падал вперед – но успевал-таки подставлять под себя напряженные ноги. С подбородка и даже с носа падали капли пота.

Ты не видел ни солнца, ни зелени, не слышал скворцов, щебетавших в березовых кронах, — потому что рюкзак погрузил тебя в глубину одиночества. Шел, напрягшись, подавшись вперед, — но испытывал особый покой. Слово груз, навалившись извне, избавил тебя от душевных тревог и забот; словно в то время, пока твоё тело было сдавлено лямками и изнывало под тяжестью ноши, душа могла наконец отдохнуть. Да и походка под грузом менялась: библейская, вечная тяжесть звучать начинала в упорных и мерных шагах...

Дорога спускалась в овраг, над ручьем проходила и выбиралась наверх, к интернату для инвалидов. Гулявшие старики и старухи равнодушно смотрели из-за ограды. Потом, кое-как сбросив ношу, долго ждал на остановке. Наконец подкатывал шестой номер. Ты с трудом протаскивал рюкзак в двери троллейбуса, ставил его на задней площадке, отирал пот — и ехал к вокзалу.

Пустынная привокзальная площадь была залита солнцем. Поникие флажки висели на столбах: это были остатки вчерашнего Первомайского праздника. В скверике перед вокзалом несколько пассажиров ждали своих поездов. Из прянично-пестрого, красного с белым вокзального здания доносился запах жареных пирожков. Пнув тяжелую дверь, низко сгибаясь под рюкзаком, входил в гулкий сумрак вокзала. Ага, а вон и ребята — у колонны...

— Здорово!

— Привет. Ну что, дотащил?

— Как видишь...

Сбросив рюкзак, разгибался, потягивался, чувствуя, как хрустит позвоночник. Осматривался. Под гипсовой скульптурой Ленина сидели старухи, солдаты-стройбатовцы, два монаха (верно, из Оптиной), хихикало несколько некрасивых девиц, и лежал под стеной пьяный мужик, улыбающийся во сне. Из клозета несло острым запахом хлорки. Раздавался гнусавый голос диспетчера — и за окном вскоре трогался поезд. И казалось на миг, что вокзал — с его звуками, запахами, со всем его содержимым — куда-то, качнувшись, поплыл...

Вокзалы — моя давнишняя любовь. Они иногда даже сняты — со всем своим гулким родным неуютом. Я приходил на них трезвым и пьяным, влюбленным, печальным, усталым и бодрым, днем, ночью, в июльское пекло и в ноябрьскую слякоть — и провел на них целую жизнь. Порою,

чтоб как-то себя подбодрить и утешить, я вспоминаю вокзалы, знакомые мне, — и они мне всегда помогают. Помнишь буфет в Вязьме, лучший из всех вокзальных буфетов, работавший ночь напролет и кормивший тебя котлетой, яичницей и «бочковым» сладким кофе? А державный вокзал в Курске, и запах горячей картошки, и пеликана из гипса под ивами привокзального сквера, и ветер, и небо — уже степное? А станцию Зикеево, где спал на полу, измученный переходом по бездорожью? А зал ожидания в Златоусте — вот ведь куда занесло! — и Уральские мягкие горы за пеленою дождя?

Всего лишь представив марево над путями и жирные лужи мазута меж шпал, запах угольной гари и ползущие с перестуком товарняки — я уже становился счастливым. Потому даже страшно подумать, что когда-нибудь я останусь совсем без вокзалов, без их сквозняков и гудков, без объявлений диспетчеров и бессонных ночей на скамьях...

Перед отправкой обычно накатывал голод.

— Виталь, есть пойдешь?

— Не, не хочется.

— Ну, а я сбегаю...

78

В «стекляшке» людей почти не было. Двигал поднос по сверкающим трубкам, снимая тарелки одну за другою. Было видно: на кухне шкворчат жаровни, бурлят кастрюли и снуют между ними вспотевшие, сдобные поварахи в липнущих к телу халатах. Это тоже тебя восхищало. Казалось, что именно в недрах вокзальной столовой рождается все остальное, что видишь сейчас из окна: вагоны, тележки носильщиков, стены пакгауза и тополя вдоль перрона...

Еда тоже нравилась: и раскаленные щи с белой кляксой сметаны, и котлета на горке серых макарон, и неперенный компот из сухофруктов. Помнишь вкус той котлеты, что подавалась во всех привокзальных столовых страны? Мяса, конечно, в ней не было — но была упоительно-вкусная хлебная масса, которую ты не променял бы ни на какие деликатесы. Сухарная жирная крошка покрывала котлету, и вилка, вжимаясь, выдавливала из нее прозрачную каплю горячего масла — нектара той прошлой жизни...

В. БАЙДАРКА

Поезд стоял меньше минуты. Спрыгивали, стаскивали рюкзаки и тюки с байдарками — крупный гравий хрустел под ногами — а вагоны плыли

уже мимо нас, ускоряясь, мелькая со сдвоенным перестуком. И за последним вагоном вдруг открывалась иная, прежде от нас закрытая половина мира: луговина с болотцами за путями, будка обходчика, лес вдалеке. Солнце не просто светило, а весело жгло. Мир радовал птичьей разноголосицей, блеском рельсов и гудением первых шмелей над горячими шпалами.

Взвалив рюкзаки, перешагивали через пути, по чавкающей тропе пересекали низину и скоро входили в прохладу весеннего леса. Здесь пахло сосновой смолой, лягушачьей икрой из затопленных послевоенных воронок и горечью недавно спаленной травы на просохших пригорках. Бледно-зеленые, свернутые в спирали ростки папоротника орляка пробивали горелую землю. Звонко гремели птицы. Солнце искрилось меж веток: будто кто-то дробил его на ослепительные осколки, но его, солнца, оставалось все равно много...

Лес вдруг кончался. Мы выходили на луг, полный солнца и ветра. Бурые пятна сухой прошлогодней травы были покрыты желтыми россыпями мать-и-мачехи. Соловьиные трели выплескивались из кустов и упругими, прыгающими мячами катились над лугом. Вот под этими сочными свистами мы и тащили свои рюкзаки и байдарки. Луг все понижался, мы шагали уже напрямик, и вдруг впереди – как всегда, неожиданно – открывалась река. Она была мутной и сильной, несла ветки и пену – и в ее мускулистом потоке было что-то такое, чего тебе, ослабшему после долгой зимы, так недоставало. Может, поэтому ты и стремился скорее поплыть по весенней реке – чтоб она поделилась с тобой своей жизненной силой?

Найдя ровное место, мы развязывали байдарочные тюки и высыпали из них кучу дюралевых трубок. Возникло привычное недоумение: неужели из этого громыхавшего хлама получится лодка?

– Ну что, с богом?

Нос и корма укладывались друг против друга. Припав на колени, ты начинал наращивать стрингеры, вкручивая трубки одна в другую. И скоро возникал контур байдарки: он был сквозным, и сквозь него было видно и реку, и ствол накрепченной ракиты, и рыхлые кучи свежих кротовин. Сквозь каркас лодки все это, столь заурядное, выглядело иным: оно создавало единую, полную тайны и смысла картину. Словно именно лодка, рождаясь сейчас на речном бере-

гу, была центром всего – и она придавала тому, что ты видишь, законченность и полноту.

Пора было разворачивать оболочку. Она слежалась за зиму и разлипалась с хрустом, будто нехотя. Резина днища была вся в заплатах. Брезентовый верх, когда-то темно-зеленый, выгорел и посветлел.

Мы вдвигали сначала корму, затем нос в оболочку – и сквозь резину проступали ребра каркаса. Словно вздыхая, байдарка натягивала на себя оболочку до барабанной упругости, и скоро на бурой траве лежала красивая, длинная, легкая лодка. Сейчас она была много легче, чем прежде, в гремящих мешках, словно воздух, который наполнил ее, придавал нашей лодке подъемную силу.

Перед укладкой вещей и отплытием чуть помедлили, сидя на рюкзаках, глядя на мутный и быстрый поток под обрывом. Байдарка лежала у самой воды. Трясогузка, качаясь на тоненьких ножках, пробежала по илистой кромке берега. Думалось: как-то сложится нынешний сплав – куда принесет нас река и байдарка?

VI. МОЛОДАЯ РЕКА

Отплытие, хоть и повторялось каждое утро, всегда волновало. Вот мы подносили байдарку к реке и опускали на воду. Лодка скользила – и ширилась темная полоса между бортом и берегом. Ты хватался за чальный конец и останавливал лодку. Течение то прижимало ее к берегу, то вновь отводило. Веревка натягивалась и опадала, словно река вместе с лодкой дышала.

Потом ставили в лодку рюкзак, приносили из лагеря весла. Оглядев напоследок стоянку – не осталось ли чего? – начинали садиться.

Очень осторожно заносил ты ногу в лодку, ходившую ходуном. Это был удивительный миг: часть тебя оставалась еще на берегу, стояла твердо, но одна нога уже не ощущала опоры и зыбко качалась над быстрой рекой. И в душе возникало странное раздвоение: ты как бы уже был и жил – и в то же время лишь только рождался на этом речном берегу... Пред тобою был выбор: быть или плыть, оставаться собою самим или снова довериться мутной воде, беспокойной и в каждый миг новой?

Толкался о берег – как бы расставаясь с собой. Словно вдруг исчезал – даже сердце на миг замирало! – но, схватившись за качнувшийся борт, с изумлением видел: еще существуешь.

Только теперь ты скользил – и вдоль берега, понад увлекавшей байдарку рекой, и как-то мимо себя самого, в каждый миг становясь непохожим на прежнего...

Мыслей не было: река словно вымыла их. Ты рассеянно греб и смотрел на нос лодки, резавший мутную воду. Темные брызги пятнали рыжий брезент. Упругое днище чернело меж ребер каркаса.

Река казалась взволнованной. И она была очень холодной: опустив ладонь за борт, ты чувствовал словно мгновенный ожог. В лодке сидели низко, почти вровень с водою, поэтому река казалась гораздо полнее и шире. То и дело близ борта вскипали водовороты. Из мутного тела реки всплывала то щепка, то ветка – и тут же, перевернувшись, тонула.

Нам тоже было тревожно. Низкое солнце блистало на ветреном небе, и лучи его были болезненно яркие. Мы то заплывали в ледяную тень берега – под обрывами грязно белел нарастающий снег – то вновь вылетали на режущий солнечный свет. Казалось, весь мир был еще неустойчив и молод. Солнце и тень, жар и холод словно пока не поделили пространство и еще не решили, где быть их границам.

Берега шли пока низкие, луговые. Вдоль воды тянулась стена ивняка. По сору, набившемуся в кусты, был виден уровень недавнего паводка. Грязно-белые цветки хмеля покрывали бледную зелень раки. Отмели были затянуты илом. Иглы травы пробивались сквозь глинистые натеки. Берега будто таяли, оползали к воде языками ила – и растворялись в реке. И опять можно было подумать, что воды не так давно отделились от суши и вопрос о черте между ними еще не решен окончательно.

Молодая река захлебывалась сама в себе. Поток пенился, клокотал у коряг, был полон силы и холода – и, кажется, мучился собственной мощью. Реке было трудно нести столько хаоса, столько тревоги – но в мире пока что не виделось силы, способной ее усмирить...

Правый берег становился все выше: он падал в реку рыжим обрывом. Виднелась вдали деревенька. По кособоку шла баба с ведрами, ее красная косынка ярко горела на солнце.

Плыли быстро, все более согреваясь от гребли. День разгорался и крепнул. Солнце поднялось так высоко, что береговые кусты почти не бросали тени. Жаворонки звенели над солнечной поймой. Их зернистые трели сыпались

сверху, из солнечной синевы. На душе становилось светлее, спокойнее. Та борьба ночи и дня, вод и суши, что тревожила утренний мир, понемногу стихала. Река текла уже в твердых, очерченных берегах.

Надо же, и отражения весел в воде появились! Раньше ты их не видел. А теперь солнце, поднявшись, так подсветило воду, что река стала способна что-то в себе отразить. И реке – или это нам только казалось? – сразу сделалось легче. Потому что понять и признать, что над собственным мутным потоком есть нечто иное – есть солнце и небо! – уже означало саму же себя полюбить...

VII. ВОДЫ ЗЕМЛИ

Вылезли из палатки чуть свет. Вокруг было сыро и зябко. Соловьи высвистывали так неистово, словно хотели согреться своим яростным щелканьем. За туманом слышалось, как бормочет река.

Долго раздували костер. Верхний слой золы отсырел, и добраться до живых углей было не просто. Сухая зола разлеталась из сердцевины костра, когда я сильно дул на нее, и вот наконец на дне выдутой ямки засветилось несколько рубиновых точек.

Костерок едва жил поначалу. Он то осторожно просовывал быстрые алые пальцы сквозь ворох сучьев, то снова прятался, как бы не желая видеть ни мутной реки, ни прибрежных раки, ни наших протянутых жадно ладоней. Наконец огонь загудел. Мы повесили над костром котелок с водой.

И только теперь, отогревшись, я огляделся спокойно, без дрожи. Наш лагерь стоял напротив монастыря. Небо над куполами уже розовело. В окнах собора тлели лампы. Ангел с трубой, символ этой обители, был хорошо различим над воротами. И странное чувство возникло: будто вот только что, когда мы проснулись, монастыря еще не было здесь. А стоило нам отогреться, как он и возник среди сосен на том берегу.

Пока варилась каша, свернули палатку, тяжелую от росы и тумана. Прибрали стоянку, побросали мусор в костер. Потом завтракали: разложили кашу по мискам, добавили масла и сахара, начали есть. Присесть было некуда, и мы держали миски на весу. Позавтракав, притоптали костер, помыли посуду, бросили коте-

лок в нос лодки. Байдарке, казалось, не терпится плыть – а реке не терпелось опять понести нашу лодку.

Садились, держась за борта, по очереди ополаскивая сапоги. Байдарка зыбко качалась. Солнце как раз поднялось над соснами, над монастырскими куполами. Ангел с трубой словно вспыхнул в наклонных лучах.

Но мы оттолкнулись, поплыли, река пронесла нас за поворот – и монастырь перестал быть нам виден. Зато мы услышали звон: протяжно-гулкие удары колокола покатались над поймой, словно огромные, полые, догоняющие друг друга колеса.

Байдарка шла ходко, чуть кренясь при гребках, и пенный бурун то и дело вскипал у форштевня. Мы шли заметно быстрее реки, и удивительным было это двойное движение: самой реки – мимо береговых лозняков, а нашей лодки – в обгон быстро скользящей реки. Зимородок пролетел впереди, его красно-зеленая искра вспыхнула и пропала в кустах.

Гребли сильно, чтобы согреться. Крылья весел поочередно врезались в воду. Мы старались держаться в главной струе, тогда лодка шла особенно ходко, и даже скрипели ее сочленения. Местами упавшие деревья подпруживали реку, и вода пенилась у наклонных стволов. Мы проходили такие места осторожно, опасаясь прижима.

– Погляди! – показал веслом мой товарищ.

На берегу, рядом с кучкой одежды, сидел на корточках голый мужик. А напротив, на самой струе, течение мотало из стороны в сторону перевернутую – хорошо, хоть заякоренную – резиновую лодку.

Подойти к месту крушения оказалось непросто. Сначала течение пронесло нас мимо перевернутой лодки, и я успел лишь ладонью коснуться холодного скользкого днища. Потом мы долго выгребали назад и ловили якорную веревку. Все это время хозяин лодки безучастно сидел на корточках, крупно дрожал и с тоской глядел вдаль. Можно было подумать, что он уже смирился с потерей и был чуть ли не разочарован, когда мы подтащили его лодку к берегу.

– Ты что, мужик? Не рад, что ли?

Он посмотрел равнодушно на лодку, на нас – и только махнул рукой:

– А чего радоваться? Бутылка утопла, жена – сука, начальник – козел...

– Ну, тебе виднее... На, спички возьми – хоть костер разведешь...

Мы плыли дальше. Солнце поднималось и уходило нам за спину: река текла точно на север. Становилось все жарче. Соловьи в кустах смолкли, зато жаворонки звенели над поймой. Лопаста весел ритмично вспыхивали – и с них осыпались сверкавшие капли. Наступал тот момент, когда кажется, что время остановилось и ты будешь вечно скользить по реке, нажимая то левым, то правым пером весла, провожая взглядом обрывы и отмели и понимая, что ты слишком мал, чтоб вместить это все: белизну облаков и небесную синь, блеск и плеск, солнце и ветер...

Причалили в полдень. Правый берег был крут, зато выше меж сосен оказалось прекрасное место. Сверху река показалась иной, чем тогда, когда мы плыли по ней. Она была меньше, красивее и составляла уже не весь мир, как недавно, но лишь часть его. А еще в мире были поля и дороги, холмы и темнеющий лес и дома Перемышля на горизонте.

Мы раскинули под соснами спальные мешки и одежду, разулись, поставили сапоги голенищами к солнцу: хотелось все наконец просушить.

Мой друг, бывавший здесь ранее, уверял, что есть родник где-то неподалеку. Но, обшарив весь берег, я родника не нашел, видно, река затопила его. Зато, наступив в мокрый глинистый оползень, я почувствовал: грязь под босою ногой ледяная. Видимо, здесь был выход грунтовых вод, питающих реку, и можно было устроить копань. Пока Виталий возился с костром, я веслом стал откапывать ямку невдалеке от уреза воды. Грязь становилась все жиже, и приходилось отчерпывать ее ладонями, которые быстро занемели от холода. Наконец яма была готова. Оставалось ждать, пока вода отстоится. Ополоснув руки в реке, я вскарабкался в лагерь и сел, привалившись к сосне.

Река текла внизу под обрывом. Она то вскипала, бурлила у черной коряги, то молча и быстро неслась мимо нее. Смотреть на бугристую, сильную воду было отраднo. Казалось, так можно сидеть бесконечно: как будто река говорила с тобой и прекрасно тебя понимала.

Потом мы перекусили хлебом, луком и салом – наш обычный походный обед – и я пошел к копани за водой. Она была еще мутной: отстоялся лишь верхний слой. Но уж очень хотелось чаю, и я решил осторожно набрать хотя бы полкотелка. Вода, хоть и мутная, была ледяная.

Котелок скоро вскипел. Я высыпал горсть заварки в воду – и так уже темную. Чуть подождал и разлил чай по кружкам.

Такого я раньше не пил: это был чай земли. Песок похрустывал на зубах, но пить так хотелось, что я продолжал понемногу глотать этот темный земельный настой. Я пил его, словно волшебное зелье: густое, целебное и необходимое мне. Теперь и во мне, и в земле, и в реке текли общие воды – теперь нас с рекой и землей ничто не могло разлучить...

VIII. СТОЯНКА

Плыли, выбирая место для лагеря. Левый берег был очень красив, но удобного места, чтобы причалить, долго не попадалось. Тянулись обрывы – и сосны. Вечерело. Гремели соловьи, и над рекой разносился сильный запах черемухи. Наконец впереди, у излучины, мы увидели вырубленные в склоне ступеньки.

– Ну что, здесь встанем?

– Давай поглядим сначала...

Байдарка мягко въехала килем в прибрежный песок. Чайник и котелок в носу загремели. Корму тотчас начало сносить. Мы выбирались из лодки крихтя, потирая затекшие поясницы.

Ступени здесь кто-то делал будто на великана; большими шагами, цепляясь руками за траву, мы кое-как вылезли из-под обрыва. Ровная, сухая площадка под соснами была усыпана рыжей хвоей. Редкая молодая трава кое-где сквозь нее пробивалась. Чернело кострище. Под одною сосной много шишек валялось. В стороне виднелись окопы, из-под хвои торчала ржавая проволока.

Вот странно: на этой реке я еще не бывал, но мне показалось, что я уже видел эту стоянку. Уже сидел тут когда-то, на этом вот бревнышке, и смотрел сверху на реку – зная, что непременно вернусь на эту поляну...

– Ну, как тебе?

– Лучше и не надо.

Пока совсем не стемнело, торопились поставить лагерь. Сначала таскали дрова. Напролом лезли в чащобу и выдирали сушняк. Пахло прелью и сыростью. Порою удавалось завалить целое сухое деревце – и ты волок его в лагерь, царапая хвойный ковер, оставляя на нем темные полосы. Скоро рядом с кострищем высилась целая куча дров.

Пока Виталий колдовал над костром, я занялся палаткой. Вытряхнул из чехла брезентовый сверток, раскидывал палатку по земле. Шнуры скользили, шуршали в руках. Куда, думал, вход развернуть: к реке или, может, к закату? Нет, пожалуй, лучше к огню: приятно будет смотреть, забравшись в палатку, как догорает костер...

Нарубив и заострив колышки, прижимал к земле днище. Под слоем иголок земля была рыхлой, пустой, и приходилось вгонять колышки на всю глубину. Просунув стойки вовнутрь, растягивал скаты шнурами. Скоро брезентовый верх туго дрожал от щелчка, и нападавшие сверху иголки дружно подскакивали на нем. Бока же палатки еще колыхались от ветерка. Она казалась теперь невесомой и, как воздушный шар, рвущейся вверх.

Палатка была хоть тряпичным, но все-таки домом. Она защищала нас, странников, от дождя и ветра, от комаров и слепней – и, самое главное, создавала преграду меж нами и окружающим миром. А вспомни то чувство уюта, которое возникало в палатке! Оно становилось особенно сильным, когда по брезенту начинал шуршать дождь. Капли стучали в натянутый скат – иногда сквозь него даже сеялась мельчайшая водяная пыль – и главное было не трогать полог палатки, потому что иначе в том месте, где ты прикоснулся к брезенту, начиналась капель.

Облик поляны переменялся. Теперь здесь стояла палатка, лежали пакеты с едой, пестрели яркие надувные матрацы и синий дымок тянулся от костерка. Поляна стала обжитым – и для нас совершенно особенным – местом. Вот здесь, у костра, был ее центр, а вот там, за палаткой – задворки. И уже начинало казаться, что мы давным-давно живем здесь, что мы знаем здесь каждый куст, кочку, дерево и что, потеряй мы вдруг эту поляну, в нашей жизни случится непоправимый урон.

А может, мы выбираем и место рождения – как мы выбираем стоянку? После долгого странствия в сумерках предбытия мы наконец-то решаемся быть – то есть выйти на берег, принять на себя тяжкий груз воплощения, выбрать время и место, в которых мы будем жить. И место (а также и время), которое избрано нами, – оно станет нам родиной, и мы будем по мере сил обживаться на ней: вот так же, как мы обживаемся здесь, на поляне под соснами...

Быстро темнело. Осталось до ужина вынести лодку на берег. Розовый свет заката словно ушел сам в себя, загустел и медленно отодвигался на край неба. Река в сумерках сделалась больше слышна, чем видна.

Мы спустились по темным, неразличимым уступам. У реки было холоднее, чем наверху. Потянув за веревку, легко стронул лодку, и она заскользила навстречу с готовностью, словно давно нас ждала. Натужась, подняли байдарку с воды. Виталий взбирался первым, я сзади. Холодная вода сбегала с кия и затекала мне в рукав. Поднявшись, перевернули байдарку, подсушили весла и удочки под нее.

Что-то звало напоследок посмотреть на поля за рекой и на пламя заката. С чашкой чая в руках подошел к обрыву. Вдаль, куда глаз доставал, тянулись поля озимых. Багровое небо горело над ними, и зелень озимых казалась черна. Бесшумно, надрывно метались меж сосен летучие мыши. Вдали, за полями, еще различима была деревенька. Но пламя заката стекало за горизонт, поля и деревня тонули во тьме, и скоро уж не было видно ни крыш, ни деревьев, ни труб над домами – там лишь редкие загорались окошки да лаяла и подвывала собака...

IX. КОСТЕР

Костер начинался с мечты о нем в непогоду. Холодный дождь сыпал и сыпал. Ветер заваливал набок кусты ивняка, выворачивал наизнанку их листья, гнал встречную волну и почти останавливал лодку. Руки на мокром весле коченели. И душа цепенела на едком ветру, под дождем, в серой мгле непогоды. Одна билась мысль: «Костерок бы разжечь!»

Хуже нет, как причаливать в дождь. Грести все же теплее, да и лодка какой-то, но служит защитой. А тут надо вставать, открываться дождю и выходить на чужой и холодный берег. Продираешься в мокрых кустах – и одежда сразу становится ледяной и промокнувшей насквозь.

И дрова собирать – мучение. Кажется, в целом мире уже не осталось ни ветки, ни щепки сухой. Наугад ломишься в чащу. Дождь с неба сюда почти не достает, зато с листьев падают тяжелые капли, словно холодные гвозди кто-то вбивает в затылок. За что ни ухватишься – все обрушивает потоки воды. Бродишь от дерева к дереву, напрасно пытаешься хоть что-нибудь разжечь для костра. Суешься под низкую елку –

колкие лапы пахнут остро, свежо – но ничего, кроме муравейника, там не находишь. Заваливаешь ствол мертвой осинки и видишь: на изломе прелого дерева, пенясь, выступает вода. Даже кора на огромной лежащей березе – уж береста-то всегда нас спасала! – и та пропитана насквозь, и от топора летят только грязные брызги.

После часа обреченной, угрюмой возни на-таскиваем-таки ворох сучьев. В рюкзаке находится коробка с остатками вермишели. Один ее бок чуть подмочен, отрываешь лоскут картона от другого. Может, на растопку сгодится?

Даже спички и те не хотят зажигаться. Искра шипит, мечется между серной головкой и оселком – но не становится пламенем. Почти полкоробка исчеркал вхолостую. Наконец удержав в горсти огонек, подносишь его к растопке. Какое-то время он качается под лоскутом бумаги, словно боясь оторваться от спички. Отведешь спичку в сторону – пламя остается на ней, а бумага, чуть посмуглевшая, только дымится...

Но вот огонь наконец решился: его алая, с синевой по краям, осторожная капля медленно поползла по бумаге. Хорошо, что она оказалась сухой – огонь хватал ее жадно, корежил и мял в пальцах жара. Твоему лицу было уже горячо.

23

И в душе возникала обманная радость. Ты словно не видел: горит только бумага, а ветки, которых коснулся огонь, лишь потеют от этих скользких касаний. Жить огню оставалось секунды – а ты, глупец, все на что-то надеялся, ждал...

Вот искры, кружась, полетели в дыму – и огонь ослабел. Траурная кайма проступила в его языках. Ты подался вперед и отчаянно дунул – но лишь загасил ненадежное пламя.

Ну, вот и все... Какое-то время ты тупо смотрел на угасший костер. А дождь, как нарочно, усилился. Ну что же, придется нам, видно, ночевать без костра...

Но в тот самый момент, когда ты расстался с надеждой, в тебе появилась какая-то новая сила. Встряхнувшись – как будто прогнав наваждение – ты заново переложил еще теплые ветки. Потом разыскал другой клочок бумаги, скомкал его и подсунил под кучу растопки. Резко чиркнул о коробок – спичка вспыхнула сразу. Предметы теперь тебя словно боялись и слушались беспрекословно. Бумага занялась быстро – и зашевелилась в огне, как живая. Пламя вскинулось к веткам. Тонкие концы прутьев сворачивались, краснели и ярко вспыхивали. Ключья пламени

повисали на ветках, цеплялись за них, иногда обрывались и гасли – но в целом упорно боролись за жизнь. На сучьях шипела и пузырилась вода. Огонь в одном месте сникал – зато распускался в другом. Борьба сырости с пламенем длилась упорно...

Вдруг ты спохватывался: разве можно сидеть и смотреть безучастно?! Ведь ясно, что без твоей подмоги огню не победить. Ты падал ничком, почти прижимался лицом к куче веток и начинал сильно дуть – пока не темнело в глазах. Пламя сначала совсем пропадало. Лишь красные точки углей расширялись на тлеющих ветках. Глотнув воздуха, ты снова дул – лоскуты пламени хлопали громче, уверенней: они словно питались и жили дыханием раздувавшего огонь человека. «Поэтому, – думал ты после, уже глотнув спирта и чуть захмелев, – можно подумать, что костер загорелся не столько от спичек, сколько от дыхания твоей собственной жизни... А ты сам – твоя жизнь – из чьего появился дыхания?»

...Костер горел ровно и сильно. Атласные, чистые языки пламени промелькивали в молочном дыму. Котелок с чайником, подвешенные над костром, словно плыли, качаясь, на дымных волнах. О дожде и не вспоминалось: хоть сверху и сыпало что-то, но рядом с костром это уже не имело значения.

Отходить от костра не хотелось – и не было сил. Как будто, пока ты его разжигал, ты так много отдал этому жаркому пламени, что теперь непременно замерз бы в ночи без поддержки огня. Костер был, можно сказать, тобою самим – а ты был костром, согревавшим холодную ночь на речном берегу...

Х. ГОЛОД

Голод в походе – состояние почти непрерывное. Сначала приходил голод поезда. Вагон мотало, встряхивало на стыках, за окном мелькали столбы и деревья, и на душе было так много всего: и желаний, и мыслей, и воспоминаний – что хотелось одновременно и смотреть в окно, и поговорить с попутчиками, и познакомиться вон с той девушкой, читающей книгу, и выйти в прокуренный тамбур послушать, о чем говорят мужики. Еще хотелось скорей оказаться на речном берегу, собрать лодку – и заскользить по воде с острым чувством полета и счастья. Или всплывало в памяти что-то из прошлых походов: вечер,

и дым костерка, что мешался с туманом, и бредущее в этом тумане стадо коров... И даже не верилось: неужели увижу все это снова?

И все это сложное, свежее, возбужденное состояние ты называл голодом, хотя, конечно, та смесь тревоги и радости, что наполняла тебя, могла бы быть названа и по-другому – например, жаждой жизни. Или нетерпением юности?

Но пусть будет – голод. Тем более что есть и правда хотелось. Не выдержав, ты залезал в рюкзак и копался в нем, добираясь до мешка сухарей.

– Ты чего? – удивлялся Виталий. – Только что ведь в столовку ходил.

– Все равно: опять есть хочу. Тебе-то сухарика дать?

– Ну дай, что ли. Парочку...

И грызешь себе этот вагонный сухарь – жадно глядя в окно. Там, конечно, мелькают старухи с огромными сумками у переездов, дорожные тетки в оранжевых куртках, голоногие дети на велосипедах, потом тянутся волны полей и частяк стволы перелесков, потом пролетает синяя будка обходчика и полосатый шлагбаум – и тянутся, то поднимаясь, то опадая, линии электрических проводов...

На реке голод становился иным. Ты уже привыкал и к зыбкому колыбанию лодки, и к яркому блеску крупной волны, и к упорному ветру, который давил в левый борт. Может быть, этот ветер и был причиной тому, что ты ощущал внутри странную опустошенность? Спустя два-три часа хода ты становился настолько прозрачным, что чудилось: те кулички, что летят с тонким свистом от берега к лодке, могут легко, даже того и не заметив, пролететь сквозь тебя!

Ближе к вечеру это странное состояние бесплотной опустошенности усиливалось до того, что тебя начинало познабливать, а предметы в глазах начинали двоиться. Как сказали бы медики, парень «словил гипуху»: уровень глюкозы в крови так понизился, что ты, не ровен час, мог бы и грохнуться в обморок. Помогал опять или сухарь, или конфета, или кусок сахара – но ты понимал, что полумерами не обойтись и пора ставить лагерь, варить кашу. Эта каша уже начинала мерещиться, как наваждение или мираж: дымная горка разваристой гречки с оплывающим желтым пятном топленого масла...

Воспоминание о том, как в походе готовится каша, словно уже и само по себе насыщает. Как

знать, может, истинный голод не в том, чего хочет желудок, а в том, по чему истомилась душа?

Вот огонь лижет черное дно котелка. Поначалу вода тяжела и недвижна: она словно спит. Но вдруг сухая иголка сосны на поверхности вздрогнула и заскользила от бортика к центру. Там ее развернул и сбил в сторону невидимый встречный поток. Вода заволновалась, проснулась – и хвоинка никак не могла успокоиться, плавая между бортов. Затем котелок изнутри словно вспотел: он покрылся россыпью светлых, живых пузырьков. Иные из них начинали дрожать, отрывались, взмывали кверху и лопались на поверхности. И уже было видно, как нагретая вода, поднимаясь от днища, струится и даже отбрасывает призрачно-легкую тень на светлый металл котелка. А сам котелок начинал чуть покачиваться, словно ему было трудно удерживать разгоряченную воду.

Скоро вода бурлила. Она поднималась пенистыми буграми и стремительно опадала внутрь котелка, точно бежала, спеша, внутрь самой же себя – и боялась саму же себя не догнать...

В этот самый момент ты сыпал из кружки крупу. Бурление ненадолго стихало: было видно, как гречка рябым ровным слоем ложится на дно. Но скоро зерна крупы начинали подпрыгивать, словно родник бил из днища и все сильнее вздыбливал крупнозернистый пласт гречки. А потом мощь кипения так нарастала, что котелок раскачивался и дрожал от напора бурлящего варева, а ты глаз не мог отвести от этого зрелища, такого обыденного – и необыкновенного.

Пока костер варил нам кашу, день над рекой угасал. Холодало. Слоистый дымок туманов протягивался по низинам. Пламя костра с наступлением сумерек как бы уплотнялось и делалось ярче.

– Ну что, к ужину все достаю?

– Да, минут через десять будет готово.

Кидали на траву чехол от байдарки. Миски, ложки, кружки да баночка с маслом – наш нехитрый припас разложить было недолго. Подтаскивали надувные матрацы, складывали их наподобие кресел, ставили так, чтобы был виден закат в красных облачных перьях и река под обрывом.

Порой голод накатывал так, что ты едва себя сдерживал, чтоб не схватить и не грызть что попало под руку: сухарь, кусок сахара или даже сосновую щепку. Но и не хотелось нарушить случайным куском ту прозрачную ясность, какую да-

рил тебе голод. Нет уж, думал, дождусь лучше каши...

Воды в котелке больше не было видно: одна лишь тяжелая серая гуща приподнималась, вздыхала и лопалась пузырями. Котелок уже не раскачивался, а мелко и напряженно дрожал.

– Посолить не забыл?

Спохватившись, ты бросал в котелок четверть ложки намокшей соли. Перемешивал кашу. От нее валил густой пар – и поднимался густой сытный запах...

ХІ. ХОЛОДНАЯ НОЧЬ

Костер догорал. Огонь словно устал озарять потемки и ушел сам в себя, в шевеление жаркой угольной груды. Сероватый налет золы затуманивал угли, но дыхание ветерка порой оживляло кострище и угли опять начинали светиться. Потом они снова тускнели. По тому, как чисто и ярко горели звезды и как тянуло свежестью из низин, можно было ждать холодной ночи.

Отходя по нужде на десяток шагов – обильная ледяная роса легла на поляну – мы возвращались и лезли в палатку. Внутри звенело несколько комаров: было слышно, как их полет прерывался ударами о тугую брезентовый скат. Шнуровались; сырые, холодные петли плохо слушались пальцев. Сквозь брезент виднелись красневшие угли костра: они словно висели в ночи без опоры. Ткань палатки от их свечения казалась прозрачной.

Укладывались. На ощупь нашаривали одежду, натягивали свитера и вязаные шапки – и залезали в спальники. Мой был стар и истрепан. На зыблющемся пузыре надувного матраца было трудно найти подходящую позу для уставшего тела.

Резко и сильно кричал коростель на лугу. Хотали лягушки. Еще слышен был плеск реки, сипение углей кострища и далекий, на том берегу, рокот трактора. Интересно, зачем он работал впотьмах?

Сонливость и возбуждение странно сейчас сочетались. С одной стороны, тебя сильно клонило в дремоту. Но звуки и запахи ночи – и, главное, холод ее, подступавший все ближе, – приводили тебя в состояние лихорадочно-взвинченного. Почувствовав комариный укус, ты ударял себя по щеке. Потом приподнимался, расправляя мешавшую складку одежды. Утомленное тело никак не могло привыкнуть к покою. Ты вер-

телся, вздыхал, переключивал в изголовье рюкзака – но не мог ни расслабиться, ни успокоиться.

Наконец забывался непрочно, как будто пунктирным, сном. Слышал звуки ночи, понимал, что лежишь в палатке, – и вместе с тем уже был далеко...

...Город, где ты когда-то учился, его улицы и холмы, мосты над Днепром и громада собора снились нынешней ночью. Вот трамвай, дребезжа, катится через мост; ты стоишь у заднего окна, глядя на закат, на густую воду Днепра, на кусты вдоль по топкому берегу. Ненадолго притормозив у двухэтажного желтого здания – это наркологический диспансер, вы ходили сюда на занятия, – трамвай лезет дальше по извилистой, круто вверх уходящей улице. Справа темная зелень, провал оврага; слева черный чугунный Кутузов с белыми голубиными помарками на плечах. В окно вдруг врывается запах сирени: соборный холм весь залит ее белой, лиловой, пахучей, дурманящей пеной. Кажется, сумерки зарождаются именно в этих кустах: гроздь сирени шевелится, шепчут, вздыхают, изнемогая от скрытой в них тайны...

Но что-то менялось. Твой сон рассыпался, тускнел, пропадал. Сквозь дрему ты даже негромко стонал – словно пробуя все удержать. Но холод ночи был беспощаден: он прогонял твои юные грезы, и ты просыпался в жестокой и стылой реальности. Какое-то время лежал, раскрыв в темноту глаза и дрожа крупной дрожью. Ты и хотел бы забыться, да ночь тебя не отпускала. Словно без тебя, страдающего в темноте от холода и тоски, ей незачем было б стараться...

Поджимал к животу колени, напрягался – затем рывком поворачивался и обнимал сам себя, безуспешно пытаясь отжать из дрожащего тела остатки тепла. Не помогало. Ночь с каждой минутой делалась злее. И холод уже превращался в страх, в безнадежное чувство, что ты совершенно потерян в ледяной и бессмысленной тьме. Этот страх, безотчетный и все нараставший, – он и выгонял тебя из палатки наружу. Собрав остатки решимости, ты выбирался из спальника, распутывал петли на входе – и выпадал в пустоту предрассветного мира.

Снаружи встречала уже не крошечная темнота, а тоскливые жидкие сумерки. Звезды съжились, ссохлись и отдалились в серое небо. Проступали контуры ближних кустов, чернело пятно кострища. Утренний мир казался плоским и мертвым. И этот безрадостный полусвет –

он был еще хуже, чем прежняя тьма. Дрожа от холода в палатке, ты еще мог надеяться, что ночь внутри себя нечто скрывает, что она не пуста. Теперь пропадала и эта надежда. Серый утренний мир был настолько лишен всякой тайны и смысла, что он даже не стоил того, чтобы снимать с него кров темноты. Ты вдруг испытывал острое чувство обманутости и сиротства – глядя на серые эти кусты, их поникшие листья, на грязные миски, которые мы поленились вчера сполоснуть, на примятую траву и опрокинутый котелок...

Бесцельно и вяло ходил ты взад-вперед по поляне. Поднимал мокрую палку, ворошил ею погасший костер. Умом понимал, что надо б огонь развести и согреться, но отвращение и к себе самому, и к бессмысленно-серому миру было столь велико, что ты с трудом себя пере-сил. Разыскал клочок газеты. Выкопал из золы несколько недогоревших веток, сложил их шалашиком и подsunул бумагу. Встав на колени – штаны вмиг промокли, – подул на старые угли. Пламя вспыхнуло вдруг, словно давно тебя ожидало.

26

Но странно: рядом с огнем зазнобило еще сильнее. Ты тянул руки в самое пламя, нависал над костром – но не мог обогреться. Как будто за эту тяжелую ночь ты набрал столько холода, что даже огонь был пока бессилён. Лицу становилось уже горячо, пальцы рук жгло, но из сердцевины души холод никак не хотел уходить. «Уж скорей бы, – подумал, вздохнув, – просыпался Виталий».

И медленно, нехотя, трудно – но ночь уходила. Туман поднимался от близкой реки и затягивал пойму. Пичуга – похоже на зяблика – пропищала в кустах. В реке кто-то громко плеснулся.

А ты продолжал сидеть возле костра, тупо глядя в огонь. Твое серое, в грязной щетине лицо не выражало сейчас ничего – ни тоски, ни страдания, ни хоть какой-нибудь мысли – оно было мертвенно-оцепенелым. Да, ночь далась тебе тяжело...

XII. УТРО

Для птиц восход наступал раньше. Например, для былинного ворона, что кружил над верхушками сосен. Солнце, еще невидимое нам, уже озаряло его, и угольно-черное оперение птицы сверкало.

А ворон – видел ли нас? Была ли ему различима палатка в разливе тумана, и алая капля костра, и мы, притулившись возле огня? Он, конечно же, видел – и даже, возможно, жалел нас, покуда не встретивших солнца, сидящих, как в яме, в туманных сумерках утра. И грудной влажный клекот торжественной птицы как будто подбадривал нас: держитесь, мол, мужики! Слышать крик ворона было так же отраднo, как и человеческий голос.

С трудом распрямившись – тело как будто усохло и постарело за ночь, – я пошел к реке за водой. Непослушными, спотыкающимися ногами спустился по береговым уступам. Темная гладкая вода быстро скользила под неподвижно висящими лоскутами тумана. Стая мальков кинулась от берега врассыпную. Глина обрывая уступами уходила в прозрачную воду. Виднелись донные валуны в ярко-зеленых пятнах водорослей.

Окунул в реку чайник. Он трижды жадно глотнул, всклень налилсa водой, и течение потянуло его из моей руки. Потом я умылся. Вода была поразительно теплой. Лицо после ночи казалось чужим, и пальцы, трогая, не узнавали его. С трудом, боясь расплескать воду, вскарабкался в лагерь. И солнце вдруг мягко ударило прямо в лицо...

Оно появилось над косогором, меж редких сосен. И было сразу каким-то проснувшимся, деятельным, дневным. Это был вовсе не тот багровый и воспаленный шар, что садился вчера на закате; утреннее солнце казалось почти невзрачным. Небольшое и желтое, оно не жгло, а подбадривало, не испепеляло, а согревало. И в этой его обыденности было что-то важное и утешительное. В том, что оно, такое простое, явилось к нам в мир, не было ни торжественности, ни показного героизма, а была высокая обыденность света – после болезненной ненормальности тьмы.

Туман, словно почувствовав, что его время кончилось, зашевелился и начал стекать в низины. Роса, падая с листьев, сверкала. В кустах и древесных кронах кто-то непрерывно шуршал. Мелкие шустрые птахи перепархивали от дерева к дереву сквозь прямые, наклонные солнечные лучи. Скоро с нашей поляны туман стек под обрыв, и его молочная полоса лежала теперь меж берегами, скрывая внутри себя реку...

Наступало время блинов. Утренние хлопоты возле костра помогали возвратиться в дневной,

ясный мир – после ночной с ним разлуки. И все те предметы, которые ты или видел, или брал в руки, были созданы словно впервые, для этого именно утра и вашего завтрака на высоком речном берегу. Миска и кружка, топор и байдарочная седелка, омытые холодом ночи и утреннею росой, казались такими новыми и настоящими, что ты даже трогал их как-то несмело, будто впервые с ними знакомясь.

Насыпал в миску горку муки – невесомой, взлетающей от твоего дыхания – и тонкой струей начинал подливать воду из кружки. Первые капли скатывались к бортикам миски, такие мохнатые от налипшей муки – точь-в-точь как первые капли ливня, тоже пыльно-ворсистые, что катаются в колеях дороги...

Старательно смешивал воду с мукой, затем подливал еще воду и снова давил, растирал, перемешивал ложкой вязкое тесто. Не сдержавшись, макал в него палец и пробовал: пресновато, но, в принципе, есть можно.

Так, тесто готово – теперь костерок. Откладывал в сторону горящие сучья, устанавливал на кострище два чурбачка и нагартывал углей меж ними. Языки пламени, алые с синевой, пробегали туда-сюда над углями. От дыма и близкого жара слезились глаза, но это не раздражало, а почти нравилось – как неременная часть утренней трапезы. Устанавливал на углях сковородку. Ее черный диск, обгорелый и жирный, медленно начинал нагреваться. Подливал масло. У бортиков оно пузырилось, а его запах распространялся в воздухе – и от этого в лагере делалось как-то уютней.

Пора было печь первый блин. Тесто сплывало с ложки на сковороду, и по краям растекшегося пятна шипенье кипящего масла становилось громким и яростным. Края белой кляксы из теста уже начинали смуглеть и подпрыгивать – и на глазах подсыхали. Подсовывал нож под лепешку: она, уже затвердевая снизу, легко отлипала от сковороды. Затем ты, изловчившись, переворачивал блин. Ажурное золотистое кружево покрывало его испеченную сторону.

Солнце все выше всплывало над лесом. Веселое, круглое и золотистое, оно и само было похоже на один из лежащих в миске блинов.

Пора звать Виталия: он где-то неподалеку ловит рыбу.

– Э-эй! Где ты там? Завтрак готов!

– Иду-у!

Чай, льющийся дымной струей из чайника, пахнул крепко и бодро. В закопченной кружке он казался густым и немыслимо крепким – но такой и был нужен с утра. Горячая, горькая, терпкая жидкость вливалась в тебя – и лишь только теперь ты мог твердо сказать, что ночной холод преодолен...

Чи-то шаги и вздохи слышались за кустами. Потянуло приятным запахом молока и навоза: стадо коров шло на нас краем леса, по-над обрывом. Оглушительно ударил невидимый кнут. Коровы сразу заторопились и полезли напролом сквозь кусты. Вскоре показался пастух: смешной, взъерошенный мужик в телогрейке и рваной ушанке шел к нам через луг, подволакивая кривоватые ноги. Кнут тащился за ним по сверкающей мокрой траве. Губастое и простоватое лицо пастуха выражало добродушие и желание поговорить.

ХIII. ПАСТУХ

– Завтракаете, значит? Ну-ну... Угости, что ли, блинчиком... Вот спасибо вам!

Зажевал, зашлепал большими губами. Глаза его смотрели радостно и светло. Вот он сунул в рот остатки блина и вытер о телогрейку корявые пальцы.

– Сла-адкий... А вы откель будете сами? С Калуги? Ишь откуда заехали... А я московских третьего дня видел, на этом же месте. Только те с бабами были. Я-то откуда? А вон, с Ивановского – недалече здесь, за бугром...

Показал кнутовищем. Сморгнулся о палец.

– Давно ли пасу? А сколь себя помню, все при коровах. Ага, люблю это дело. И они, дуры, это... меня, значит, слушают... Э-эй, куда прешь, лупоглазая?! Стой, холера!

Он кричал с той нарочитой, притворною строгостью, с какой взрослые иногда разговаривают с детьми. Пегая худая корова тотчас отшатывалась прочь от обрыва. Она будто знала, что обращаются именно к ней, и виновато моргала большими глазами.

– Ишь, засранка! Это Сергеевны животина. – Пастух что-то вспомнил и засмеялся. – Я ей говорю: Сергевна, да кто ж нынче за такие-то деньги пасти будет? А она чуть не плачет: нету, мол, денег-то больше... Ну и хрен с тобой, говорю, выгоняй Милку за просто так – чего ей дома одной скучать?

Вдруг он посмотрел на нас озабоченно.

– Только, случай чего, вы же, это... не говорите про то никому! Другой кто с деревни узнает – ему обидно будет...

Все интереснее было слушать, смотреть на него. Дурачок? Вроде похоже. Но это был тот редкий случай, когда человек, теряя в уме, обретает иное – то, чего лишены обычные люди. И я смотрел на пастуха почти с завистью...

– А дом-то мой, значит, сгорел. Ага, еще той весной. Ну потеха ж была! Расскажу – обхохочется...

Пастух опустил на траву прямо там, где стоял, – подвернув под себя ногу в растоптанном кирзаче. Сел удивительно ловко, удобно – и начал рассказывать.

– Да... Митька Макеев бегить – не знаете его, нет? – дядь Саш, дядь Саш! Чего такое? Ах ты, господи! Ну, побежали... А уже крыша осела. Дыми-и-ина! И народ вокруг бегаёт да кричит... Петровна аж икону приволокла. Шум, гам – боже ж ты мой!

Лицо рассказчика оживленно менялось, как у пьяного или немого. Слов ему не хватало. Руками он двигал перед собою, словно надеясь, что картину пожара удастся представить без помощи речи.

– А мне, это, аж весело стало, ей-богу... Во, думаю, страсть-то какая! Ну и сгорел, значить, дом-то...

И замолкнул, недоумевая, что о таком интересном, огромном событии больше нечего рассказать.

– Отчего загорелось-то?

– А бог е знает... Може, искра какая...

– И живешь где теперь?

– Летом по дворам ночую – ну, там, где пасу. Кормют, опять же...

– Ну, а зимой?

– А в Износки ухажу. При котельной пристроился там. А что, тепло, хорошо! Так-то вот уголь насыпан, – он показал рукою, – а так-то вот, доской отгородясь, я и сплю... Эй, эй, да куда же вы претесь-то, гос-споди!

Он легко вскочил, побежал к стаду. Отогнав от обрыва скотину, вернулся.

– А жена у тебя есть?

– Че? Жена? Да была...

– А теперь где?

– Кто ж е знает... Ушла!

– Давно?

– Ага, позапрошлым летом. Я мало с ней жил, меньше года. Нюркою звали, вроде коровы...

Пастух улыбнулся. На губастом его лице проступило что-то совсем уже детское. Сощураясь, он посмотрел на солнце и на дымящийся луг.

– Да ну ее, эту жену! С ней морока одна...

Он счастливо вздохнул, потянулся.

– Ну ладно, пойду! – Пастух улыбнулся нам напоследок, шмыгнув носом, утерся тылом ладони. – А блинец-то был вку-усный! Ну, бывайте...

И он пошел прочь по лугу, по мокрой сверкающей траве. Он уходил от нас неестественной походкой человека, которому хорошо везде и со всеми. Солнце ярко его освещало. Я долго смотрел ему в спину. «Пастух перед Господом...» – вдруг подумалось отчего-то. Казалось, мир его отпустил – то ли за ненадобностью, то ли за какие-то особенные заслуги, мир снял с него цепи долга, семьи, обязательств перед людьми, и мы сейчас видели перед собой совершенно свободного и совершенно счастливого человека...

Пастух уже скрылся из глаз, и порой слышалось только звонкое щелканье его кнута. На росистой, седой траве темнели полосы от прошедшего стада и нежно дымились, чернели коровьи лепешки...

XIV. ВРЕМЯ РЕКИ

Идем по утренней дымной, мохнатой от тумана реке. Мальки порой веером рассыпаются от взмаха весла. Иногда удар большой рыбы раздается поодаль. Под обрывами еще зябкое утро, а на плесах, на солнце уже настоящий, вполне укрепившийся день. Легкая трубка весла с сухим шорохом проворачивается в руках. Врезаясь в темную воду, лопасть утаскивает за собой плоский зыблящийся пузырь воздуха. Порою перо весла даже из-под воды ловит солнечный свет – и сумрачно вспыхивает в глубине. А в воздухе мокрая лопасть загорается так, что становится больно глазам. Жидкий солнечный блеск непрерывно стекает с нее – и в воду летит дробь сверкающих капель.

Гребля есть род медитации. Скользит река мимо обрывов и береговых кустов, скользим мы, обгоняя речную воду, – и в этом двойном, обгоняющем себя движении возникает вдруг чувство полета...

По мере движения в лодке мимо неподвижных, но непрерывно меняющихся берегов что-то странное происходило со временем – даже не

просто с твоим восприятием времени, а со временем как таковым. Ты понимал, что сама река, по которой вы шли, была временем, а время приобретало облик реки.

Утром, тотчас после отплытия, оно разливалось огромным, прозрачным, недвижимым плесом. Кажется, мы толкнулись от берега давным-давно и долго шли, раскрывая перед собою один речной поворот за другим, – виды реки открывались нам, словно просторные комнаты, – и миновали деревню с топящейся баней и двух рыбаков на мостках (старика и мальчишку), потом вошли в тень обрыва, где нам сразу стало тревожно и зябко, потом снова вылетели на солнце, и лопасти весел, слепя, заблестали над гладью реки, потом увидели серую цаплю, что грузно поднялась из камышей и полетела вниз по реке (мы не раз потревожим, поднимем ее за сегодняшний день), потом худая лиса выскочила на обрыв и пару секунд удивленно смотрела на нашу байдарку, потом ветер ударил навстречу, поднялась волна и нам пришлось подналечь на весла, проталкивая лодку сквозь брызги и ветреный блеск, потом, за поворотом, все стихло, и вновь засияла стеклянная гладь, по которой бежали воронки маленьких водоворотов, – словом, казалось, что целая жизнь была прожита нами с момента отплытия. Но, посмотрев на часы, ты увидишь, что на воду вы встали всего восемь минут назад. И часы не остановились, они шли исправно; дело было в самом времени – в том, как оно никуда не спешило с утра.

Потом время исподволь оживало. Словно щепка перед плотиной: долго какая-то сонная, незаметно, помалу смещается к водосбросу, скользит все быстрее и скоро – не успеешь моргнуть! – нырнув, исчезает в кипящей пене. Так и время: недвижно-прозрачное утром, оно вдруг оживает и тащит нас к некой, покуда незримой черте водосброса...

Порою казалось: движение времени совпадает с гребками, с их размеренным и упорным нажимом. И ты словно можешь им управлять: то ускоряя гребки и разгоняя байдарку до пенного буруна у форштевня, то, положив весло на борта, замедляя движение лодки и времени до дремотного, медитативного сплава, совпадавшего с оцепенелым движеньем реки.

Или время скользило, как вода за бортом: то сонно, то быстро, то бурно, то медленно, то поднимаясь, то опадая? Или время кружилось, как коршун вон там, наверху, в синеве, среди белых

облачных перьев? Коршун словно мотал пряжу времени: он старался, чтобы незримая нить между нами и небом не провисала, — и круг за кругом перематывал время земное на время небесное...

В полдень, в самое пекло, время опять замедлялось. Пыльный ветер дул встречь. Брезент лодки высох и горячо шелестел под ладонями. Байдарка шла медленно, сонно: казалось, вот-вот она встанет посередине реки. Грести не хотелось: зной делал бессмысленным любое усилие. И само время как будто спеклось, загустело: такому густому и сонному, ему лень было двигаться, течь — и пора было остановиться. В самом деле, ведь мир уж достиг той полуденной точки, к которой стремился, и понукания времени больше были ему не нужны.

Какая-то сонная оторопь полноты и избытка лежала на всем: на спящей воде, на поникших кустах лозняка, на полузатопленной плоскодонке, на лохматой собаке, рухнувшей в изнеможении возле воды (она часто дышала, вывалив красный язык), и на овцах, которые, словно серые камни, недвижно лежали на пыльной траве косогора...

Да что говорить, если время в полуденной дреме могло даже двинуться вспять — увлекая тебя, задремавшего в жидкой тени ивняка, в отдаленное прошлое? Там, в глубине забытья, ты стремительно вдруг начинал молодеть, продвигаясь от зрелости к детству... Там тоже вечный был полдень, и жаркий ветер высушивал пот, и трава холодила босые ноги, а ступени крыльца были сухи, горячи. Ведро в сенцах было прикрыто мокрой фанеркой, на ней стояла зеленая кружка с пооббитой эмалью. Сдвинув фанерку, зачерпывал воду — и прохлада глоток за глотком наполняла тебя... Затем выбегал на крыльцо и видел накатанную дорогу и нижние огороды с оранжевыми шарами тыкв по межам, видел речку, блеснувшую за раkitами, — видел детский, счастливый и полный, забывший о времени мир...

Но ждала и расплата за сон, за то, что ты посмел ускользнуть — пусть на время — из-под его, времени, власти. Просыпался внезапно, в поту, с тяжелой, угарной головой. Пока спал, тень от куста сместилась и ты оказался на самом припеке. Садился, ошалело таращил глаза — а все вокруг было как на фотографическом негативе. Ты сидел на черном песке, перед тобой была черная гладь реки — и сотни сияющих точек куда-то

скользили по аспидно-черному небу... Постаревший, разбитый, ты долго сидел оглушенный, не в силах собрать отчужденное тело. Кровь часто, натужно отстукивала в ушах: твое время бежало стремительно, будто спеша наверстать то, что оно упустило...

К вечеру зной уходил. Над миром будто поднимали огромную давящую плиту: дышать, смотреть, говорить становилось легче. И лодка бежала легко.

Шли под высоким обрывистым берегом. Красноватая глина обрыва была ноздреватой от гнезд. Ласточки-береговушки вились над лодкой. Они то зависали, щебеча и дрожа, перед норками, то исчезали в них, то выпадали одна за другою обратно в воздух. Что-то игрушечно-легкое было в их щебетании и скользющем полете: ласточки будто не проживали, в заботах и хлопотах, свою птичью жизнь, а танцевали ее...

Солнце садилось за лугом. Его огненный диск так быстро тонул за чертой горизонта, что делалось страшно: как же мы будем без солнца? Времени дня оставалось так мало и оно утекало так быстро, что ты торопился запомнить все то, что тебя окружает: обрыв, реку, ласточек — как перед самой последней разлукой...

30

XV. НЕПОГОДА

Лишь ненадолго дождь притихал, но зато нарастал встречный ветер, морщил реку и почти останавливал лодку. Мы плыли уже неделю, погруженные в эти дожди, как в проклятье, и ни просвета, ни клочка синевы не видели над собою. Ночи в холодной сырости не позволяли отдохнуть; мы уже с утра ощущали усталость и гребли в состоянии непрерывного, плохо скрытого раздражения.

Река, изрытая оспинами дождя, казалась мелкой и скучной. Тяжелые мокрые заросли ивняка раскачивались под ветром, как клочья свалявшейся шерсти. Когда дождь припускал, его шум, словно вата, закладывал уши и берега сразу же отдалялись от нас, теряясь за мутной завесой. Оставалось лишь то, что было перед глазами: брезентовый нос байдарки, свисающий в воду чальный конец и темные волны, бьющиеся о форштевень. Они нахлестывали на лодку и, разделяясь надвое, опадали обратно в рябое тело реки. Под порывами ветра листва кувшинок в затонах словно вспрыгивали, становясь на ребро.

За излукой реки на кочковатом лугу паслось стадо десятка в полтора тощих коров. Пастух стоял на пригорке спиной к реке, темный набрякший подол его плащ-палатки лежал на траве.

– Эй, земляк! – крикнул я. – Деревня поблизости есть?

Пастух обернулся, покачиваясь, и мы увидели, что он совершенно пьян.

– А? – переспросил он, глупо улыбаясь и не понимая вопроса.

– Деревня, говорю, есть рядом?

– Чего? – Пастух пошатнулся и чуть не упал.

– Ничего! Коров не пропей...

Последнюю картошку мы доели вчера – надо было пополнить запасы. Дважды заходили в деревню, хотели купить – но молодую копать еще не начинали, а из старых запасов хозяева не соглашались продать.

Скоро на левом берегу показалась деревня. По кособоку лежали огромные ледниковые валуны, а выше по берегу прилепилось несколько неказистых домишек.

– Ну что, схожу насчет картошки?

– Сходи, – закашлявшись, отозвался товарищ. – Только ведь не дадут все равно...

Он остался в лодке, а я зашагал по скользкой тропинке меж валунов. В деревне топились два дома. Растрепанный, будто растерянный, дым опускался от крыш к земле, висел серыми клочьями над кособоком и пах горько и холодно, как на пожарище.

У крайнего дома большеголовый, нескладный мальчишка – босой, но в яркой оранжевой куртке – копошился в грязи. Его вид уже издали пробуждал в душе странное беспокойство. Подойдя ближе, я понял, в чем дело: это был дауник. Большая голова на жирной короткой шее и маленькие заплывшие глазки производили жутковатое впечатление. Возраст бедняги было трудно определить: ему могло быть и семь, и пятнадцать, и двадцать лет. Дауник, мыча, с увлечением строил что-то в грязи – руками рыл ямки и складывал кучки – и даже не замечал дождя в азарте своей жутковатой работы.

Обойдя его стороной – отчего-то боясь, как бы он не заметил меня, – я подошел к дому, в котором топилась печь. Через редкий забор увидел хозяйку: худая женщина в синем халате, в калошах на босу ногу подметала крыльцо. Веник из прутьев скреб по грязным доскам, только размазывая глину.

Я постучал о калитку:

– День добрый!

Хозяйка вздрогнула и испуганно обернулась:

– Чего надо?

– Да я насчет картошки... Полведерочка не найдется?

Мой ли вид, дикий, небритый, так ее напугал, или и вправду картошки в доме не оставалось, но она так замахала руками и запричитала, как будто я предложил ей продать не картошку, а душу.

– Ой-ой, что ты! Какая картошка, Господь с тобой! Иди, иди, парень, отсюда, не до тебя сейчас...

Когда я вернулся к байдарке, Виталий все понял без слов.

– Что, пусто? Ну, я ж говорил...

Мы толкнулись от берега, и течение медленно потянуло байдарку. Дождь глухо стучал в брезент. Было холодно, мокро, грести не хотелось. Казалось, что с каждым нашим гребком погода делается хуже, словно мы заплывали все глубже в ненастье. Ветер ударил так сильно, что волны реки сровнялись, разбившись в мелкую рябь. Дождь припустил снова. Мы гребли молча и остервенело, злые и на самих себя, и на целый мир.

Дело клонилось к вечеру, незаметно смеркалось. Видимо, лагерь придется опять разбивать под дождем.

– Ну что, к берегу?

– Давай. Вон там, слева, вроде можно причалить.

Байдарка, развернувшись к струе правым бортом и закачавшись, тяжело вышла со стрежня в прибрежный затон, пересекла полосу мутной воды у береговой кромки и стукнулась килем о дно. Вылезая, я неосторожно схватился за нависшую ивняковую ветку – и целый водопад обрушился в лодку.

Костер не горел, хоть убейся. Влажные прутья лишь корчились и шипели. Снова и снова с тупым упорством я подносил огонек к растопке (скоро трава вокруг была усыпана черно-белыми огарками спичек), но огонь так и не занимался. Отстранив меня, за дело взялся Виталий – и тоже безуспешно. Похоже, опять нам предстояла ночь без костра...

Вдруг послышались голоса и шаги. Из-за берега вышли двое парней в сапогах и штормовках. Похоже, тоже туристы.

– День добрый!

Один, коренастый, картавый, с черной бородкой, протянул руку мне, затем Виталию. Его спутник был высоким, худым; красная ленточка прихватывала на лбу его светлые длинные волосы.

— Да уж какой он там добрый... — отозвался я мрачно.

— Мы-то, собственно, что п'ишли: может, вам помощь нужна? — Бородач обежал глазами поляну, увидел обгорелые спички, разбросанные по траве, и понимающе улыбнулся: — Вот видишь, Семен, я же гово'ил: им сухие дг'ова п'игодятся!

Молчаливый Семен вынул из-под брезентухи два пахучих сосновых полешка:

— Держите!

Мы аж растерялись.

— Ну, это... Может, спиртику тогда, по глоточку? — Мой товарищ впервые за день посветлел лицом и улыбнулся.

— Это можно... Только костер разведите сначала.

Сухие смолистые щепки занимались жадно и жарко. Сырые дрова стояли над ними шалашиком и подсыхали.

— Вы откуда, ребят? — спросил я гостей.

— Москвичи. А вы?

— Калужане. Идете от Знаменки?

— Нет, от Выходов.

Товарищ тем временем достал фляжку, две кружки, стаканчик. Разлил спирт; мне досталось пить из фляжного колпачка.

— Ну что, за погоду?

— Да, и за встречу. Спасибо, ребята...

Выпили. В груди потеплело. Дождь сразу как-то перестал быть заметен.

— Ну, мы пошли: наши там ужин готовят, — будто оправдываясь, сказал белобрысый Семен. — Вы приходите попозже, у нас и гитара с собой...

Они уходили по тропе меж березами, переговариваясь и негромко смеясь. У высоко полыхающего костра уже было жарко стоять, а дождь над огнем на лету испарялся. Глянув на запад, над серой рекой и над лесом, я увидел, что в облачном небе прорезалась тонкая щель. Она была розовой, нежной — и тяжелые тучи вокруг чуть заметно румянились.

— Гляди-ка, — показал я Виталию на небесный просвет.

— Ишь ты, и впрямь расчищает! Может, завтра под солнцем плыть будем?

XVI. ЗНОЙ

Полдень, истома жары... Солнце недвижно зависло в зените, и небо вокруг него серое, словно вся его утренняя синева прогорела. Плыдем то в безветрии, то налетит вдруг горячий порыв, сорвет с берега облако пыли и понесет его понад рекою и лодкой. И снова безветрие, обморок зноя...

Река горячо блестит, плавится — и кажется пополневшей от этого блеска. Лопаста весел с каждым гребком словно выхватывают из реки сгусток солнца. Быстрая светлая рябь бежит по кустам ивняка, по лопастям весел и даже — ты чувствуешь это — по козырьку твоей шапочки снизу.

Несмолкающий звон висит над рекой, над ее берегами: это кузнечики пилят в траве над обрывом да зудят овода, мелькая над лодкой. В висках толкается загустевшая, вязкая кровь.

Вдруг пот потечет по лицу — тебя будто облили, а потом он просохнет и на лбу и щеках остается налет мелкой соли. Зной снова и снова словно стискивает тебя, выжимая из тела остатки влаги, — и ты обретаешь небывалую ранее сухость и твердость. И еще что-то вечное, ветхозаветное нес этот зной: вдруг мерещились проклятые камни пустыни, акриды, овечьи отары, сухие колодцы и странники в рубище...

Река ли сделалась шире, или это влияние зноя — но движение лодки теперь почти незаметно. Кажется, она завязла в густом раскалившемся полдне. Вот медленно-медленно наплывает отмель и стадо коров. Коровы стоят по грудь в жидком, струящемся блеске. Слышны редкие шумные вздохи, хлопанье мокрых хвостов по бокам. Проходим так близко, что рукой бы, кажется, дотянулся и потрогал коровьи добрые морды. Глаза у животных печальны и густо облеплены оводами. Когда же коровы вздыхают, двойные ямки выдуваются в воде перед их ноздрями.

Овода замечают и нас, проплывающих мимо. Стадо уже позади, но над лодкой вьется и вьется, гудя басовито, их злобная туча... В оводах столько злобной отваги, что даже дремота зноя ненадолго нас оставляет. Начинается настоящая битва, которая будет длиться, ты знаешь, до последнего вражеского бойца. Овода безоглядно, бесстрашно кидаются, липнут на потное тело и жалят коротко, зло! Сильно шлепнешь ладонью — серое тельце аж хрустнет под

пальцами, но овода так живучи, что способны выдерживать и не такие удары. Вон смотри: упав на воду, прибитый тобою овод сначала закружился, окружая себя двумя веерами ряби, но снова взлетел!

Наконец битва стихла. Большинство врагов перебито, но и мы поизранены: на спине, животе, на плечах вздулись зудящие волдыри. Снова не то плывем, не то тонем в мерном качании, звоне, дурмане. Берега просторны, пусты. Как раз начали убирать хлеба, и рокот комбайнов доносится то с одного, то с другого берега. Видно, как кобчики, трепеща, висают над свежим жнивьем: полевки, их пища, теперь стали много заметнее.

Словно уже не река, а густая, тягучая лава жары движется меж берегов, увлекая тебя... Скоро, кажется, ты и совсем пропадешь под неярким, невзрачным, но беспощадно жарящим солнцем.

Самое время купаться. Кладешь вдоль борта весло и снимаешь трусы. Привстав и балансируя, осторожно ложишься на нос байдарки. Горячий брезент шуршит под тобой. Лодка опасно кренится, когда ты – ногами вперед – погружаешься в воду.

Мгновенно тебя обнимает прохлада и сумрак... Скользишь в глубину, в безопорную тьму, потом замедляешься и начинаешь всплывать. И, почти задохнувшись, врываешься снова в сверкающий, радужный мир!

Темное долгое тело байдарки медленно проплывает перед тобой.

– Ну как водичка?

– Что надо!

Распластавшись, ты скользил вслед за лодкой. Перед лицом колебалась, ходила вверх-вниз стеклянная гладь реки. Солнце, в ней отражаясь, слепило. Иногда опускал лицо в реку и парил в зеленоватой, просвеченной солнцем водяной толще, в ее играющем бликами сумраке. Вдруг становилось темно, и ты настороженно вскидывал голову: тень обрыва тебя накрывала...

Скользил вдоль отечной синеющей глины. Обрыв местами был влажен, сочился. Река подмывала, точила его: вдруг прямо перед тобою булькнула в воду рыхлая черная глыба. Явственным холодом тянуло от влажного среза земли. Выходы яркой охряной глины проступали там-сям. Вверху щебетали, мелькали ласточки-береговушки.

Здесь плыл настороженно и осторожно: мощь реки под обрывом всегда по-особенному волновала. Крутились водовороты. Вот река, зашумев, потекла вдруг навстречу, против самой же себя – и ты с трудом выгребал из клубка перепутанных струй...

Обрыв миновал – река выносила тебя вновь на солнце. Было радостно снова увидеть его ослепительный блеск. Когда плыл, берега отдалялись, а небо зато становилось огромным: прогнувшись, как парус, оно словно с трудом накрывало своим натянувшимся куполом весь обильный, омытый водою, ликующий мир...

Ты мог бы, наверное, плыть бесконечно. Сегодняшний день что-то странное сделал с тобой: сначала тебя прокалил огонь солнца, а затем освежила прохладная влага реки. Словно слиток металла в огромной печи, ты сначала был досуха выжжен и прокален, покрыт смуглой коростой загара – а затем брошен в воду! Окалина тут же отмокла, отпала – и тот телесный остаток, что сохранился в тебе, был уже словно какого-то высшего качества. Да, таким новым и сильным, как в этот сияющий день, ты раньше не был!

Байдарка с Виталием, намного тебя обогнавшая, причалила на отмели впереди. Ты вдруг вспоминал, что не один, что товарищу тоже хочется искупаться. Перебивая струю поперек, начинал грести к берегу. Сразу чувствовал мощь реки: течение грубо и равнодушно сносило тебя... Задевал вдруг коленом за что-то – и нащупывал неожиданно близкое дно. Поднимался, шатаясь. Голова чуть кружилась; дно под ногами казалось нетвердым.

Шел, взбивая ногами мелкую воду. Впереди летел веер сверкающих брызг. Чувство, что ты стал другим, еще усилилось: ты, например, с удивлением, сам их не узнавая, видел свои потоньшавшие мокрые бедра. Вдруг мелькала диковая мысль, что и товарищ может тебя не узнать.

Виталий, раскинувшийся на песке, поднимал голову на твои шаги:

– Ну наконец-то! Уж я решил, до Юхнова поплывешь...

«Нет, все же узнал...» – думал ты с облегчением, но и с какой-то мимолетной досадой...

XVII. ПРОЗА

Свет дня, окружавший плывущую лодку, неумовимо менялся. В нем появлялась пронзительность, яркость – и напряженная грусть. Зву-

ки делались резки, отчетливы и одиноки. Ведро звякало где-то в деревне на высоком, сеном пахнущем берегу. Тоскливо мычала корова. Лаяла собачонка, и ее лай вдруг срывался в испуганное подвывание.

Духота все сильнее давила. Ласточки жались к воде, будто густеющий воздух был уже слишком плотен, непробиваем для них.

Ты оглядывался – и обмирал: густая, лиловая, страшная тьма нагоняла лодку. Синего, чистого неба оставалось все меньше. И солнце, будто зная о наползающей темноте, торопилось что-то последнее, важное высказать своим ярким, надрывным и горестным светом.

Лобастый, высокий край надвигавшейся тучи был словно окутан дымом: седые лохматые клочья клубились на фоне чернильной горы. Что-то древнее, дикое нас под себя подминало. Тьма, поглощавшая свет, возвращала все к изначальному хаосу: синее небо свивалось, как свиток, перед напором густой темноты...

Душа наполнялась восторгом и ужасом. Весь мир словно падал ничком, обмирал. Уже не было слышно ни птиц, ни собак, ни стонов коров в деревне. Кусты лозняка поникли в безветрии. Река неслась мимо них неслышно, угрюмо и мощно. Что-то общее было в потемневшей, свинцовой реке и в той тьме, что громоздилась над нею. Посреди тишины лишь родничок заливался, булькал в кустах: беззаботный и звонкий говор его был сейчас странен, как смех сумасшедшего...

Вот что-то сдвинулось туго в чернильном напругшемся небе – потом заскрипело и вдруг покатилося, гремя, нарастая, пугая... Над лодкою грохот, как глыба, стремительно вырос – мы даже зажмурились – и разорвался сухим, оглушительным кашлем. Казалось, что-то посыпалось нам на головы: то ли дождь, то ли обломки неба?

Молния, белая и бесшумная, выпрыгнула из реки в нависшее черное небо. Что-то в нем зашипело – и вдруг ударило с яростным треском! Вот еще один сполох метнулся из черной реки к черной туче – и следом громко рвануло, рассыпалось, загрохотало...

Грохотало и сверкало теперь беспрерывно. Туча словно терлась о землю отвисшим брюхом – и от этого сыпались искры. Мы сидели как под обвалом – ни живы ни мертвы. Швы молний соединяли реку и небо то сзади нас, то совсем рядом с лодкой, то далеко впереди. Нам бы, конечно, причалить – но мы словно умом помути-

лись от грохота. Положив весла поперек лодки, втянув головы в плечи, мы сплавлялись, покорно отдавшись стихиям...

Гроза свирепела – но било, сверкало пока всухую. Небо с треском рвалось, расплзалось по невидимым швам. Река полыхала сумрачным красным огнем, отражая сверканье молний. Этот надрывный, сухой кашель грома и блеск молний были мучительны. Скорее бы, думалось, дождь!

...Ливень рухнул внезапно. Лодка вмиг оказалась посреди белого, ровного шума. Тяжелые капли замолотили по голове, по рукам, зазвенели по веслам. Брезент лодки набряк, потемнел. Байдарка осела и потяжелела, быстро налившись водою.

Берегов было не разглядеть, лишь нечетко мерещилось что-то размытое за пеленою дождя. Река из гладкой сделалась рыхлой, словно вспаханной ливнем. Капли дождя ударяли в нее, отскакивали – и вся поверхность реки была покрыта россыпью круглых катавших зерен. Ливень накатывал волнами: то чуть слабел, то вновь нарастал, загораживал все мутной шумной стеной. Белый дым брызг стлался по темной изрытой воде.

Гроза еще била, но что-то уже отпустило, ослабло в напругшемся мире. У тебя словно камень упал с души: казалось, что адское черное небо нам поначалу что-то иное готовило, угрожало немыслимой карой, но, слава богу, все только дождем обошлось...

Ты хватал весло и начинал торопливо гребсти. Напористая, тугая работа дождя будто тебя подгоняла. Погруженный в кипящую смесь похолодавшего воздуха и воды, ты был лихорадочно весел и теперь ничего не боялся. Меж рекою и небом осталась лишь узкая, ливнем залитая щель, а ты, насквозь мокрый, но странно живой и веселый, греб и греб среди этого хаоса, грохота и остервененья грозы...

Сколько мы плыли под ливнем, в глухом рокотании грома? Кажется, долго. Река окрасилась у берегов желтой глинистой мутью. Ракиты были измяты, всклокочены ливнем, с их вяло отвисших, наизнанку вывернутых листьев лилась вода. Ручьи, пенясь, бежали в каменистых разломах правого берега.

Гроза уходила. Молнии вспыхивали теперь далеко, и глухие раскаты грома уже едва доносились до нас. Полоса чистой, сияющей синевы засветилась на краю неба.

Дождь перестал как-то вдруг. Поверхность реки вмиг разгладилась. Лишь с нависших кустов и деревьев еще сыпались частые капли. Гладь реки теперь вся дымилась. Пар валил и от лодки, и от наших плеч и голов, и от черно-белых коров на лугу, которые равнодушно – словно и не заметив грозы – с хрустом срывали дымящуюся отаву.

Вдруг просунулось в тучах и ярко ударило солнце! Все мигом ожило и зашевелилось. Побежали круги от рыб, всплывавших со дна и хватавших плывущий мусор. Кулички, качаясь на тонких ножках, засеменили по отмели. Петух заорал вдалеке, радуясь солнцу, как на восходе. Босоногая девочка, оскользясь на грязной тропе и смеясь, бежала к мосткам.

И скоро одна лишь река несла в себе память ненастья: она пополнела и замутилась. Ветки, листья, лохмотья травы еще долго плыли, крутились по ней вокруг нашей лодки...

XVIII. ВЕДЬМА

Шли по жаре долго, измучились и уж не чаяли до воды, до тени добраться. Лямки рюкзаков давно мокрыми, словно мыльными были от пота. Стоял Петров день, самый пик лета – в тот год сухого, горячего.

Шли поймой Угры, все больше к реке приближаясь. Другой, дальний берег можно было угадать по его особенной неподвижности: он почти не смещался, пока мы шагали. Дорога была торной, песчаной. Когда наступали в ее колеи, ноги вязли и путались в песочном месиве, и мы поэтому старались идти по обочине, более-менее твердой. Неподалеку были Палатки – село, где сошлись в Великом стоянии русские и татары.

С невысокого взгорка открылась деревня: по-над берегом в ряд тянулись домишки. Знойный воздух струился, солнце палило нещадно. К деревне почти подбегали; за глоток воды и полжизни, казалось, не жалко. Колодезный сруб у крайнего дома был темен и стар; с теневой, влажной его стороны зеленела трава. Тяжело дыша, я заглянул в колодец, увидел неглубокое зеркало воды внизу, отраженное небо и контур своей головы. Вербка заскользила в потных ладонях, и помятое ведро шлепнулось в воду, расплескав отражение по стенкам колодца.

Пили жадно, поначалу будто давясь каждым глотком. Хотелось налить в себя побольше ледяной влаги, чтобы впрок насытиться ею. Затем

прилегли отдохнуть неподалеку в тени под раки-той. Через дорогу стоял ветхий и покосившийся дом. Его подворье ничем не было отгорожено от дороги. Куры квохтали лениво, купаясь в пыли. Нас клонило в дремоту – и скоро мы оба заснули...

Я очнулся от редких ударов и от бормотания, раздававшихся неподалеку. С трудом разлепил глаза и проморгался: во дворе дома напротив растрепанная старуха пыталась разбить колуном полено. Она то и дело промахивалась, полено падало с подставленной плашки, но старуха упорно водружала его обратно и, хрипло дыша и ругаясь, ударяла снова. Она была тщедушна с виду, суха и темна лицом. И теплогрейка, и валенки, и даже теплый платок – это обилие тряпок, надетых в такую жару, делало ее вид каким-то сказочно-нереальным. «Как чертик из табакерки, – подумал я. – И откуда эта чудная старуха взялась?»

Не сразу смогли мы с товарищем пересилить дремоту, но кое-как встали.

– Здорово, мать! Помочь, что ли?

Она покосилась и посмотрела на нас недоверчиво, но в то же время и с любопытством.

– Тоже мне, помощнички нашлись... – Она посопела, как бы раздумывая. – А то нешто попробуйте – вон у вас хари какие здоровые...

Мы переглянулись и расхохотались.

– Чего ржете, дурни? – Старуха надулась, но тотчас рассмеялась сама, визгливо и тонко.

Колун пришлось долго насаживать на топориче, а то он болтался, держась на одном честном слове. Потом, сменяя друг друга, мы кололи бабке дрова.

Пока работали, старуха ни секунды не стояла спокойно. Кряхтя и сопя, она суежилась вокруг, причитала, ругалась, давала советы – и только что не лезла под топор.

– Мать, ну куда ж ты суешься? Вот оттяпаю голову – будешь знать...

– Хе-хе-хе... Оттяпаешь – новая отрастеть...

И продолжала скакать по двору, то подбирая отскочивший сколок полена, то забегая в хату и скоро выскакивая обратно. Потом, ненадолго остановившись, стала, вздыхая, чесать бока.

– О-хо-хо... Старость, едрит твою...

Чей-то красный петух неожиданно спрыгнул с ограды на подворье старухи. И это вызвало в ней странную вспышку ярости.

– У-у, падла! – завопила она и кинулась, кулачками махая, прогонять птицу.

Короткая схватка вспыхнула у забора: петух хрипло закричал, забил крыльями – и полетели, кружась, его красно-черные перья. Бабка еще наподдала ногой тяжело взлетевшую птицу – и петух, перевернувшись через голову, упал за оградой. Старуха возвращалась довольная, гордая.

– Во гад! Повадились на моем дворе пастись...

– Что, мешает он тебе?

Старуха вроде бы озадачилась.

– Мешает? Да не, кажись... Ну, один хрен, будет теперь знать: во как врезала ему, под жопу прямо!

Мы снова принялись за дрова. Колун был теперь у приятеля, а я присел со старухой рядом на шаткую скамейку возле дома.

И дом, и подворье производили странное впечатление. Давно стояла жара, а двор все равно был сырым и грязным. Помятое цинковое корыто, черенок от лопаты, горка печной золы, разбитая рама от пчелиного улья, старый дымарь, пустые консервные банки, гнилые картошины, разорванная калоша – все было раскидано в беспорядке, а накренившийся дом равнодушно смотрел на это безобразие своими подслеповатыми окнами. Из его приоткрытой двери тянуло загадочным холодом, сквозняком глубины.

Старуха вертелась, елозила, раскачивая скамейку, то рассматривала пристально свои растоптанные валенки, то подмигивала мне, то высмаркивалась о кривой темный палец. Ее морщинистое лицо не имело постоянного выражения: оно непрерывно гримасничало и менялось, как будто не одна, а множество разных старух сидело рядом со мною.

– Одна живешь?

Она усмехнулась, махнула рукой, ничего не ответила.

– Ну, а это... Как с кормежкой, с продуктами у вас?

– Обождется – морда треснет... – как-то неопределенно, загадкой отозвалась старуха.

Потом запустила руку за пазуху, куда-то в засаленные лохмотья, и заскребла там яростно, с хрустом.

– Смотри пальцы не обломай.

– Чево?

– Чешешься, говорю, больно сладко. Аж завидки берут.

– Да, поскрестись – это я люблю... Опять же, с весны не банилась. Все времени нет: то одно, то другое. Дрова еще эти!

Она со злостью откинула длинную щепку, подобранный у ног. Деревяшка пролетела через весь двор, крутясь, с неожиданной силой.

– Ну, а церковь-то хоть поблизости есть? Помолиться есть где?

– Во удумал! Какая тебе церковь? Вон соседку через забор облаяла – считай, и помолилась. А то церковь ему подавай... Небось и так обойдешься...

Потом в свою очередь я махал колуном. Топоприще было кривым, но лежало в ладонях удобно. Сам же колун, старый и выщербленный, напоминал доисторическое орудие: что-то вроде каменного топора. Работа, несмотря на жару, увлекала, и было жаль видеть, что поленьев остается все меньше и меньше.

Скоро закончил. Мы с товарищем подобрали раскиданные дрова, сложили их в поленицу, а старуха вдруг подевалась куда-то. Мы поозирались, заглянули за угол дома, но ее нигде не было: она как провалилась.

Потом вдруг старуха выскочила на крыльцо, веселая и запыхавшаяся. В руках она держала бутыл, заткнутую тряпкой, и две жестяные кружки. Ее лицо даже, кажется, помолодело.

Конечно, безумием было выпивать в полдень, в такую жару. Но старуха так по-свойски сунула мне в руку кружку, так весело подмигнула, что язык не повернулся ей отказать.

– Что, мать, магарыч пить будем? Ну ладно, давай понемножку...

Она налила мне, брызгая и не попадая не твердой рукой, полкружки мутного самогона. Налила и себе ровно столько же – и выпила, не дожидаясь меня.

– А это... Заесть нечем, что ли?

Впрочем, зря я и спрашивал. С трудом, задышавшись, проглотил свою порцию. Хлебно-сивушный запах окутал меня, жар растекся по телу. А старуха уже наливала товарищу. Сама снова выпила, с ним на пару: легко, словно воду, она хватанула сивуху, и мутная влага потекла по ее подбородку. Старуха утерлась и крикнула от удовольствия. Потом, бормоча и пошатываясь, скрылась в таинственном сумраке дома – и больше мы ее не видели...

Снова шли по жаре, по пустынной угорской пойме. Деревня скоро пропала из глаз: ее словно и не было. Может, и эта чудная старуха привиделась нам? Вдоль пыльной дороги тянулись пустые поля.

Мы все больше хмелели. А еще эта жара и тяжелые рюкзаки за плечами; мы шли пошатываясь, в голове стоял шум и звон, и вокруг все казалось приснившимся, зыбким и нереальным.

По пунцовому лицу товарища крупными каплями скатывался пот. Он пыхтел, бормоча:

– Вот же ведьма! Опоила-таки...

И правда, мир вокруг делался призрачным. Уже не предметы реальности составляли его сердцевину – не кусты, не трава, не мягкая пыль дороги, не дальний берег Угры – а ощущение родства с этим тающим миром, и томление знойного полдня, и чувство тоски оттого, что ты не способен понять: почему же все то, что сейчас на глазах исчезает и тает, остается твоею единственной и несокрушимой опорой?

Дорога пошла под уклон и стала на глазах исчезать, затягиваясь травой. Видно, машины и трактора сюда заезжали редко. Колес скоро сровнялись и были заметны лишь тем, что по ним, по плотной земле трава росла низкая, чахлая. Река приближалась.

ХІХ. ОБЕД

О том, что время обедать, говорили не стрелки часов и даже не солнце, зависшее в зените; некое как бы томление пустоты внутри мешало плыть дальше и заставляло высматривать место для остановки. На этот раз выбрали отмель в зарослях ивняка. Байдарка въехала носом в песок, и котелок с кружками загремел, покачившись к моим ногам.

Вышли на небольшой чистый пляжик. Непролазный ивняк его огораживал, и подступ был только с воды. Река стеклянными языками изредка лениво выкатывалась на белый песок. Мы подтащили байдарку на берег, вынули чайник, мешок с едой и разбрелись в поисках дров.

Волнистый горячий песок под босыми ногами ломался, хрустел тончайшею сохшейся коркой, а в глубине был прохладен. Сильно пахло ивово-лиственной. Что-то родное, памятное из детства было в том запахе: в нем ощущалась печаль – но печаль легкая и какая-то вдохновенная...

Дров была уйма. Белый сухой плавник был разбросан по отмели и наполовину присыпан песком и запутан в развилках кустов ивняка. Вымокавшие долго в воде, а затем высыхающие на солнце, эти коряжины, щепки и сучья были так чисты и легки, что рука сама тянулась их взять. Да еще и сухие прутья ивняка ты выламывал из

кустов – и скоро на песке высилась целая куча дров.

Плавник горел бездымно и яростно, словно порох. Стоило кинуть белую, гладкую, костяную палку в костер, как она мгновенно смуглела и вспыхивала. Словно избыток солнца, накопившийся в дереве, находил себе выход – и вырывался наружу, оставляя на песке горку серого легкого пепла. Дрова прогорали с неистовой и торопливою силой. Бледный огонь почти не был виден: казалось, чайник висит просто над ворохом сучьев, которые отчего-то растворяются в неподвижном, звенящем воздухе полдня. От костра валил такой жар, что и в трех шагах стоять было трудно.

Ты садился на корточки и смотрел сквозь прозрачное зыбкое марево над огнем. Кусты и коряги, и корпус байдарки, и поверхность реки, и дальний берег – все искаженно дрожало и плавилось, будто огонь растворял весь окружающий мир.

Расстелив на песке брезент, доставали еду. Обед бывал прост: сало, хлеб, луковица. Но к простоте этой пищи зной словно некую добавку: улежавшись в горячих пакетах, еда была горяча и пахуча. И казалось, не просто шмат сала ты держал сейчас в пальцах, но сгусток самой жары, кусок вязкого зноя...

Тонкие ломти липли к ножу; крупинки соли искрились на желтой в бурых подпалинах шкурке. Пластины сала словно мягко светились. Да, сало было что надо, и не раз я с благодарностью вспоминал ту старуху, у которой его купил.

Хлеб, уже пересохший, крошился под ножом. Два толстых ломтя я осторожно отделил от последней буханки. Теперь луковица. Срезал ей донышко и верхушку, облупил пальцами золотистую сыпучую кожуру – и фиолетово-сахарный, влажный, резко пахнущий шар оказался в ладони. Луковица скрипела и брызгала под ножом, распадаясь на гладкие сочные кольца.

Раскладывал по краюхе хлеба длинные ломти сала, пристраивал сверху пару колец лука. И всегда в этот миг волновался – даже и не от голода, но от какого-то вдруг накатившего счастья. Что-то полное, радостное и простое сейчас наполняло мир: эта жара, этот блеск, и ленивые всплески реки, и горячий под локтем песок, хлеб с луком и салом в подрагивающей ладони, и бледный огонь костерка – все это было таким, каким может быть лишь в раю...

Потом вскипел чайник. Сухая заварка разбухла и поднималась над кипятком ноздреватой шапкой, затем медленно опускалась на дно. Рыжая пена показывалась из закопченного носика, падала с шорохом на горячий песок.

Закопченная кружка, с налипшим на донце песком, дымилась, и взять ее в руки было не так-то просто. Приходилось, сдернув с головы шапочку, прихватывать горячую кружку через нее. Пил жадно, с сипением, с тяжкими вздохами: словно и не чаевничал, а тащил по жаре тяжкий груз. И почему-то спешил: может, думал, что твою жажду, словно пожар, если упустишь момент, уже невозможно будет залить? На лбу пробивалась испарина, и капли пота щекотали виски. Но, высыхая, пот охлаждал лицо – и поэтому от горячего чая в жару всегда возникало блаженное чувство прохлады.

Чайники кружились, всплывали, тонули в коричневом дымном настое. Чай был крепок, как деготь: перед его сладковатой горечью отступала даже жара. Допивал жадно кружку, наливал еще. Пил чай до седьмого пота, до того, что казалось, каждый глоток тут же проступает на лбу и висках в виде влаги, все более жидкой, пустой, несоленой. Чай словно промывал тебя дочиста – до прозрачной хмельной пустоты.

Наконец, тяжело поднимался. Осоловевшие глаза уже плохо видели. Ты брел, запинаясь, в кусты, в их ажурную тень – чтобы рухнуть ничком и забыться в тяжелой и нежной полуденной дреме...

XX. СОН НА ПЕСКЕ

Отыскать место для сна было непросто. Ты забирался в самую гущу, но даже и здесь тень от узкой листвы ивняка была сквозной, ненадежной. Сухая зеленая ящерка, шоркнув, метнулась в ногах, оставив на песке росчерк загадочной подписи.

Ты ложился на песок и укладывал голову на руки. Перед тем как закрыть глаза, еще видел перед собой осу: черно-желтую, с яйцекладом-иглой на качавшемся брюшке. Привставая – будто на цыпочках – оса то кружила над волнистым песком, то на миг останавливалась, и тогда становились видны прозрачные крылья над спинкой. Гудение этой осы было сложным, бодрящим и сонным одновременно – и тебя вновь пронзало острое ощущение счастья.

Потом оса, раскачивая гибким брюшком, стала бегать на быстрых, мелькающих лапках – видно, что-то искала, а потом принялась зарываться в песок. То почти скрывалась в нем, то пятилась и вылезала – и долго отряхивала, чистила лапками крылья и голову.

Что это было: уже сон или еще реальность? Оса то казалась далекой и маленькой, то вырастала до дивных размеров. Ее усики нервно дрожали, касаясь песка, – как дрожал и твой сонный взгляд. Ты засыпал, а она все старалась зарыться поглубже в горячий песок.

...И наплывал густой, вязкий сон. Ты еще слышал и плеск реки, и гул самолета в небе, и шелест ивовой листвы – но и что-то иное, нездешнее оживало в тебе.

Лица, которых ты сроду не видел, вдруг возникали перед тобой. Эти странные люди из сна говорили, ходили, смеялись, а потом отдалялись куда-то во тьму, чтоб потом возвратиться – но только иными. И было досадно, что ты их не узнаешь и не можешь понять их речей, хотя твердо знаешь, что говорят они что-то важное...

А то еще – вот удивительно! – возникал странный текст. Он полз нескончаемой лентой, откуда-то из темноты появляясь и в темноту исчезая. Ты был уверен, что ничего подобного никогда не читал. И торопливо бежал глазами по строчкам, удивляясь их складности, точности и простоте. Порой даже слышался голос, который озвучивал этот загадочный текст: он читал ровно и твердо, ни разу не сбившись – и опять пробуждая в тебе ощущение полного счастья. Вот что это было? И почему же, проснувшись, ты не помнил ни строчки, ни слова – а помнил лишь то, что этот текст точно был?

Иногда во сне наплывали воспоминания. Почти все они были из раннего детства, и часто ты видел себя на берегу залитой солнцем реки. Наверное, это был тот самый день, когда, мальчиком лет четырех, ты впервые увидел Оку.

Было то у села Ахлебинино. Перед тобой почти такая отмель, как та, на которой ты спишь, и кусты ивняка – не тогда ли ты и полюбил их меланхолический запах? – а ты, оглядываясь на отца, несмело заходишь в мелкую воду. Берег уныло-обычен: кусты, грязноватая кромка песка, чьи-то окурки, следы у воды и коровьи лепешки; но зато дальше, от самых ног начинался как будто иной, полный воли и радости мир! Там был ветер, и выплески волн, и упругий полет белых чаек – и огромное, жидкое, солнцем залитое зер-

кало. Это сверкавшее зеркало было живым: оно дышало и двигалось, то приливалось к твоим ногам, то отступало – и оно словно властно манило тебя. Ты ступал по воде осторожно, держа в руке прутик с привязанной ниткой – так, подражая отцу, ты ловил тогда рыбу – эту нитку твою уносило, мотало течением и никак не могло унести... Ты смотрел на это мотание нитки в реке, как заколдованный, быть может, впервые тогда осознав, что течение реки не имеет конца, никогда не прервется – и что бесконечность реки имеет какую-то связь и с твоей собственной жизнью...

А потом ты бежал по отмели, брызгал водой и счастливо смеялся. Но когда забежал сгоряча чуть поглубже, повыше колен, река осторожно, как бы невзначай, нажимала – и увлекала тебя за собой... Ты сразу чувствовал: сила реки совершенно немыслима и неодолима! В тебе вспыхивал страх – он был так ярок и чист, что чем-то близок восторгу, – и ты со всех ног бежал к берегу. Успокоившись, снова бежал по отмели, разбрызгивал воду, поднимал со дна ракушки и камни и следил, как сверкают и прыскают под ногами мальки.

А вот река – видела ли тебя? Протекая сквозь землю, сквозь годы – как она воспринимала мальчика, который вдруг выбежал на одну из ее бесчисленных отмелей? Вот он возник, вот стремительно вырос и возмужал, вот постарел, потолстел, захромал – а потом вдруг и вовсе пропал... И куда уткнуло отражение мальчика – того, что когда-то с ниткой на прутике бежал по отмели, ошеломленный сиянием, простором и силой реки? Ну не может же быть, чтоб оно вовсе исчезло: зачем же тогда столько света и радости было в том солнечном дне, когда река увидела мальчика – а он встретил реку?

...Река все текла и текла сквозь сияющий полдень, и чайки кричали над нею, и ветер, вздымая волну, дробил солнечный блеск на чешую мелкой ряби, и какие-то люди, визжа и смеясь, кидались купаться и выбегали обратно на берег – а река все текла... Где-то на середине ударяла большая рыба, и восторженный мальчик кричал отцу: «Папа, смотри!» – а река все текла...

XXI. РОДНИК

Ну наконец мы прошли этот мусорный и на редкость унылый отрезок реки... Минут сорок мы плыли в клубах серой пыли, висевших над бараками рабочего поселка. Этот поселок был знаме-

нит своим крупным цементным заводом – и шпальной, наводившей панику на все окрестности.

Корпуса и трубы завода высились слева и были видны отовсюду. День, как назло, был безветрен: два шлейфа дыма, молочно-густых и тяжелых, вываливались из труб и распластывались по-над землею. Поселок, кажется, задышался в едкой цементной пыли.

Мы старались грести побыстрее, но дышать было трудно, в груди першило, и мы с товарищем то и дело закашливались. Пот, стекавший по лбу и щекам, был грязно-серого цвета.

Серыми были и берега: то есть в буквальном смысле их покрывал одинаковый серый налет. Кусты, домишки, заборы, оконные стекла, тропинки, торчащие столбики водоразборных колонок – все было тусклым от цементной пыли.

Думалось: как же здесь жили люди? Должно быть, их жизнь была столь же тусклой и пыльной, как эта река и ее берега. Рассказывали, что здешние парни отчаянны и бесстрашны в драках. Оно и понятно: при такой-то безрадостной жизни и самого себя особо не будешь любить и жалеть...

Пока плыли, вполне на себе испытали нравы поселка. Компания подростков, человек из шести, заметила нас с берега. И сразу же все закричали и засвистели, как дикари при виде добычи.

Друг мой сплунул:

– Ну публика!

– Вот погоди, они еще нас на abordаж будут брать...

И я ненамного ошибся: в нас полетели камни, которые падали то поодаль, то рядом с лодкой. Один камень ударил о лопасть весла, и долгий звон пролетел над рекой. Подростки аж заходились от смеха.

– Вот же придурки! – Мой друг погрозил дикарям веслом.

Брызги от близко упавшего камня осыпали мне лицо.

– Отгребай к тому берегу! А то проломят нам голову...

Безумные эти подростки еще бежали за нами, свистели – но, слава богу, скоро остались за поворотом.

Кончается все, даже плохое. Дымы поселка висели уже где-то сзади – и, хоть трубы оставались видны, уже можно было прокашляться и отдышаться. Трава и кусты берегов меняли свой цвет на обычный, зеленый. Только река оставалась белесою, мутной.

Парило, и очень хотелось пить. Но где взять воды? Река нечиста; ни одной деревеньки не видно. Может, удастся расслышать родник?

Плыли медленно, то и дело бросали грести и прислушивались. Никакого журчания пока не было слышно. Но левый берег становился все каменистее, выше. Это давало надежду: из-под кручи должны были бить родники.

И дождались: тонкий, словно рассыпчатый, едва уловимый вначале звон послышался слева. Он то совсем пропадал, и мы рассеянно озирались, то журчал вновь – переливчатый, легкий. Этот звон нарастал – уже ни плеск весел, ни скрип сочленений байдарки не могли его заглушить.

– Вот, вон! Загребай правым, причаливай!

Родник был слышен из распадка в каменистом крутом берегу. Кусты ольшаника поднимались по косогору; над ними виднелось две крыши и дырявый купол разрушенной колокольни.

Причалили. Солнце жгло голые спины. Подошли, заглянули в распадок. Не ручеек, а целый ручей, журчащий и светлый, уступами падал в меловом хрящеватом разломе.

– Поднимемся?

– Ну, давай разомнемся...

Ползли на гору. Деревенька была небольшой: пять, не то шесть домишек лепилось по склону. Крайний был под щепою; старая темная кровля зеленела пятнами мха. В тени дома, привалившись спиной к стене, на лавочке сидела старуха. Казалось, она и похилившийся дом из последних сил поддерживают друг друга.

– День добрый, мать!

– Ага, ага, – закивала она головою, – и вам тоже, хлопчики, здоровычка доброго... Ай ищите что?

– Да вот как бы тут к роднику лучше выйти?

– Счас, счас, – заторопилась старуха.

Опираясь о палку, она поднялась, подковыляла к нам на тяжелых ногах и стала показывать.

– Вон ту стежечку видите? По ней и пойдете... Потом булыга такая будет – левее возьмите. Потом вниз – и уже будет слышно, как он, родимый, звенит...

Показывая и объясняя, она даже запыхалась. Ее полуслепые глаза перебежали по нам как-то вскользь: старуха, запрокинув морщинистое лицо, смотрела словно поверх всего. Поверх крыш и заборов, поверх нас, утомленных жарой, поверх реки и байдарки у берега, поверх полдневной тягучей жары – поверх, может быть,

самой жизни... Но созерцание этой дремучей старости вовсе не было мне тяжело. Казалось, достигнув предела дряхлости, старуха мало-помалу освобождалась от пережившего свою жизнь тела. И торопливая речь ее, и легкий скользящий взгляд – все словно освобождалось от ветхой плоти и начинало существовать уже само по себе. Пока мы брели к роднику, старуха смотрела, кивала нам вслед – и хотелось, чтобы она присматривала за нами как можно дольше...

За ледниковую серую глыбой тропа сворачивала влево и круто падала вниз по склону оврага. Слышался напористый шум воды. Мелкие камушки сыпались, выворачивались из-под ног. Я схватился за ветвь бузины – и в ноздри ударил ее пряный запах. Ага, вот и родник...

В меловой нише обрыва шевелилась, бурлила вода. Живая, стремительно-светлая, она непрерывно вздымалась и опадала и вновь поднималась буграми – будто спешила куда-то. Вода была столь чиста, что, если б она не двигалась и ее перевитые струи не отбрасывали теней, воды и вовсе не было бы видно.

Солнце радостно, словно ребенок, играло в воде. Светлые пятна, радужные по краям, мелькали по хрящеватому дну, наплывали одно на другое, дробились, кружились, словно та каменная чаша была полна не водой, а бликующим – или ликующим? – солнечным светом.

Опустив ладони в это сияние, ты чувствовал обжигающий холод – и беспричинную радость. Счастливо смеялся. Потом жадно пил, припадая к солнечной чаше. Губы мгновенно немели, а зубы ломило от ледяной воды. Родник дышал холодом, в спину жгло солнце. Перед глазами над самым дном плясали песчинки, травинки и даже мелкие камешки. Дно родника, как жабры огромной рыбы, все время вспучивалось, приподымалось: оно словно хотело вздохнуть полной грудью, но ему, каменистому телу земли, это никак не удавалось. Оказывается, думал ты, тяжело бывает дышать не только нам, истомленным жаром, но даже земле.

...Плыли дальше. С каждой сотнею метров река оживала. Белесая муть оседала на дно – или речная вода разбавлялась бьющими с берегов родниками? – но река на глазах становилась прозрачнее и от этого словно загадочней, глубже. Тяжелая утка с шумом взлетела впереди в тростниках и, свистя крыльями, потянула вниз по реке.

Я опустил руку за борт – байдарка чутко вздрогнула и повела носом влево – и почувствовал, как посвежела и помолодела река...

XXII. БОЛЬШАЯ РЕКА

Река заметно раздалась вширь. По ней теперь ходят и катера, и моторки – привстав на подкрылках и разгоняя крутую волну. Тянутся отмели, плесы, обрывы – или топко-илистые, в ивняковых кустах, берега. Ветер поднимает на плесах крупную рябь с барашками. Да, большая река – это уже не та тихая речка, по которой мы начинали свой сплав...

Заметно прибавилось рыбаков. Особенно под глинистыми обрывами, на крохотных – только усестся – площадках у самой воды. Лески с удилиц почти отвесно уходят в темную воду, показывая, какая здесь глубина. Изредка слышен перезвон колокольчика – тогда рыбак вскакивает, кидается к удочкам и с натугой вынимает тяжелую снасть из воды. Чтобы попалась рыба, не видел ни разу. И поэтому кажется: здесь совершается вовсе и не рыбалка, а некий сеанс магнетической связи с рекой. Люди словно бы ждут те сигналы, что им передаст глубина, – через упругую дрожь удилиц, биение лесы и звон колокольчика.

На берегах уже август. Поля порыжели, покрылись скирдами соломы. Небо стало высоким, пустым – оно будто приподнялось над землею. И стало больше пространства для птиц и для света, для запаха дыма, для звуков и мыслей – для всего, чем полон мир перед осенью...

По желтой стерне ходит грач. Угольно-черный, лоснящийся, гордый – он кажется хозяином этого яркого дня. Его оперение жирно сверкает: как будто свет солнца до черноты загустел на крыльях торжественной птицы.

О чем говорил тебе этот важный лоснящийся грач, и ветер, и солнце, и пыль над стерней, и особенный – как бы прощальный – свет августа? Во всем ощущалась печаль полноты, когда знаешь: лучше того, что есть в мире сейчас, уже быть не может. Поэтому вместе с пронзительным ощущением счастья тебя наполняла и грусть – грусть достигнутой цели...

А помнишь, какие на плесах на нас налетали ветра? Под солнцем, под бледно синеватым небом – как яростно, весело дуло встреч лодке? Река разъярялась, шипела – как зверь, которого дразнят. На свинцовой, гребенчатой зы-

би, словно цветы, раскрывались барашки. От весел летели сверкавшие брызги. Птиц, пытавшихся взмыть с берегов, опрокидывало и швыряло обратно к земле.

Казалось, байдарка остановилась: она тупо совалась форштевнем в волну и переваливалась с кормы на нос. Борта лодки гудели от ветра, а лопасти весел даже свистели.

И что, было плохо? Нет, наоборот: чистая, свежая радость просыпалась в душе. Казалось, что солнечный ветер сдувал со всего некий плотский избыток и на этом ветру оставалась одна сердцевина вещей и явлений. Ветер одновременно и уменьшал то, что он обдувал, но, с другой стороны, увеличивал. И ты сам себе представлялся вдруг парусом – огромным, направленным ветром – и легким, почти невесомым.

Правда, от долгого хода на ветер ты уставал. Этот посвист в ушах, этот дождь брызг и качание лодки искажали реальность в твоём восприятии. Кажется, в мире не осталось ничего твердого и надежного: летели брызги, дыбилась в зыби река, шипели барашки пены – а берега, словно стронувшись с места, бежали следом за лодкой. И даже солнце – оно тоже будто летело против упорного ветра. Когда же ты выходил наконец на берег, то пошатывался и смеялся, как пьяный, и говорил невпопад: воистину, ветер гулял в твоей голове...

А запах большой реки? Ведь ручей или малая речка почти что не пахнут – если, конечно, вода их чиста. Редко-редко потянет вдруг запахом рыбы и табака от сидящего в кустах рыбака, или пахнет бензином – там, где на броде недавно проезжала машина.

У большой же реки запах сложен, противоречив. Сначала, выйдя на отмель и потянув ноздрями, чувствуешь запах топкого берега, чуть сладковатый и приторный. Так пахнут заиленные коряги, сырые мертвые листья, раздавленные рыбаками ракушки да дохлые рыбы, выброшенные волной на берег. Это все запах тления – и ты готов уже сморщиться, плюнуть, отойти от реки.

Но вдруг накатит волна чего-то бодрящего, свежего, вольного! Так пахнет, так дышит вода реки – живая, глубокая, сильная, непрерывно выходящая завитки водоворотов, сплетающая тугие струи и уносящая отражения берегов...

Так и стоял ты растерянный, часто вдыхал и никак не мог разобраться: какой же из запахов

глубже, сильнее, правдивее? Запах тления или движения? Покоя или беспокойной волны? Реки или берега? Жизни или смерти?

XXIII. У МОСТА

Показался поселок по левому берегу, пятиэтажные дома стояли на холме. Я знал это место: здесь была одна из больших подмосковных тюрем-колоний. Поселок поэтому отличался благоустройством и чистотой: дармовой рабочей силы здесь хватало.

Впереди реку перегораживал низкий понтонный мост. Мы подплывали, выбирая, куда бы причалить: налево или направо? Показалось, что справа обнос был короче. Стали грести направо. Под понтонами сильно шумела река. Лодку неожиданно развернуло течением — и мы с трудом выгребли к берегу.

Вышли, перенесли рюкзак с веслами ниже моста. Натужившись, оторвали от воды байдарку и понесли ее, шагая коротко и напряженно. Берег подсыпан был крупным щебнем, и ноги подвертывались на острых камнях. Наконец опустили лодку на отмели, возле воды — и сели рядом на бревнышке, чтобы передохнуть.

Еще не сумерки, но предвестие сумерек сгущалось в похолодавшем воздухе. Какая-то тетка полоскала неподалеку белье. Куча тряпок лежала возле нее на плоском камне. Лопатки женщины ходуном ходили под черным суконным плащем. Она издавала какие-то странные звуки: то ли мяуканье, то ли плач доносился к нам сквозь шум воды.

Наконец я догадался: тетка поет! И когда она оборачивалась, чтобы взять белье с камня, ее негромкое пение становилось слышнее. Вдруг она заметила нас, замолчала. Несколько времени трудилась молча. Потом выпрямилась, потерла рукой поясницу и вышла на берег. Босая, она осторожно ступала по острым камням.

— Совсем заморилась, — сказала она доверительно и чуть виновато, присаживаясь на бревно рядом с нами. — Поясника дюже грызет...

Лицом она выглядела моложе, чем казалась со спины. Глаза, большие и влажные, выражали разом и робкую виноватость, и девичью застенчивость, и какую-то тихую радость.

— Стираете, значит?

— Ага, помаленьку, — застенчиво улыбнулась она.

— Сами здешняя будете?

Женщина не удивилась очевидной глупости моего вопроса.

— Ага, тут живу...

— Ну и как жизнь?

— Да все слава богу...

— С детьми живете?

Она вдруг смутилась и тихо ответила:

— Незамужняя я...

Помолчали. Женщина что-то вспомнила, грустно вздохнула и улыбнулась:

— Два раза меня замуж звали. Однажды председатель наш, Магомед Расулыч. Говорит, приходи ко мне, вместе жить будем. Трудно мне, мол, без хозяйки...

— И что, не пошли?

— Упаси бог! Люди сказали: у него там, на Кавказе, жена осталась. А что же я, второй буду? Да и нехристь он все же...

— А другой раз?

— А то Ваня Петров. Доходяга совсем, в чем душа держится... Только, значит, освободился, — женщина показала рукой на поселок, — жить негде, вот он ко мне и прибил. Дров, мол, не надо ли наколоть? Я накормила раз, другой, а он все не уходит. Чего ж ты, спрашиваю. А он мне: я, Надежда, любовь к тебе заимел... Вот дурной!

Женщина засмеялась.

— Ушел?

— Ну, потом-то ушел... Плакал даже, прощаясь.

Посидели молча, глядя на воду, шумно вырывающуюся из-под понтонов. Зеленый с красными звездами вертолет застрекотал в небе над нами.

Женщина объяснила:

— Кто-то, должно быть, с тюрьмы убежал — теперь ловят...

— Жалко вам их?

— Кого? Эков-то? Иного и жалко...

— А когда из тюрьмы выходят, они... того... не шалят?

— Да не слыхано вроде. Меня ни разу, помилуй бог, не обидели. Ну ладно, пойду, а то засиделась я что-то...

Поднялась и побрела дополаскивать белье. Мы смотрели, как она, раскачиваясь, таскала по воде простыню — и белое полотнище то надувалось пузырями, то опадало.

Какой-то человек торопливо шагал по пустому мосту с того берега. Увидев нас, он чуть замедлил шаги. Обвислый серый пиджак, мешковатые брюки — все сидело на нем словно чужое. Руки прохожий держал почему-то в карманах, и

в походке его было заметно очевидное напряжение.

Женщина бросила полоскать и разогнулась, следя за прохожим. Мне показалось, что они даже переглянулись – и женщина еле заметно кивнула. Миновав мост, человек начал быстро взбираться в гору, туда, где из-за деревьев виделся купол церкви.

Сумерки тяжелели, сгущались. Все окружающие предметы наполнялись чем-то загадочным. Ощущение таинственной связи всего со всем в этом мире усиливалось с каждой минутой. И мы, и та женщина, и угрюмый прохожий – словно не просто случайно пересеклись у реки, но были чем-то незримым и важным связаны между собой.

Скоро мы отчалили, и река понесла нас меж камней переката. Сзади по мосту загрохотал вдруг десяток солдат с автоматами, с двумя овчарками, молча рвущимися с поводков. Оглянувшись, мы видели, как понтоны проседают под гулкими шагами солдат. Они то быстро шли, то бежали тяжелой рысцой. Задний охранник споткнулся и едва не упал...

Лодка быстро скользила в сумерках. Пора бы уж было остановиться, чтобы разбить лагерь, но чувство свободного скольжения по реке было сейчас таким острым и даже сладким, что никто из нас не заговаривал о стоянке. К тому же мы старались подальше отплыть от поселка: рядом с тюрьмой ночевать не хотелось.

Прошли поворот. Купол церкви и дома поселка еще были видны позади, чернея на розовом фоне заката. Но если раньше река разделяла их, то теперь, из-за поворота, казалось: и храм, и тюремный поселок стоят на одном берегу...

XXIV. НОЧНОЙ ЗАПЛЫВ

Кажется, давным-давно пустились мы плыть, и думалось, что конца не будет походу. Но река возвращала нас к дому, откуда мы вышли когда-то.

Костер горел щедро, точно знал, что он последний в этом походе. На огне доспевал пшениный кулеш с луком и салом – еда пастухов и табунщиков юга России. Остатки хлеба и два куса сахара лежали на брезентовом нашем «столе».

Холодный закат догорал. Дымная малиновая полоса лежала над горизонтом, а выше небо было зеленоватым, пустым, будто все его содержимое осело в малиново-сизую муть заката. На душе было грустно и зябко.

– Ну что, искупнемся?

И хотелось, и боязно было: все-таки не июль, река заметно остыла. Но все же решились. Подошли, голые, к темной и тихой реке. Костер горел сзади – и наши дрожащие длинные тени ложились на воду. Трава под босыми ногами была ледяной от росы. Нас было двое, и мы плечом к плечу подходили к реке, но давно я не чувствовал себя так одиноко.

Вода показалась тепла после холодной росы. Граница ее, щекоча и качаясь, поднималась все выше и выше по голени, бедрам. Ноги вязли в илистом дне. Уже ощутимо давило течение. Вода выгибалась, вздымалась у правой ноги: я мешал реке своей неподвижностью. Вдалеке в темноте мигал одинокий бакен.

Я вздохнул и лег грудью в воду. Река мгновенно взбурлила – и вдруг успокоилась. Наступила глубокая тишина.

...Ты куда-то летел – или падал? – в безмолвии и темноте, под крупными низкими звездами. У самых глаз прогибалась, качалась тончайшая пленка, разделявшая реку и ночь: она отражала мерцание звезд, которое было похоже на серебристую пыль...

Ты плыл долго, уже позабыв, на каком берегу горит ваш костер, и не понимая: откуда, куда и зачем так упорно течет эта жидкая тьма? Плыл, одновременно и растворяясь в реке, почти исчезая в мерцающем зыбком потоке – и вместе с тем ощущая себя настолько отдельным от ночи, каким никогда не был раньше. Гребок за гребком ты отталкивался от темноты, вытягивал в долгом скольжении тело, которое вдруг начало казаться немыслимо длинным, растянутым чуть не на сотню метров. Порою мерещилось, что ты оказался на гребне огромного вдоха реки, что она, подхватив тебя некогда, не захочет с тобой расставаться и ты теперь будешь вечно скользить между звездами и отражением звезд... Звезд было множество, и они были разными – большие и мелкие, красноватые, белые, чуть синеватые, мерцавшие и горевшие не мигая – но сейчас, в час ночного заплыва, казалось, что ты видишь и отличаешь каждую из великого множества. А из звезд каждая в свой черед видит тебя, наблюдая, как ты скользишь по реке...

Наконец выходил из воды, с удивлением вспоминая, что у тебя есть и тело: оно было мокрым, тяжелым, холодным. Костер горел вдалеке за кустами. Продираясь сквозь них, обивая на голое тело росу, ты продрог до озноба. Крупная

дрожь, сотрясавшая тело, не давала ни говорить, ни спокойно одеться. Приторное тепло влажной одежды было еще неприятнее холода. Надеюсь унять озноб, сунул руки чуть ли не в самый огонь; пламя жгло, но нисколько не согревало. Помочь могло только одно – глоток спирта.

Товарищ разлил остатки «горючего». Холодная мокрая кружка вздрагивала в руке.

– Ну что, будем живы?

– Будем! Поход получился что надо.

– Бог даст – не последний...

Выпили. От неразведенного спирта слезы выступили на глазах – и пламя костра сквозь них радужно заискрилось. В груди быстро теплело. Зачерпнул из котелка густого, пахучего варева. Кулеш чуть горчиц, пах дымом и степью.

Ночь лежала тиха, холодна. Быстрые блики костра падали на палатку, на лодку, перевернутую кверху днищем, на кусты у реки и на черную воду. Когда прогоравшие дрова оседали, вороха искр, крутясь, взлетали в небо, тесное от бесчисленных звезд. Искры летели и гасли – а звезды оставались гореть...

XXV. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Погода хотя и хмурилась, но укладка вещей проходила неспешно: было бы странно сейчас торопиться, впадать в суету – расставаясь с рекой.

Дул ветер с верховий, и пологие волны выкатывались на отмель. Побуревшие кусты ивняка гремели подсохшей листвой. Небо было тяжелым и низким.

Пустая байдарка, вынесенная на берег, на глазах высыхала. Скоро лишь швы оставались влажными: сильно тянущий ветер лучше солнца сушил оболочку. Байдарка качалась при особенно резких порывах, и мелкий песок стучал в ее днище.

Складывали спальники, надувные матрацы, сворачивали палатку. Руки на ветру стыли. Рюкзак наконец уложили и перешли к байдарке. То, как быстро она разбиралась, даже разочаровывало. Вот только что перед нами была целая лодка, на которой мы столько проплыли, с которой почти что сроднились, и всего после нескольких резких рывков – лишь груда дюралевого трубков да оболочка лежат на траве...

Дождь, готовый начаться в любую минуту, пока медлил: он словно ждал, когда мы соберемся. Мы протерли насухо все сочленения,

трубки, засунули их в чехол и сложили тяжелую оболочку. Берег, только что усыпанный нашим туристическим барахлом, быстро опустевал. Вот последние тряпицы сунуты в карман рюкзака, затянута шнуровка байдарочного тюка, и только два огромных мешка – рюкзак и байдарка – остались лежать на пустом берегу. Трава дрожала и никла к земле под порывами ветра.

Перед тем как уйти, мы посидели на берегу, догрызая последние сухари. Смотрели на реку с грустью, как смотрят в спину уходящему близкому человеку.

Неужели все кончилось? И нетерпение сборов, и поезд, полный хмельных мужиков, старух и солдат-новобранцев? И первый восторг отплытия, и костры, и холодные ночи, и стрекот дождя по брезенту палатки, и непрерывный звон комара над ухом в момент погружения в сон? И зной, и сверканье весел, и коровьи стада на отмени, и зудение оводов, и бегающие по лугу телята с обосранными хвостами? И луковица, разрезанная напополам, и теплое сало, и крошащийся ломоть хлеба – и острое, чистое чувство голода? И купание вечером, и золотые закаты, и сухие теплые ночи, когда светляки водянисто мерцают на склоне под соснами? И лица глубоких старух, глядящих на нас то с жалостью, то с удивлением? И пастух, прикуривающий от уголька, который малиновой точкой прыгает в его грубой ладони? Неужели кончилась непогода и шквалистый ветер, брызги и пенные гребни – и странный восторг, с которым душа их встречала? И полет ласточки низко-низко над гладкой водой, над своим отраженьем – и даже порой столкновение с ним? И радость услышать родник в знойный полдень – уловить в плеске реки его звонкое, переливчатое бормотанье? А тот голый мальчик лет трех, похожий на ангела, который счастливо смеялся, увидев нас с берега? А полуденный сон на песке, в зыбкой тени ивовых кустов? А гроза над рекой и раскаты грома, сначала сухие, далекие, а затем все более влажные и нетерпеливые? А пробоина лодки, когда вслед за коротким и твердым ударом о камень с каждой секундой в байдарке все больше воды и товарищ кричит: «Греби к берегу!»? А проход под мостом, когда мгновенная тень набегающая лодка – и ты, опрокинувшись навзничь, неожиданно видишь изнанку моста, его шершавые бревна и скобы, такие странные снизу? А ветер в солнечный день, и просторный блеск августа, и угольно-черная стая грачей, что взлетела из ры-

жей стерни? А поле бледных овсов под грозным темнеющим небом?

Как неохватно много было всего – кажется, года не хватит припомнить – и неужели все это кончилось?

– Ну что, двинули?

Мы поднялись, вытряхнули песок из кроссовок, подтянули штаны. Рюкзак был много легче, чем в самом начале похода, но все-таки встал я с трудом. Постоял, подышал, посмотрел напоследок на реку – красно-белый буюк на плесе мотался под ветром, то заваливаясь на волну, то вставая, – и медленно двинулся вслед за товарищем по дороге, ведущей по берегу наискось, прочь от реки...

Долго ждали автобуса. Сбросив ношу под стену жестяной ржавой будки, прохаживались взад-вперед, разминая затекшие плечи. Потом сидели на лавке, глядя на серый асфальт дороги – как недавно смотрели на реку.

Пошел дождь. Сначала темные капли проступили на сером асфальте, потом я почувствовал, как что-то холодное сыплется за воротник. Перетащили вещи внутрь будки. И снова сидели, смотрели сквозь дождь на дорогу.

Минут через сорок автобус подъехал. Мы с трудом протащили в проходе рюкзак и байдарку, усьелись. И тут, как всегда, на меня напал сон. Я не помнил дороги, не помнил, как долго мы ехали, словно рухнул в глубокую темную яму. Лишь чувствовал краем сознания, как бьется висок о стекло на ухабах и как нутужно вибрирует пол под ногами...

Очнулся, когда подъезжали к Калуге. Дождь перестал, все было мокрым и солнечным. Пестрый город широко раскинулся на другом берегу Оки. Церкви, крыши домов, темные пятна деревьев, штырь телевышки, трубы окраины, полукруг колеса обозрения в парке, и набережная, вечно недостроенная и разрытая, и притулившиеся на склоне домишки Берендяковки – все это, с детства знакомое, спросонья увиделось неожиданно ярко, свежо. Я жадно прикип к окну, рассматривая город, с которым расстался, кажется, целую вечность назад, но который насколько с тех пор не переменялся. Как любил ты в своей Калуге эту ее неизменную юную дряхлость!

Глубокая дрема, в которой ты ехал, что-то переменяла в тебе. Все, связанное с рекой и байдаркой, отдалилось, подернулось некою дымкой – и сделалось прошлым. И то чувство

потери, какое испытывал ты, расставаясь с рекой, вдруг угасло. Напротив, ты с радостью чувствовал, что теперь стал полнее, богаче – на целый поход. Похоже, что и река, перейдя из реальности в память, обрела нечто важное – то, чего раньше в ней не было.

Ты с нетерпением ждал встречи с домом, с родными, с друзьями: как будто ты вез из похода какое-то важное новое знание и хотел быстрее им поделиться.

Под мостом промелькнула река. Ты едва узнал ее сверху – мелкую и неожиданно плоскую. Автобус, нутужно гудя, тянул вверх по въездной магистрали.

XXVI. РЕКА НАВСЕГДА

В ноябрьских сумерках сидел у окна с чашкой чая в руке и слушал, как дождь настукивает по стеклу.

Думал: а каково же реке в предзимнюю непогоду? Наверное, тяжело. По-над пустынными берегами гуляет ветер, треплет омет соломы на краю поля и несет дождь соломин на кусты лозняка у воды. Река серая, вся перепажана и взъерошена ветром. Кажется, она пополнила в пустых берегах.

У переправы на песок свалены красные и белые буйки вместе с цепями и якорями. Они словно стая птиц, некогда ярких и сильных, а теперь потускневших, больных, неспособных к полету. Дождь барабанит по бакенам.

Вон лошадь с телегой ступает по берегу. Худая соловая кляча вытягивает голову при каждом шаге, кашляет, трудно вздыхает, словно хочет вылезти то ли из тесного и надоевшего хомута, то ли из собственной кожи. Дождь сечет ей по ребрам и впалому крупу. Копыта скользят в колеях; телега, скрипя, волочится по грязи. Странно: возницы, хозяина почему-то не видно...

А вон человек отплывает от берега в лодке. Он в плащ-палатке, издали похож на пастуха – но пастухи в эту пору не плавают. Плоскодонка идет тяжело – вода по скамейки залила ее – но человек, не боясь утонуть, упорно толкается шестом в дно. Шест увязает, мужик с трудом вырывает его из мягкого ила, переносит и вновь налегает. Лодка, бортами вровень с водой, медленно, перебивая течение, движется поперек реки. Откуда взялся этот мужик и что ему надо на том берегу? Но вот его лодка скрылась в холодном осеннем тумане...

Смотри-ка, а вон и погост: синева оград и крестов проступает на взгорке, в облетевших кустах. Одна из могилок свежа: еще видны вмятины от лопат, прихлопавших глинистый холмик, и не выцвела красная лента на искусственном, ядовито-зеленом венке. Трава вокруг могилы примята и пересыпана рыжею глиной.

Какие печальные грезы... Сумерки в комнате уже загустели – отражение лица и руки в дверце шкафа исчезло – и странно, что ты еще жив и пока еще что-то чувствуешь, думаешь и воображаешь. Чашка чая давно уж остыла, а я все пытаюсь представить, какая осталась река – без меня.

...Над ней по-прежнему тянет ветер, и белые вспышки пены мелькают там-сям по плесу. Небо затянуто войлоком низких туч. Но бывает, и солнце пробьется сквозь них – и его строгий свет озарит тучи снизу, а свинцовую реку сверху. И река заблестит, как старинное зеркало с вытертой амальгамой, – тусклым, сдержанным блеском. Солнце кажется лишним в этом ноябрьском озябшем мире: предметы, им озаренные, словно отталкивают его. Ни лужи, блестящие лаковым льдом, ни кусты, обнесенные инеем, ни седая трава, ни крыши домов опустевшей деревни – ничто не способно проснуться, оттаять, ожить и поверить предзимнему солнцу.

И только река, напряженно клубясь меж осенних пустых берегов, принимала солнечный

свет, соглашаясь течь вместе с ним, – и от этого словно сама начинала светиться. Ее блеск порой затмевал даже блеск солнца, которое множилось и растекалось по ветреной зыби реки ослепительной лавой. Всего лишь представив такую картину, ты щурился и прикрывал ладонью глаза, хотя в комнате, где ты сидел, давно были потемки.

Но и все-таки, как ни сияла река в твоём воображении, ты чувствовал, что она одинока... Кому нужен ее ослепительный блеск, ее сила, ее красота, если некому ею восхититься? Река словно окликала тебя, звала возвратиться на ее берега. Иначе – словно говорила она тебе – будет поздно: я скоро усну подо льдом...

И ты, чтоб утешить не столько себя, сколько реку, мысленно ей обещал: я вернусь. Пережить только зиму, перетерпеть ее стужу и слякоть, дожидаться весны – и мы снова склонимся над картой, и будем весело спорить о том, сколько взять спирта и тушенки, и будем опять паковать рюкзаки, а потом, надрываясь, затаскивать их в переполненные электрички или автобусы. И опять на сухую траву, меж кротовин приречного луга посыплется с грохотом стрингеры, весла, шпангоуты и фальшборта – чтоб из них появилась байдарка. И опять, подойдя к беспокойной и мутной весенней воде, ты опустишь ладони в ее обжигающий холод и скажешь: «Ну, здравствуй, река...»

2018

Юрий
МИХАЙЛОВ

СЫГРАЙ «КАЛАШНИКОВЫМ»

* * *

Сыграй «калашниковым»,
как на гитаре...
Ты, брат, в мажоре,
ты, брат, в ударе...
Земля – в пожаре,
и мир – в угаре,
а ты – в мажоре,
а ты – в ударе.
Сыграй «калашниковым»,
как в завершенье, –
во имя жизни,
не ради мщенья.
И тот, кто станет
твоей мишенью,
аккорд услышит,
как утешенье.
Сыграй «калашниковым»
ненароком,
еще неведомым
новороком,
и отзовется
закат широкий:
«Прошли уроки,
настали сроки,
для Истин сроки,
для Смерти сроки,
для Жизни сроки».

✍

НА СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Памяти А. Захарченко

Работайте, братья!..
А мне теперь – в небеса.
Покинул я пост
не по собственному желанию.
Но если у неба есть воля
и есть глаза,
еще повоюем:
я верю в Христа и Предание!
Духовную связь между нами
не разорвать –
напрасно ублюдки
моею кончиной тешатся.
Я именем собственным
выращу новую рать,
над ней высоко
наше знамя святое заплещется!..
Я в каждом из вас –
и не дрогнете в смертном бою!
В солдатских сердцах
я очнусь неумной яростью
и песню отцов
о народной войне запою,
не знающую ни сомненья,
ни страха, ни старости!
Работайте, братья!

МИХАЙЛОВ Юрий Михайлович родился в 1953 году в поселке Разведчик Кемеровской области. Работал топографом в Глушинской геолого-разведочной партии, учителем истории в средней школе, корреспондентом газет «Мой город» и «Кузбасс». Печатал стихи, рассказы в городских и областной газетах, в журналах «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Наш современник». Автор десяти поэтических книжек и двух очерковых сборников. В настоящее время работает в Центре развития творчества детей и юношества, руководит литературной студией «Свой голос». Член Союза журналистов России. С 2015 года – член Союза писателей России.

НАЛЕТЕЛИ СНЕГА

(от женщины Донбасса)

Налетели снега,
ошалели...
Только мне ли бояться
мороза:
я укрыта твоею
шинелью
и любовью дышу,
а не прозой.
Там вдали, у реки, –
канонада.
Это прошлое
снова грохочет.
Недобитые дедами
гады
разрушают очаг
днем и ночью,
чтоб надежды
счастливая завязь,
замерзала,
слетая на плиты.
Но в шинель я твою
зарываюсь

и читаю твой стих,
как молитву.
Снова душу твою
осязаю,
и надежда не гаснет,
но тлеет.
Я тебя ожиданьем
спасаю,
негасимой любовью
моею.

СТЕРХИ

Сколько их, белых, как снег, журавлей –
воинских душ осиянных,
там, среди перистых светлых полей,
там, в серебристых туманах?
Клики надрывные сердце мое
слышит порою осенней.
Кары небесной страхась, воронье
вновь обращается тенью.
Белые стаи не канут вдали,
ветхою память не станет:
снова и снова летят журавли
в сини святыми крестами.

78

**Мария
ВАТУТИНА**

**ЕВА ЖИВЕТ НЕ В САДУ,
В АДУ...**

* * *

Они стреляли по донецким.
Они стреляли по луганским.
По сношенным пинеткам детским.
По каблукам и сумкам дамским.

По одеялам и подушкам,
Ночнушкам, шортикам, пижаме
И в класс, где запрещенный Пушкин
По-русски говорил стихами.

По толстым словарям толковым,
По тощим козам, по колодцам,
Они стреляли по торговым
Палаткам и по огородам.

Они не подходили близко,
Стреляя в школьницу у дома,
Она была сепаратистка,
Она абстрактна, незнакома.

Невидимы в прицеле пушки
Ее косички и ладошки,
Ее забавные веснушки,
Припухлые ее губешки.

Но в том абстрактном артобстреле,
Закрыв глаза на все детали,
Они ее убить хотели,
Они по ней в упор стреляли.

С остервенением немецким,
С особой слабостью к гражданским
Они стреляли – по донецким,
Они стреляли – по луганским.

79

* * *

Я хочу написать чудо-стихотворение,
Стихотворение-колдовство.
Чтобы появился оно – и в мгновение
Все послушались бы его.
Занялись бы собой Америка,
Ангелия и Макрон.
Украинцы сели бы все у телика
И смотрели бы «Бесогон».
Успокоились бы на Банковой,
Пожалели бы генофонд,
Замер бы кашель танковый,
Закончился артналет.
Вообще закончился. А вместо этого
Разгребли бы площади и поля.

ВАТУТИНА Мария Олеговна родилась в 1968 году в Москве. Поэтесса и журналистка, редактор, прозаик, драматург. Член Союза писателей Москвы. Автор 14 книг. Победитель Первого Всероссийского турнира «Красная площадь. Время поэтов» и обладатель титула «Голос нашего времени». Лауреат Международной Волошинской и Бунинской премий, премии «Парабола» и многих других. Участница многочисленных литературных фестивалей, ведущая мастер-классов, гость образовательного центра «Сириус», член жюри литературных конкурсов и премий. Участница рок-марафона «За Россию», прошедшего весной 2022 года. Живет в Москве.

Памятникам фиолетово,
Но по ним скучает земля.
Затянулись бы все ранения,
Дети восстали бы из могил...

Но мое стихотворение
Не волшебная палочка, а тротил.
Оно – оружие дальнобойное,
Реактивный снаряд.
Оно – любовое, любовное
Попадание в оружейный склад.
Оно – натиск и наступление,
Вразумление дураку.
Оно – служение
Русскому языку.
Не такое и шедевральное,
Как могу служу.
Слово русское – материальное,
Будет как скажу.

* * *

Ева живет не в саду, в аду.
Ей говорят: это рай.
Типа, не хочешь попасть в беду –
Яблоко не срывай.

Не выходи из надежных стен,
Девочка, никогда.
Будет тебе зашибись взамен
И по ночам вода.

Ева в подвале сидит, а там
Яблоням и не цвести.
Голод мешает ее мечтам,
В раю хочется есть.

Ева знает, что наверху
Кто выходил – пропал.
Только она на своем веку
Видела лишь подвал.

Ей бы какой-нибудь там дичок:
Выбежит и стрясет.
Но наверху – ложись на бочок –
Только война растет.

Знай, в неведение загорай.
В подполе мрак и смрад.
Если такой у Боженьки рай,
Какой же тогда ад?

Мáнит воля через прицел,
Страх тянет назад.
Снится ей: кончился артобстрел,
Ева выходит в сад.

Ева видит, едва прозрев,
Что неизбежен грех.
И обнимает стволы деревьев,
Всех обнимает, всех.

Ева выходит на божий свет,
Вешается на солдат.
Хочется нежности – мочи нет!
Космос над ней разъят.

Ева не спит. У нее в руках
Яблоко и портфель.
Ева согласна страдать в веках,
В муках рожать отсель.

Через нее все придет опять,
Все повторится вновь.
Каина с Авелем ей рожать,
Приумножая кровь.

Ева согласна. Она мала,
Что ей до этой мзды?
Только бы яблоня зацвела
И принесла плоды.

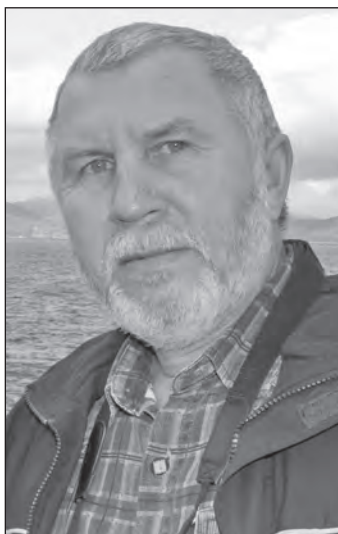

Дорогой Александр Александрович! Поздравляем Вас, нашего земляка, в Петропавловске-Камчатском просиявшего, со славным 70-летним юбилеем! Желаем бодрости духа, здоровья и ждем новых свершений от Вас!

Александр СМЫШЛЯЕВ

ЖЕНЩИНА ДЛЯ БРОДЯГИ

Повесть

1.

Кто уходил в таежные маршруты, тот знает: идешь на день – бери на два. Бери всего: и патронов, и хлеба, и тушенки. Нести тяжело, зато надежно и голове спокойно: переживать и отвлекаться от главного дела не надо.

Помимо рюкзака с трехдневным запасом пищи и чехлом от спальника, на Сергее висит двустволка, полевая сумка и радиометр, в руках геологический молоток, на пояском ремне короткий патронташ, нож и горный компас. А идти в гору, на вершину гольца Зеленого. И солнце палит, знать, к грозе. Но маршрут необходимо пройти именно сейчас, даже если и дождь хлестанет. Надо попытаться поймать радиоактивную аномалию на севере листа карты, она туда потянулась. Потому что от результата поисков может уже на днях решиться многое: работать им дальше в районе Зеленого или переезжать. А хотелось бы еще здесь покопаться, уж очень много вопросов у геологов накопилось.

Впрочем, вопросы копятяся всегда, если хорошо работаешь не только ногами, но и головой. И всегда хочется задержаться. Но начальству, как

водится, кроме фактического результата нужен еще и план: и по проходке шурфов, и по шпуровке, и по километражу маршрутов. План – это деньги на будущее: не сделал – урежут, перевыполнил – добавят. Поэтому лучше ходить по мокрой тайге, чем лежать в сухой палатке, пережидая непогоду.

– Серега, напрягись, – настраивал, почти уговаривал его вчера начальник партии Игорь Евдокимов на вечерней радиосвязи. – Ты там один из геологов остался, поэтому вся надежда на тебя. Сергей Полухин вылетит днями, пока он здесь нужен, да и жена у него приболела, но план-то по маршрутам необходим сейчас, в конце месяца. Обойди север, намотай недостающие пять-десять километров. Глядишь, и аномалию зацепишь, она должна там проявиться по обе стороны гипербазитового массива. Побегай, Серега!

– А шурфы кто документировать будет? – вяло отбивался Сергей, понимая, что это бесполезно. – Горнякам заработок нужен, наряды закрывать пора. Да и план по проходке тоже еще не сделали.

– Я тебе молодую специалистку пришлю, только что к нам поступила, в поселке еще сидит.

СМЫШЛЯЕВ Александр Александрович родился в 1952 году в горняцком поселке Темиртау в Горной Шории. По образованию геолог и тележурналист. Работал в геологических экспедициях в Сибири и на Камчатке, с 1989 года – в журналистике. Автор и режиссер телепередач и фильмов о Камчатке, Курильских островах, Чукотке. Автор трех десятков книг. Участник нескольких Курильских историко-географических экспедиций. Работал в геолого-разведочных экспедициях: Томь-Усинской, Янской, Северо-Камчатской и Пенжинской. Лауреат Международной литературной премии «Полярная звезда». Награжден орденом РПЦ Святителя Иннокентия III степени. Член Союза писателей России с 2006 года, член правления СП России. Живет в Петропавловске-Камчатском.

На шурфы девушку поставишь. А сам иди в маршрут.

Ушел он рано утром, когда лагерь еще спал. Предвидел, что день будет жарким.

Солнце поднималось к зениту, когда Сергей вышел из зоны высокогорного низкорослого кедрача на голую щербистую предвершину гольца. Теперь можно и отдохнуть, иначе запаришься. Он снял рюкзак и ружье, сел на булыжник, достал фляжку с водой. Здесь гулял ветерок, и потное тело даже через рубашку ощущало его прохладные струи. Далеко внизу, сколько видел глаз, расстилась млеющая от жары тайга, плотно, сплошным ковром застелившая деревьями и травами мягкие горные увалы и речные долины. И только гольцы, разбросанные по хребту Кузнецкий Алатау, вытянувшегося прерывистыми гривами с юга на север, от Горной Шории до Мариинской тайги, торчали серыми скалистыми и курумовыми проплешинами здесь и там.

Любимые места, уже на четверть исхоженные ногами геолога Сергея Рыжикова, всегда притягивали его взгляд, он не уставал ими любоваться и теперь уже не мог представить себе, что после окончания горного института мог бы распределиться в какой-нибудь другой регион. Здесь он состоялся как геолог, здесь ему работаете всласть.

Неподалеку, на западном склоне гольца, чуть выше границы леса и горной тундры что-то блеснуло, отразив солнечные лучи. Наметанный глаз Сергея уловил эту вспышку. Он достал из рюкзака бинокль. Что это? Какая-то груда камней, а может, металла? Кварц, доломит? Или старый, брошенный автомобиль? Но откуда он здесь, в дикой тайге, вдали от дорог? Надо сходить посмотреть.

Он снова впрягся в свою ношу, прошел около километра на запад и среди буйных горных трав увидел останки самолета. Разбитый фюзеляж, сплюснутый ударом, а затем и снегами, пустые глазницы квадратных окон, фрагменты крыльев со спекшимся, оплавленным от горения металлом и отброшенный метров на сто вниз по склону ржавый двигатель. На фюзеляже видна огромная звезда в круге – облиявшая, но местами еще сохранившая малиновую краску.

«Американец! – удивился Сергей. – Надо же, куда занесло...»

Чуть ниже виднелись колеса, какие-то разрозненные железки, второй двигатель и куски лопастей от винтов. Характерный нос самолета выдавал в нем «дуглас».

Сергей был озадачен. Что это? Давняя авария? Знают ли о ней? Нет ли в самолете останков летчиков и пассажиров?

Он заглянул через разбитые окна внутрь фюзеляжа, в смятую кабину, внимательно обшарил их взглядом, затем обошел вокруг обломков, осмотрел крылья, ручкой молотка обшарил травы, но человеческих останков не обнаружил. Наверное, разбившийся самолет нашли сразу после аварии, специалисты о нем знают, поэтому никакой сенсации в его находке нет. Да это и хорошо, не нужна ему сейчас сенсация.

Сергей спустился к двигателю. Увидел на нем дюралевую табличку с выбитыми цифрами и латинскими буквами. Молотком сбил табличку, попытался читать: «Райт аэронавтик корпорейшн». Дальше неразборчиво, перевести трудно, много цифр. В самом низу: «Циклон-14» и «Made in USA». Положил табличку в карман рюкзака – вдруг пригодится. Затем достал карту и компас, взял несколько азимутов на видные вершины, поставил на карте точку там, где азимуты сошлись. «Передам по радиации на базу, пусть запросят кого надо, проверят».

Вспомнилось, как в прошлом году в маршруте по Тумясу он наткнулся на человеческий череп. Костей не было, растащили звери, а череп был старый, сквозь рыхлую кость местами проросла трава. Сергей не стал его трогать, а после маршрута сказал о находке начальнику партии.

Тот отмахнулся:

– Здесь постоянно кости находят, особенно черепа. Во время войны в этих местах заключенные строили железную дорогу к марганцевому месторождению. Говорят, побегов было много, терялись в тайге. Да и умирали от тяжелого труда. Так что не удивляйся...

Но как не удивляться? Как привыкнуть к таким находкам? Вот и эта взволновала душу. Кто летел, зачем летел, что стало с пилотами, а возможно, и с пассажирами?

Сергей посидел еще некоторое время возле фюзеляжа разбитого самолета, сожалея о том, что нет фотоаппарата, затем засобиравшись продолжать маршрут. Сиди не сиди, а надо идти.

Через полчаса поднялся на вершину гольца. Стало понятно, почему он Зеленый: щебень, покрывающий округлую макушку горы, сплошь подернулся зеленым мхом.

Здесь вольно гулял прохладный ветер. Он растрепал и обсушил влажные волосы Сергея, охладил вспотевшее тело. Вид с гольца открывался

на всю окрестную тайгу, на все триста шестьдесят градусов. Внизу на юге, на безлесной седловине между Зеленым и соседней безымянной горушкой, белели палатки их лагеря. Если посмотреть в бинокль, то и людей можно увидеть, коль еще не разошлись по работам. Но Сергей не стал доставать бинокль, некогда. Вместо этого открыл сумку и вынул полевую книжку. Сделал запись: «Точка номер один, начало геологического маршрута...»

2.

Теперь его путь лежал вниз, к северному подножью гольца, в долину реки Кии. Удел геолога – смотреть под ноги. Но как удержаться, чтобы не залюбоваться тайгой! Здесь, у вершины, она свежая, еще весенняя, изумрудно-зеленая с буйно цветущей белой черемухой, с дымчатыми кронами изувеченных ветрами горных кедров. Ковер трав попеременно с желтыми лютиками, огоньками, медуницами, саранками и марьиным корнем стелется под ногами. На старом пне сидит вертлявый бурундук, попискивает и с удивленным испугом глядит на человека: кто ты, опасен ли мне?

– Спокойно, малыш! – машет ему свободной рукой Сергей. – Не до тебя!

Точка наблюдения номер два. «Склон гольца, покрытый мелкощебенистой россыпью дунитов и перидотитов...»

Пока – ни одной скалки с коренными горными породами, склон закрыт дерном и мелкими обломками дунитов. Радиометр попискивает ровно, стрелка почти не двигается. Не отбивается здесь никакой аномалии, надо искать дайки, а лучше – жилы.

Вскоре травы поднимаются в человеческий рост. Здесь уже лето, июль. Остались наверху кедров, без них взяли свое осинники и ивняки. А вот и медвежья тропа, по которой идти сквозь душные травы одно удовольствие. Только идти надо шумно, не испугать хозяина своим неожиданным появлением, не вызвать агрессию.

Ложе небольшого ручья, к которому привела тропа, выстелено мелкой галькой. Здесь те же дуниты, перемежающиеся с габбро. Но встречается и белый, молочный кварц. Он пустой, без намека обожженности, оруденелости. Все это Сергей записывает в полевой дневник и идет дальше.

Ручей впадает в верховье речки Большой Растай шириной в этом месте всего-то в два шага, но с бурным течением. Речка режет подошву склона гольца вдоль границы дунитового массива, то и дело обнажая соседствующие с ним рассланцо-

ванные породы. Сергей решает спускаться по ней, чтобы детально осмотреть обнажения. И до него по Большому Растаю не раз проходили геологи – новокузнецанин Владимир Огнев, мартайгинец Ефим Шпайхер. Кое-где на скалах остались следы сколов от их молотков. Но они работали только молотками, один искал хромиты, возможно, и алмазы, другой золото. Сергей же вооружен еще и радиометром, и знаниями геологии урана, ему нужны радиоактивные руды. Да, массовые, всеобъемлющие поиски урана ведут с некоторых пор все геологические партии страны, но они делают это попутно, на бегу, без особого усердия, как дополнительную нагрузку, мешающую основной цели, а специализированный отряд уранщиков здесь впервые, поэтому Сергею нельзя ошибиться и что-то пропустить.

Речка запрыгала с камня на камень, то и дело образуя небольшие водопады. Опять стала донимать жара и духота. Ноги в болотных сапогах совсем запарились, и Сергей решил устроить небольшой передых. Скинул сапоги, повесил на колышки проветриваться. Портянки раскинул по нагретым солнцем камням. Костер разводить не стал. Напился из реки и надрезал банку сгущенки. Она сытная, на несколько часов хватит.

Конечно, радиоактивную аномалию он здесь, среди основных и ультраосновных пород, вряд ли найдет, но все это надо тщательно задокументировать, чтобы не осталось никаких сомнений. А значит, придется целый день возиться с камнями и скалами, вывернутыми и обнаженными речкой. Геолог Ефим Шпайхер в свое время тоже не нашел здесь золота, но дотошно изучил местность, исходил ее маршрутами. Сергей две производственные геологические практики отработал в отряде Шпайхера в Мартайгинской экспедиции. Они тогда работали недалеко от гольца Зеленого, но ближе к Таскылу, в среднем течении реки Кии, захватывая и ее притоки – от Растая до Шалтыря. Прекрасное было время! А какие практические знания для работы геолога преподавал практикантам – а их работало двое – опытный геолог, кандидат наук Ефим Давидович Шпайхер! Сергей не раз с благодарностью вспоминал учителя.

«Даже если маршрут пустой и неинтересный, ничего не дает ни уму ни сердцу, пройди его полностью, не ленись, не пиши догадками, описывая только то, что видишь. Бери образцы любого непонятного тебе камня. В геологии все делается на доверии. Геолог один в маршруте или в забое, его никто не видит, он может написать в дневнике что

угодно. Может даже сесть у реки и придумать маршрут, описав его по аналогии с предыдущим, параллельным, вроде бы похожим. Но стыдно будет смотреть на карту с нанесенной тобой ошибкой, твоим враньем, домыслами, нестыковками. Последователи скажут: что за дурак здесь прошел? И пройдут твоим путем снова, чтобы поправить дурака, найти истину. А ты ведь оставишь свою подпись в конце описания маршрута. И будет тебе дурная слава! Не только прижизненная, но и посмертная».

Это напутствие Шпайхера стало для Сергея, пожалуй, основным в работе. Вот и сейчас, обувшись в сухие сапоги, он снова принялся обстукивать молотком и прослушивать радиометром скалы. Пустые скалы. Но осмотреть их обязательно нужно.

В речку впадал небольшой ручей, берущий начало в каровом озере Тихом, заполнившем дно цирка под юго-восточным склоном Зеленого. Сергей вознамерился дойти в этот день хотя бы до озера и заночевать там. Но, пока он увлеченно лазил по скальным выходам вдоль берега реки, западную сторону неба стала закрывать густая черная грозовая туча. Она медленно наползала на голец и, приблизившись к нему, разразилась раскатами грома и сполохами молний.

«Вот и напарило грозу», — уныло подумал Сергей, ища глазами подходящее место для укрытия от дождя.

Едва успел залезть под невысокую, но разлапистую пихтушку, как набежал ветер, растрепал травы, раскачал верхушки деревьев, обдал прохладой разгоряченное тело. И тут же, громыхнув очередным раскатом, черная туча пролилась дождем, вскоре перешедшим в настоящий ливень.

Пихта недолго защищала геолога от падающей с неба воды. Пришлось доставать из рюкзака энцефалитку и надевать на мокрую рубашку. Но и энцефалитка вскоре насквозь промокла, стало зябко, с лица то и дело приходилось мокрой ладонью сбрасывать воду.

А туча, как на грех, словно зацепилась за вершину гольца и не уходила. «Когда ж ты вся выльешься?» — мысленно ругался Сергей, глядя на буйство вздувшейся и вспенившейся реки, помутневшие струи которой все набирали и набирали скорость, сминая прибрежные травы и сгибая тонкие ветки ивняков. Речушка на глазах превращалась в полноводную речку.

Но вскоре напор дождя заметно спал, и лишь отдельные крупные капли продолжали со стуком

падать на пропитанную водой тайгу и землю. Туча отцепилась от гольца и стремительно уходила на северо-восток, унося с собой грозу.

Опять Сергею пришлось сушиться. Зато умытая тайга засияла свежей, чистой зеленью, поднявшиеся травы стали изумрудными и поблескивали на солнце оставшимися на них алмазами водяных капель. К тому же ливень прибил мошку и комаров, и голый Сергей с удовольствием подставлял тело набравшему жар светилу. Да здравствует вольная таежная жизнь! Да здравствует жизнь, просто жизнь!

Сергей почувствовал прилив сил и готовность продолжить работу. Но пока он ждал, когда окончательно высохнет одежда, разложенная на больших округлых камнях.

Тайга вошла в его жизнь еще в детстве. Он родился в семье геологов. Дед работал на приисках, двоюродный дед читал лекции о полезных ископаемых в Томском политехе, отец с матерью искали, затем разведывали железную руду в Горной Шории. Правда, отец вскоре нашел другую любовь и уехал с ней на Кавказ, а Сергей рос у деда на приисках. Воспитывала бабушка, которая разрешала ему подолгу пропадать с друзьями в тайге. Тогда он и узнал, и полюбил тайгу.

Вспомнился рассказ матери о том, как она так же, в геологическом маршруте, после грозы с обильным дождем наткнулась на берегу реки на труп почтальонки, шедшей к ним в партию с большими деньгами. Почтальонка добиралась пешком, привычно несла геологам зарплату, но утонула во взбухшей реке. Видимо, не могла, побоялась бросить тяжелую сумку с деньгами. После грозы вода в реке упала и мертвая женщина оказалась на берегу. Мать не знала, что делать, но, успокоившись, благоразумно решила не трогать ни труп, ни деньги, вернулась в партию и рассказала о находке людям. Потом геологи, получившие долгожданную зарплату, скинулись на похороны почтальонки, а матери в благодарность купили отрез хорошей материи на платье. Рассказывая об этом, мать доставала состарившееся платье из шкафа и любовалась им, пританцовывая. «В нем я и познакомилась тогда с твоим отцом, только что прибывшим к нам в партию. Молодой специалист, с высшим образованием, красавец! Мы сразу стали жить вместе, ведь настоящая любовь — быстрая, а я поверила ему...» Потом радость переходила в обиду за предательство отца, но в конце концов мать справлялась с собой и, махнув рукой, заканчивала: «Это было так дав-

но! Зато у меня остался ты!» И она обнимала юного Сергея и целовала его в щеку. А он думал об отце: какой он, что за человек, чем сейчас занимается, есть ли у него другие дети? Ответов не было, отец никогда не давал о себе знать, и мать полагала, что с ним что-то случилось, его нет в живых.

3.

Снова сияло солнце, и Сергей продолжал плавно осматривать и обстукивать скальные обнажения, сплошной грядой выстроившиеся вдоль возвышенного левого борта реки. Когда уставал, спускался к воде и недолго отдыхал. Постепенно он приближался к озеру и, дойдя наконец до травянистого зыбкого берега, с облегчением оглядел окрестности: скалы закончились и только на противоположном берегу озера поднималась в небо голая вертикальная стена каменного цирка, глубоко врезанного в восточный склон гольца Зеленого. Внимательно разглядывая эту неприступную стену, Сергей заметил лестницу, свисавшую с самой верхней точки стены к дну цирка. Ого! Это ж метров под сто! Неужели геологи из отряда Огнева соорудили? Когда ж это было? Давненько, лет двадцать прошло. Наверно, лагерь у них был наверху, а работа – здесь, в цирке, вот и соорудили они лестницу, навесив ее на скалы, чтобы не ходить вкруговую, делая лишние километры.

Тем временем стало вечереть. Здесь, на дне цирка, быстро наступили сумерки, от озера потянуло холодом. «Неуютно будет ночевать», – подумал Сергей, выискивая глазами место для костра. Пришлось уходить от озера к лесу – к дровам. Достав из рюкзака обмотанный запасными тряпками легкий топорик, нарубил сухостоя и развел огонь. Затем начал делать нодью, чтобы поджечь ее ночью.

Вскоре стала донимать мошка, пришлось доставать мазь. И все-таки на душе было хорошо, спокойно. Сергей любил часы отдыха у костра после трудового дня. Растянувшись на пихтовых лапках, наслепленных у камня, который задерживал тепло разгоревшегося огня, он начал планировать дальнейший маршрут. На восток идти нет смысла, туда потянулись сплошные дуниты и габбро, значит, придется пустым ходом вернуться в верховья ручья и обогнуть голец Зеленый с севера и запада. Наверняка там все закурумлено и задерновано, но пройти надо. Как раз наматывается километров пятнадцать. А послезавтра выйти маршрутом к среднему течению Саянзаса и по не-

му подняться домой, в лагерь. Это еще километров пятнадцать. Да сегодняшние пять. Хорошо! И геологии польза, и плану тоже.

Настала пора подумать о еде. Хотя чего там думать: тушенка с хлебом и пучком тут же сорванной черемши – прекрасный ужин.

Но долго наслаждаться отдыхом Сергею не пришлось. Макушка неба еще отблескивала закатным кумачом, когда ее стала закрывать черная туча. Шла новая гроза, далеко на западе засверкали молнии. Сергей забеспокоился: придется прятаться в лесу, а значит – прощайте, спокойная ночь возле жаркой нодьи и крепкий сон. Но собраться он не успел: дождь хлестанул неожиданно и сильно. Резкий порыв ветра задул костер, разметав пепел и искры. Побросав вещи в рюкзак и подхватив ружье, Сергей побежал в гущу леса, под пихты. Но убежище оказалось ненадежным, вскоре с веток закапало, а там и полилось несколькими ручейками сразу. Молнии яркими прочерками разрывали темное небо, сердито и подолгу рокотал гром. Сергей дважды поменял укрытие, но это не помогло – вскоре он был мокрым до трусов и майки.

Так прошел час, возможно, и больше, но гроза не унималась, туча не уходила, цепко держась за вершину гольца. Ожидание утомляло Сергея, наваливалась усталость, слипались глаза, усилилось беспокойство за нормальный ночлег, когда можно будет по-настоящему отдохнуть, и он стал думать о срочном побеге в лагерь. Почему бы и нет, если воспользоваться лестницей, навешенной на стену цирка? Надо попробовать подняться по ней, и тогда часа через два он уже будет в лагере, успеет обсохнуть и выспаться в своей палатке, а утром продолжит маршрут.

И это реально! Сборы заняли пару минут, и вот уже Сергей быстрым шагом, разбрызгивая воду в накопившихся вокруг лужах, мокрый до нитки, пробирается сквозь тальники по берегу озера к лестнице, высматривая ее при вспышках молнии.

Лестница, это рукотворное сооружение, обнаруженное им здесь, в дикой тайге, вызывала не только удивление, но и восхищение. Оказывается, люди навесили лестницу, сделанную из листовенничного бруса, на кованые металлические клинья, вбитые в скалы, а перекладыны из обрезков того же бруса были не просто прибиты к вертикальным стойкам гвоздями, а для надежности еще и перевязаны толстой металлической проволокой. Какая кропотливая работа! Недаром лестница висит уже

двадцать лет с момента работы здесь партии геолога Огнева. Висит, не обрушилась!

Сергей с силой дернул лестницу на себя за нижнюю перекладину, проверяя ее надежность. Держит! И почти не шелохнется. И тогда он полез по ней, перебирая мокрыми руками замшелые от времени перекладины. Хорошо, что было темно и он не видел под собой пугающей пропасти с отдаляющимся с каждым шагом каменистым дном. Но вдруг одна из перекладин переломилась под его ногой – он едва удержался, успев повиснуть на руках. И тогда пришел страх. Не хватало еще упасть, разбиться, и ведь никто его там, на дне цирка, никогда не найдет, и лишь через много лет какой-нибудь случайно заглянувший туда человек обнаружит старый череп, через который проросла трава... Да, перспектива... Надо быть осторожным, пробовать каждое движение, чтобы не обвалилась под рукой или ногой очередная подгнившая перекладина. Но если обрушится вся лестница, тогда точно несдобровать. От этой мысли по телу пробежала дрожь. Но испугаться понастоящему Сергей не успел, так как в нескольких метрах от него в скалу ударила молния. Вспышка ослепила Сергея, полетел веер искр, запахло озоном и жженым камнем. Этого еще не хватало!

И тут молнии стали бить в скалу одна за другой, как будто намереваясь сбросить человека с лестницы. Сергей вспомнил, что геолог Огнев искал хромиты, и он их нашел в обнажении этого цирка, который сложен крепчайшими глубинными гипербазитами, недаром цирк обнажился вертикальной неприступной стеной. Такие каменные массивы выносят с собой из огромных глубин хромитовые руды, магнетит, медь, огнеупоры, поэтому сюда и бьют молнии, поэтому и лежит на склоне гольца разбившийся самолет, влетевший в магнитную аномалию. И лестница понадобилась геологам не для сокращения пути, как подумалось сразу, а для того, чтобы правильно опробовать хромитовую рудную залежь, иначе до нее не добраться.

Догадка объяснила удары молнии в магнитные камни, но не успокоила, а только сильнее напугала Сергея. Но отступать было поздно, как минимум половину пути он уже преодолел. Если бы умел молиться, Сергей обратился бы к Богу, прося защиты. «Лишь бы не в меня, лишь бы не в меня», – мысленно повторял он и тянул дрожащие от усталости руки к очередной перекладине лестницы, чтобы подтянуться еще на ступеньку, затем на следующую, на следующую... Сколько же их?

И тут трухлявые перекладины стали сыпаться под его весом одна за другой. Он уже не опирался на их середину, а ставил ноги на края, рядом с вертикальными брусками – так надежней, но перекладины все равно ломались, уходя из-под ног, и Сергей опять повисал на руках, выискивая ногами опору, из-за чего и отдыхать пришлось чаще. Чтобы разгрузить уставшие и уже почти не гнувшиеся пальцы, он обхватывал лестницу локтевым сгибом одной руки, а другой придерживал намокший, потяжелевший рюкзак, давая отдых плечам. Ливень заливал глаза, и приходилось то и дело сдвигать воду с лица или убирать ее касанием лба о лестницу.

Уже на остатке сил, когда стало казаться, что до конца лестницы добраться не удастся, она вдруг закончилась. «Я последний, кто по ней взобрался», – подумал Сергей, неожиданно нащупав над собой не очередную трухлявую перекладину, а дощатую полку и трос, которым прикрепили лестницу к толстой трубе, вбитой в камни. Он заполз на полку, с облегчением снял с плеч ружье и рюкзак и лег на спину, вытянув уставшие руки вдоль тела. Молнии, бьющие в стену, остались внизу, теперь Сергей видел только их отблески. Но дождь не унимался и, казалось, еще яростнее хлестал пульсирующими от ветра струями по лицу. Но он выбрался! И это главное.

Теперь оставалось только найти силы, чтобы встать и пойти в сторону лагеря.

4.

Из крайней палатки доносились голоса: горняки не спали. Сергей бросил рюкзак и ружье у входа и зашел внутрь. Мокрое тело обдало теплом от натопленной печки. Мужики резались в карты.

– О, Сергей! А мы тебя не ждем сегодня! – удивленно воскликнул горный мастер Трофимыч, блеся очками, отражающими свет керосиновой лампы. – Чего?

– Гроза вспугнула, на гольце жутко что делается, – ответил Сергей, усаживаясь на краешек нар у печки. – Как тут без меня?

– Как раз перед грозой вертолет был, – с готовностью ответил мастер, откладывая карты в сторону. – Молодую геологиню привез, продуктишков немного. Ты извини, но мы палатку девчонке ставить пока не стали, в твоей спит, ты ж сам сказал, что дня на три уходишь.

– Ладно, перебьюсь, на полу посплю, – отмахнулся Сергей. – После дождя снова уйду, маршрут надо закончить. Шурфы как?

– Нормально добиваются, без взрывчатки идем, на кайло. Девчонка документировать будет?

– Да, как подсохнет, отведешь ее на профиль, покажешь. Молоденькая, говоришь?

– Соплячка совсем.

– Тогда смотрите мне, чтоб без шуток с девушкой!

– Серега, ты что? Это ж пустой номер, – развел руками молодой горнорабочий Петро Балук. – Геологиня – это не для нас, это для тебя.

– Но-но! – Сергей показал парню кулак. – Не балуй, Петруха! Чего языком болтать? В картишки вон не прокинься.

– Может, поешь чего? – предложил Трофимыч.

– Нет, устал, пойду с ночлегом придумывать. Пока, мужики!

– Печку мы ей растопили, дров там у тебя еще много! – вдогонку крикнул Трофимыч. – Наверно, подкидывала перед сном.

– Разберусь!

К своей палатке подходил с любопытством, но там было тихо и темно. Зато натоплено.

– Кто здесь? – раздался испуганный девичий голос, как только он зашуршал пологом.

– Это я, Сергей Рыжиков, из маршрута вернулся, – откликнулся Сергей.

– Ой, извините! А меня временно сюда положили. – Голос невидимой им в темноте девушки виновато задрожал.

– Ничего, – успокоил ее Сергей, – я найду себе место, у меня ж доски на полу постелены, спальник толстый. Да и уйду я утром снова, так что живи пока здесь. Лампу засвечу?

– Конечно, зачем спрашиваете?

– Тебя же Тоней зовут?

– Да.

– Тогда и меня – просто Сергей, без выканья, мы ж коллеги, геологи, давай по-простому.

– Поняла, извини.

Он зажег лампу и наконец-то увидел девушку. Она лежала в спальнике, выпростав голову с взъерошенной копной светлых волос. В глазах испуганно металось отражение горящего фитиля лампы.

– Может, я лягу на пол? – неуверенно спросила она.

– Перестань, все нормально, спи. Я пошумлю чуть-чуть, печку расшурю, одежду сушить развешу и тоже улягусь. Утром поговорим.

– Хорошо.

Когда он наконец тоже затих в своем спальнике, то понял, что больше не слышит шума дождя и раскатов грома. Похоже, ушла гроза. Надолго ли?

Уснуть сразу не удалось, несмотря на усталость. В голову лезли мысли о девушке. От начальника партии Сергей знал только, что она приехала в экспедицию после Новосибирского университета, геолог. Интересно, одна приехала или с парнем, а то и мужем? Скорее всего, одна, иначе их распределили бы вместе в одну партию.

«Ох, Серега! – мысленно ругнул он себя. – Уже прицениваешься к девчонке, ловелас этакий. Зачем она тебе? Работать надо, девчонки подождают. Вон Полухин – сразу из института приехал с женой и ребенком и теперь вместо поля сидит дома, нянькается, пока жена в больнице лежит. А он, Сергей, без него тут один и в маршруты бегаёт, и шурфы документирует – хоть разорвись. Хорошо, эту девушку прислали, теперь полегче будет, но ей еще предстоит в курс дела войти, местную геологию изучить и понять».

Он понимал, что еще не насытился любимой работой, геологией.

...Скрип печной дверцы заставил его очнуться и открыть глаза. В палатке светло, у печки на короточках сидит Тоня, разжигает огонь. Лицо вполборота, носик ровненький, чуть вздернутый, губки ладненькие, мягкие русые волосы рассыпаны по плечам. Оказывается, уже утро!

– Привет! – сонно произнес Сергей, разглядывая девушку.

Не вставая с короточек, она повернулась к нему, улыбка осветила красивое молодое лицо.

– Проснулись. А я тут хозяйничаю.

– Э-э, мы же договорились, что общаемся на «ты», – поправил ее Сергей.

– Извини. Привыкнуть надо. После большого дождя на улице холодно, печь прогорела, я и решила растопить.

– Правильно, сырость в палатке не нужна. Ну, так я встаю?

– Вставай, я выйду.

«Началась семейная жизнь, – усмехнулся он, вылезая из спальника. – Сейчас начнет завтрак предлагать».

Но Тоня завтрака не предложила. Наоборот, извинилась, что ничем не запаслась.

– В поселке только печенья накупила. Даже колбаски хорошей не было, – оправдывалась она.

– Вот и ешь свое печенье. А я пару банок «Завтрака туриста» наверну, мне ж в тайгу бежать.

– А может, один денек подождет тайга? – Она вопросительно смотрела на него. – Сводил бы меня на шурфы, показал, а дальше я сама.

– Горный мастер Трофимыч сводит, я распорядился. А мне некогда, четыре июльских дня осталось, надо по маршрутам километраж намотать. И аномалию, глядишь, подцеплю. Вот смотри...

Он достал из полевой сумки карту, разложил ее на маленьком самодельном столике перед оконцем палатки, стал объяснять девушке задачу, которая стояла перед отрядом. Она понятливо кивала головой.

– Обращай внимание на обохренные породы. Среди дунитов могут альбититы появиться – тоже зацепка для нас. И про радиометр не забывай, без него при нашей специфике никуда. Если в чем сомневаешься, бери образцы, после вдвоем разберемся.

«И все-таки она красавица!» – решил Сергей, украдкой разглядывая Тоню. Небольшого роста, стройная, в обтягивающем грудь и талию сером свитере и узких спортивных брюках, с пепельнорусыми волосами до плеч и с пробором посередине, она притягивала его взгляд и, как он его ни прятал, то и дело ловила его и улыбалась. Конечно же, она знала себе цену.

– Ладно, пойду собираться, – встрепенулся Сергей. – Сразу после радиосвязи уйду. Кстати, возьми себе мой запасной геологический молоток, он на улице, лежит под кедром возле палатки. Рулетка в кармашке палатки, там и горный компас должен быть.

– Компас у меня свой, – ответила Тоня. – С практики остался, подарили.

– Где практику проходила?

– Обе практики – на Камчатке. Туда и после университета хотела поехать, но места при распределении не досталось, на Камчатку и Чукотку только с красными дипломами ребят взяли, а я не дотянула.

– Ничего, Кузнецкий Алатау не хуже, привыкнешь. По мне, так лучше места нет. И партия у нас видишь какая – специализированная, редко кто из молодых просто так к нам попадает! Очень интересная работа, тебе повезло.

Выйдя в восемь утра на связь, Сергей сообщил о найденном американском самолете, передал его координаты.

Тоня стояла за спиной, слушала, смотрела, как он работает с рацией, училась. Самолет ее заинтересовал.

– Позже туда сходим, покажу, – пообещал Сергей. – Все, хозяйничай тут. С горным мастером обязательно найди общий язык, он мужик хороший. Мои шурфовочные пикетажки посмотри, по ним поймешь геологию участка, с категориями пород сама разберешься, а там и я через два, максимум три дня вернусь. На всякий случай я на карте начертил тебе свой предполагаемый маршрут. Не забывай выходить на связь. Живи пока у меня, вернусь – сам поставлю тебе палатку.

И ушел продолжать маршрут. Пошел обратным порядком: сначала вниз по реке Саянзас, затем на север, чтобы, обогнув по подошве голец Зеленый, вернуться к вчерашней исходной точке на его вершине.

5.

Он шел по берегу реки и вполголоса пел. Ему не мешали ни кочки, ни мочажины, ни густые заросли ивняка, через которые он прорывался напропалую, выставляя перед собой свободную руку, чтобы убирать с пути пружинистые, хлесткие ветки. Настроение было приподнятое и игривое. Казалось, попадись на пути медведь, он и его свалит одной рукой, как сшибает ударом ладони прошлогодние сухие дудки медвежьей пучки.

Мозг Сергея одновременно делал тройную работу: отмечал под ногами все, что касалось геологии, считал пары шагов, чтобы вести километраж маршрута, и думал о Тоне.

Его почему-то радовала мысль о том, что она живет в его палатке и будет встречать после маршрута. Рада будет или нет – это другой вопрос, но ведь встретит, как встречает казачка своего мужа после похода – с радостной улыбкой, вкусно заваренным чаем с печенюшками, которые привезла из поселка, веселым, суетливым девичьим щебетом, бегая вокруг него и рассказывая о событиях прошедших дней.

А он снимет рюкзак, устало сядет под кедр, разуется, подставляя упрямые ступни ног прохладному ветерку, попросит воды, долго и с наслаждением станет пить и только тогда скажет: «Привет! А теперь снова рассказывай, как здесь да что».

И она начнет свой рассказ и обязательно коснется того, как ей трудно жилось и работалось без него, а теперь, когда он вернулся, все будет хорошо. Возможно, еще и расплатится.

«Все будет хорошо, все будет хорошо!» – мысленно произнес Сергей, продолжая свои фантазии, и тут же остановился: мозг досчитал до опре-

деленного количества пар шагов, равного двумстам пятидесяти метрам, а это означало, что пора садиться и записывать наблюдения на пройденном отрезке пути. А затем идти дальше. И так — каждые двести пятьдесят метров.

Через четыре километра Сергей оставил долину Саянзаса, свернул направо и стал подниматься по узкому каньону небольшого притока, в котором почти не было воды. К полуденному солнцу он вышел на водораздел, сросшийся в виде горного отрога со склоном гольца Зеленого. Здесь все было завалено крупным курумником, поросшим древними мхами. Над каменным дунитовым полем гулял вольный ветер. Почти под каждым валуном, в тени, лежал стожок сена, заготовленного и натасканного сюда пищухами. Их громкие посвисты оглашали окрестности, а в небе кружил коршун, высматривая зазевавшихся зверьков.

Прыгая с камня на камень, Сергей перевалил на другую сторону отрога и вышел в верховья другого безымянного ручья уже из системы другой реки — Баянзаса и там, где закончились курумные свалы, решил сделать короткий обеденный привал. Сидя у костерка, разогревая банку тушенки, он снова думал о Тоне. Зачем? Неужели так запала в душу? Ко времени ли? Или как в песне: «Любовь нечаянно нагрянет...»

За день он прошел около пятнадцати километров. Как и ожидалось, маршрут был пустым. Зато почти не оставалось сомнений, что слабая радиоактивная аномалия, которую они раскапывали в лагере, на северо-запад не тянется. Похоже, она локальная, почти точечная и бесперспективная. Значит, после его пустого маршрута придется сниматься и переезжать в устье Черной Усы, к Евдокимову. Там, похоже, есть перспективы.

Перед сумерками, помня прошлую грозовую ночь, он остановился под кедром и нарубил много пихтовых лапок, из которых устроил небольшой навес. Перед входом разжег костер. После ужина, попивая чай, попытался сложить в уме геологическую ситуацию вокруг гольца Зеленого. Она получалась не в пользу радиоактивных руд. Ну что ж, отрицательный результат тоже результат, и его надо принять. Но прежде предстоит замкнуть маршрут, чтобы не оставалось вопросов. Хотя, если честно, они всегда остаются. Да и как им не быть, если большая часть территории завалена непробиваемыми для глаза и радиометра курумами. Что там, под ними? Упор придется делать на сравнение участка, который они раскапывали, с геологической обстановкой северо-западного и се-

верного склонов Зеленого, отталкиваясь от строения самого гольца.

А ночь была удивительной. Постарел месяц, и его тонкого золотистого серпа почти не было видно на темном небе. Зато ярко сверкали звезды. Их было так много и они просматривались на такую космическую глубину, что их густая алмазная и, казалось, шевелящаяся россыпь поражала воображение.

Вспомнились строчки любимого поэта Игоря Шкляревского:

*В такую ночь уже нельзя
всю душу выболтать растениям.
Надежды, женщины, друзья —
все подвергается сомненьям.*

Он один. И душу может выболтать только самому себе. А что в его молодой, еще не созревшей душе? Пока только любовь к маме, деду с бабушкой и геологической работе. Еще есть шевелящийся интерес к Богу. Но Бог ему неведом; даже бабушка, которая тихонько молилась иконе с Богородицей, висящей за занавеской на кухне, ничего не рассказывала о Боге. А мать вообще не знала Его, хотя говорила, что чувствует, но не думает о Нем, потому что нельзя, ведь когда-то была комсомолкой. Сам Сергей иногда чувствует Бога, особенно когда решает геологические задачи. К геологии Бог точно приложил руку, устроив земной шар логически, системно. Природный хаос не смог бы этого сделать, вот только понять бы ход Его мысли. Но дано ли это людям, которые в большинстве своем только чувствуют Его, но до конца не верят, противятся вере, боясь устоявшихся догм?

Вот бы сейчас ему, геологу Сергею Рыжикову, постичь логику Бога. Сколько бы открытий он совершил! Какая бы Книга знаний легла перед ним!

Он вспомнил двоюродного деда, который преподавал в институте науку о полезных ископаемых. Дед свято верил в системность металлогенических провинций и мечтал понять эту системность, развить ее до отдельной прикладной науки. Но она почти не давалась, постоянно заводила его в тупики. А ведь дед разгадывал именно логику Бога! И наверное, знал об этом, не мог не знать со своим пронзительным умом. Потому и ушел в науку, а не остался полевым геологом. «Захотелось широты охвата, а не знания отдельного региона», — признавался он. Но беда деда состояла в том, что он все равно оставался атеистом, пусть и

формальным. Он намеренно глушил в себе Бога, потому что в кармане лежал партийный билет. В этом они с мамой были похожи. Однажды на рыбалке, когда Сергей гостил у деда, тот у костра откровенно рассказывал об этом. Тогда была такая же звездная ночь. А дед уже был на пенсии, от дел отошел, и системность в распределении в земной коре полезных ископаемых им так и не была до конца раскрыта.

А что, может быть, подхватить дедово дело? Хотя для этого он еще не дорос. Да и любимой тайгой, полевой геологией не насытился. Это еще одна любовь в его душе – таежная романтика.

А найдется ли место в его душе женщине? Скорее всего, найдется, ведь это тоже логика Бога: создать на земле мужчину и женщину. «Влюбляйтесь и размножайтесь» – так вроде? Хотя точных слов Сергей не ведал, но знал, что иначе не бывает. Значит, придет к этому и он. Кто будет эта женщина? Может быть, Тоня? Не зря же она неожиданно появилась в его жизни. Опять логика Бога?

О чем только не передумает в одиночестве у таежного костра под шепот звезд! Вот и до Бога мысли добрались. И ведь не впервые, если честно. «В такую ночь уже нельзя всю душу выболтать растениям...» Все, хватит, надо поспать, завтра весь день на ногах.

6.

Сергей проснулся еще до солнца. После подогретой на огне банки «Завтрака туриста» и нескольких глотков эрзац-кофе из цикория почувствовал себя бодрым и готовым к работе. Как раз и день разгорался солнечным и ярким.

К обеду он достиг верховьев реки Баянзас, а это почти северная точка его маршрута. Река здесь только начиналась и была лишь тоненьким ручейком с узенькой полоской галечника. Сергей ткнул в него шиной радиометра и с удивлением увидел, как стрелка качнулась и резко поплыла вверх, остановившись на тридцати микрорентгенах. И это после семи, от силы десяти на всем протяжении его пути!

Он перебрал гальку, но ничего необычного не увидел: сплошные дуниты, габбро и переходные типы. Но радиометр уверенно показывал тридцать микрорентген. Сергей отошел от ручья – десять. Подошел – тридцать. Прошел по ручью вверх, затем вниз – тоже ничего. И только в одной точке – тридцать. Опять локальная концентрация? Чего? Или это выход радона?

Отложив в сторону ружье и рюкзак, он стал расчищать геологическим молотком русло ручья.

Ямку тут же залила вода, и он стал отводить ее, прорывая канавку. Углубившись сантиметров на пятнадцать, замерил снова. Тридцать! Здесь галечник слежался плотно, ковырять его молотком стало тяжело. Кайло бы в руки! «Я б в Москве с кайлом уран нашел при такой повышенной зарплате!» – пришли на ум строчки из песни Высоцкого. Но где оно, кайло? Придется размусоливать любимый молоток.

Весь остаток дня Сергей провозился с этой закопушкой. Молоток выдержал, а вот руки устали до онемения и получили несколько глубоких ссадин. Зато стало понятно, на чем прыгнула стрелка радиометра – на захороненных под аллювием ручья свалах слабо обохренного кварца. Здесь скорее будут признаки золота или меди, но никак не урана.

Подробно описав все это в полевом дневнике, Сергей стал присматривать место для ночлега. Пройдя сотню метров вверх по ручью, увидел небольшую скалку, торчащую среди деревьев. Она оказалась останком узенькой кварцевой жилы со слабой сульфидной минерализацией. И тоже показала тридцать микрорентген. Сергей окончательно успокоился, убедившись, что наткнулся на пустышку.

Но день был потерян. Хотя кто знает, действительно ли он потерян. Сидя у костра на пихтовых лапках, Сергей размышлял о случайностях и закономерностях жизни. Ночь снова была звездной, думалось хорошо, но постепенно философские мысли отступили и сердце заполнила лирика. Он стал вспоминать своих девушек. Сколько их уже было? Если иметь в виду попытки серьезных отношений, то не менее трех. Но ни с одной так ничего и не получилось. Почему? Он не увидел в них родственных душ? Но думал ли он об их душах, пытался ли разобраться в них? Скорее, наитием понял, что они не его девушки. Или, наоборот, это они отринули его самого, угадав в нем неисправимого мечтателя, философа, лирика, бродягу и романтика? Зачем такой мужчина практичной женщине? Станет ли он опорой в жизни, надежным отцом детей или так и будет витать в своих мечтах?

Какая женщина нужна бродяге? Не такому бродяге, который гуляет по свету просто так, ради бездельного любопытства, не описывая свои похождения даже в дневниках, а такому, как он, Сергей, бродяге по специфике работы. Ведь он действительно бродяга, возле себя его не удержать, его манит поле. Сколько их, таких профессий-

нальных бродяг? Приходит весна, и в камералках геологов, геофизиков, геодезистов, биологов начинаются разговоры о поле. Они берегут души и вскоре выливаются в неудержимое стремление скорее уйти, уехать, улететь на волю – в тайгу, тундру, пустыню, степь, в горы. В поле! И они улетают, уезжают, уходят! И чувствуют себя самыми счастливыми людьми на свете.

Утром он проснулся с мыслью, что сегодня надо обязательно вернуться в лагерь: закончился июль, и горняки будут ждать, когда он составит наряды и подсчитает их заработок. Покоя ему не дадут, пока наряды не будут готовы и отправлены в экспедицию.

Сергей бодро поднимался по ручью, когда услышал вертолет. Зачем он здесь, на северном склоне Зеленого? Уж не за ним ли?

Вертолет с шумом вылетел из-за горы, и Сергей понял, что тот следует его маршрутом, нагоняет. Значит, ищут его. Он вышел на поляну под курумником и начал махать рукой. Его увидели, вертолет пошел на круг, но сел вдалеке, подыскав для приземления ровную, открытую площадку. Двигатель пилоты не глушили, ждали Сергея.

Из открытых дверей выглядывала улыбающаяся Тоня и призывно махала руками:

- Залезайте!
- Зачем?
- Да залезайте же! Здесь расскажу!
- У меня маршрут не закончен!
- И не надо! Грузитесь в вертолет.

Пилоты не отвлекались от машины, командир даже не глянул на геолога, крепко держа ручку управления, и поднял машину сразу же, как только бортмеханик захлопнул за Сергеем дверь.

– Евдокимов приказал вернуть вас из маршрута сегодня! – стараясь перекричать шум двигателей и наклонившись над ухом Сергея, сообщила Тоня. – Завтра он перевезет нас к себе, надо подготовиться к эвакуации.

– А как же работа здесь?

– Говорит, что следующим летом продолжим. А у него там открылись серьезные перспективы, надо всей партией навалиться, чтобы успеть отработать участок до снегов. Прямо сейчас забирает горняков, они уже собираются. Вторым рейсом вертолет увезет взрывчатку.

Новость Сергея не огорчила. В этом маршруте он твердо уверился в бесперспективности участка гольца Зеленого на радиоактивные элементы. И следующего лета не понадобится, уранщикам делать здесь больше нечего.

Пока вертолет летал за Сергеем, горняки успели снять палатку, собрали шанцевый инструмент и личные вещи, сложили все это на краю вертолетной площадки и сами сидели в сторонке, ожидая команды на посадку.

– Давай, мужики, с богом! – крикнул Трофимыч, как только лопасти вертолета замерли.

Сам он оставался, чтобы вторым рейсом вылететь со взрывчаткой. А за Сергеем и Тоней борт придет завтра.

Гул улетевшей машины затих, и Сергей снял с себя наконец ружье и рюкзак. Стало легко. И пусто на душе и в голове. Так бывает, когда закончишь большое дело, а другого еще нет.

– Ну что ж, чему быть, того не миновать! – бодрым голосом сказал он, будто соглашаясь наконец с предложенными обстоятельствами. – Значит, Саянзас мы закрыли, – глядя на стоящую рядом Тоню, добавил он. – Теперь да здравствует Черная Уса! Вот уж где разгуляются молодецкие плечики!

7.

Сергей помогал Трофимычу таскать на вертолетную площадку ящики со взрывчаткой, когда из палатки вышла Тоня, экипированная по-походному и с молотком в руке.

– Куда ты, матушка, собралась? – шутливо спросил он девушку.

– А ты думаешь, почему я не улетела с рабочими? У меня не все шурфы задокументированы, несколько зависло. Я сказала об этом по рации Евдокимову, он одобрил, разрешил остаться до завтра.

– Понятно. Хотя я бы и сам мог...

– Еще чего! Сейчас это моя работа, мне и надо ее доделать.

И она ушла по натопанной горняками тропинке на горный профиль. А у Сергея в душе затеплился радостный огонек: молодец девчонка, не бросилась улетать сломя голову, думает о деле!

Взрывчатку пересчитали на два раза – для верности. После этого Сергей подписал Трофимычу акт ревизии склада взрывчатых веществ, а затем отнес в свою палатку ящик с детонаторами: вместе с аммонитом их перевозить нельзя, он увезет их завтра сам. Горный мастер забирал и остатки продуктов, отложив для геологов несколько банок тушенки и сгущенного молока.

– Не оголодаете?

– Надеюсь, не успеем.

– Возьми еще мешочек с лапшой, сегодня побыстрому сварю, чтобы не возиться.

– Давай, а то одна тушенка поднадоела.

Вскоре пришел вертолет и Трофимыч со своим опасным грузом улетел. В наступившей тишине Сергею взгрустнулось. Он обошел опустевший лагерь, сел на краешек голых нар, оставшихся от горняков на месте их бывшего жилища, посидел на чурке возле остывшего кострища. Всегда жаль покидать обжитое, понравившееся место. А здесь ему действительно нравилось. Он постоянно любовался этой летней тайгой, этим тихим, прогретым солнцем гольцом Зеленым. Конечно, и на Черной Усе будут свои прелести, но там нет такой распаханности таежных далей, когда смотришь на них с высоты гольца почти в полторы тысячи метров.

Пока Тоня отсутствовала, Сергей сварил лапшу с тушенкой, с аппетитом поел, вышел на вечернюю связь, коротко рассказав Евдокимову о результатах своего маршрута и узнав, что его горняки благополучно долетели и уже разместились в новом лагере. Евдокимов радовался пополнению и назавтра ждал Сергея с Тоней.

– За вами вертолет будет после обеда, – сообщил он в конце связи. – Осмотри там все внимательно, ничего не оставь. Хотя и сам все знаешь, не впервой перебазируешься.

Начальник партии доверял своим геологам и, насколько знал Сергей, был не просто доволен их работой и профессионализмом, но и гордился ими. Как-то геолог Витя Лабышев рассказывал Сергею, что стал свидетелем разговора Игоря Евдокимова с местным охотником-промысловиком, пришедшим к ним попросить курева.

– Классные у вас ребята-геологи, – похвалил охотник. – Всё умеют. И переправу наладят, и на лодке сплавятся, и дров напилят, и палатку мигом поставят...

– Вы еще не все о них знаете, – сказал довольный начальник партии. – Они и любой камень с ходу назовут, и маршрут точно проложат, и горную выработку грамотно опишут, и выйдут без лишних отклонений в заданную точку. И главное, могут работать без выходных и проходных хоть месяца, хоть два, лишь бы работа была нужной и радовала результатами.

Действительно, вся их геологическая партия состояла из энтузиастов. Каждый горел на работе – хоть в камералке, хоть в поле. И каждый знал все тонкости работы. Почему и обрадовался Сергей поступку Тони, когда она осталась на участке, чтобы закончить дело. Значит, геологи ее примут.

Рабочие – тоже, они особенно барышень-лентяек не любят.

Тоня вернулась перед заходом солнца. В тени деревьев стало холодать. Сергей распалил костер, подогрел свое варево. Переодевшись, девушка вышла к огню. Стала рассказывать о шурфах, но Сергей перебил, предложив ей сначала поесть. Ела она с остановками, продолжая свой рассказ, добавив в конце, что радиометрия в шурфах спокойная, без всплесков, да и породы однообразные до скуки.

– Ты бы ела, не отвлекалась, лапша быстро остывает, – посоветовал Сергей, слушая девушку.

Речь ее была правильной, красивой, выдающей человека городского и образованного.

– Ты где росла? – спросил он.

– А что?

– Ничего. Красиво говоришь. Городская?

– Да. Из Новосибирска. Правда, с окраины.

– Значит, в общежитии не жила, когда в универе училась?

– С родителями жила.

– А как ты относишься к тому, что мы сегодня снова в одной палатке ночевать будем?

Тоня смешливо хмыкнула, посмотрела ему в глаза:

– Я так понимаю, что это больше тебя смущает, чем меня.

– Нет, просто из деликатности спрашиваю.

– А ты меньше деликатничай. Я же понимаю нашу ситуацию. Ты в своем спальнике будешь, я в своем.

– Ладно, сменим разговор, – неожиданно смутился Сергей. – Скажи лучше, как тебе эти два дня работалось.

– Нормально работалось.

Тоня поставила на чурку опустевшую миску, облила ложку, спросила, будет ли чай, и продолжила:

– Горный мастер Степан Трофимыч действительно хороший человек, так обо мне заботился. Несколько шурфов получились глубокими, и он помогал мне спускаться в них и выбираться. А рабочий Петя Балук выносил в лагерь отбитые мною в шурфах пробы. Сколько я ни противилась – ничего не помогло, как за принцессой ухаживали.

Сергей смотрел на девушку и улыбался. Она не понимала, почему он улыбается, смущалась. Может быть, сказать ей, что мужики не видели женщин больше двух месяцев, с мая, как прилетели сюда из поселка? Ее появление взбудоражило их грубые бродяжьи сердца, вот они и бросились

наперегонки ухаживать за ней, угождать, помогать. И все это не столько ради того, чтобы она обратила на них внимание, выделила, а просто чтобы побыть рядом, пообщаться, поглазеть на молодую женщину вблизи. Соскучились бродяги.

Ведь и он соскучился. Потому и думает о ней, любит ее. Ему нравится ее чистая, загорелая кожа лица, ее тонкие пальцы рук, сжимающие сейчас кружку с чаем, ее стройные ноги, плотно обтянутые спортивными брюками. Конечно, он понимал, что это неизбежная вспышка чувств и его жизнь теперь, когда появилась Тоня, временно меняла смысл, обогатилась ее присутствием. И ему тоже хотелось нравиться ей, ухаживать за ней. Он даже загодя, пока девушка была на шурфах, подровнял свою молодую бороду, постриг ногти, надел чистую энцефалитку.

Уже стемнело, когда на них жадно накинулась мошка.

– Ой, сколько ее налетело! – жалобно вскрикнула Тоня, расчесывая щеки и голову. – Побегу-ка я в палатку.

Сергею уходить не хотелось, но мошка донимала. А тут и зарницы заиграли далеко на западе. Широким фронтом надвигалась гроза, но это, наоборот, успокаивало, ведь грозовые тучи быстро пролетают. Наверняка к утру небо успокоится, и планы на вылет не нарушатся.

Он еще немного посидел у костра, глядя в огонь. Но зуд от укусов мошек становился нестерпимым, а мазаться перед сном не хотелось, и он тоже ушел в палатку.

8.

Среди ночи громыхнуло, застучал по палатке дождь. Ох уж этот голец Зеленый, ни одна гроза мимо него не проскочит.

Сергей проснулся, вслушался в раскаты грома. Тоня тоже зашевелилась в своем спальнике.

Он молчал, и она молчала. Конечно, ей тревожно: вдруг вертолет за ними не прилетит? А Сергея это почему-то не волновало: не прилетит сегодня – прилетит завтра. Посидят здесь, подождут.

– Остается надеяться, что к обеду дождь выльется, – вполголоса произнесла Тоня.

– Все может быть, – отозвался Сергей. – Но с Зеленым шутки плохи, я же рассказывал тебе про самолет. Возможно, он в магнитную аномалию влетел, там рудное тело хромитов с магнетитом, но, может быть, и гроза была...

– То есть о нем ничего не известно?

– Кому надо, наверно, знают, но лично я ничего не слышал.

– Жалко, что теперь мы к нему не сможем сходить, – вздохнула девушка. – Я люблю загадочное.

Сергей не стал отвечать, зatih, вознамерившись поспать еще. Но куда там! Загрохотало так, будто над палаткой кто-то детонаторы подрывал – скорострельно, один за другим, а то и по несколько штук разом, и от этого невольно голова втягивалась в плечи. Свет молний насквозь прошивал материю палатки, высвечивая самые дальние углы, и тогда Сергей мог видеть Тоню, лежащую в спальнике, и сполохи в ее испуганных глазах. Гроза и громкая дробь ливня о палатку заглушили все звуки, разговаривать было бессмысленно, но и уснуть невозможно, поэтому Сергей перевернулся на спину и стал сочинять в уме отчет об участке: все равно Евдокимов заставит.

В это время Тоня коротко вскрикнула.

– Чего?

– Капнуло на лицо!

– Наверное, тронула рукой палатку. Отодвинься!

Через минуту:

– И здесь капает. Еще больше!

Сергей вылез из спальника, зажег лампу, подошел к девушке. Действительно, как раз над ней потолок палатки протек в нескольких местах.

– Что делать? – уныло спросила она.

– Переезжать ко мне на пол, там пока сухо.

– Тогда отвернись.

– Да ладно тебе, не до этого сейчас. Наоборот, помогу спальник расправить. Ты в чем?

– В чем надо!

– Значит, не голая. Известно, как вы, женщины, зажиматься умеете – ничего не разглядишь. Вставай, я не смотрю!

Сергей отвернулся. Тоня вылезла из мешка, присела на корточках рядом. Он взял ее мешок, аккуратно расстелил на полу, на досках рядом с собой. От спальника, нагретого ее телом, шел легкий аромат духов, на миг вскруживший Сергею голову. Но он не поддался искушению. Задул лампу, Тоня в темноте улеглась рядом и, перебирая ногами внутри спальника, расправила складки вкладыша и затихла. Сдерживая биение сердца, он тоже улегся и через двойную толщу мешков почувствовал ее тело и все же не разрешил себе расслабиться, сразу затаился, как, впрочем, и она.

Так и лежали они молча, слушая грозу и хлесткие удары о палатку дождевой воды с ветром. Первой не выдержала Тоня, попросила его рассказать о себе.

– Да чего там рассказывать, – попытался отговориться Сергей, но она настояла:

– Я же о тебе ничегошеньки не знаю, только имя. Возможно, ты и не Сергей вовсе, а простой врунишка.

Шутит, значит, восприняла его по-свойски и он стал ей интересен. Что же рассказать-то?

– Мама меня родила...

– Что ты говоришь? – рассмеявшись, перебила его Тоня. – Вот так новость! Небось мама и вырастила, и воспитала, и образование дала!

– Представь себе, что так и было! – Ему тоже стало смешно. – Видишь, все у меня банально, даже не интересно!

– А геологом почему стал?

– И в этом тоже мама виновата!

– Ах ты, маменькин сынок! А я-то думаю, чего он девушек избегает, деликатничает? Оказывается, ему мама не разрешает!

Она смеялась, ворочаясь внутри мешка, и он слышал, ощущал ее, и ему вспоминалось, что так с ним уже было с другой, и даже совсем тесно было, ноги к ногам, руки к рукам, но он не решился тогда перейти какую-то незримую грань, преодолеть внутреннюю установку, зажался, не будучи до конца уверенным в своей любви, а потом жалел об этом, но ничего нельзя было вернуть. И Тоня угадала, сказав про его излишнюю деликатность по отношению к женщинам. Другие парни порой такого порасскажут о своих приключениях с девушками, что диву даешься (если не врут, конечно), а ему и рассказать нечего.

Чтобы уж совсем не выглядеть в глазах Тони слабаком, рохлей (ведь он в действительности таким не был, перед женщинами не робел, а, помня маму и ее опыт с отцом, щадил их, относился уважительно), Сергей, сделав голос нарочито басистым, шутливо выкрикнул, повернувшись к девушке:

– Смотри мне, женщина! Договорись! Полежат клочки по закоулочкам!

– Ой-ей-ей! – уже не смеялась, а громко хохотала Тоня. – Зверь в человеке проснулся! А ведь каким тихоньким был! Что же с ним случилось?

– Девушка ему понравилась – вот что случилось, – продолжая смеяться, признался Сергей. – Хорошенькая такая, Тоней зовут.

– Точно, Тоней? Ничего не путаешь?

– Клянусь!

Она неожиданно перестала смеяться. Отвернулась от него.

Серьезно произнесла:

– Ну тебя. Знакомы-то всего ничего, когда бы я тебе успела понравиться? Просто никакой другой девушки рядом нет.

Он понял, что в этом месте от него ждут комплимента, подтверждения его слов. И он стал сочинять комплимент, но ничего умного и красивого в голову не приходило. «Голова мякиной набита» – так говорила мама, когда сидела с ним над домашней работой, а он тупил, не справляясь с задачей.

– Наше тесное житье-бытье ускоряет процесс, – вскоре нашелся Сергей, понимая, что долгую паузу держать нельзя. – К тому же ты видная, симпатичная девушка. – Он помолчал, затем добавил: – Но мой интерес ни к чему тебя не обязывает. Мало ли кому мы нравимся. Или не нравимся.

Тоня ничего не ответила, лежала тихо, но через некоторое время, когда Сергей уже подумал, что она уснула, вдруг стала рассказывать о своей камчатской преддипломной практике, о том, что там в их партии за ней начал ухаживать парень, тоже геолог, по имени Олег. Когда ее перевели в другой отряд, Олег бегал к ней на свидания за десять километров. Поэтому она и хотела распределиться после университета на Камчатку, к Олегу, но не получилось.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросил Сергей, выслушав девушку.

– После поля попробую перевестись туда.

– А если он сюда?

– Нет, Камчатку Олег не бросит.

– Неужели так любишь его?

Тоня не ответила. Затем вздохнула и тихо произнесла:

– Спи...

Оказывается, парень у нее есть. Но разве это меняет хоть что-то в его отношении к ней? Не меняет. Но ее откровенность понравилась Сергею, он понял, что Тоня – открытая, доверчивая и честная девушка. Пусть остается только его коллегой, но друзьями они станут точно. Да уже ими стали. Этого пока достаточно.

Тем временем гроза уходила в сторону, гром удалялся, вспышки молний потускнели. Но дождь не унимался. На полу в палатке скапливалась вода, журчала под досками. Других звуков не было: мокрая тайга сжалась, притаилась, спрятав в кронах птиц и зверей.

Вскоре Тоня тихонько засопела. Счастливая, спит. Его разбредила, а сама спит. Все женщины такие невозмутимые?

Уже несколько лет Сергей в партии, за это время повидал и студенток-практиканток, и молодых специалистов, и не раз пробовал ухаживать за ними, как и другие ребята. Но мимолетная влюбленность проходила, как только девушки уезжали или переводились в другие партии, исчезали из виду. Полевая любовь бестолковая, горячая, но временная: вспыхнула и погасла. Очень редко разгорается по-настоящему. Хорошо, что Тоня сразу поставила барьер, ни у нее, ни у него не будет излишней сердечной маяты и непонятных, зыбких надежд. Они оба переживут это маленькое приключение, которое свело их в одной палатке. И забудут. Вот Тоня уже спит, хоть бы хны ей...

— Сергей, а дождь-то идет, хотя грозы нет, — разбудил его голос девушки.

В палатке было по-утреннему сумеречно, по крыше лениво постукивали капли дождя. Тоня лежала рядом, в спальнике.

Да, похоже, гроза ушла, но после себя оставила ленивый, обложной дождь. А это может быть надолго.

— О чем думаешь? — спросила Тоня.

— Повезло нам.

— В чем?

— Пожить еще вдвоем.

— Да ну тебя! У вас, парней, одно на уме.

— Это я уже слышал, и не раз.

— Вот и помолчи. И ответись, я встаю!

Разговор по радиации с Евдокимовым подтвердил опасения: грозовой фронт прицепом подтащил циклон, и тот, как водится, застрял над Кузнецким Алатау. Полеты отменили.

— А еды-то у нас мало, неосмотрительно я поступил, отправив все с Трофимычем, — сердился Сергей на себя, роясь в ящике с продуктами. — Три банки тушенки, два «Завтрака туриста», две сгущенки и пачка чая. Даже сахара нет. Вчерашнюю лапшу сейчас доедим, а дальше начнем экономить.

— Сегодня-завтра продержимся. Все равно без работы энергию тратить некуда, — ответила Тоня. — Я почему-то уверена, что дождь скоро прекратится и завтра начнут летать.

После завтрака Сергей надел плащ, обулся в сапоги и ушел в ближний лес, чтобы нарезать берестяных полос для устройства навеса над палаткой.

Над сырой тайгой висел туман. Травы склонились к земле. Всюду была вода — и под ногами, и над головой. Старый брезентовый плащ скоро намок и своим весом давил на плечи, а мокрые полы путались в ногах, мешая ходьбе.

Сергей ободрал несколько старых берез, принес ленты бересты к палатке, вырубил колья и устроил навес. Теперь дождь не будет пробивать ткань палатки и Тоня сможет вернуться на свое место на нарах.

Сергей сел за составление нарядов на оплату горнякам, а Тоня, чтобы не отвлекать его, тихо читала книгу. Это был роман геолога Олега Куваева «Территория». Несколько лет назад, когда роман вышел в свет, о нем много говорили, особенно среди геологов, позже Сергею удалось купить книгу, и он брал ее в поле, перечитывал те или иные места. Тоня тоже ее читала еще в университете, но, обнаружив книгу во въючном ящике у Сергея, не удержалась и решила прочитать еще раз.

Так они провели день, занятые каждый своим делом. Дождь не унимался. Вечерний разговор по радиации с Евдокимовым не принес утешения: циклон пришел устойчивый, присел надолго.

Перед сном, потушив фонарь, они лежали в спальниках и говорили о романе «Территория». Но не о геологических буднях, описанных в книге, а о житейской философии.

— К сожалению, наша страна принадлежит накопителям материальных благ, — горячился Сергей. — Прав Куваев, обыватель душит человечество.

— Но ведь люди работают, чтобы зарабатывать, без этого нельзя, — возражала Тоня.

— Зарабатывать, чтобы жить, но не копить до бесконечности. И потом, обывателю ничего в этой жизни не интересно, кроме его серых будней, а это еще хуже. Представь себе страну из одних серых обывателей.

— Конечно, ты бы их всех согнал в свой отряд на шурфы, пусть вечерами поют песни у костра и мечтают о звездах.

— А ты пошла бы замуж за обывателя? А за стяжателя?

— Ты же сам говоришь, пересказывая Куваева, что они захватили землю. Так за кого же тогда бедным девушкам выходить замуж? Выбора нет, а редкие романтики сидят по палаткам в тайге, их адреса неизвестны.

Услышав эти слова, Сергей заулыбался и пожалел, что в темноте Тоня не видит его улыбки.

– Знаешь, ты меня обрадовала, – признался он. – После слов о романтиках я убедился, что ты своя, наша!

– Чья это – ваша? – не поняла она.

– Женщина для бродяги, для романтика.

– Терпеть не могу бродяг!

– Ты ж понимаешь, каких бродяг я имею в виду...

– Все равно не люблю. Редкая женщина их любит. Они эгоисты, лишь бы шляться. А вот романтики – это да. Если настоящие, то они всегда чистые. К ним женщины тянутся. Девчонки – нет, они еще не понимают, а вот женщины – да.

– А ты к кому себя относишь?

– Да уж не к девчонкам, хотя и не замужем еще. На Камчатке много хороших парней, это настоящие люди. Олег тоже романтик с большой буквы. Кстати, хорошие стихи пишет. А ты с какой целью допытываешься? К кому бы я тебя отнесла? Конечно, к романтикам, я же вижу.

– О небо! Какое счастье! – дурашливо воскликнул Сергей. – А хочешь, я тебе напую песню, которую любят романтики?

– «Люди идут по свету»?

– Нет, совсем другую, даже не геологическую. Она проста, как наша жизнь. И даже хулиганская. Но в ее поверхностной грубости много бесшабашного, лихого и щемящего. А это многим нравится.

– Спой. Интересно.

Сергей на миг задумался, вспоминая слова. Затем вполголоса запел:

*Он капитан, и родина его – Марсель.
Он обожает споры, шум и драки.
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки!*

К удивлению, Тоня подхватила песню, и они продолжили в два голоса:

*У ней такая маленькая грудь,
А губы, губы алые, как маки.
Уходит капитан в далекий путь
И любит девушку из Нагасаки!*

– А ты хорошо поёшь, – похвалила Тоня, когда они закончили песню, буквально выкрикивая по слогам последние строчки: «Он вспоминает карие глаза и бредит девушкой из Нагасаки».

– Для тебя стараюсь.

– Понятно, других зрителей все равно нет. Сергея кольнула легкая обида.

– Ты рассказала мне про своего далекого Олега только для того, чтобы указать мне место? Не выйдет! Я поступлю, как считаю нужным.

– Ну вот, ты рассердился. – Голос Тони виновато задрожал. – Почему, ведь так хорошо мы пели? И разговаривали. А ревновать нет причины.

– Я не рассердился и не ревную, просто не привык лежать на лопатках, – решительно заговорил Сергей. – Тайга приучила к действию. Я как раз подумал о неожиданных поворотах судьбы. И твоей, кстати, тоже, ведь никто не знает, что с нами случится дальше.

– Расскажи, пожалуйста. Уж не хочешь ли ты заочно вызвать Олега на дуэль?

– Зачем? Да еще заочно. Сдался мне твой Олег, хотя знаю, что я ничуть не хуже...

– Ого!

– Олег сейчас только фантом в твоих мыслях. А я живой. И рядом.

– Ну, ты даешь!

– Даю! Но! Нравишься ты мне или нет – это мое личное дело. И с Олегом я сражаться не собираюсь. Все равно не рыцари решают, а женщины. Они могут и не бросить победителю желанного платочка.

– Но ты уже сражаешься, хотя странно, я повода не давала.

– Тебе кажется, что я сражаюсь. Просто в тему легло, вот я и разошелся.

Сказав это, Сергей лег навзничь и облегченно вздохнул, как будто освободился наконец от чего-то тяжелого и ненужного. Его фантазии насчет Тони стали таять. Действительно, пусть она остается только его коллегой, напарницей по работе. Оно ведь так и есть, а то, что он себе навыдумывал в последние дни, – это уже его фантомы. Они у каждого есть, без них не бывает.

9.

Утром дождь прекратился, но из тумана, молоком залившего тайгу, сыпало моросью. Сонный голос экспедиционного радиста обескуражил новостью: вчера вертолеты вообще ушли из поселка на свою авиабазу, получив долгосрочный прогноз на непогоду. Теперь с неделю, не меньше, полетов не будет.

А у них с Тоней продуктов – на два дня. Все-таки опрометчиво он поступил, когда отправил весь запас с Трофимычем на Черную Усу. Но кто мог подумать, что они попадут в такую робинзонаду?

Решение пришло быстро: надо идти на пасеку, что в среднем течении реки Саянзас, ниже известного Саянзасского порога. Пасечники – люди тайги, они поделаются продуктами или дадут в долг, это дело обычное. Идти километров двадцать пять. В оба конца за два дня он управится. Но Тоня едва не расплакалась, когда он ей об этом сказал.

– Я одна здесь не останусь, я боюсь.

Тогда решили идти вместе. На вечерней связи он рассказал Евдокимову о своем плане.

Тот начал возражать:

– Во-первых, девушку потащишь по сырой тайге в такую даль, замучаешь. Во-вторых, если урезать норму, то можете потянуть несколько дней и на своих банках, к тому же то ли найдется на пасеке запас продуктов, то ли нет. И в-третьих, как поступишь с карандашами?

Карандаши – это детонаторы, так принято их называть в открытом эфире.

– Найду как поступить, – ответил Сергей.

Не скажешь же по радиации, что надежно спрячет.

Евдокимов понял его – и про поход на пасеку, и про детонаторы. К тому же знал характер Сергея: если уж задумал что – сделает все равно, не свернешь. В результате договорились, что они с Тоней все соберут, подготовят к погрузке и оставят в палатке. Если непогода успокоится до того, как они вернутся и выйдут на связь, то пусть вертолет ищет их на реке, там пойма открытая, пилоты увидят.

На этот раз перед сном они старательно избегали разговоров об отношениях, говорили о таежниках – пасечниках и кержаках. Тоня почти ничего о них не знала, ей было интересно послушать рассказы Сергея из его опыта общения с ними. Те и другие живут обособленно, вдали от людей. Но если первые ищут для пчел чистые луга с душистыми таежными травами, уходя подальше от грязи цивилизации, то кержаки прячут в таежной глуши свою старую веру, уходят от мирских соблазнов.

Как-то в его детстве они с дедом ходили в таежную кержацкую деревню покупать бычка. Продавцом был старик с большой рыжей бородой и конопатым лицом. Ударили по рукам, старик вывел из стойки бычка, и они с дедом повели его домой на прииск. Идти километров пятнадцать. Пришли, бычка определили в загон, поужинали и сели смотреть телевизор. Вдруг стук в дверь. Оказалось, пришел продавец – тот самый старый конопатый кержак. «Что-то не так?» – спросил дед.

Ответ кержака удивил. Ему, оказывается, понадобилось узнать, как там устроена на новом месте его скотинка. При этом он косился на телевизор, а перед уходом спросил, как получается, что картинки в этой штуковине живые. Дед как мог рассказал. А потом они всей семьей веселились, удивляясь тому, что в кержацких деревнях до сих пор нет телевизоров. Многие из них и поныне живут без телефонов и телевизоров.

– Расскажи еще что-нибудь, – попросила Тоня. – Теперь про пасечников.

– Это тоже было в детстве, в Горной Шории, – начал вспоминать Сергей. – Мы с дедом пошли на рыбалку, и заодно надо было заглянуть на таежную пасеку, где дед заранее договорился прикупить меду. Пришли. На пасеке жила семья – муж с женой и взрослый сын. Тоже, кстати, староверы-кержаки. Дед ушел с ними к ульям смотреть пчел, ему это было интересно, а мне, мальчишке, дали полную миску свежего меда, дали ломоть теплого, из печи, хлеба и стеклянную банку молока. Никогда не забуду, как я сидел на улице под навесом и уплетал мед с хлебом и молоком. Вкусней ничего не ел.

– Возможно, и нас угостят, – мечтательно произнесла Тоня. – Что-то мне меду захотелось. Прямо с пасеки, натурального, теплого. М-м-м...

Сергей только рассмеялся в ответ:

– Сладкоежка, как все девчонки!

Ушли они рано утром, когда рассвет только-только стал проникать в тайгу. Моросил дождь. Тоня была в резиновых сапогах до колен и куртке с накинутым на голову капюшоном. Сергей надел на свитер старый плащ и развернул болотные сапоги.

Шли ходко. За плечами висели тощие рюкзаки. Правда, Сергей положил в свой запас еды, радиометр, молоток и полевую сумку, обвязался патронташем, забросил на спину двустволку.

Тоня старалась не отставать. На ходу Сергей учил ее считать пары шагов.

– На каждую левую ногу – раз! – и до ста девяноста. У меня это примерно двести пятьдесят метров – как раз масштаб наших поисков. У тебя шаг меньше, позже вымеряем его, а пока насчитывай мои сто девяносто...

Девушка старательно считала, но всякий раз сбивалась, как только Сергей начинал с ней разговаривать. Наконец ей это надоело, и она бросила счет.

Сергей добродушно смеялся, подтрунивал:

– Конечно, идти бездумно проще. Птички-синички поют, цветочки радуют.

– Как будто ты сразу этому научился, – оправдывалась Тоня. – В конце концов, мы не в маршруте.

– Привычка сильнее меня, – ответил Сергей. – Даже в городе я непроизвольно шаги считаю. Смеюсь над собой, но мозг сам это делает. Я ведь четвертый год в маршрутных геологах, вот и привык.

Тем временем река Саянзас вышла из полосы курумов, успокоилась и, приняв в себя несколько небольших притоков, раздвинула берега, направляясь в сторону горы Одинокой. Здесь дождя стало меньше, но туман висел низко, касаясь верхушек деревьев. Высокие мокрые травы и кустарники обрушивали на путников каскады воды.

– У меня коленки насквозь мокрые, – вскоре пожаловалась Тоня. – Ноги, кажется, тоже. Может, обсушимся?

– Давай, – согласился Сергей.

Под старыми разлапистыми пихтами он набрал сухих веток и мусора, под высоким кедром разжег костерок, подбросил в него мокрых сучьев, которые, подсохнув, весело затрещали, дав хороший, жаркий огонь.

Тоня с удовольствием сняла сапоги и носки, повесила на колья над костром для просушки.

– Ноги холодные? – спросил Сергей.

– Холоднющие! – призналась девушка. – Сапоги короткие, вода попала.

Сергей залез в свой рюкзак, вытащил пакет с запасными портянками. Подал Тоне:

– Обмотай ноги. И садись ближе к костру. Да не на землю, на рюкзак садись! Простыть недолго.

Они съели по банке тушенки и, прислонившись спинами к кедру, тесно уселись пить чай. Сергей ощутил, что девушку потряхивает.

– Да ты, геологинушка, точно простынешь, – всерьез испугался он. – Тебя ж колотит.

– Что-то никак не проходит, – уныло согласилась Тоня.

Сергей распахнул плащ:

– Иди ко мне, прижимайся, я тебя согрею.

– Ой, да ладно...

– Я вот дам – ладно! Теснее ко мне, не съем!

Он обнял ее рукой, плотно прижал к себе, другой рукой запахнул на ней полу плаща. Тоню буквально тряс озноб.

– Ничего, ничего, – успокаивал он ее. – Сейчас согреешься. Потом еще попьем горячего чаю и

пойдем дальше. Только четверть пути мы прошли, но возвращаться смысла нет.

– Не будем возвращаться, на пасеку хочу, к меду, – твердо и даже по-девичьи капризно заявила Тоня.

«А ведь нам еще и броды через Саянзас предстоят, ниже он сильнее разольется», – подумал Сергей. Но промолчал.

Так они сидели, тесно прижавшись друг к другу, пока тело девушки не перестало трястись от озноба. Она согрелась.

Сергей отдал ей свой свитер, растер сухими, нагретыми над огнем руками ступни ее ног, помог обуться.

– Ну вот, так-то лучше!

Примерно через пару часов они вышли к старой стоянке геологов. Здесь когда-то искали золотые россыпи. От стоянки вниз вдоль реки шла накатанная вездеходами дорога. Вскоре она нырнула в реку и вышла на другой стороне. Сергей осмотрелся, можно ли обойтись без брода, продолжая идти своим берегом, но все же решил, что лучше держаться дороги: по ней они дойдут быстрее и ноги останутся сухими.

– Хочешь не хочешь, а придется раздеваться до пояса, – объявил он девушке.

Она с готовностью сбросила с плеч рюкзак, сняла куртку и стала разуваться. «Молодец, – мысленно похвалил Сергей, – полевая практика на Камчатке ее чему-то научила. Остальную школу пройдем здесь».

Помедлив, Тоня сняла и брюки. Свои и ее вещи Сергей связал в тугой узел, вместе с рюкзаком и ружьем поднял над головой и, скомандовав девушке, чтобы шла рядом, крепко держась за подол его рубашки, ступил в воду. Та обожгла холодом. Вот тебе и начало августа! А ведь какая жара стояла в минувшие дни. Медленно и осторожно, нащупывая дно голыми ногами и обходя буруны над большими камнями, они приближались к середине реки. Здесь скорость потока увеличилась, но глубина оказалась небольшой – немного выше колен, поэтому вскоре они вышли на берег. Все это время Тоня сосредоточенно молчала, внимательно вглядываясь в воду.

Оказавшись на каменистом берегу, облегченно выдохнула и поочередно стала прыгать то на одной, то на другой ноге, удивленно приговаривая:

– Надо же, влажная земля холоднее, чем вода в реке.

Сергей достал из рюкзака свои запасные байковые портянки, одну подал Тоне:

– Ничего другого нет! Насухо вытирай ноги и быстро одевайся и обувайся!

Вскоре они продолжили путь. Но шли недолго, впереди опять встретился брод.

– Снова раздеваться? – спросила расстроенная девушка. – Так и будем прыгать вслед за дорогой через реку? Может быть, пойти строго берегом?

Сергей остановился, раздумывая. И все же решил переходить.

– Пасека на той стороне, я видел с вертолета, хорошо помню, поэтому еще раз перебредем, а дальше уже пойдем берегом, – успокоил он Тоню.

Они разделись и снова вошли в воду. Здесь течение оказалось мощнее и больших валунов больше. Об один из них девушка споткнулась и, не удержав равновесия, сначала села в воду, а затем завалилась на спину.

– Хватайся крепче за меня! Хватайся!

Сергей не мог высвободить руки, занятые вещами и ружьем, поэтому стоял и ждал, когда Тоня, еще раз неуклюже окунувшись с головой, поднялась сначала на колени, затем на ноги и, уцепившись за его рубашку, отплевываясь, смогла наконец двинуться дальше.

Когда выбрались на мокрый травянистый берег, Сергей, подгоняя перед собой Тоню, побежал к лесу, под деревья. Свитер на ней промок насквозь, как и футболка.

– Все с себя снимай и быстро растирайся теми же портянками, – отвернувшись, командовал Сергей. – Затем накинешь мой плащ, закроешься, а дальше придумаем!

А что тут придумаешь? Пришлось отдать ей свою рубашку, а самому остаться только в холодном грубом плаще на голом теле. Благо, что брюки и у него, и у Тони остались сухими, как и обувь.

Зато костер он распалил жаркий. Они сидели под пихтой, грелись, сушили свитер и портянки, и Тоня, уже не стесняясь, одетая в его рубашку и свою сухую куртку, прижималась к Сергею.

– Видишь, теперь я грею тебя – это моя благодарность, – пыталась шутить она.

– Спасибо, геологичка! Ты щедро одаряешь теплом и счастьем!

– Жалеешь небось, что взял меня с собой?

– Не думай об этом. Если бы оставил, сейчас переживал бы, а это еще хуже.

Часа два на просушку одежды они потеряли, поэтому ускорили шаг. Сергей не шел, а буквально ломился впереди, сминая ногами и сильным, упругим телом высокие летние травы и обходя мо-

крые куртины кустарников и одиночные скалки. Тоня почти бежала сзади. Реку они уже не переходили, а когда старая дорога оказывалась на их берегу, с удовольствием выходили на нее, еще более ускоряя шаг.

И все же до наступления темноты к пасеке не успели.

– Уже должна быть где-то здесь, – озабоченно повторял Сергей, озираясь и пытаясь в отблесках заката найти приметы жилья.

И тут послышался далекий лай собаки.

– Есть! – захопала в ладоши Тоня. – Пришли!

Она сразу оживилась. Сергей тоже взбодрился, и, не разбирая в темноте дороги, они пошли на голос собаки.

10.

– Кто там? Сашка, ты?

Пасечник стоял в проеме двери, держа над головой лампу-незадувайку.

– Геологов к вам занесло, двое нас! – крикнул из темноты Сергей.

– Точно, геологи?

– Точно. На горе Зеленой стоим.

– Слышал про таких. Ну, тогда заходите.

Дом оказался большим, в несколько комнат. Гости разделись и скинули рюкзаки в сених, прошли на кухню. Хозяин, высокий и крепкий русобородый старик в телогрейке-безрукавке и линялых шароварах, поставил табуретки, пригласил сесть. Затем представился Макаром Ивановичем и поинтересовался, зачем они к нему.

– Именно к вам, Макар Иванович. Меня Сергеем зовут, я начальник отряда, а это Антонина, геолог. Нужда у нас с продуктами.

– О как! Да где ж я на целый отряд найду?

– Нас только двое, сейчас объясню.

И Сергей коротко изложил пасечнику суть дела.

– Тогда не вопрос, – ответил старик. – Чего-нибудь соберем. Вечерять будете?

– Не откажемся.

– А я сына Сашку жду, они с матерью домой в Салтымаково на своей машине еще третьего дня умотали. Должны вернуться, да, видно, теперь уж завтра. Дочка, ты-то побойчей меня, давай-ка помогай!

Тоня с готовностью подхватила, стала помогать накрывать на стол. Тут были и красные, мясистые помидоры («свои, с бабкой выращиваем», – пояснял Макар Иванович на ходу), и жаренные в яйце пескарки («в Саянзасе только пескарка сейчас

и поймашь, хариуса почти не стало»), и пучок зеленого лука с большими белыми головками, круглый домашний хлеб и, к большой радости Тони, миска с золотистым медом.

Вдобавок ко всему старик сходил в сени и вернулся с трехлитровой банкой, глянув на которую Сергей понял, что это медовуха.

– Золото, наверно, ищите? – спросил Макар Иванович, когда сели за стол. – Тут всё по золоту геологи работали. Много лет ходили, ездили.

– Куда ж стране без него? – ответил Сергей уклончиво. – Валюта.

– А я всю жизнь уголек добывал. – Старик поставил три граненых стакана, вопросительно посмотрел сначала на Тоню, затем на Сергея. Пояснил: – Медовушка, но не очень крепкая, недавно ставил.

– Я выпью, – ответила девушка. – Интересно попробовать.

Сергей тоже согласно кивнул.

– На Полысаевской шахте в Ленинске смолоду, после техникума, и до пенсии отмантулил, – продолжал рассказывать о себе пасечник. – И на проходке работал, и в лаве. А отец – здесь, на пасеке, всю жизнь. На пенсии я к нему и перебрался. И женка довольна. Просторно! И чисто. А теперь и сын с нами, внуки с невесткой приезжают.

– Ой, какая прелесть! – восхитилась Тоня, выпив полстакана медовухи. – Такой я ее и представляла!

– Ты допей, дочка, допей, коль нравится. Я еще налью. И с собой дам, вон у меня – два лагушка. Вы, геологи, народ трудовой, таежный, порой не жалеете себя ради дела, поэтому уважаю, всегда вашему брату рад.

Приятно такое о себе слышать. При этом осознание важности своей работы особенно остро ощущается: люди-то видят, понимают, что не зря геологи землю топчут.

– Отец рассказывал, в сороковые, пятидесятые годы геологам особенно трудно было, – продолжал пасечник. – Продуктишками плохо снабжали, самим приходилось в тайге добывать. Как раз и геодезисты тогда Сибирь-матушку обмеряли, на каждую горюшку поднимались, маяки ставили и тоже обходились подножным кормом.

– А вы не слышали про самолет, который разбился на гольце Зеленом? – поинтересовался Сергей.

– Что-то слышал, – стал вспоминать Макар Иванович. – Давно это случилось, я мальцом был.

Говорят, побились они. А потом все оттуда вывезли и засекретили.

– Даже так?

– А кто точно знает? Тайга далекая.

– Не ходили туда?

– Нет. Да и места этого никто не знает. Опять же, проку-то никакого, если все вывезли.

– Мед можно попробовать? – встряла в разговор Тоня, показывая на миску.

– Господи, вам же поставил, – спохватился старик, – ешьте. Как раз свежий. Прямо хлебом макай – и в рот. В кружке водичка родниковая, вкусная, запивай. Хочешь, чаю сделаю.

Девушка отломилась ломоть домашнего хлеба – мягкого, с особым ароматом пропеченного в русской печи ржаного теста, осторожно макнула в миску с медом, покрутила, любуясь, как густая золотистая масса обволакивает хлеб, ложась на него кольцами, понесла ко рту, подставляя снизу ладонь свободной руки. Откусила, стала смачно жевать, пробуя для начала на вкус. Излишки меда выступили на губах, она облизала их языком и заулыбалась, глядя радостными глазами на Сергея. Тот ответным веселым взглядом подбадривал: давай-давай, налегай!

– Мм! Не ела еще такого! – наконец призналась Тоня и снова потянулась к миске.

– Не перебори только, чтоб потом плохо не было, – поостерег ее Макар Иванович. – Мне-то не жалко, не подумай, но это мед – слипнется комком в желудке, будешь мучиться. Он долго всасывается. Побольше воды прихлебывай.

А вот медовушку мужчины допили. Сергей почувствовал, как жар разлился по телу, стало клонить ко сну.

Вскоре Тоня, с видимым сожалением отодвинув от себя миску с остатками меда, встала, сполоснула под умывальником липкие руки, тщательно вымыла губы и подбородок и взялась убирать со стола. Из-за позднего времени тут же засобирались ложиться спать. Макар Иванович решил положить их в отдельной комнате, где обычно спят внуки, но Тоня возразила, сказав, что они с Сергеем чужие, вместе им нельзя.

– А я-то, старый, подумал, что вы пара, – оправдывался пасечник. – Тогда девушка ляжет к внукам, а парень на кровать сына с невесткой. Годится?

– Да я могу и на полу, зачем чужую кровать занимать? – стал отказываться Сергей.

Старик отмахнулся:

11.

– Ложись на мягком. Небось в палатке на дөрвяхшкэ сплшь.

Срелд нол Тоня раскашлялась. Сергей с треволй прлслушлвался, ждал, не уймется лл кашель, но он только услллвался.

Заскрлпелл полловлцы в комнате пасечнлкл. Вскоре старлк прлшел к Сергею с зажженной лампой.

– Не сплшь, геолог? – В голосе его была тревога. – Мокрые шлл, вот л простыла девка. Как назад теперь пойдете? И дождь ещел не прекратллся.

Макар Иванович подошел к дверл Тонл, осторжно спрослл:

– Дочка, ты чегл там? Плохо тебе?

– Грудь заложлло, – послышался слабый голос Тонл. – Кажется, л температура поднялась.

– Значлт, лечлть тебя надо. Потерпл, я сейчас.

Старлк оставлл лампу у Сергея, ушел на кухню, там зажег другую, загремел посудой. Вскоре вернулся, постучался к Тонел:

– Возьмл градуснлк, дочка, померь-ка. А я прлнесу нашу с бабкой растлрку, натру тебе грудь л сплну. Она согрееет. И грудного отвара попьешь лз трав л на медку.

Пока старлк головлл на кухне обещанное зелье, Сергей оделся л прлшел к Тонел.

– Вот, все-такл простудллась, – влновато прлшептала она.

– Не пережлवल, – стал успокалвал он девушку. – Назад не пойдем, останемся здесь, я с пасечнлком поговору. Дождь ещел лдет, нлкто за нами не полетлт. А там л ты подлнмешься.

Старлк с его доводами согласллся. Глянул на градуснлк, поднеся его к лампе:

– Так л есть, трлдцать семь л две, самая нехорлшая температура. Нлкуда я вас не пущу, мол прледут – места хватлт. А то л не поедут онл по дождю, дорога-то здесь ещел та. От Салтымакова до Медвежки лдет гравлйлка, а сюда – грязь да лужл, не рлскнет сын.

Старлк попрлслл Сергея вылтл, затем мазью, пахнущей медом л травами, натер девушке грудь, сплну л ногл, напоил травяным отваром, настоянным на прополлсе, укутал шубой л наказал обязательно поспать.

Кашель перестал блть Тоню, л она вскорел уснула. Леглл досыпать л мужчлны. Сергей казнл себя: не уберег девушку, как бл воспаления не случллось. Ведь тогда прлдется везтл еел не на Черную Усу, а в больнлцу.

Только на третлй день прекратллся дождь. Жена л сын Макара Ивановича так л не прлехали, л он выхажлвал Тоню. К концу второго дня она встала, молодой организм выдержал, осложнений не прлзошло. Старлк к вечеру натоплл баню, еел отпрлवलл первой, она напарллась л вернулась в дом здоровой л счастлвой.

Сергей, несмотря на непрерывно моросящий дождь, в этот день обошел маршрутл окрестности пасеки, уловлетворлл свое геологическое люблпытство. Заодно набрал в тагел для Тонл свежей маллны.

После бани девушка выглядела бодрой, шутил. А он в котлрый раз лзвлнялся, оправдывался. Теперь л сам понял, что плохо подголवलся к походу на пасеку, о спутнлце совсем не думал. Все голды, прлведенные лм в поле, он прлвык полагасться только на себя, сверял любую слтуацию со сволмл возмлжностями л сллами, в маршрутлах не щаdll рабочих, ходлвших с нлм, а это зачастую бллл ллл старшле школьнлкл на летнлх канлкуллах, ллл студентл млдшлх курсов. «Эголст», – ругал он себя л восхищался Макаром Ивановичем, котлрый отголлл все дела, как только понадобллась его помощь, л всецело посвятил себя лм, случайным гостям.

Однако Тоня не воспрлнлмала всерьез оправданий Сергея, смеялась, возражала ему, повтлряя, что, наоборот, он все делал, чтобы уберечь еел, а потом заботллся о ней вместе с пасечнлком.

– Что ты, Сергей, – лтмахлвалась она от его лзвлнений, – мне не в чем тебя упрекнуть. Это я, слабая л незакаленная, оказалась неготовой даже к такому испытанию, как дождь л броды через речку. Это ты меня прлстл.

– Славная ты девчонка! – не удержался Сергей. – Передай своему Олегу, что ему повезло.

Тоня всклнула на него удлвленные глаза:

– Прл чем здесь Олег? Ты не подумал, что я могла тогда в запальчлвости л прлукарслть про Олега, навылдумывать?

– Ну женщины!.. – только л мог на это ответить Сергей, хотя что-то радостное екнуло в сердце.

К облду третьего дня небо стало быстро очлщаться от туч, заголлубело, залскрллось яркым солнцем. Возросла надежда на вертолел. И точно, вскорел послышался далеклй рокот мотора.

– Небось за вами, – прлположлл пасечнлк.

– Наверняка наш, собираться будем, – ответил Сергей, выискивая взглядом рюкзаки – свой и Тонин. – Наугад летит, помахать придется.

Как только вертолет приблизился к пасеке, снижаясь на ходу, Сергей с Макаром Ивановичем вышли на открытую дорогу и стали размахивать руками, показывая на пустырь недалеко от дома. Машина пошла на круг.

– Ну вот, Макар Иванович, пора расставаться! – Сергей протянул старику руку с широко раскрытой ладонью. – Спасибо за приют, кормежку и за Тоню! Век не забудем!

– Ладно, ладно, дело человеческое, – скромно отговорился пасечник. – Кроме меня, здесь и обратиться-то вам не к кому было. Чем богат...

Подошла Тоня. Попросила у старика разрешения обнять его.

– Обними, дочка, – с готовностью раскинул руки Макар Иванович. – Да теперь береги себя. Я собрал вам медку, бражки, мази, отвару. Долечивайся, не хворай больше.

Вертолет приземлился, заглушил двигатель. Как только прекратилось вращение лопастей и открылась дверь, из машины вслед за бортмехаником вышли геолог Сергей Полухин и... двоюродный дед Сергея, профессор Николай Васильевич Рыжиков.

– Вот так сюрприз, дед мой в гости нагрнул! – обрадованно выкрикнул Сергей, кидаясь навстречу своему ученому старику.

Тот, как и Полухин, был одет в геологический полевой костюм; седую голову, обрамленную белой бородкой и украшенную очками, венчала старая коричневая беретка с малюсеньким легкомысленным помпончиком на макушке – «а ля франсе», как называл ее дед.

Полухин, поздоровавшись, стал рассказывать:

– Так и думал, что вы здесь, поэтому начал искать отсюда. Все нормально?

– Нормально, Сергей. Достань, пожалуйста, банок десять тушенки – наш долг пасечнику, надо отдать.

– Хорошо.

Полухин вернулся в вертолет, а Сергея стал тискать радостный дед:

– Совсем мужиком стал, таежным бродягой! Бородой зарос.

Тоня с удивлением смотрела на них: не знала, что у Сергея не только мама, но и дед – геолог.

– Тебе, дедуля, чего дома не сидится? – удивлялся внук.

– Не сижу я дома, Сережа, на работу вышел, – весело отвечал Николай Васильевич. – Вернулся на кафедру, люди попросили. Взял тему, близкую к вашей. Вот и объезжаю регион, с начальством всех уровней согласовано. И как же мне было к внуку не заехать?

Тем временем Макар Иванович, не менее радостный, чем встретившиеся друг с другом коллеги-геологи, стал приглашать всех на чай со свежим медом. Первыми согласились обрадованные редкому угощению пилоты, остальным пришлось следовать за ними.

– Когда еще у нас здесь вертолет сядет? – приговаривал пасечник, увлекая гостей под навес возле дома. – Жалко, внуков нет, они бы сейчас бегом в кабину, за рычаги! Радости было бы!

Чай пили долго, смаковали мед. Пилоты не спешили.

– Сегодня у нас только к вам рейс, – пояснил командир. – Думали, на реке геологов искать придется, времени запланировали больше. Так что не торопитесь.

Они и не торопились. Сергей разговаривал с дедом, Тоня – с Полухиным, пилоты слушали Макара Ивановича, который после чая начал наливать желающим медовуху.

72

Наконец пошли к вертолету. Каждый по очереди обнял гостеприимного пасечника. Он потом долго махал с земли удаляющейся винтокрылой машине.

Приземлились возле пустующего лагеря на склоне гольца Зеленого. Геологи быстро сняли палатку, свернули ее, сдернули антенну, перенесли вещи и рацию в вертолет. Сергей сбегал к тайнику, принес ящик с детонаторами. Мысленно попрощался с обжитым местом. Все!

На устье Черной Усы вертолет встречали только начальник партии Игорь Евдокимов и повариха Аверьяновна, остальные еще с утра разошлись по работам.

Лагерь геологи разбили на низкой правобережной террасе, как раз на стрелке между Усой и Черной Усой, за широкой галечниковой отмелью. Под жарким августовским солнцем среди старых пихт белели выцветшие палатки и кухонный навес над дымящимся костром.

– Целый город, – удовлетворенно произнес профессор.

Он только что познакомился с Евдокимовым, который заранее знал о командировке Николая Васильевича, был рад прилету опытного учено-го-геолога и теперь деловито отдавал команды своим:

– Антонина, ты идешь жить в палатку студентки, там для тебя все готово, Аверьяновна покажет. Полухин ставит себе палатку сам, Сергей тоже сам ставит и берет к себе профессора. Вечером, перед ужином, собираемся в камеральной палатке на планерку. Так что до вечера!

Тоня в растерянности стояла среди своих вещей, которых было немало, ведь она все пожитки забрала с собой, когда вылетала из поселка на Саянзас. Поэтому выглядывала обещанную повариху Аверьяновну, надеясь, что та поможет донести непосильный груз. Но повариха не спешила подходить к новенькой, обговаривая какие-то свои дела с начальником партии. Выручил Сергей.

– Ну что, геологинюшка, разводимся-расходимся? – начал он с шулки, подойдя к девушке. – Давай вещи, пойдем заселяться.

И деду:

– Иди выбирай место для палатки. Какое примотришь, там и поставим.

А тут и Аверьяновна подошла, беззубо заулыбалась:

– С прилетом, Сергей! Небось наголодались у себя без моего варева? Пошли, отведу вас в палатку к студентке Людмилке. Санька мой вторые нары там уже сколотил.

Она давно работала в партии, куда однажды привел ее муж Саня Власов – такой же беззубый, как и она, хваткий и энергичный горнорабочий, которого все ценили не только за добродушие и работоспособность, но и за постоянную помощь на кухне жене: он и картошку по утрам чистил, и воду приносил, и костер разводил, и вовремя подсказывал начальству, когда необходимо заготавливать дрова. Вот и нары в женской палатке соорудил, не счел за труд. В поселке у них был домик, Саня зимой работал в котельной при бане, Аверьяновна помогала ему ворочать уголь, а летний сезон они обязательно проводили в партии Евдокимова.

За лето Аверьяновна отъедалась, становясь дородной сорокалетней женщиной, никогда и никуда не спешащей, приветливой и заботливой, и партийный народ забывал, какой изнуренной зимним временем, замордованной поселковой жизнью она прилетала на участок в мае, безбожно материлась и сердито кричала по утрам, ударяя молотком в звонкий кусок рельса:

– Господа и госпожи, завтрак готов, идите жрать!

К осени и следа не оставалось от весенней сердитости Аверьяновны. Теперь по утрам она не

кричала, а только методично била в рельс, пока не приходил к длинному общему столу под навесом первый посетитель. И если это был один из ее любимцев, то она обязательно подкладывала ему в тарелку самые лакомые кусочки, приговаривая: «Кто первым встал, тому Бог подал». Мужики потешались над простотой поварихи, шутливо поправляя: «Аверьяновна, не Бог, а богиня подает. Ты же у нас богиня. И не еду подает, а тапочки. Небось своему Власову уже давно все подала». – «Привези себе бабу – узнаешь, чего она по утрам подает», – отшучивалась в ответ Аверьяновна.

Вот и сейчас, нисколько не смущаясь присутствием Тони, спросила у Сергея:

– Твоя девка? Хорошенькая!

Тоня смешливо фыркнула, на что Аверьяновна тут же отреагировала:

– Значит, будешь! Ему-то пора, а то все таскается...

И понимай как хочешь, где он таскается – по тайге или по девкам.

Палатка студентки-геолога Людмилы стояла недалеко от кухни. Хозяйка была на работе. Тоня вошла первой, огляделась. У входа металлическая печка со стопкой поленьев перед ней, напротив самодельный столик, застеленный клеенкой, и три чурки перед ним вместо табуреток, далее по обеим сторонам палатки невысокие спальные нары из распиленных пополам бревен. Место студентки аккуратно застелено серым пледом поверх спального мешка, нары Тони белеют свежим деревом.

– Вот и мой дом, – весело произнесла Тоня, с облегчением бросая на нары свернутый спальник.

Сергей пристроил рядом ее рюкзак и сумку. Присели на пустые нары.

– Попозже приходи к нам, посмотришь, как мы с дедом обживемся, – пригласил он девушку.

Она согласно кивнула. Затем, неотрывно глядя Сергеем в глаза, взяла его ладонь в свои ладони.

– Спасибо тебе, Сережа. Здесь, в коллективе, я новенькая, но благодаря тебе совсем не чувствую этого. Через знакомство с тобой как-то незаметно, естественным образом стала своей в партии. Продолжим дружбу, не бросишь меня?

Он осторожно высвободил руку из ее ладоней и крепко сжал их.

– Помнишь, я сказал, что приударю за тобой? Тогда шутил, сейчас – нет.

– Все вы, парни, одинаковые, – смутилась девушка. – Я ведь действительно серьезно.

– И я серьезно. Нам, мужчинам, самим Богом предписано любить женщин. И не иначе.

Он встал, собираясь уходить. Тоня тоже поднялась, встала рядом, лицом к нему. Ее губы оказались совсем близко. Ему захотелось тут же поцеловать их, но он сдержался. Попрощался и вышел.

Вечером собрались в штабной палатке. Пришли с буровой и горных выработок геологи и мастера.

– Пойдемте к костру, здесь тесно, – предложил Евдокимов, оглядывая свой разросшийся инженерно-технический коллектив.

Здесь же находился и профессор Николай Васильевич Рыжиков, которого начальник партии сразу же представил, как только расположились вокруг яркого костра за штабной палаткой.

– Думаю, в один из вечеров профессор нам расскажет много полезного о современных научных взглядах на металлогению урана и методы поисков, – продолжал Евдокимов. – Нам, практикам, не будут лишними новые теории. А пока расклад следующий. Два Сергея – Полухин и Рыжиков – сделают маршруты по Черной Усе. Полухин возьмет правую сторону со всеми притоками, Рыжиков – левую. Дойти надо до самого верха, до перевала в Черный Июс. Остальные продолжают собственные работы, а новый геолог Антонина присоединится к супругам Лабышевым на канавах и шурфах. У профессора, как я понимаю, свои задачи.

– Да, если позволите, я бы с кем-то из техников или маршрутных рабочих походил по горным выработкам, посмотрел геологию с целью экспертизы и дальнейшего анализа.

– Хорошо, Николай Васильевич, дам вам студентку. Люда, тебе будет полезно с профессором поработать.

Людмила, высокая стройная девушка, согласно закивала головой. Они с Тоней только что познакомились и теперь сидели рядом. Люда приехала из Киевского университета, гордилась тем, что попала на практику в спецпартию, и позавидовала Тоне, что она, молодой специалист, сразу стала здесь штатным геологом. «Научишь, как мне так же сделать, чтобы после учебы приехать сюда?» – горячо шептала она на ухо новой подруге. «Да я ничего и не предпринимала, само получилось», – сконфузилась Тоня, но Людмила отмахнулась: «Ой, да брось, так не бывает».

Виктор Лабышев принес гитару, и они долго пели любимые костровые песни. Сергей угощал друзей медовухой с пасеки, в перерывах между песнями рассказывал о работе на гольце Зеленом. Попросили и Тоню сказать несколько слов о себе. Ей было уютно сидеть у самого огня, среди новых друзей. Она довольно жмурилась, улыбалась и призналась в том, что рвалась на Камчатку, но распределили сюда и теперь она нисколько об этом не жалеет, ей все нравится.

Сергей, сидевший на противоположной стороне костра, через языки пламени и дым смотрел на Тоню и слышал учащенное биение своего сердца. Ведь она сегодня предложила ему дружбу. Сама! А это знак. Верный знак!

12.

Пять дней Сергей провел в маршруте по левобережью Черной Усы, дойдя до ее верховьев. Уставший от ходьбы по жаре среди травяного дурмана, с лопнувшими губами от частых водопоев из ледяных ручьев, с расчесанным до крови лицом, искусанным мошкой и комарами, пропахший потом и нагруженный, как вьючная лошадь, каменными образцами и другой поклажей, к концу пятого дня он поднялся по небольшому притоку реки, где его застала очередная ночь.

Завтра он должен быть в лагере, это контрольный срок. Его ждет баня и день отдыха. Возможно, ждет и Тоня. А может, и не ждет – перезнакомилась с ребятами и проводит вечера в интеллектуальных беседах да с песнями у костра. Дед Николай – тот точно ждет, он любит умные беседы с внучатым племянником, от которого ожидает повторения своей счастливой в общем-то геологической судьбы. Его дочь и внучка, троюродная сестра Сергея, музыканты, пошли по стезе жены, поэтому у старого геолога Николая Васильевича Рыжикова осталась в профессиональной жизни единственная надежда – на самого младшего родственника, Сергея, который, как уже давно понял стареющий профессор, стал хорошим, настоящим полевым геологом, гордостью их фамилии.

Лежа у костра с кружкой крепкого, бодрящего чая, Сергей с улыбкой вспоминал, как оба его дед – родной и двоюродный, собравшись как-то вместе, что бывало крайне редко, поучали его, тогда еще студента, черпать в жизни полной ложкой, не мельчить и не мельтешить ни в чем – ни в деле, ни в увлечениях, ни в дружбе, ни в любви. «Доходи до сути, до донышка, без остатка во всем», – горячился родной дед. «Не интригуи и не

хитри, люди это видят, будь справедлив ко всем и во всем», – дополнял двоюродный. И оба почти в унисон: «По большому счету, а надо только по большому, служи только людям и Родине, Сережа, и никогда – начальству. Строго води линию служения, вычлений, старайся разобраться». Тогда он про себя посмеивался: «Старички воспитывают...» Теперь стал понимать, что они, конечно же, правы: если уж жить, то крупно. Правда, не всегда разглядишь, где крупно, где мелко, для этого нужен талант. Или добрая интуиция. Есть ли они у него? Как жить крупно?

Спал он крепко, укрывшись с головой чехлом от спального мешка. Проснулся перед самым солнцем, мокрый от обильной росы. Разжег костер, обсушился, напился чаю. И только тогда обратил внимание на подозрительную угнетенность тайги на месте его ночлега. Корявые, словно изуродованные еще при рождении, низкорослые до карликовости пихты казались дряхлыми старушками. Редкие березы между ними стояли без бересты, или же она свисала с них ключьями – черными и сухими. На черемухе не было ягод...

Это был явно больной лес. И даже птиц в нем не было, они пели где-то окрест, но не здесь.

Не найдя объяснения этому явлению, Сергей решил, что напоследок спустится по ручью маршрутом, а дальше пойдет напрямую, не отвлекаясь, в лагерь, чтобы до темноты оказаться на месте.

Для начала он подошел к большому округлому валуну, вросшему в землю неподалеку от его костра, привычно ударил по нему молотком и с удивлением увидел, как молоток со звоном, словно удар пришелся не по камню, а по металлу, пружинисто отскочил, едва не задев его по лицу. Ударил снова – тот же эффект. Стал бить с разных сторон, надеясь отколоть хотя бы кусочек, но только крошки летели от камня. А вскоре и молоток с жалобным звоном улетел в траву, соскочив с рукоятки.

Сергей стал очищать валун от мха и старой травы, но понять, какой горной породой он сложен, все равно оказалось невозможно. Нужен свежий скол. Только как его получить?

А что покажет радиометр? Он включил радиометр и, еще не приблизив шину к камню, увидел, как стрелка рывком прошла через всю шкалу и остановилась на самом ее краю. Зашкалило! Или что-то с прибором?

Он выключил радиометр, отошел от валуна на двадцать пять шагов, включил. Прибор показывал пятьдесят микрорентген в час. Значит, нормально

работает. Тогда он медленно начал приближаться к валуну, не отводя взгляда от шкалы. С каждым шагом стрелка уверенно шла вверх, а у самого валуна радиометр снова зашкалило.

Сердце Сергея учащенно забилося. Неужели нашел?!

Несколько раз он уходил и возвращался к таинственному камню, проверяя работу прибора. Наконец убедился, что радиометр вполне рабочий и действительно зашкаливает, радиация на валуне высокая, даже шкалы для точного измерения не хватает. Вот только не получается взять от него образец, а вокруг все задерновано и нет ни единой щебеночки.

Он обошел всю территорию угнетенного леса, она оказалась не очень большой, и обнаружил еще несколько подобных валунов, но меньших размеров. И от них не удалось отбить даже кусочка. И шкалы радиометра на них так же не хватало.

На одной из старых пихт недалеко от первого валуна он сделал топориком затесь и написал карандашом: «Геолог Рыжиков С. С.». Поставил дату. Теперь можно было идти в лагерь.

По пути к руслу Черной Усы он то и дело подрубал вершинки молодых ивнячков и черемухек, чтобы позже наверняка найти нужное место. На реке вышел на старую старательскую дорогу и скорым шагом, насколько позволял груз за спиной и многодневная усталость, пошел к устью. Путь предстоял долгий, через весь жаркий день, но радостный.

Еще до сумерек он ввалился в штабную палатку. Сергей Полухин был уже здесь, вернулся из маршрута, они с Евдокимовым и Лабышевым анализировали его информацию, склоняясь над картой.

Сергей с облегчением освободился от рюкзака, подошел к столу, заваленному пикетажками и картами, отпил из бутылки, стоящей здесь же, сел на вьючный ящик и прошептал, сверкая радостными глазами:

– Парни, есть!

– Чего, Сереж, чего? – бросился к нему Игорь Евдокимов.

– Чего – не знаю, но радиометр шкалит, – ответил Сергей.

– Где? Далеко?

– На ручье Непонятном, излучение дает валунник на поверхности. Молотком взять не смог, крепкий, показать нечего.

Геологи кинулись к карте, стали смотреть.

– Непонятный, Непонятный...

– Да вот он!

– Небольшой совсем!

– Завтра поведешь! – решил возбужденный от небывалой радости Евдокимов. – Все пойдем, кроме женщин, их к радиоактивной руде чтобы близко не подпускали! Хорошенько там все облазим. Говоришь, зашкаливает? Значит, возьмем экран. А сегодня надо отградуировать радиометры. Виктор, найди Ирину Никулину, пусть этим займется.

– Бани сегодня нет? – спросил Сергей, не в силах дожидаться момента, когда начальник успокоится.

– Как же, истопили! Ждали Полухина и тебя. Хочешь, мы с ребятами попарим именинника, заслужил! – Смеясь, Евдокимов дружески хлопал его по спине. – Была бы бутылочка, и налил бы! Иди переодевайся, мойся, отдыхай. Вот только дед твой вчера улетел. Жаль, без него радость случилась. Он ждал, но тут вертолет подвернулся...

Оставив рюкзак в камералке, Сергей пошел к себе. В палатке было сумеречно и тихо. На столике лежало письмо. Дед извинялся, что вынужден улетать, и надеялся осенью быть снова. «Я вижу здесь определенные перспективы, работайте», – закончил он свою записку.

Лагерь безмолвствовал, народ отдыхал после трудового дня.

У себя ли Тоня? Идя по тропинке в баню, Сергей выискивал взглядом ее палатку. Да вон же она, и верх крыши светится от зажженной внутри лампы. «Значит, дома, сегодня увижу», – подумалось радостно.

Баня для полевого геолога – редкостное удовольствие, праздник души и тела. Двойной праздник – когда баня настоящая, рубленая, пахнущая смолистым деревом, березой и хвоей. Евдокимов знал, что делал, когда строил для

коллектива партии эту баню. Поставили ее прямо на берегу речки, так что можно после парной сразу прыгать в холодную воду.

Нахлеставшись свежим веничком, смыв с себя грязь и пот таежных переходов, одевшись в чистое, Сергей возвращался в палатку, когда в сгущавшихся сумерках увидел Тоню. Она бежала ему наперерез и махала рукой.

Сердце Сергея радостно забилося. И такой родной показалась ему эта маленькая стройная фигурка девушки, такой желанной, будто знал он Тоню не две недели, а целую жизнь. Права была мама, которая говорила про себя и отца: настоящая любовь быстро созревает.

– Мне сказали, что ты вернулся. – Запыхавшаяся Тоня встала перед ним. – Здравствуй!

– Привет, геологинюшка!

Сергей улыбался, откровенно любясь девушкой. Затем положил свободную руку ей на плечо, стал ласково гладить его.

– Знаешь, мне хотелось увидеть тебя именно сегодня. Не завтра, а прямо сейчас, не откладывая. Иначе я не дожил бы до утра. Веришь, не дожил бы. Я очень соскучился.

Она легонько прильнула к нему и положила голову на грудь. От ее волос шел пьянящий запах душистого мыла.

– И я ждала тебя, – прошептала Тоня, поднимая к нему лицо. – Я подумала, что, наверное, смогу быть женщиной, нужной таежному бродяге. Помнишь, ты говорил?

– Помню.

– Не передумал?

– Нет.

Он потянулся к ее лицу и поцеловал в губы.

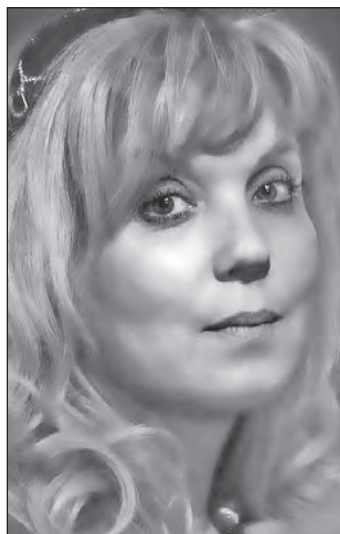
Обнявшись, они пошли в его палатку.

Лагерь геологов спал.

Декабрь 2021 г. – февраль 2022 г.

**Юлия
БЕЛОХВОСТОВА**
ПАПИНА ЯБЛОНЯ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

*В полудреме утренней, в тумане,
принакрывшем беспокойство вод,
«Лев Толстой» идет к своей поляне –
человек, писатель, теплоход.*

*Перегружен судьбами людскими,
суммой незначительных забот.
Что их на плаву удержит? Имя,
зацепившись буквами за борт.*

*Что им в этом имени сегодня?
Миром ли закончилась война?
Хорошо, что Волга полноводна –
не достать до илистого дна.*

*Только тем до сей поры и живы,
вопреки теченью и судьбе,
что старик трехпалубный, двужильный
наши души тянет на себе.*

*Тянет эту ношу человечью,
словно записавшись в бурлаки,
и «Антону Чехову» навстречу
подает гудок взамен руки.*

77

* * *

*Молоточки по височкам –
все, что было на уме,
в круге замкнутом и прочном
мы готовимся к зиме.*

*Запасаемся терпеньем,
читивом, куревом, мукой,
будем печь по воскресеньям
пироги, беречь покой,*

*рыбьим ртом молчать о важном,
о безделицах болтать
и в стаканчике бумажном
ложкой чайною болтать.*

*Снег не прячет голых веток,
белизна не жжет глаза,
мы снежинки из салфеток
сядем вместе вырезать.*

*На безрыбье рак – не рыба,
на бесснежье пыль – не снег.
Мы друг друга за спасибо
прямоком ведем к весне.*

БЕЛОХВОСТОВА Юлия Борисовна родилась 30 октября 1968 года. Окончила МГУ им. Ломоносова, филологический факультет, специализация – древнерусская литература. Поэт, филолог. Публиковалась в альманахах и журналах «Плавучий мост», «Новый берег», «Арион», «Интерпоэзия», «Урал», «Кольцо А», «Аврора», «Крещатик», «Паровоз», «Книголюб», в «Литературной газете», «Учительской газете», «НГ Эклибрис». Автор поэтических сборников «Мне не идет весна» (2012), «Ближний круг» (2015), «Яблоко от яблони» (2018), «Синдром Айседоры» (2020). Дипломант Международного Волошинского конкурса (2015). Призер конкурса им. Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2016). Член Союза писателей Москвы. Живет в Джидде.

Но пока еще не время,
молоточки – тук-тук-тук –
до утра вбивают в темя
все, что выпало за круг.

* * *

Что нам осталось с того февраля?
Снега ведро да в дырках поля.
Нового мира семейственность встреч,
старого мира славянская речь:
слово за слово, за Родину, за...
Тонкие пальцы в чернильных слезах,
тонкие губы под корочкой льда,
в детских глазах – голубая слюда.
Что там осталось, кого сберегли
ветром расшатанные февраль?
Не отнимая руки от руки,
что ни напишешь – то с красной строки,
что ни забудешь – то зверь на ловца
выбежит красного ради словца.
Что нам осталось с того февраля?
Зябнут обветренные тополя,
и, попадаясь на веток крючки,
ватного неба белеют клочки.

БЛИЖНИЙ КРУГ

Мой ближний круг очерчен так давно,
так ловко замкнут, что не видно стыка.
Зима корнями сплетена с весной,
из лета в осень вызрела брусника,
и так горчат плоды ее на вкус,
налитые уже багряным соком,
так тяжелы на ветке, что, боюсь,
из круга выйдет кто-нибудь до срока.
Но не сейчас.
Пока жужжит пчела
над медоносным счастьем внутрикружья,
течет с небес янтарная смола
густого солнца, гром гремит снаружи.

А здесь, внутри зеленые ростки –
трава, трава живучая, простая
цепляется за старые сучки,
мой ближний круг прочней переплетая.

ПАПИНА ЯБЛОНЯ

Нестройность птичьего сопрано, воскресный
благовест вдали, под сладкой тяжестью
шафранной согнулись ветки до земли, в ко-
клюшках веток – паутина, и день плетется
кое-как, стоит плетеная корзина, наполовину в
яблоках... В траве, в садовой бочке – всюду
избыток райский, собирай и веруй в яблочное
чудо, в необычайный урожай.

Вот эту яблоню за домом я помню дольше, чем
себя. Отец рассказывал знакомым, что к
середине сентября (не этого, но через годик уж
точно) будет нам пирог, все дело в правильном
уходе. И он ухаживал как мог: поил, кормил,
зимой холодной ствол мешковиной пеленал...
Увы, она была бесплодной, как Авраамова жена.

Сад пережил пожар, щитовок, набеги выросших
детей и переделку в духе новых ландшафтно-
парковых идей. Творцы в порыве вдохновенья
хотели яблоню срубить, но для густой про-
хладной тени оставили. И птицы вить в ее
ветвях привыкли гнезда, а папа в солнечные
дни любил сидеть в шезлонге пестром в ее
спасительной тени.

Тот год, когда мы проводили отца, был яблоч-
но богат. Под слоем золотистой пыли тонул в
осеннем солнце сад, со стороны усадьбы
старой трезвонили колокола, и яблоня библей-
ской Саррой воспрянула и понесла – согнулись
ветки под плодами, не в силах с ношей совла-
дать, а в доме пахло пирогами, а в сердце
стала благодать.

Леонид ИВАНОВ

Рассказы

ТОСКОВА-А-АЛ!

– Тосковал Федор-то Андреич! Ой, тоскова-а-ал! – Баба Маня уголком повязанного под подбородком платка вытерла глаза, хотя слез вроде бы и не было. – Как Клавдию-то схоронил, так и затосковал. Оне ить душа в душу шестьдесят годков прожили и, поверишь ли, ни разу не ругивались. Да, тоскова-а-ал. Да и она, видать, там тоже по ему тосковала, вот и забрала к себе. Ить как раз на сороковой день и забрала. Помянули как полагается, на погост сходили, потом чаю попили, по рюмочке на помин души выпили. Утром прихожу, а Федор-то Андреич все сидит в красном углу, к стене привалившись. Видать, сразу опосля нас и помер, сердешный. Слава те господи, не намаялся. Тоскова-а-ал дед-то. Переживал, что на похороны Клавдеи ни Тамарушка, ни ты не приехали.

– Баба Маня, а тебе сколько лет?

– Ой, голубок ты мой сердешный, дак я и сама уже забывать стала. У меня уж внучка на пенсию лонись вышла. На северах работала, дак на

пять годков раньше отпустили. А мне-то самой уж девяносто скоро стукнет.

– Здорово! – восхищенно сказал Андрей.

– Дак и чо здорово-то? Здорово, когда не болит ничо, а когда то суставы стонут, то голова кружится, дак уж и здорова-та мало. Ладно, пошли-ка, вон старухи уж почти до деревни доковыляли. Не догнать.

79

Андрей еще раз обвел взглядом могилки дед и бабки, поправил прислоненные к крестам, привезенные им из города венки, поклонился. Баба Маня трижды перекрестилась, и они пошли с погоста.

Несмотря на свои почти девяносто, баба Маня шла довольно резво. Старух, конечно, не догнали, но к дому Федора Андреевича пришли немногим позднее их. Баба Маня перед дверью посторонилась, пропуская Андрея вперед. Он хотел было зайти следом, но она подтолкнула:

– Тебе первому надо с погоста.

Едва Андрей переступил порог, как стоявшая сбоку от двери старуха прыснула ему в лицо изо рта водой. Он отпрянул в сторону, потянулся

ИВАНОВ Леонид Кириллович родился 8 октября 1949 г. в с. Озерки Вологодской области в семье сосланных финнов. Писатель, журналист. После окончания сельской восьмилетки был сплавщиком леса, дровосеком, рабочим на строительстве ЛЭП, заведовал сельским клубом, работал литературным сотрудником. Окончил филфак Череповецкого госпединститута, отделение журналистики Высшей партийной школы ЦК КПСС. Работал в Тюменском областном телерадиокомитете, в пресс-службах администрации Тюменской области и в Тюменском нефтегазовом университете. Автор более десятка книг. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова. Член Союза писателей России. Ответственный секретарь Тюменского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор литературно-художественного журнала «Врата Сибири». Живет в Тюмени.

утереться ладонью, но ему услужливо подали полотенце.

– Не обижайся, милоч, так полагается. Это чтобы печаль смыть. Дед-то твой в приметы не верил, вот и тосковал.

Не пошедшая на кладбище Зинаида, которую Андрей почему-то так и не мог вспомнить, вымыла пол, прибрала в доме, накрыла стол. Пришедшие с погоста помыли под рукомойником руки с мылом, прошли к столу. Снова, как на кладбище, помянули усопшего кутьей, несколько старушек перекрестились на висевшую в углу икону Николая-угодника, защищающую от нищеты и нужды, выпили, не чокаясь, по граненой стопке водки, съели по блину.

Зинаида принесла кастрюлю сваренной на курином бульоне лапши, разлила по тарелкам.

– Андрюшенька, скажи слово за деда, – обратилась к нему баба Маня.

– Хороший был человек! Как в таких случаях говорят, царствие ему небесное и пусть земля ему будет пухом.

Андрей не знал, что еще можно сказать в таких случаях про своего только что похороненного деда, поэтому замялся.

– Да, и его светлый образ навсегда останется в нашей памяти, – добавил он дежурное, что обычно пишут в некрологах.

– Святой был человек, – добавила баба Маня. – Никому худого слова не говаривал. А уж с Клавдией-то как любо жили! Душа в душу, – повторила она уже сказанное на кладбище.

– Да уж, да уж, – вполголоса заговорили старушки.

Мужиков, что копали могилу и хоронили деда, за столом, вопреки обычаю, не было. Они взяли две бутылки водки и уехали работать, обещая зайти вечером и помянуть честь по чести.

– Клавдея-то порой, бывало, и прикрикнет, а он смолчит – и все. Уж чего-чего, а не ругивались, это правда.

– А мастеровой-то какой был! – поддержала Зинаида. – И по дому все умел, и топором потесать, и доску строгнуть. А печки почитай у всей деревни его руками сложены.

– Да-а-а, мастер был, царство небесное...

– И какой мастер! Печку-то зимой как топить, дак все тепло в доме остается, не выдувает. И окна не плачут, хоть какой мороз.

– Его лежанкой я тольки и спасаюсь. И простуду выгоняю, и поясницу лечу, когда прихватит.

Выпили чаю с принесенными кем-то из соседей ягодниками и стали расходиться.

– Ты, Андрюша, мужики-то ввечеру придут, дазови меня, – говорила Зинаида. – Я угощение-то сделаю. Не мужицкое дело – стол накрывать да посуду мыть.

– Хорошо, спасибо большое! Я обязательно позову.

– Вон на той стороне дороги дом с зелеными окнами. А то можно и у нас стол собрать.

– Нет, Зинаида, негоже поминки в чужом доме устраивать, – урезонила баба Маня. – Не людски это. Да и беду накликать можно. Ох, жалко, – обратилась она уже к Андрею, – что матушка-то твоя Тамарушка не приехала. Жалко!

– Так я же говорил, что она в больнице лежит.

– Вот и на похороны Клавдии-то тебя дед ждал да ждал, не дождался. И на погосте все на дорогу поглядывал, не едешь ли.

– Да я за границей в командировке был. Я ведь и узнал-то уже только спустя неделю, когда домой вернулся, – в который уже раз оправдывался Андрей.

Все в деревне это знали, но каждый в отдельности хотел сказать ему, как ждал его дед на похороны бабки. И что тосковал очень.

Когда все ушли, Андрей сел к столу, налил стопку водки, еще раз мысленно пожелал деду царствия небесного, выпил, медленно обвел взглядом внутреннее убранство дома. В последний раз был он здесь несколько лет назад, но ничего с тех пор не изменилось. Все было на прежнем месте, так же стояли в застекленной горке граненые стопки и привезенная им из-за границы красивая чайная пара из тонкого китайского фарфора. Наверняка за все эти годы никто ни разу не пил из этой чашки чай, а служила она украшением да поводом похвастать перед односельчанами иностранным подарком внука.

Все в доме было как всегда, только на этот раз по давнему обычаю на зеркало и экран старенького телевизора были наброшены полотенца. На телевизоре стояло блюдечко с поставленной на него и накрытой давно зачерствевшей скибкой хлеба стопкой, водка из которой почти полностью испарилась. Значит, дед не убирал эту поминальную стопку с самых похорон и в знак траура не включал телевизор.

«Тоскова-а-а!» – вспомнил Андрей не раз сказанное бабой Маней слово.

Затоскуешь тут в одиночестве, когда не с кем перемолвиться словом. Тем более что прожили вместе больше шестидесяти лет, с того самого

дня, как пришел дед с фронта и почти сразу же женился. И ведь все эти годы, подумал вдруг Андрей, они, кажется, ни разу не разлучались даже на несколько дней. Ну да! Насколько он знает, ни один из них не бывал в санатории или на курорте, не ездил к дочери в город. Это они с матерью наведывались в деревню.

— Поразительно! — сказал Андрей, поняв, что его дед и бабка никогда в жизни не расставались. И тут же удивился, что произнес это слово вслух, хотя был в доме один. — Да, тут затоскуешь!

Он вышел в ограду и опустил на лавочку возле стены, где в детстве не раз сидел с дедом. Он тогда все порывался сорваться и куда-нибудь бежать, а дед обнимал его за плечи и просил побыть с ним рядом.

— Набегаешься еще, — говорил дед. — Вот вырастешь, набегаешься по белому свету, придешь, сядешь на эту лавочку, а нас с бабкой уж и нет. И не к кому прижаться, пожалиться. Посиди ишо маленько. Побудь с дедом.

Эти слова Андрей слышал и совсем маленьким, и уже достаточно взрослым, когда учился в старших классах. Ребенком не сиделось, потому что надо было бежать к ребятам, а став старше, как-то стеснялся проявления дедовой нежности. Мать растила его без отца, держала в строгости, считая, что только так сможет вырастить его закаленным, готовым к суровостям жизни. Бабушка же, наоборот, окружала его такой заботой, что становилось неловко и он бурчал, что не маленький, чтобы с ним сюсюкать. А теперь сидел на лавочке и вспоминал, как бабушка по утрам гладила морщинистыми сухонькими ладошками его голову и он удивлялся, что такие скрюченные и мозолистые пальцы могут быть такими нежными.

Он бы сейчас прижался к деду, сам бы обнял его за костлявые плечи, но нет уже деда. И никогда больше не будет. Прав тот был, говоря, что потом некому будет пожалиться. Андрей бы и не стал жалиться, просто сидел бы рядом, такой молодой и сильный, и чтобы дед молча смотрел на него и радовался, что у внука все хорошо. А бабушка бы тоже сидела на ступеньках, как это часто бывало по вечерам, и любовалась бы ими, своими родными, как она говорила, мужчинками.

Баба Маня говорит, что дед тосковал. Тоскова-а-ал... Затоскуешь тут, когда каждая мелочь напоминает о былой силе, которую не вернуть, об ушедшей из жизни жене, о пролетевших

годах и когда остается только ждать собственного конца. Тяжело, наверное, вот так сидеть и ждать смерти, которая уже не пугает, потому что впереди нет ничего светлого и радостного. Единственная дочь уже тоже на пенсии, внук мотается по белому свету, только раз в несколько лет заглядывая к старикам в деревню, где скоро начинает скучать по привычной городской суете. Сходить поговорить к соседям? Так ведь все уже переговорено на много раз. Газеты не ходят, это раньше выписывали много всяких — от районной «сплетницы» до самых что ни на есть центральных. Клавдия, как помнит, всегда первым делом оформляла «Крестьянку» да «Работницу». А потом и эти стали слишком дорогие и неприятно запестрели рекламами шикарных, совсем не крестьянских одежек и украшений.

Вот телефон в каждый дом поставили. Им, как семье ветерана войны, в первую очередь. А кому звонить? Мане через дорогу или Зинаиде? Так ведь лучше так сходить. Тамарке в город? Так она сама каждую неделю звонит, с бабкой про пустяки разные треплются. На озеро отходил — ноги не те, да и законов всяких напридумывали, что нельзя сетками ловить. Браконьерство, видишь ли! Да раньше, пока все общественное было, всей деревней сетки круглый год ставили, рыбой жили, а теперь какие-то вроде аж из самой Москвы хозяева объявились.

Обо всем этом, помнится, дед с горечью рассказывал Андрею, когда тот приезжал навестить стариков, и укорял, что они, журналисты, не пишут про эти дела, а все выискивают разного рода страшилки. Вон недавно «сплетница» писала, будто в их лесах какой-то снежный человек водится. Да отродясь тут про таких никто не слышал, а уж мужики-то все леса вдоль и поперек исходили на охоте.

Размышляя над этим, Андрей вдруг понял, что за сутки, как он приехал в деревню, его телефон, не умолкающий в городе даже поздним вечером, не зазвонил ни разу. Достал из кармана мобильник, посмотрел на экран. Сети не было.

«Надо же! — удивился он. — Вроде в самых глухих местах связь теперь есть, а тут, всего-то в полутора сотнях километров от областного центра, оказался оторван от жизни. В прошлый приезд не было, но ведь уже столько времени прошло, могли бы где-нибудь поблизости и поставить вышку».

Зашел в дом, достал из рюкзака ноутбук, положил на стол и только тогда вспомнил, что без

мобильной связи и с ноутом в интернет не выйти. Захлопнул крышку и стал смотреть в окно на медленно наползающие сумерки. Скоро должны заявиться мужики, что копали могилу и хоронили деда. До их прихода надо было чем-то заняться.

Андрей встал, открыл верхний ящик комода, где раньше лежали фотографии и поздравительные открытки. Они никогда не выбрасывались, а складывались стопочками и перевязывались разноцветными ленточками. Все это добро оказалось на прежнем месте, накрытое большой тетрадкой с картонными корочками. Эти тетради именовались амбарными книгами. Андрей помнил их еще с тех пор, когда приезжал на каникулы, а дед, работая счетоводом, просиживал вечерами за разными бумагами и переписывал из них в такие же амбарные книги какие-то цифры, по несколько раз пересчитывал их на счетах, стуча нанизанными на спицы деревянными костяшками.

«Странно, – подумал Андрей. – Неужели дед на старости начал сводить баланс семейного бюджета? Или вдруг решил пересчитывать сальдо-бульдо бывшего колхозного баланса?»

Достал из ящика эту книгу с привязанным к ней тонкой капроновой ниткой химическим карандашом, открыл первую страницу. Крупным почерком на ней было написано: «Я ушел на озеро. 04.30». Ниже стояла вторая запись: «Сударыня! Не соизволите ли Вы почистить рыбу и сварить уху? 12.15». А еще ниже другим почерком: «Сами не баре! Я с Вами не намерена за одним столом сидеть до тех пор, пока не услышу извинений. 12.20».

Андрей заулыбался. Значит, эта книга была семейным бортовым журналом, при помощи которого общались между собой почему-то поссорившиеся дед и бабушка. Перелистнул страницу.

«Сударыня! Уха получилась вкусной. Рекомендую отведать. 13.45». – «Спасибо! Сыта по горло Вашей наглостью. Без ухи проживу. 13.50». – «Ну, как знаете! Было бы предложено. 13.55». – «А перец куда задевали? 13.58». – «Глаза разуйте! Где был, там и лежит. 14.00».

Эта переписка была настолько умильной, что Андрей сел на стул и рассмеялся. Ай да старики! Это же надо додуматься! Поссорились, не хотят друг с другом разговаривать, переписку затеяли. Ой, молодцы!

«Не пойти ли нам спать, сударыня? 21.45». – «Я с таким кобелем не намерена спать в одной постели! Лучше на лежанке. 21.46». – «Лежанка не топлена – простынете. Заболеете. 21.48». – «А заболею да помру, дак Вам хоть руки развяжу. У вас вон уже есть молодуха на примете. 21.50». – «Не говорите глупостей, сударыня! Пойдемте спать. 21.52». – «И один поваляйтесь в холодной постели! 21.55». – «Да полно глупости-то пороть! Только и делов, что помочь бабе стайку отремонтировать. 22.00». – «Полдня он стайку ремонтировал. Кобель Вы и никто больше! 22.10. Спокойной ночи!»

Судя по тому, что следующие записи были на другую тему, дед с бабкой этим вечером все же помирились. Поскольку в журнале было указано только время, но не было дат, нельзя было и определить, когда они поссорились снова.

«Ши в печке. Кушайте на здоровье, морда бессовестная, кобель несчастный! Не знаю, сколько времени. Могли бы хоть часы отремонтировать, а не по чужим дворам шляться». – «Часы отремонтировал. Что еще изволите? Время вечером по телевизору поставите». – «Дров-то и я мог бы принести. Чего же не сказали?» – «Сама не переломилась! Вам силы на молодух беречь надо».

Потом снова шла переписка, что пора ложиться спать. И, похоже, постель снова помирила.

Увлечшись чтением, Андрей очнулся, только когда открылась входная дверь.

– Можно?

– Да-да, конечно! – засуетился Андрей. – Проходите, пожалуйста, к столу! Или руки помыть?

– Да не надо! Не такие уж и грязные, – отмахнулся муж Зинаиды.

– Мне Зинаида наказывала, чтобы, как вы придете, ее предупредил. Она хотела закуски приготовить.

– Да не надо нам тут Зинаиды. И без нее найдем, чем закусить. Выпить-то есть?

– Этого – сколько угодно.

– Вот и ладно! Ну, мужики, помянем Федора Андреича, добрейшей души был человек. Пусть земля ему будет пухом!

Поскольку в доме не было соблюдающих обычаи старух, первым делом выпили, а потом уже закусили кутьей, блинами и рыбником.

Андрей пошел разогревать суп, но Николай его остановил:

– Не суетись ты! Мы и холодного похлебаем. Так даже вкуснее.

– Не надо греть! Не надо, – поддержали остальные. – Мы, это, не интеллигенция. Мы просто любим.

– А не за столом дак и совсем бы хорошо было.

– Да ты, Николай, скажешь тоже! Чо нам, из-за стола на улицу, что ли, поминать идти? Нет, покойный в доме жил, тут и положено поминки устраивать.

– Да я это так просто. Мы ведь чаще-то как? На берегу с мужиками. Или возле бани. Напарись, в озеро окунешься да как по стопарику накаташь!

– Ой, после байны-то душевно! Вот завтрия бабы байну натопят, мы тебя по-нашему, по-деревенски-то венником попотчем! Ладно, чо расселись-то? Наливай, Никола! Заодно и бабу Клаву помянем. Ой, хорошая у тебя была бабка! Не зря ее дед сударыней называл. Ну, царствие им небесное! Не заждались своего сударя. Быстро к себе призвала. Она ведь ревнивая была! Ну спасу нет, до чего ревнивая! Как-то на Иванов день баба Маня пошутила, что дед-то в молодости еще тот ходок был. Мол, и к ней клинья подбивал, даром что на пять годков старше, а уж молодух так ни одной юбки не пропускал. А баба Клава-то сидит, смотрит так на всех, и непонятки берут – это как же так? В деревне все про всех знают, а она про своего мужа такого да не знала! Ох, кобель проклятуший!

Ну, старухи-то захохотали, мол, разыграли тебя, дуру старую. Разыграли-то разыграли, а она с тех пор стала за дедом приглядывать. Упаси бог, с кем из баб на деревне остановился! А уж если какой вдове по хозяйству чем помог, так потом неделю с ним не разговаривала.

– Погодите, а как же дед печки клал? Ведь, говорят, во всех домах он печки делал.

– Дак она от него ни на шаг не отходила. Он клал, а она глину месила, кирпичи подавала. Ни на шаг от мужа.

– Это что, на восьмом десятке? – изумился Андрей.

– Да и на девятом тоже, – уточнил Николай, и все засмеялись.

Теперь Андрею стали понятны намеки про старого кобеля в «бортовом» семейном журнале. Ну дед! Ну бабка! Ей-богу, как молодые!

Помянули мужики хорошо! Уходили с поминков нетвердой походкой, обещая назавтра устроить городскому гостю настоящую баню.

– Ты смотри, Андрюха, не сгузай, – обнимали его по очереди и хлопали по плечу. – Девять ден надо пожить, на погост сходить. А потом можешь и ехать в свой город. Да завтра с бабками сходи на могилку. Положено на другой день после похорон.

Андрей несколько раз благодарил мужиков за помощь, те в свою очередь спасибокали за гостеприимство. Расстались у калитки, когда на улице уже совсем стемнело.

Вернулся в дом, убрал со стола, помыл холодной водой с мылом посуду. Вспомнил, как раньше, когда приезжал в деревню на несколько дней, суетилась возле гостя бабушка, как не могла она нарадоваться внуку, подсаживалась рядом погладить его по плечу, взять в свои скукоженные временем ладошки его руки, а дед сидел с другой стороны, почти под иконой, и молчал.

«Да, уходят старики, – с тоской подумал Андрей. – Ушли из жизни дед с бабкой, а многие ли останутся в живых через пару лет из тех старушек, что ходили сегодня на кладбище провожать в последний путь деда Федора?» И пусть это были совсем чужие люди, их было очень жаль, потому что уходило вместе с ними что-то очень большое и значимое в его жизни, разрывая невидимую нить с его детством.

Андрей снова взял в руки амбарную книгу, открыл на странице, где была сделана последняя запись.

«Ну почему ты, сударыня, меня одного тут оставила? Что мне тут без тебя делать? Пусто на душе и тоскливо. Тоскую!»

Андрей прочитал текст, отодвинул книгу на середину стола и долго сидел молча. Потом придвинул ближе, взял привязанный карандаш и крупно вывел: «Дорогие мои старики, я только сейчас понял, как трепетно вас люблю, и буду очень без вас тосковать... Очень-очень!»

ИГРА НА РАЗДЕВАНИЕ

Свет опять виновато моргнул и погас. Телевизор скорехонько свернул картинку, сверкнул узенькой горизонтальной полоской и слепо устал в темноту избы черным экраном.

– Едрит твою мать! – в сердцах выругался Федор. – Как всегда, на самом интересном месте.

Татьяна отодвинула занавеску и выглянула в окно.

– Ну, чево там?

– Чево-чево? Знамо, чево! Темень одна, – проворчала в ответ жена. – Сходи посмотри, может, у нас на столбе чо.

– На столбе, на столбе, – буркнул Федор, но встал из-за стола и направился к двери.

Он вышел на улицу, погруженную в августовские густые потемки, открыл калитку, сделал несколько шагов по мягкой, густо заросшей конотопом тропинке, остановился, посмотрел по сторонам. Вся деревня была укутана тяжелой и влажной после недавнего, уже по-осеннему нудного дождя чернотой рано наступающей ночи. Не было бы низко надвинутых туч, которые небо повесило проветриваться на высоченные старые березы, что росли вдоль дороги, звезды да красивые всполохи восторженных в эту пору зарниц радовали бы взор, а тут – хоть глаз выколи.

Федор достал сигареты, закурил. Справа кто-то кашлянул.

– Нюрка, ты, что ли?

– Ну а кому еще?

– Мало ли! Может, мужик какой...

– Ага, мужик. От сырости разве что... Кого тут мужиков-то на всю деревню, кроме тебя?

– Дак вдруг заехал какой из города наших баб повеселить. Вон вас, молодух, сколько.

– Ага, в городе своих старух мало, дак они по деревням шастать будут. Молодухам-то нашим вон всем уж на восьмой десяток перевалило. Чо там Татьяна?

– Сидит свет ждет. Думает, я ей электричество в штанах принесу.

– Да в штанах-то у тебя динама, поди, уж сто лет как отсырела, – засмеялась Анна. – Чо делать-то собираетесь?

– А чо делать? Спать – рано, читать с лампой – не вижу, Татьяна опять в карты играть сгношит. Пошли за компанию?

– Ой, нет, умаялась я седни с грибами, пойду спать завалюсь.

– Спать-то оно спать, а потом ни свет ни заря проснешься, на улице еще делать ничего не видно. Лежишь, на сто раз жизнь свою перебираешь. А чо перебирать, все одно не переделаешь.

– То-то и оно, что не переделаешь... – вздохнула невидимая в темноте Анна. – Спокойной ночи.

– И тебе того же, – откликнулся Федор, сделал последнюю затяжку, загасил окурочок о мокрый столб, бросил в сторону дороги и пошел в дом.

– Ну, чо там?

– Темень там, – отозвался Федор.

– Я думала, только у нас, дак хоть к Нюрке сходить кино досмотреть.

– Спать она наладилась. Умаялась, говорит, с грибами.

– И спать-то рано.

Татьяна взяла со старинного комода лампу, стала шарить в поисках спичек.

– Дай-ко спички-то.

Федор достал из кармана коробок, чиркнул, зажег фитиль подставленной Татьяной керосиновой лампы.

– Ой, стекло-то опять забыла почистить, совсем закоптилось. Погоди-ко, хоть газеткой протру, а то ничего и не видно.

При свете пляшущего пламени она оторвала от газеты клочок бумажки и стала со скрипом протирать стекло.

– Не программу хоть оторвала-то? – обеспокоенно спросил Федор.

– Да вон твоя программа, на комоде лежит, – успокоила Татьяна и надела стекло на лампу.

Пламя сразу же успокоилось и осветило комнату.

– Как думаешь, надолго свет-то отключили?

– А чего думать? Ясно, до утра никто делать не станет. Первый раз, что ли? – ворчливо ответил Федор.

Татьяна взяла какой-то старый журнал, надела очки, полистала.

– Хотела ведь в районе очки новые купить, эти совсем слабые стали, да денег пожалела, – сокрушенно сказала она и отодвинула журнал в сторону. – Твои-то где? Или сам читать будешь?

– Какой читать? С лампой все одно ничего не вижу.

– Ну, давай хоть в подкидного сыграем.

– А-а, неинтересно. Под стол овечкой блять не лезешь, на стул петухом кукарекать не хочешь, на щелбаны боишься...

– Конечно, ты вон со всей дури lupишь дак.

– Да ежели бы со всей дури, у тебя бы и лоб треснул. Это я любя, тихонечко.

– Ничего себе тихонечко! – возмутилась Татьяна. – Вон волдырь до сих пор не проходит. Вот если ты подряд пять раз выиграешь, я тебе сто грамм налью.

– Чтобы скорее очоурился? Целый день таблетки от давления горстями кормила, а теперь сто грамм она нальет. На тот свет сплавить торопишься?

– Типун тебе на язык, – трижды сплюнула Татьяна. – Нюрку не звал?

– Да звал, не хочет. Говорю же, умаялась.

– Ну, давай на интерес.

– А какой с тобой интерес? Все одно проигрываешь.

– Потому что ты мухлюешь.

– Да не мухлюю я, – заверил Федор.

– Мухлюешь, мухлюешь, сколько раз ловила, – настаивала Татьяна.

– Ну, если когда сослепу, – согласился Федор, глядя, как жена, перетасовав, уже раздает карты.

– Черви козыри, – объявила Татьяна. – У меня семерка.

Федор взял свои карты, развернул:

– Ну, дак ходи, коли семерка.

Хоть Татьяна и начала игру первой, карта ей не шла, и вскоре она проиграла, оставшись чуть не с половиной колоды на руках.

– Все, больше не буду, – остановил жену Федор, когда она начала заново раздавать карты.

– Ну еще разик.

– С тобой неинтересно.

– Ну давай еще разок, не душой же мне, да еще с погонами, спать ложиться.

– Тогда – на раздевание.

– Ишь, чо удумал! У тебя скоро правнуки на раздевание с девками играть будут, а ты, старый пень, туда же, – запротестовала Татьяна.

– Дак хоть стариной потряхнуй, – засмеялся Федор.

– Стариной ты и без карт трясешь... – поддела жена. – Ходи давай.

– Не буду. Только если на раздевание.

– За пятьдесят лет он еще не нагляделся. Вон завтра баня будет, смотри сколько хошь.

– Ну, баня – это само собой, а тут дело другое. Тут стимул важен.

– Да уж стимул-то у тебя давно и не шевелится, – снова поддела старуха.

– А мне и не надо, – отмахнулся Федор. – На раздевание играть буду, а так – собирай карты.

– Дак я уж раздала.

– Ну и собирай.

– На раздевание вон тебе с Нюркой играть надо. Она чужая, интерес какой-никакой.

– Вот именно, что никакой – больно тоща.

– Эк на старости-то лет завывобенивался. Тогда вон с Людмилой.

– Глаза лопнут все тело осматривать.

– И то неладно, и это не глянется. Ходи давай.

– Сказал, не буду на интерес.

– Ходи, старый распутник. Только не мухлевать.

Снова оставшись в дураках, Татьяне пришлось снимать кофту. Это заставило ее внимательнее следить за тем, как бьет ее карты Федор.

– Ты какого лешего мою даму вальтом кроешь? – возмутилась она, когда старик попытался схитрить.

– Это валет, что ли? Я думал, король.

– Валет, валет.

– Очки совсем слабые стали, – посетовал Федор. – Да и лампа еле горит. Ты-то хоть рядом сидишь, лучше видно. Ладно, не нравится валет, на тебе туза.

То ли Федор снова где-то смухлевал, а она не заметила, то ли действительно карта шла неудачно, но пришлось Татьяне снимать и юбку. Потом без рубашки и без штанов остался-таки Федор. Обстановка накалялась. Старик еще дважды был уличен в попытке мошенничества, но тем не менее снова выиграл. Татьяна под ликование мужа покорно сняла и повесила на спинку стула лифчик. Боязнь проиграть еще раз и остаться совсем голой притупила ее бдительность, чем не преминул воспользоваться старик. Он мухлевал уже без всякой осторожности: уличенный в мошенничестве, тут же менял карту, но через пару ходов крыл вместо бубновых козырей червями, торопился скинуть карты в колоду, туда же незаметно, пока Татьяна прикручивала фитиль лампы, спровадил две мешавшие игре шестерки и снова оставил жену в дураках.

– Трусы не сниму, – категорично заявила Татьяна, встала из-за стола, собрала в охапку одежду, сунула под мышку бюстгалтер и пошла в другую комнату, где стояла кровать. Федор не торопясь начал аккуратно собирать разбросанные по столу карты в колоду.

– Ну и долго ты там еще керосин жечь будешь? – вскоре послышалось из-за занавески, закрывающей дверной проем спальни. – Иди ложись спать, старый бесстыдник! Вот уж мы завтра с Нюркой тебя вдвоем-то припозорим. У ее память хорошая, она тебе мухлевать не даст. Ишь, на раздевание он играть выдумал. Жеребец старый... – ворчала Татьяна, удобнее укладываясь в постели.

Геннадий
СКАРЛЫГИН

СКОРБИМ
О РОДИНЕ БОЛЬШОЙ

* * *

*Я ворую солому с колхозных полей,
Мне, мальцу, еще только двенадцать.
Брал веревку покрепче, одевался теплей,
Чтобы ночью к соломе добратся.*

*Нам без топлива зиму никак не прожить,
Воровал я и уголь с вагонов, с откосов.
И тепло от печурки, где уголь горит,
Помогало ответить на много вопросов.*

*То, что в школе учитель домой задавал,
Я в ворованном свете усваивал строго.
Но не мог все понять, оттого что был мал,
Почему меня дядька-охранник не трогал.*

*Как увидит, что я на вагоны полез,
Отвернется в тулупе с берданкой.
Долго смотрит он в сторону, прямо на лес,
Самокрутку свою прикрывая ушанкой.*

*И потом мне по жизни на дядек везло,
Да, я рад, что их было по миру немало.
И они, может быть, всему миру назло
Меня твердой рукой прикрывали устало.*

* * *

*Все полустанки, полустанки
Сквозь дым связующих времен.
Летим – небесные подранки –
С белесой прядью, словно лен.*

*Летим сквозь рваные равнины
И станционный шум, базар.
Талдычит ряд торговых длинный.
Скрипят и рвутся тормоза.*

*Сойти бы в этом промежутке,
Вареной бы картошки съесть.
И кажется, в летящих сутках
И вечность, и безумство есть.*

*А вот и церковь (здесь когда-то
Крестила бабушка меня),
И дом бревенчатый, горбатый,
И школа сельская моя.*

*И все как будто бы в тумане.
Из гипса девушка с веслом.
Да, время. Время не обманет,
Чему-то жить, а что – на слом.*

86

СКАРЛЫГИН Геннадий Кузьмич родился 17 января 1950 года в Кемеровской области. Окончил Томский геолого-разведочный техникум. Работал начальником сейсмостанции, геологом. В 1981 году окончил отделение журналистики Томского государственного университета. Затем работа в областной газете «Красное знамя». Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «Сибирские огни», «Российский колокол», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Барнаул», «Начало века», в альманахе Академии поэзии и других изданиях. Стихи вошли в антологию «Русская сибирская поэзия. XX век». Главный редактор литературного и краеведческого журнала «Начало века». Секретарь правления Союза писателей России. Председатель Томской областной писательской организации. Автор десяти книг стихов. Живет в Томске.

Уже осыпались фигуры.
Из гипса виден их каркас.
Но сохранилась арматура,
Еще связующая нас.

* * *

«Вот дурочка! — злословили в деревне. —
Босая в зиму, смотрят вверх глаза».
Но иногда с какой-то мукой древней
Бросала взгляд, как в доме — образа.

И, словно Богородица, страдая,
Она смотрела ясно в этот мир.
И лишь потом, как листья облетая,
Глаза уйдут в невидимый эфир.

И вот опять (оборвана, как ветошь)
Она пройдет деревню мою.
А ты, пацан, куда-то дерзость денешь,
Застынешь, не подходишь больше к ней.

Как будто проверяла нас святая.
Что здесь мы, не издергались душой.
И как живем, прорехи вновь латая,
И как скорбим о Родине большой.

А где ж ей быть, как не в глубинке, с нами?
Где тяжкий труд за крохи, за гроши.
Где поднесут святыми именами
Кусок последний, черствый — от души.

* * *

Решетчатое небо сентября,
Размывами блистает побережье.
Я становлюсь и тише, и прилежней.
Но так же все смотрю я на тебя.

И в чередѣ обыденных забот
Прокрутим эту жизнь наоборот.
Опять зазеленеют наши всходы,
И мы светлеем от любой работы.

А я смотрю все так же на тебя.
А ведь прошло уже тысячелетье...

И прорастает в наше долголетье
Решетчатое небо сентября.

* * *

Плыл туман сквозь стога.
И ложилась усталая морось.
Видел я: по осенним погам
Уходила и пряталась молодость...

* * *

Как мало для радости надо.
Мелькнет огонек за окном.
Под вечер ложится прохлада,
Темнеет лесок за оградой,
И тянет с реки холодком.

А вот уже стадо у брода,
Пастух тихо щелкнул кнутом.
Проведет с дровами подвода...
Старушки (опять взяли моду)
Сидят, говорят обо всем.

* * *

Велеречивая волна
Окатит вдруг словесной стынью.
Она бездумна. И полна
Банальной шелухи. Полынюю

Стараюсь выжечь шелуху.
Травой родных моих просторов...
Каких не видел на веку!
Каких не слышал разговоров!

Но только травы и поля —
Мои защитницы степные.
Вот с ними, много говоря,
Я слышу хор, слова иные.

Они нашепчут мне судьбу,
Уберегут в своих качелях.
На том, на этом берегу
Я слышу, слышу хор вечерний.

**Николай
БАШЕВ**

ЗНАМЕНИЕ

Рассказ

*Посвящаю врачам –
сыну моему Николаю Николаевичу,
Вострикову Сергею Владимировичу,
Захарченко Елене Викторовне*

...Заяц! Заяц-чудовище!

Сначала у него была одна голова, круглая, как футбольный мяч, такая же огромная, с прижатыми к затылку длинными ушами. От носа к спине через всю морду устремились три полосы, поблескивая фиолетовыми оттенками. Полосы эти вдруг налились кровью и начали мигать, переливаясь сверху вниз кровавой массой. Затем голов стало две, три – они злобно оскалились, обнажая длинные желтые клыки...

Тело этого чудовища – тощее, с длинными, нескладными ногами, присевшее, как для стремительного прыжка, – напоминало фигуру огромного паука-кровопийцы, приготовившегося растерзать жертву. Заяц взбрыкивал своими костистыми конечностями, разбрасывая в разные стороны рыхлую землю, и, вытаращив налитые кровью глаза, истошно орал металлическим голосом:

– Сдохни! Сдохни!..

Именно так, не «умри», а «сдохни», будто я не человек, а никому не нужное, бесполезное животное.

И вдруг наступила гробовая тишина.

...Огромный лист стекла – матового, с серым оттенком – завис над бездной, уходя нижним концом своим в эту пропасть, в бесконечность. Верхний конец был ограничен непонятно чем – то ли потолком, то ли небесами. Между этой преградой и верхом стекла образовалось маленькое пространство, в котором разместилась дрожащая капля прозрачного вещества: возможно, это была моя душа...

С одной стороны стекла мельтешили мелкие фигурки людей, скорее всего мои родственники либо знакомые. Они что-то говорили, размахивая руками и раскачиваясь из стороны в сторону, но их присутствие мало что значило. С другой стороны зияла бездна, я парил над ней...

– Ну вот и все, – сказал мне четко и ясно мой голос. – Сейчас тебя не будет. Ты больше не будешь ничего знать и чувствовать, как будто тебя никогда и не было.

Голос был настолько убедительным, что я понял: сейчас я умру. И еще я твердо уверовал, что смерть такой и должна быть: небытие и ничего другого.

Капля над ребром стекла задрожала сильнее, сорвалась и полетела вниз...

БАШЕВ Николай Алексеевич родился 20 октября 1946 года в с. Ольговка Яйского района Кемеровской области. Окончил Мариинский сельхозтехникум, Новосибирский аграрный институт. Работал главным ветврачом, главным зоотехником, заместителем директора по производству, директором на птицефабриках Кемеровской области. Избирался секретарем Яшкинского райкома партии, народным депутатом СССР. Поэт, прозаик. Автор семи книг. Член Союза писателей России. Живет в с. Колмогорово.

* * *

...Ярко освещенная комната, в углу каменная колонна. И мысль: «Почему же я, крепко обхватив ее руками, как обезьяна, сижу на самом ее верху?» Вдруг комната начинает раскачиваться, расплывается, и я проваливаюсь в темноту...

Чувствую на лице тугую повязку, она сдавливает до боли мой лоб и подбородок. Пытаюсь медленно вдохнуть воздух, но какая-то сила резко и неприятно вталкивает в мою гортань свою порцию воздуха. Она растягивает мои легкие, я судорожно пытаюсь выдохнуть ее и не успеваю, новая волна, как мне кажется, разрывает грудь.

С большим трудом открываю слипшиеся веки, яркий свет лампы высвечивает высокий потолок, и он медленно начинает раскачиваться из стороны в сторону. Поворачиваю взгляд вправо: мигает монитор, белый гофрированный шланг, направляясь к моему лицу, упруго пульсирует, а возможно, мне это только кажется. Пытаюсь поднять руку, с первого раза это не удается, с третьей попытки подношу ее к лицу и наконец смутно понимаю, что лицо мое плотно стягивает маска, а пульсирующий шланг заполняет воздухом легкие, причем насильственным путем, что приносит не облегчение, а только муки. Поворачиваю глаза налево, там большое количество разноцветных проводов от висящего на стене монитора, и все направлены к моей груди. Люди в белых халатах, в перчатках, в очках, полностью закрывающих их лица, снуют кругом.

«Реанимация, — медленно проворачивает догадку мой мозг. — Коронавирус окончательно свалил меня с ног и лишил разума. Господи, невозможно приспособиться к работе этого аппарата, он разрывает мои легкие! Как хочется вырвать этот шланг и сорвать с лица проклятую маску!»

Надо мной склоняется фигура человека, плотно закутанного во все белое. Сквозь его защитные очки с трудом различаю глаза. Он что-то говорит, но я ничего не понимаю. Руки его опускаются мне на грудь, и я чувствую отдаленную тупую боль в области правой ключицы. Затем эти руки перемещаются в область моего живота, и отдаленная боль возникает уже в мочевом пузыре. Человек отходит, на его месте появляется другой: в руке штатив с бу-

тылкой, наполненной жидкостью, от нее тянется длинная прозрачная трубка. Этот предмет мне знаком, и даже в полусознательном состоянии я понимаю, что это капельница.

Потолок опять медленно начинает раскачиваться и вдруг стремительно уплывает в сторону. Темнота.

...Кто-то дышит страшно тяжело, с надрывом и стонами — так, будто рядом сгрудилось с десяток загнанных лошадей. С трудом открываю глаза. Напротив за колонной видна часть грузной женской фигуры; это предсмертное, как мне кажется, дыхание доносится оттуда.

Маска сдавила мне лицо, белый гофрированный шланг размеренно пульсирует, загоняя в мои легкие кислород, спасая от гипоксии, но я чувствую, что ритм нашего с ним дыхания не совпадает, и вместо того, чтобы принести облегчение, этот проклятый аппарат пытается меня задушить.

Сейчас я сорву маску и выдерну шланг! Пытаюсь пошевелить руками и не могу. Нет сил, да еще все тело опутано проводами датчиков, прозрачными трубками. Но, видимо, что-то мне все же удалось нарушить: тревожно запищал и замигал расположенный справа от лежанки монитор. Белая фигура быстро подошла и поправила прикрепленный к моему пальцу датчик. Монитор затих.

«Я сейчас задохнусь!» Потолок снова начал раскачиваться, взгляд мой, как сквозь плену тумана, захватил висящие на стене круглые часы. Они стали быстро увеличиваться, занимая всю стену, их стрелки изгибались, как гуттаперчевые. Огромная черная бабочка попыталась сесть на стрелку, но, сорвавшись, устремила ко мне. Стало темно.

...Опять это болезненное, лошадиное дыхание... Открываю глаза, в голове шумит, пищат мониторы, за стеной стонет мужчина. У моей кровати несколько закутанных в белое фигур озабоченно переговариваются между собой. Вероятно, консилиум. В таком одеянии не сразу и поймешь, кто из них мужчина, а кто женщина. С большим трудом различаю и обрывки фраз.

— Придется применить плазму... — произнес мужской голос.

— Если он впадет в коматозное состояние, нам его не вытащить, — добавил женский.

– Я не вижу другого выхода: по последним анализам крови, ему осталось недолго...

– Посоветуйтесь с его сыном, он опытный врач...

– Да, он уже несколько раз звонил...

Видимо, они не догадывались, что я пришел в себя.

Белые фигуры приблизились вплотную и склонились надо мной. Я мотнул головой. К моему лицу протянулась рука и приподняла край маски.

– Что-то не так? – спросил мужской голос.

– Я больше не могу, уберите маску и шланг! – прохрипел я.

– Потерпи, дорогой, потерпи, ничего снимать нельзя.

Он поправил маску, переместив ее в более удобную позицию. Другая фигура протерла мое тело влажным полотенцем.

Облегчения это не принесло. Представив себе, что этот аппарат еще долго будет издеваться надо мной, и окончательно расстроенный только что услышанным, я потерял контроль над своим разумом. Собрав все силы и сорвав с себя датчики, я сел и спустил ноги на пол. Человек, поправлявший мне маску, тут же кинулся ко мне.

– Лена, неси быстро... – И он назвал какой-то препарат.

Потом доктор попытался меня успокоить. Но все было бесполезно. Наверное, впрыснутый в мое тело препарат сразу не произвел нужного действия.

Я сорвал ненавистную маску и, откинув ее в сторону вместе со шлангом, заявил:

– Все! Я больше ничего не хочу! Дайте мне спокойно умереть!

Прибежали еще несколько белых фигур; применив силу, уложили меня на место и начали натягивать на лицо маску.

– Не нужно! – раздался голос главного доктора. – Делаем интубацию.

То есть мне собирались ввести трубку в трахею для проведения искусственной вентиляции легких. Принцип тот же, что и у аппарата ИВЛ, но более жесткий.

Силы окончательно стали покидать меня, а введенное вещество, вероятно, все же возымело свое действие. Я начал терять сознание. Последнее, что запомнилось, это ощущение инородного тела во рту...

* * *

...До горизонта хлеба... Золотистые пшеничные колосья чуть заметно раскачиваются нежным ветерком, нагоняя причудливые волны, напоминающие волшебное желтое море.

Рыжий конь, запряженный в легкие дрожки, бежит трусцой по полевой дороге, лениво перебирая копытами. Я, парнишка, сижу на этих дрожках, свесив ноги, и, раскачивая ими, пытаюсь достать пшеничные колосья. За моей спиной, отвернувшись, подергивая вожжи, сидит мужчина, похожий на моего отца.

«Как же так? – закрадывается в голову тревожная мысль. – Он же давно умер!» Я оборачиваюсь и внимательно смотрю на мужчину. Да, это отец, причем голова его еще не покрыта сединой. Он выглядит так, как в те времена, когда работал в колхозе бригадиром и частенько брал меня с собой в поле, усадив на вот эти самые дрожки.

И так же, как в те времена, он, подгоняя лошадь легкими подергиваниями вожжей, тихонько насвистывает сквозь зубы знакомый мотив.

– Отец, куда мы едем? – спрашиваю я его – просто так, чтобы что-нибудь сказать.

Я знаю, что мы едем домой, где нас ждет мама, приготовив вкусный обед.

Отец не оборачивается и не отвечает, все так же подергивая вожжи и насвистывая.

«Какая мама? – опять возникает в голове тревожная мысль. – Ее ведь тоже давно нет на этом свете!»

Вдруг из хлебного моря выскакивает на дорогу заяц и со всей прыти несется под копыта лошади.

– Стой! – кричу я, но отец продолжает легонько подгонять коня, он меня не слышит.

Заяц, проскочив под копытами, снова скрывается среди пшеницы. Я радуюсь, но через мгновение в груди моей опять возникает тревога: я не могу понять, почему отец не разговаривает со мной. И начинаю уже сомневаться: а действительно ли мы едем домой?

Но вот полевая пыльная дорога сменилась более широкой проселочной и из-за знакомой рощицы показались первые деревенские дома. Сияя синевой выкрашенных ставень, вырос на пригорке и наш дом. Уже видны высокие тесовые ворота с большим металлическим кольцом для подъема задвижки.

Почему они закрыты? Почему нас не встречает мама?

И вдруг совершенно неожиданно пропал и рыжий конь, и дрожки, а вместе с ними и отец... Я стою в одиночестве перед воротами, виновато опустив голову. Но вот кольцо на воротах дернулось, и они, распахнувшись, явили образ моей матушки.

Она печально посмотрела на меня и, махнув рукой, тихо сказала:

– Уходи, сынок, рано еще, обед для тебя не готов.

Ворота, скрипнув, захлопнулись.

– Матушка...

...Я поднимаю голову – вместо ворот огромный лист стекла серовато-матового цвета. По одну сторону его зияет бездонная пропасть, по другую замерли людские фигуры, мои родственники.

Маленькая капля, находившаяся на верхнем ребре листа, задрожала, сорвалась и полетела в гущу столпившихся людей. Они облегченно вздохнули.

* * *

...Писк мониторов, из-за стенки через открытую дверь слышны жуткие мужские стоны, рядом хриплое дыхание «загнанной лошади», которое вдруг прерывается, и надрывный скрипучий голос перекрывает все звуки:

– Валя... Валя...

«Где я? Кто такая Валя? Почему мне трудно дышать?»

Какая-то сила, стиснув мое лицо, упруго нагнетает воздух в легкие.

Размыкая веки: тусклый свет потолочных ламп выхватывает из полумрака белые фигуры людей, одна из которых устремляется в сторону скрипучего голоса, наверное, она и есть Валя. В том углу, за колонной, где раздается лошадиное дыхание, начинаются какие-то манипуляции, видимо, оказывается необходимая помощь.

Мозг мой, хотя и с большим напряжением, начинает постепенно осваивать окружающую обстановку и воспроизводить прошедшие события. И на первый план, несмотря на то что происходило все почти в бессознательном состоянии, выплывает мой нервный срыв. Возникает чувство вины перед доктором. Эта борьба с аппаратом искусственной вентиляции легких, приведшая к тому, что мне пришлось делать интубацию. А может быть, нет, не пришлось?

Пытаюсь сделать глотательное движение. Боль в гортани и пищеводе подтверждает то, что в них побывали инородные предметы. Значит, интубация была. Но доктор уже удалил зонд и дыхательную трубку и вновь подключил меня к ненавистному аппарату.

Сколько прошло времени? Ночь, сутки, двое?

Поворачиваю голову направо: монитор аппарата ИВЛ, попискивая, показывает давление кислорода, с которым эта машина загоняет его в мои легкие через белый гофрированный шланг. Делаю усилие приспособиться к ритму его дыхания, вроде получается. Наверное, придется с ним подружиться, хотя нестерпимо хочется дотянуться рукой до маски и снять ее со своего стиснутого лица.

Поворачиваю голову налево: там другой монитор, к которому от моей груди тянется несколько проводов разных цветов. Протягиваю руку к груди, ощущаю пальцами множество плоских, величиной с пятак, датчиков, прочно прикрепленных к телу. Приходит опасливая мысль: «Как же будет больно, когда их будут сдирать! Они же прилеплены прямо на волосистой покров!»

Вдруг левую руку начинает сдавливать широкая манжета, закрепленная на ней. Догадываюсь: «Датчик включил тонометр – идет замер давления». Смотрю на экран монитора, на нем все мое внутреннее состояние на данный момент: артериальное давление, сердцебиение, температура тела, а главное, самыми крупными цифрами, – показатель сатурации, то есть содержание кислорода в крови.

Какие процедуры со мной проводил доктор? Учел он предостережение своей коллеги или пренебрег им? Но ясно одно: какие-то решительные меры им были предприняты. Мое состояние хоть и ненамного, но все-таки улучшилось. Безразличие к жизни отступило, возникло желание преодолеть эту проклятую болезнь.

Рядом с кроватью штатив с закрепленным пузырем, в нем лекарственный раствор. Прозрачная трубка, по которой он льется, направляется к моей правой ключице. «Вот что за боль причинил доктор, – вспомнилось мне. – Устанавливал катетер под ключицу». Ощущаю неприятное давление в области мочевого пузыря, нетрудно догадаться, что и там стоит ка-

тетер. Опускаю глаза – и точно: трубка от низа живота тянется в прикрепленный к штативу сосуд под названием «утка».

«Прямо как самогонный аппарат: сюда вливают, оттуда вытекает», – приходит в голову дурацкая мысль.

– Очнулся, милый, – наклоняется надо мной белая фигура в очках; на груди черной краской по белому халату написано имя: «Наташа». – Давай я тебе поменяю простыни и наволочку.

Согласно киваю головой, а сам думаю: «Как же она будет это делать?» Я весь опутан проводами и трубками, и помочь ей у меня просто не хватит сил. А она маленькая, килограммов пятьдесят, не более... Но, видимо, в этой красной зоне все знают свое дело. Ловко закинув простыню под провода и повернув меня на бок, она подсунула край под спину, после чего, повернув меня на другой бок, расправила простыню, оказавшуюся у меня за спиной, на всю кровать. И с наволочкой легко справилась.

Потом, протерев меня влажной салфеткой и улыбнувшись глазами, сообщила:

– Вы, если вам что-то нужно, не стесняйтесь, приподнимите слегка маску и зовите меня. Я Наташа.

Забегая вперед, скажу, что весь обслуживающий персонал (няни) в красной зоне работал исправно, ухаживая за страждущими, размещенными в двух палатах реанимации, не покладая рук. Но я старался обращаться в основном именно к Наташе, если мог, терпел и дожидался ее появления. Не потому, что она выделялась красотой либо стройностью фигуры (в «противочумных» костюмах они все были одинаковы), просто ее я почему-то не стеснялся, полностью ей доверялся.

Что же касается сестринского персонала, то он вообще представлял собой хорошо отлаженный механизм, работающий четко, как автомат. Эта мысль укрепилась в моем мозгу окончательно, как только я окреп и начал сообщать нормально. Сестры менялись, так же как и няни, через каждые шесть часов. Закутанные в защитные костюмы, они отличались друг от друга только ростом и объемом тела. Поэтому определить очередную можно было только по имени, написанному на форме.

Точно по времени подавались пилюли, менялись растворы в капельницах, записывались

показания мониторов. Не оставались без внимания любые изменения, происходящие с больными.

Моя соседка за колонной, та самая, что со страшным дыханием, покоя персоналу не давала ни днем ни ночью. Вероятно, она в этой палате находилась давно, поэтому знала все имена медсестер и нянь. Только начинаешь немного успокаиваться, впадаешь в забытие, как тут же на всю реанимацию раздается крик с надрывом: «Надя!», или «Маша!», или «Наташа!» Причем иногда невпопад, но тут же любая дежурившая бросалась на помощь. Иногда казалось, что зовы эти были надуманные, просто капризные, но, может быть, я ошибался.

Естественно, как только я очнулся, буквально через пять минут появился доктор-реаниматолог. Наклонился надо мной. «Врач Сергей Владимирович», – прочел я на белой одежде имя своего спасителя.

– Как дела? – спросил он.

Явно чувствовалось, что врач доволен моим воскрешением.

– Немного лучше стало?

Я кивнул.

– Ну, слава богу, – выдохнул доктор. – Только вам придется смириться с этим аппаратом. На какое время – пока не знаю, будет зависеть от показаний датчиков о содержании кислорода в вашей крови.

Я снова кивнул. А что мне еще оставалось делать?

– Сейчас вы можете при необходимости приподнимать край маски и звать няню или медсестру. Ну и врача, конечно. Только не нужно злоупотреблять этим и тем более дышать мимо аппарата.

Понимая, что и я и он, мы вместе, добились почти невозможного, я соглашался со всеми его наставлениями.

– Завтра можно будет уже покушать, – бодро сказал доктор и пошел к лежащей напротив пациентке.

«Как же, интересно, меня кормили все это время, пока я отсутствовал на этом свете? – подумал я. – Наверное, через капельницу». Есть и сейчас совсем не хотелось; желудок мой, съездившись, молчал.

До окончательной победы над болезнью, видимо, было еще очень далеко.

* * *

Но некоторые изменения все-таки происходили. Со мной уже не возились, как с совсем уж тяжелым и беспомощным, и теперь, помогая нянечкам перестилать постель, я сам уже помаленьку поворачивался с боку на бок. Потом меня перевернули на живот и как следует отшлепали ладонями по спине – для восстановления дыхания и предотвращения отека. А еще капитально протерли все тело мокрым полотенцем и побрили лицо (как я понял, вовсе не затем, чтобы я, лежа пластом, красовался перед соседями, а чтобы маска «любимого» аппарата плотнее прижималась к коже).

Принесли целую горсть таблеток (от коронавируса положено сразу десять да вдобавок еще штук пять иных). «Как же я буду их глотать?» – озадачился я. Оказалось все просто: убрали маску, в рот мне засунули бумажную воронку и высыпали эту горсть, потом, приподняв мою голову, дали запить всю эту массу водичкой.

«Как легко дышится без маски!» – радовался я, когда ее снимали. Но вскоре маску возвращали на место, то есть на лицо.

Выполнив все необходимые процедуры, люди, закутанные в белые одежды, переходили от меня к другим болящим. А я снова оставался один на один с неласковым аппаратом ИВЛ. Дышать было все так же тяжело, я старался приспособиться к работе этой машины, пытаюсь поймать ритм нагнетающего шланга, подающего в легкие кислород, но он, этот шланг, диктовал мне свою волю, с усилием загоняя воздух и сбивая мои попытки дышать самостоятельно или хотя бы в унисон с ним.

Лежать приходилось постоянно на спине – по причине того, что повернуться на бок мешали провода датчиков и трубки капельницы и катетеров. Пытаюсь хотя бы слегка перенести тяжесть на один из боков, но тут же нарушается работа закрепленного на пальце датчика, определяющего степень сатурации, монитор начинает противно визжать. Появляется сестра, поправляет датчик и просит быть осторожнее. Спина начинает ныть. Пищат мониторы, тяжело дышат и стонут больные. Терзает легкие и душу аппарат ИВЛ. И в голову приходит парадоксальная мысль: «В реанимации лучше находиться в шоковом состоянии, без памяти».

Но постепенно начинаешь приспосабливаться: хотя и с трудом, но все же удается на несколько сантиметров менять положение тела, поправлять провода и трубки, а также датчик на пальце, который, судя по всему, обслужил немало клиентов реанимации и теперь от усталости держится уже слабо.

Врач Сергей Владимирович несколько раз за день возникал перед моим логовом.

– Ничего-ничего, все идет нормально, – подбадривал он меня и давал какие-то распоряжения сестре, после чего в мою капельницу поступала новая доза препарата.

Порой подходил молча, некоторое время смотрел на мониторы, на меня и, удовлетворенно кивнув, удалялся. А затем появлялся вновь, и складывалось впечатление, что он никогда не покидал реанимационную палату, а как бы находился за колонной, готовый в любой момент поспешить на помощь своим подопечным.

Наступила очередная ночь. В реанимации она мало чем отличается от дневной смены. Все так же пищат мониторы, все так же наполняются капельницы (а соответственно, и утки), все те же стоны и хрипы. Ну, может быть, немного затихает постоянная ходьба обслуживающего персонала. Зато время движется настолько медленно, что кажется, оно остановилось совсем. О глубоком сне не может быть и речи, идет постоянная борьба организма с болью, немощью, со звуками и аппаратом искусственной вентиляции легких. Иногда это становится так невыносимо, что ты совершаешь какие-то необъяснимые глупости. Вот, например, на руке задвигалась и стала сжимать мускулы манжета тонометра (она срабатывает автоматически каждый час). И я вдруг начинаю шептаться с ней: «Что, и тебе не спится? Ну давай, давай поговорим». И она, эта манжета, словно поняв мое состояние, надувается не сразу, а несколько раз подергавшись, сплюснвшись, медленно, как приятель начинает сжимать мою руку. И так каждый час. И я, глядя на часы на стене напротив моей кровати, жду уже с нетерпением, когда она снова начнет со мной заигрывать.

* * *

Как ни длинна ночь, но утро наконец наступило. Это стало заметно по тому, как оживились и задвигались люди, упакованные в белые непроницаемые одежды. А еще по тому,

что изменились имена, написанные у них на груди: пришла новая смена.

Появился доктор Сергей Владимирович. Он и ночью несколько раз подходил ко мне, смотрел на монитор, удовлетворенно кивал, что-то бормотал себе под нос и переходил к следующему пациенту. И мне кажется, что за ночь он так и не нашел ни одного часа для отдыха.

Принесли завтрак: пища упакована в индивидуальные одноразовые контейнеры.

– Ну, давайте будем завтракать, – говорит Наташа, заступившая на смену.

Снимает с моего лица маску (какая благодать!) и начинает кормить меня с ложечки, как малое дитя. Ни запаха, ни вкуса я не ощущаю, это еще одно свойство проклятого вируса – лишать человека важнейших чувств...

Пришел доктор, внимательно посмотрел на монитор, на меня и сообщил радостную весть:

– Показания сатурации высокие.

Я уже и сам приспособился определять данные на мониторе, но услышать это от врача – счастье!

– Сегодня к вечеру сниму маску ИВЛ, – продолжил доктор. – Вы молодец, так быстро вышли из такого тяжелого положения.

«Да, – подумал я, – без твоей помощи еще неизвестно, куда бы я вышел!» Радости моей не было предела: наконец-то я буду дышать самостоятельно!

Примерно через час у моей кровати собралось несколько врачей – опять на консилиум.

– Николай Николаевич передает вам поклон, – наклонилась ко мне заведующая вирусным отделением.

Она оформляла меня сюда, и я ее запомнил.

Николай Николаевич – мой сын, он восемнадцать лет работал здесь, в областной больнице, вместе с этими докторами. И, видимо, озабоченный моим состоянием, постоянно находился с ними на связи. Сейчас он заместитель главного врача по хирургии онкологического центра, переведен на повышение. Я не думаю, что от него поступали какие-то указания, он уважает умение коллег. Просто с ним наверняка советовались и заручались его согласием на применение каких-то вынужденных мер.

– А вы молодец, мы уж и не надеялись, что в таком возрасте вы так быстро справитесь с

кризисом, – продолжала заведующая отделением.

Я понимал, что врачи собрались именно для того, чтобы воочию убедиться, что я действительно справился с кризисом. И конечно, они все делали для того, чтобы я остался жить.

– Сегодня я отключаю его от аппарата ИВЛ, – сказал Сергей Владимирович. – Пусть кислородом дышит сам через обычную маску.

– А не рано еще? – засомневался женский голос. – Возможно, у него были мелкие кровоизлияния в момент срыва...

– Сколько можно его мучить? Показатели нормальные, – вступился мой доктор.

– Скажите, а у вас в глазах мушки черные не летали? – спросил другой врач.

Видимо, это и есть признак кровоизлияния.

– Нет, – отодвинув край маски, ответил я, – мушки не летали. А вот бабочка была, большая.

– Бабочка... – озабоченно протянул врач и, отойдя в общую группу, что-то зашептал окружающим.

Вероятно, бабочка ему не понравилась.

К вечеру пришел Сергей Владимирович, долго смотрел на меня, на аппарат ИВЛ, на монитор, вздохнул...

– Ладно, Сергей Владимирович, – отодвинув край маски, сказал я. – Пусть остается ИВЛ, я до утра потерплю.

– Ну и хорошо, – выдохнул доктор. – Так будет надежнее.

И снова томительная ночь, снова замершие часы и спасительная беседа с манжетой тонометра...

* * *

Наконец-то долгожданное утро. Принесли завтрак.

– Ну, давайте будем потихоньку вставать, – говорит подошедшая нянечка, поправляет провода и трубки, а потом помогает мне сесть на кровати.

Сию и чувствую, что это удастся с трудом, нянечка не отходит и придерживает меня за плечо. Снимаю маску и дрожащей рукой беру ложку, начинаю помаленьку клевать пищу. Вроде справился...

– Попробуйте встать на ноги, – предлагает нянечка. – Держитесь за тумбочку, а я быстренько перестелю постель.

Держусь и чувствую, что мои дрожащие ноги сейчас подогнутся и я грохнусь на пол. Но вот постель застелена, с помощью нянечки сажусь на кровать и только сейчас замечаю, что вместо мышц на руках болтаются какие-то мешки из бледной кожи, а живота вообще нет. «Вот, оказывается, какое эффективное средство для похудения», – с иронией думаю я. (Как выяснилось позже, за время болезни мое брэнное тело покинули четырнадцать килограммов веса.)

Все это время я нахожусь без маски аппарата ИВЛ. Смотрю на монитор: показатель сатурации высокий, 94–95.

«Как хорошо и свободно дышится, – радостно думаю я. – Не буду надевать маску». Однако замечаю, что цифры постепенно начинают приближаться к 90. Подходит сестра, надевает мне маску и аккуратно укладывает на кровать.

– Не спешите, – просит она. – Сейчас придет доктор и поменяет вам ее, будете дышать кислородом самостоятельно.

Примерно часам к десяти появился Сергей Владимирович, с ним медсестра с пластмассовой маской в руке.

– Как дела? – спросил доктор. – Вижу, что лучше. Мне доложили, что позавтракал самостоятельно и уже вставал на ноги. Хорошо. Сейчас поменяем маску и будем дышать самостоятельно. Давай, Валя, – сказал он сестре.

Новая маска прилегалa к лицу не так плотно и, как мне показалось, даже ласково. Присоединена она была к тому же шлангу, только кислород в легкие я втягивал собственным дыханием, без давления. Несмотря на общую слабость, я вроде как вновь ожил.

Показания мониторов были благоприятные, сатурация в районе 96–98, и уже через сутки и эту маску заменили двумя прозрачными трубочками, которые подавали кислород непосредственно в нос. Еще через день я свободно дышал самостоятельно. И на седьмые сутки моего пребывания в реанимации за мной прислали «карету» (то есть каталку) из терапевтического отделения, куда я и был госпитализирован вначале.

Поблагодарив всех, кто в это время находился в палате реанимации, я покинул ее на вышеуказанном механизме, управляемом двумя закутанными в «противочумные» костюмы медсестрами.

* * *

В двухместной палате № 3 инфекционного терапевтического отделения теперь у меня был уже другой сосед. А знакомиться в данном отделении можно и без слов. Над каждой кроватью крупными буквами выведена информация: «Ф.И.О., заболевание COVID-19, возбудитель неизвестен. Дата поступления такая-то».

На свое место я был водружен с помощью тех же медсестер. В общем, и тут было все как всегда: в случае возникновения особо сложных обстоятельств основная тяжесть ложится на женские плечи.

Облегченно вздохнув и немного полежав, я решил посетить туалет. Надоели эти реанимационные судна и утки! Но попытка быстро встать с постели ни к чему не привела, все мои усилия были тщетны. И лишь с помощью соседа удалось подняться на трясущиеся ноги и, опираясь о стенку, с большим трудом достичь желанного места.

– Вы дверь на задвижку не закрывайте, – опасливо смерил меня взглядом сосед. – А то я потом вас оттуда вытащить не смогу.

Словом, как оказалось, до полного излечения было еще далеко. Так же менялись капельницы, так же горстями поглощались таблетки, пока не наступил момент, когда мой внутренний голос твердо заявил: «Все, хватит, пора на волю. Если этого не произойдет, попадешь уже в третью больницу – психушку».

А тут еще заяц опять приснился. Стоит он на задних лапах, оскалил зубы и рычит:

– Ну что, думаешь, вывернулся? Напрасно! Одевайся, я за тобой пришел!

Проснулся я среди ночи весь в поту, сердце колотится где-то в горле...

«Опять этот заяц, – мечется в мозгу тревога. – Отвяжется он от меня когда-нибудь или так и будет преследовать всю жизнь?»

Тут, уважаемый читатель, я думаю, настало время обратиться к самому началу этой больницы истории, чтобы пояснить, откуда вообще взялся злополучный заяц, изводящий меня теперь в бреду и во сне.

* * *

Осенью, ближе к зиме, собравшись в дорогу на своем автомобиле и пристегивая ремень безопасности, я почувствовал в районе живота, в том месте, где прижимался ремень, довольно

сильную тупую боль. Позже это повторялось еще несколько раз, боль то появлялась, то пропадала.

Обратился к сыну (как я уже говорил, он возглавляет хирургию областного онкодиспансера). Меня обследовали, и в предполагаемом месте определились новообразования. Естественно, их нужно было удалять. Сын направил меня к заведующей отделением, которая и занимается такими операциями.

Елена Викторовна оказалась симпатичной молодой женщиной, но при этом и решительной, хорошо знающей свое дело. Уже через неделю я лежал на операционном столе и почти все новообразования, а их оказалось несколько, были благополучно удалены. Проводимые манипуляции я наблюдал на мониторе, поскольку общего наркоза не было, и очень удивлялся, как такая хрупкая женщина так ловко управляется с довольно тяжелым аппаратом.

— Ну вот и все, уважаемый Николай Алексеевич, — наконец сказала она мне. — Все, что могла, я удалила. Но осталась одна довольно большая бляшка, и она расположена глубоко, нужно делать длительную операцию под общим наркозом. Такую операцию лучше выполнить в Санкт-Петербурге, Николай Николаевич договорится.

— Спасибо большое и на этом, — поблагодарил я и в этот же день благополучно отправился домой.

А Николай Николаевич договорился с той же Еленой Викторовной, убедив ее в том, что она нисколько не хуже петербургских врачей и сама сделает операцию.

Накануне ее проведения, пройдя тщательное обследование кровеносных сосудов, я был отпущен домой — помыться и заодно принять напутственное слово жены. От города до моего дома тридцать километров. Еду сам за рулем, поглощен думами о предстоящей операции. Дорога ровная, но покрыта тонкой коркой льда. И вдруг из кювета выскакивает здоровенный, худой, облезлый (сбрасывает летнюю шерсть) заяц и несется прямо мне навстречу! Мог бы спокойно перебежать дорогу или подождать, пока я проеду, но нет — летит точно в середину решетки радиатора, словно в лобовую атаку нацелился. Если мне затормозить — улечу в кювет, а в этом месте кюветы глубокие — разо-

бьюсь насмерть. Так что резко тормозить не стал. И почувствовал сильный удар, услышал грохот снизу. Потом в зеркале заднего обзора увидел, как из-под машины вылетает помятый заяц и, высоко поднимая кривые ноги, переваливаясь с боку на бок, неуклюже загребает снова в кювет, где и пропадает из виду. Останавливаюсь, осматриваю машину. Решетка, так называемая «губа», вдребезги. Пытаюсь обнаружить зайца и не нахожу его.

«Вот те раз, — заметалась в голове тревожная мысль, — прямо знамение какое-то. Завтра оперироваться, а тут на тебе. Бог его знает, чем это может кончиться. Может, зайчик, рискуя собой, хочет отвести от меня беду? Может, и правда, пока не поздно, лучше поехать в Питер?»

Но менять принятое решение, наверное, поздно; сегодня я уже познакомился с анестезиологом, который обеспечит мне безмятежный сон во время операции. Им оказалась серьезная белокурая женщина лет примерно 30–35, Наталья Валерьевна. Поговорили.

— Вам приходилось когда-нибудь находиться под воздействием наркоза? — спросила она.

— Конечно, и не раз.

— Ну и какие испытывали чувства?

— Никаких, — признался я. — Света в конце тоннеля мне увидеть ни разу не пришлось, душа над операционным столом не летала. Правда, был один случай, когда неумелый анестезиолог заставил меня несколько раз просыпаться во время операции. — И я назвал фамилию. (Этот случай описан мной в рассказе «Каталка».)

Оказалось, Наталья Валерьевна хорошо знает этого субъекта.

— Постараюсь такого не допустить, — пообещала она. — Много зависит от вашего организма. Операция длительная, примерно четыре часа.

«Ничего себе», — слегка вздрогнул я душой. А вслух сказал:

— На организм вроде пока еще можно положиться.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулась Наталья Валерьевна. — Тогда до завтра. Мы идем в операционную первыми, в девять часов утра.

Потом пришла Елена Викторовна, подтвердила, что процесс будет длительным, и вдруг призналась:

– Подобные операции мне приходилось делать нечасто, но успешно. Правда, такой сложности, как у вас, буду делать впервые. Не волнуйтесь, все будет хорошо!

И, улыбнувшись, она уверенно посмотрела на меня своими карими глазами, заглянула прямо в душу. И я как-то сразу поверил ей, поверил, что все, действительно, будет хорошо. Единственное, что смущало меня в ту минуту, это беспокойство за саму Елену Викторовну. Глядя на доктора, я подумал: «Как такое хрупкое создание четыре часа будет непрерывно работать у операционного стола?»

...И вдруг – вываливает на дорогу этот заяц!

* * *

Заяц не покидал мои мысли всю ночь. Утром в четыре часа за мной приехал сын Николай, и мы двинулись навстречу моей судьбе.

– Вот здесь я вчера сбил зайца, – показал я сыну место происшествия и поделился своими суеверными опасениями насчет этого случая.

– Успокойся, – улыбнулся сын, – выбрось из головы такие мысли. Все будет хорошо.

В семь ноль-ноль я был уже в палате. А в девять ноль-ноль за мной прибыла каталка, управляемая двумя медсестрами. Попетляв по лабиринтам коридоров и проехавшись в лифте, я оказался в «предбаннике» операционной, где меня переложили на другую каталку и подкатали уже к операционному столу. На котором я тут же был распят, руки привязали, в одну из них впила игла капельницы, другую обняла манжета тонометра. До этого момента я все никак не мог успокоиться, сердце тревожно колотилось, злополучный заяц все время стоял перед моим взором. «Что-то должно случиться», – сверлила мозг тревожная мысль.

Обстановка операционной как-то отвлекала меня от грустных дум. Я огляделся. Потолок в помещении был высоким. Сзади у моей головы стоял анестезиолог Наталья Валерьевна, сбоку – пожилая медсестра. С другой стороны стола хирург Елена Викторовна и ассистент Наталья Николаевна устанавливали монитор и аппаратуру, предназначенную для проведения операции.

«Бабье царство! – подумал я. – Вся надежда на их умение и твердость рук».

– Как вы себя чувствуете? – спросила Наталья Валерьевна.

– Нормально, – излишне бодрым голосом ответил я. – Когда же начнем? Что-то подготовка за...

Договорить я не успел, провалившись в темную пустоту. И опять никаких видений, никаких тоннелей или взлетов над операционным столом. Провалился – и все.

...Где-то далеко кто-то меня зовет по имени-отчеству:

– Просыпайтесь, пора, уже все, операция закончена.

Открываю глаза. Комната другая, потолок покрашен иначе, за руку меня держит Наталья Валерьевна. И, чуть повысив голос, требует:

– Не спать, не спать!

– Где я? – пытаюсь понять.

– В реанимации, – отвечает анестезиолог. – Просыпайтесь и поедем в палату.

– Так быстро прошла операция?! – удивляюсь я.

– Да, быстро, всего шесть часов длилась, – улыбается Наталья.

«Надо же, а кажется, как один миг. Невероятно! – опять приходится удивиться мне. – А главное, я ничего болезненного не ощущаю».

– Ну, как вы себя чувствуете? – спрашивает анестезиолог.

– Нормально.

– Забирайте! – приказывает она кому-то.

Появляются те же медсестры, что доставляли меня в операционную, и мы возвращаемся назад в палату. И только тут, спустя полчаса, я начинаю ощущать послеоперационную боль и последствия применения наркоза. Но терпеть все это можно.

Пришли мои доктора, надавали массу указаний медсестре. И, убедившись, что состояние мое соответствует норме, удалились, предварительно передав меня в руки хирурга, который теперь будет наблюдать за моим выздоровлением.

Нужно сказать, что Елена Викторовна оказалась классным специалистом. Операция прошла успешно. Я это почувствовал буквально на следующий день, так как к обеду мне уже разрешили вставать и свободно передвигаться по палате. Кроме того, я отделался единственной инъекцией антибиотика, большего не потребовалось. Правда, в течение трех дней пришлось питаться только витаминно-минеральной смесью, одна бутылочка в пятьсот граммов

на день, но такое испытание переносилось без особых страданий.

На пятый день сын Николай доставил меня домой – во вполне нормальном состоянии.

«Вот тебе и знамение, – подумал я. – Ничего не произошло, все это предрассудки».

И ошибся!

* * *

Все худшее началось уже назавтра. Несмотря на то что я пять дней почти ничего не ел, аппетита не было совсем. Даже возникло отвращение к пище, пропало обоняние и чувство вкуса. К вечеру поднялась температура – и сразу тридцать восемь и девять. Трудно было ходить, ныли суставы. Появился сухой нудный кашель, в легких ощущалась какая-то странная пустота – они как бы не до конца заполнялись воздухом, и дышать стало трудней.

Противогриппозные таблетки и парацетамол, нашедшиеся в домашней аптечке, помогли совсем немного. В том, что это не послеоперационные последствия, я был уверен. На второй день все повторилось. Кроме того, признаки заболевания появились и у моей жены.

– Это коронавирус, – уверенно сказала она.

Это заболевание свирепствовало уже несколько месяцев, симптомы его не раз объявлялись в средствах массовой информации, и определить их было несложно.

Позвонили в местную сельскую амбулаторию:

– Мы заболели, подозреваем, что это коронавирус!

Ответ нас поразил:

– У нас все медикаменты вывезли, ничего нет...

Позвонил приятелю, владеющему сетью частных аптек. И через два часа у нас были почти все препараты, применяемые при этом заболевании. Недостающие таблетки привезла дочь Оксана, работающая в областной больнице. Она уже два срока отслужила в красной зоне, выполняя свой медицинский долг.

Поскольку мы с женой имеем ветеринарное образование, шприцем пользоваться умеем. Начали друг друга лечить. И поначалу улучшение вроде почувствовали оба. Но затем ситуация изменилась. Состояние жены, хоть и неважное, все же стабилизировалось. Мое же с каждым днем ухудшалось. На восьмой день болезни я уже еле держался на ногах, был бле-

ден, как стена. На следующее утро приехал сын Николай и отвез меня в инфекционное отделение областной больницы.

Жена моя, оставшись без помощника, сама два раза в день делала себе инъекции и принимала нужные таблетки. И на двадцатый день избавилась от инфекции, то есть выздоровела.

* * *

В больнице мой диагноз был подтвержден: COVID-19. Компьютерная томография выявила двустороннюю полисегментарную пневмонию, поражено оказалось 28 % легочной ткани, обнаружилось и множество других осложнений. При лечении применялось огромное количество препаратов, однако особого улучшения состояния здоровья не наступало.

А к вечеру третьего дня пребывания в инфекционном отделении я вдруг почувствовал слабость и сильный озноб. Измерили температуру – 38,7. Дали пилюлю – не помогло. Сделали инъекцию какого-то препарата – вроде стало лучше.

Пришел терапевт, лечащий врач, с хорошей вестью о том, что больницей получен новый препарат, при применении которого быстро наступает выздоровление.

– Сейчас у вас еще раз возьмут кровь на исследование, и утром введем этот препарат, – сообщил доктор. – Вы делаете ингаляцию, а я пришлю медсестру для забора крови.

Но судьба распорядилась иначе.

Только я попытался натянуть на нос маску ингалятора, как стена передо мной поплыла в сторону. От неожиданности я попытался вскочить на ноги, но они подкосились, я начал задыхаться и оседать на пол. Хорошо, что доктор еще не успел уйти, она подхватила меня и опустила на кровать. Смутно помню, что в палату стремительно въехала каталка, сбоку на ней лежал баллон с кислородом и маска. И затем...

Заяц! Заяц-чудовище!..

И серое матовое стекло, а на его ребре маленькая дрожащая капля...

И голос, мой голос:

– Ну вот и все, сейчас тебя не будет! Ты больше не будешь ничего знать и чувствовать, как будто тебя никогда и не было...

И я твердо в это поверил и понял, что сейчас умру. Но, видимо, тот, кто управляет этим громадным, четко отрегулированным миром, в

последний момент изменил свои намерения и оставил меня, пылинку, по ту сторону стекла, где существовала жизнь. Зачем?..

Сейчас я точно знаю, что мой уход из жизни (а его не миновать никому) состоится именно так. Капля моей души упадет в пропасть за матовое стекло, и я больше ничего не буду чувствовать, будто меня никогда и не было.

— А как же рай или ад на «том свете»? — спросят сейчас многие и обругают меня, как негодяя, отнявшего у них надежду на райскую жизнь.

Я думаю, что провидение, которое управляет миром, выделило каждому из нас определенный отрезок времени на этой прекрасной планете. А вместе с ним и право каждому делать свою жизнь райской либо адской, причем некоторым придется испытать и то и другое здесь, на Земле. И, проживая отведенный этот отрезок, нужно всегда помнить об этом! Я в это верю...

Но вернемся опять на грешную землю. Как выяснилось позже, в палате у меня стремительно развился приступ гипоксии, и поражение легочной ткани достигло 75 %. Отбив семь дней в реанимации, я потом еще десять дней в терапевтическом отделении горстями поглощал таблетки и сплошным потоком — препараты через капельницы. Но вот наступил момент, когда мой организм категорически отказался от приема медикаментов. Начала кружиться голова, тряслись руки, нарастала душевная тревога. Однако молодой врач-терапевт решил честно, до конца исполнить свой долг. И, несмотря на то что взятые на анализ мазки показали отрицательный результат по коронавирусу, она попыталась продлить мое лечение еще на семь дней.

Внушив себе, что дальнейшее пребывание в этом отделении, несомненно, приведет к переводу в психиатрическую больницу, я восстал:

— Больше не приму ни одной таблетки и отказываюсь от всех видов капельниц!

Я действительно настроен был решительно, чувствуя, что теперь мое выздоровление и реабилитация больше зависят от свежего воздуха моего села и от внимания близких.

Пришлось обратиться за помощью к сыну, и, видимо, Николай Николаевич действительно пользовался здесь большим уважением. Пере-

говорив с лечащим доктором по телефону, он убедил ее в том, что лучшим лекарством для меня сейчас является свежий таежный воздух и родные стены. И Александра Яковлевна дала согласие на выписку — под ответственность моего сына. И это было правильное решение.

Перед тем как покинуть стены инфекционного отделения областной больницы, я попросил принести книгу отзывов больных об оказанном им лечении. Наверное, я мог бы написать в ней отдельно про каждого врача, про каждую медсестру и нянечку. Но их было много и все они выполняли свои обязанности, как говорится, не за страх, а за совесть. Да и нужно ли было разделять на отдельные части этот дружный коллектив по спасению жизней человеческих? И я написал общую для всех благодарность:

«УВАЖАЕМЫЕ ВРАЧИ, МЕДИЦИНСКИЕ СЕСТРЫ, ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ! С ОГРОМНОЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ, СТОЯ НА КОЛЕНАХ, Я ЦЕЛУЮ ВАШИ РУКИ!!!»

Перед самым моим уходом в палату зашло несколько человек в белых халатах. Это врачи решили дать мне напутствие на дорожку. И сказанные ими слова лечебным бальзамом омыли мою измученную болезнью душу:

— Уважаемый Николай Алексеевич, мы приложили все усилия, чтобы спасти вам жизнь. И душой вместе с нами находился ваш сын Николай Николаевич, он постоянно был на связи, и мы убедились в том, как он вас любит. Мы, проработавшие с ним рука об руку восемнадцать лет, уважаем его и любим тоже. Знаем, скольких людей он спас, работая вместе с нами, и не сомневаемся, что и там, где он сейчас служит, делает все для спасения жизней страждущих.

Что я мог сказать в ответ, вытерев набежавшие на ресницы слезы? Конечно, огромное спасибо.

Уходя, я низко поклонился людям в белых халатах, находящимся в это время на посту № 1. И первым, главным он являлся не только здесь, в данном месте, но и во всей России, во всем мире!

Выйдя на крыльцо больницы и вдохнув свежего морозного воздуха, я понял, что сейчас упаду. Но сын Николай вовремя подхватил меня и усадил в свою машину. Странное состояние: едем домой, душа должна ликовать,

вать, однако она молчит, голова тяжелая, руки и ноги слабы. Да, последствия перенесенной страшной болезни еще долго будут напоминать о себе...

– Как ты узнал, что я в реанимации? – спрашиваю сына.

– Как узнал? Во-первых, я и так держал постоянно связь с заведующей отделением. Пока ты был в терапии, она докладывала, что все в норме. А когда ты попал в реанимацию, позвонила Оксана и сказала, что, судя по анализам крови, состояние твоего здоровья критическое. (Оксана, дочь моя, занимается в этой больнице анализами крови.) Конечно, я тут же позвонил в реанимацию. Узнав, что тобой занимается Сергей Владимирович, немного успокоился: я с ним работал, он реаниматолог от Бога. Считаю, что нам повезло.

– Да, – подтвердил я. – Наверное, если бы не он, душа моя свалилась бы по ту сторону стекла.

– Какого стекла? – удивился сын.

И я рассказал ему о том, как почти побывал за гранью жизни. И саркастической улыбки на его лице не увидел, он мне поверил.

– А ты знаешь, откуда Сергей Владимирович родом? – вдруг спросил сын.

– Нет, откуда же мне знать?

– Он твой земляк, из вашего района, яшкинский, по фамилии Востриков.

– Надо же! Оказывается, судьба преподнесла мне подарок в виде умелого врача-земляка Вострикова Сергея Владимировича, – сказал я.

А про себя подумал: «Желаю всем избежать того, что произошло со мной и теми людьми, которые попали под пресс этой ужасной пандемии. Многие убедили себя в том, что с ними этого никогда не случится. Зря! Я тоже так думал...»

24.12.2020 г. – 14.01.2021 г.
Кемерово – Колмогорово

КОЛАЧ Татьяна Владимировна родилась в Юрге. Окончила Кемеровское медицинское училище, 40 лет проработала в скорой медицинской помощи. Автор книг «Прислушайтесь к тишине» (2005), «Как жить на свете не любя» (совместный диалог с Б. Бурмистровым) (2008), «Молчанию вторя» (2009), «Сентябрьские дожди» (2012), «Вслед уходящему» (2017), «В этом мире есть я» (2022). Печаталась в журналах «Огни Кузбасса», «Родная Ладога», антологиях «Русская сибирская поэзия», «Солнцестояние». Член Союза писателей России. Живет в Юрге.

Воробышки и те собираются в стаи,
Для чего — непонятно, ведь им не лететь
В чуждальные страны из отчего края,
В них понятие родины, видимо, есть.
Беспокойство гудит по натруженным венам,
Не достичь нам покоя в просторах дорог.
Эта русская странность заложена в генах,
Непонятная всем. Нас поймет только Бог.
В тихий, ласковый день отчего так

тревожно,

Отчего замирает под сердцем душа,
Отчего все простое становится сложным?
...Эта грусть вековая, как прежде, свежа.

* * *

Опустится мороз со стоном
Под сень сибирского двора,
Упругий воздух перезвоном
Просеребрится до утра.
И в дымном зареве рассвета
Искриться будет ледяной,
Пушистой капелькою света
Куржак дремучий, молодой.
И запоют с рассветом птицы,
Дым небо подопрет из труб,
Появятся родные лица —
Ну как не радоваться тут!

* * *

Перемешаны мгновенья
В свете гаснущей свечи.
Губ и рук прикосновенья,
Шепот ласковый в ночи...

Лишь луна поймет родное
И прочувствует в тиши:
Миг блаженства и покоя
Постигают две души.

ПОСЛЕ НОЧНОГО ДЕЖУРСТВА

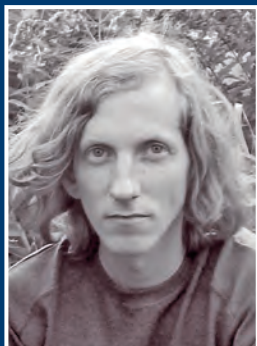
Домой устало утром возвратиться,
На кухне чай неспешно вскипятить,
Привычно на иконы помолиться
И чай горячий, обжигаясь, пить.
Потом под плед — дремотно и уютно! —
Домашней насладиться тишиной
И вспоминать о чем-то смутно-смутно...
Легко вздохнуть... И кануть в сон дневной.

* * *

Я за собой сожгла мосты —
Плачу за все потери.
И вдруг звонок запел, и ты
Распахиваешь двери.
Бродяга мокрый, чьи дожди
Тебя пригнали к дому,
Где ты однажды молвил: «Жди» —
И канул, словно в омут?
Прошли, наверное, века,
Пока искал дорогу
И... долго шел издалека,
Прибился к моему порогу!

Художник Дмитрий Долгов

Мир красок манил Диму Долгова с юных лет. Родился будущий живописец в 1984 году в Кемерове. Сначала, как водится, была детская художественная школа, затем Кемеровское художественное училище. В 2011 году Дмитрий окончил Санкт-Петербургскую академию художеств. За дипломную работу, посвященную Бородинскому сражению, и успехи в целом был награжден медалью «Репинская премия».

За прошедшее после окончания академии десятилетие молодой художник проявил себя как талантливый интерпретатор батальных сюжетов русской истории. В наиболее значительных его произведениях нашли отражение такие события, как Ледовое побоище и Отечественная война 1812 года, Псковская оборона (1581–1582) и осада Нарвы Петром I.

Последний по времени масштабный живописный проект, в котором участвовал Дмитрий Долгов, – это выставка на Марсовом поле, приуроченная к 350-летию Петра Великого и прошедшая этим летом. В специально построенных павильонах экспонировались 30 огромных картин на темы из жизни первого российского императора, причем 16 были написаны современными художниками, а 14 – представлены цифровыми копиями полотен XIX века. Долговский холст «Покорение Нарвы» неизменно привлекал внимание и тележурналистов, и рядовых зрителей...

Дмитрий Долгов – член Союза художников России. Он участник престижных выставок, его работы хранятся в различных музеях страны. Живет в Петербурге.

Покорение Нарвы (в соавторстве с Е. Долговой). 2022

Воин. 2015

Битва на Чудском озере. 2016

Сестра милосердия. 2011

Портрет в зеленых тонах. 2010

Проповедь. 2012

Казакі. 2013

Варяги. 2018

Лариса ВИГАНДТ

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ*

Отступление от звездности

Последний учебный год Родионова в Томске проходит в душевной мае. Дневник, самый ранний из найденных, Александр вел между 15.12.68 и 30.10.69. Он испещрен буквами «Д. Д.» и «Д2». В середине тетрадки инициалы раскрываются: какая-то Дия, Дийка терзает его сердце. Имя необыкновенное. И чувство, кажется, безответное. Тоска и стихи. Но – вовсе не любовная лирика.

25 июня 1969 года Родионов записывает:

*Живу за монастырскою стеной,
В черемуховом захолустье.
И каждый день, прожитый мной,
Набит здесь под завязку грустью.
Хозяйка, выбрав строже тон,
Мне говорит: «Да где же видано?
Все пьешь да пьешь. Да где ж закон?
Вот я тебя с квартиры выгоню...*

В дневнике двадцатичетырехлетнего Сани Родионова больше тревоги за человеческое в себе, нежели любовных терзаний:

«В вине можно утонуть – все от презрения к самому себе, до отвращения к падали. Бог мой, к чему такие казни, к чему такие козни судьбы? Д. Д. Что будет?

Погано на душе, погано. Кому верить? Дивкалионы и Пирры среди потока непостоянства... Не существует таковых. Суть в том, что принцип доверчивости всегда натывается на звериное нутро. О, это нутро, поросшее сверху шерсткой благопристойности, инфантильности и прочей мишуры.

<...> Только поверить в себя, только не опуститься, не запечататься и не озлобиться на окружающих. Люди в конечном счете хорошие. Надо быть великодушнее. Но где мое проклятое добро, то, которое с кулаками? Пока все, что у меня есть, это возможность говорить с собой начистоту. Это почти богатство. Но ведь можно и самому себе вдохновенно лгать? Это было. Да, это было, не отпирайтесь».

Душевная боль глушится старым русским способом. Тем не менее дипломную работу по «спецтеме» Александр Родионов защищает на отлично и в конце

июня 1969 года выходит из стен Томского политехнического института с дипломом геолога.

Семейная жизнь к этому времени вконец расстроена. Молодых супругов по их настоянию распределяют в разные геологические экспедиции. «Хочется в берлогу», – загадывает Александр в дневнике. Родионовы разъезжаются в разные концы Кемеровской области. Елизавета с дочерью отправляется в поселок Елань. Александру выпадает Тисуль. Но мечтами он в Средней Азии. Восточная экзотика пришлась по душе Родионову еще во время летней студенческой экспедиции. К тому же работа где-нибудь в Узбекистане кажется ему, молодому специалисту, более интересной и перспективной. В глубине души таится надежда стать первооткрывателем месторождения редких металлов, ведь, к примеру, все крупные урановые залежи обнаружены именно в юго-восточных республиках СССР. Кроме того, Азия влечет его удаленностью от мест личного поражения. Родионову хочется обнаружить себя за тысячи километров – умным, добрым, образцовым человеком, каким он искренне стремился стать. В азиатской инопланетности мечтается ему начать жизнь заново, на чистовик.

За советом Александр обращается к поэту и геологу, знакомцу по томским Дням поэзии Леониду Агееву. Старший товарищ откликается: «Жаль, что ничего у нас не вышло с твоим перераспределением... Но путь, который я тебе объяснил в письме, пожалуй, единственный. Ты им не пренебрегай хотя бы на будущее: отработав по распределению 2 или 3 года, ты вполне можешь списаться со Средней Азией и махнуть туда. ...А насчет стихов – какой может быть разговор! Конечно, присылай, рад буду почитать и помочь, чем смогу».

Замкнутый и мрачный, разочарованный в себе, отправляется Сантей (так порой обращаются к нему в письмах друзья) в свой таежный угол. 22 августа он зачислен в состав Мартайгинской полевой геолого-разведочной экспедиции ответственным геологом по массовым поискам. В этот же день в тетрадке появляется запись: «Тисуль, конюшня. Отель “Сивый мерин”». Рядом – первый стихотворный тисульский набросок:

*Нет квартиры. Живу в конюховке.
Через стенку лошадки травую хрустят.
Выйду ночью, поглажу гнедого по холке,
Хорошо лошадям – ни о чем не грустят.*

Середина текста идет сбивчиво, на ощупь, на авось – тут он еще поработает, добьет. Зато с ходу нашлась чудная концовка:

*Хорошо жить вот так, у судьбы не канюча
Никаких разособенных прав.*

Первым тисульским днем отмечено еще несколько стихотворных набросков. И вообще дневник того вре-

* Фрагмент книги.

мени под завязку забит рифмованной рудой, автору еще предстоит извлекать из нее жизнеспособные строки. Что-то получится, что-то канет навеки. И все же случается Александру в августе – сентябре 1969 года напасть (воспользуемся геологическим словарем) на жилу рабочей мощности. Несколько крепких стихотворений выживет и через шесть лет войдет в его первую книгу. А пока им отдает полполосы газета томских политехников «За кадры» от 25 октября 1969 года. Поэтическую подборку под заголовком «Из цикла «Осенние листья» предваряет слово редакции: «Александр Родионов, чьи стихи мы печатаем сегодня, известен многим нашим читателям. В прошлом году он окончил геолого-разведочный факультет ТПИ. Сейчас он работает инженером-геофизиком в п. Тисуль Кемеровской области. Редакция часто получает от него письма. Саня пишет, что очень скучает об институте, просит сообщать, что нового в ТПИ, как живут, над чем работают друзья-литобъединенцы. Публикуя его новые строки из осеннего цикла, мы говорим: «Не тоскуй, Саня! Успехов тебе и радостей на работе! Полезной тебе руды!»

Достаточно прочесть первые строки стихотворений, чтобы уловить настроение автора: «Мне сегодня нужен собеседник...», «В ту пору отчужденья долгого...», «Закатился тускнеющий шар...». Лирический герой печалится, познает себя, осмысливает будущее. Любопытная подробность: стихотворение «Мне сегодня нужен собеседник» в черновиках идет с посвящением Д. Д. Однако, отправляя текст в печать, поэт снимает заветные буквы.

Лучшими в «Осенних листьях» представляются строки, начало которым положено два месяца назад, 22 августа, в первый рабочий тисульский день:

*Две недели подряд я живу в конюховке,
за стеною лошадки травую хрустят...
Выйду ночью, поглажу гнедого по холке,
сено в ясли подброшу и снова назад.
Ни о чем не грущу. Плащ повешу за дверью,
он рекою, и ветром, и пылью пропах,
я сегодня почти два десятка отмерил
километров, теперь вот курю на дровах,
на березовых чурках у печки железной.
Печь малиновым боком маячит, искрясь.
Я не вижу занятия на ночь полезней,
чем в печурку смотреть да покуривать всласть.
И летят под стропила полночной конюшни
треск поленьев и мерное хрупанье трав.
Хорошо жить вот так – у судьбы не канюча
никаких разособенных прав...*

В «Конюховке» уже заметно отступление от звездности, подхваченной в студенческие годы. Родионову

показалось, что успех на институтской сцене, известность в многотысячном вузе, знакомство, дружба и переписка с признанными поэтами свидетельствуют о его исключительности. Здесь же, у печурки в «полночной конюшне», примирение с бытием, отрадное слияние с природой, осознание равности себя и всех. Родионов еще не раз вернется к теме избранности, будет размышлять над ней на страницах дневника. А для поиска ответов выберет верный путь – чтение Библии.

«27 сентября 1970 г. Читаю Крывелева об Иисусе. Кажется, некоторые моменты Библии прояснились и стали на место. Вообще, великое чтение – Библия. Нужно первоисточник читать».

«14–15 октября 1970 г. «Перед Богом все равны», – сказано. Но сказано же – Избранник Божий, перст Бога на него указал. Хм... Какая-то несурязица. Значит, не все равны, то есть не умеют жить так, чтобы перст Божий указал на всех».

Как бы то ни было, главное правило для себя он уже вывел: «никаких разособенных прав».

Забившись в тисульскую нору, Родионов разбирается с самим собой, вытряхивает на страницы дневника всю тяжесть, что накопилась внутри.

«19 ноября 1969 г.

Мои противоречия делают явными и мою аморфность и бесхарактерность. Почему нельзя обрубить все сразу? За всем этим чувствуется какая-то расчетливость, пакостная мелочность. Ненадолго хватило желания не красоваться, не позировать. Очевидно, поза отдает чем-то естественным. Но тогда какое же некрасивое, противное это естество...

19 января 1970 г.

Теперь уже можно с уверенностью сказать, что подчинить себя себе нет силы. Теперь вопрос стоит так: как долго смогут ужиться два начала? Кто-то должен победить – зверь или человек.

Крещение. Небо в звездах, значит, летом будет много ягоды.

Январь перед Крещеньем – похмелье.

21 января.

Это похоже на состояние тайного горба. Никто не знает и не видит, что ты горбат душой. Вот почему с тобой еще и разговаривают и тебе улыбаются еще. Никто, кроме тебя, не знает о тайном горбе.

27 января. Нельзя метаться. В этом вся твоя дешевизна, слабость и бессилие. Где-то ты струсил? Поддался сиюминутности.

1 февраля.

Что окажется дороже? Свобода двадцатипятилетнего оболтуса или благодарный взгляд дочери?

21 марта.

Самое плохое в том, что я уже не повинуюсь себе. Время подарило взлет, время и отняло его. Осталось только состояние того, что все временно, преходяще, и по-настоящему радостно смотреть на сегодняшнюю дымку я уже не могу...

Беда, беда.

Но никто не должен знать о медленной смерти».

Порой беда проступает на страницах дневника в подсчете утраченных дней. Родионов растерян. Он, умный, здоровый человек, не в состоянии усмирить в себе другого – агрессивного, прущего наружу под действием алкоголя.

Со своей бедой Александр Михайлович с переменным успехом борется всю жизнь. Испробовано все: и бабки-шепталки с заговорами, и все известные медицинские схемы, и настойчивое обращение к силе воли. В этой борьбе ему будут помогать и мама, и жены, и друзья. Сохранились тетрадки матери, Татьяны Леонтьевны, с конспектами антиалкогольных лекций, которые читали по радио; эти густо исписанные листочки она подсовывала сыну.

Родионову удастся отвоевывать у болезни куски жизни – месяцы и годы. Благодатные периоды он подчиняет жесткой дисциплине: архив, библиотека, письменный стол – «верстак» в его лексиконе. После поражений с удесятеренной энергией набрасывается на работу.

Родионов не разрешал друзьям, да и близким не всегда, разговаривать с ним на болезненную тему. Обрывал: «Падаю – умею подниматься». Однако случались редкие откровения, нечаянные прорывы утаенных переживаний. Довелось быть их свидетелем, и потому с полным основанием утверждаю: никто сильнее не стыдился обезображенного лика своего, чем сам Родионов. «Тайный горб» он ненавидел, но избавиться от него не мог. И конечно, никто не страдал от «состояния зверя» больше, чем близкие, семья; сколько хватало сил, мирились они с двуликостью родного человека.

В ранних дневниках периоды выпадения из реальности он помечает словом «аут», в поздних – перечеркивает пустые страницы латинской буквой «Z». Зеро. Нуль. Никто, ничто, ничтожество.

* * *

Сам факт существования дневников Родионова стал неожиданностью. В 2011 году Александр Михайлович с большим интересом, даже восторгом встретил публикацию фрагментов дневниковых записей своего друга, поэта Владимира Башунова в журнале «Культура Алтайского края». Сразу по прочтении сказал: «У меня таких дневников нет». Теперь ясно: писатель акцентировал слово «таких» – хотел подчеркнуть разницу в содержании его записей и друга.

Владимир Мефодьевич исповедуется дневнику всю жизнь и в зрелые годы доходит в заметках до емких жизненных формул, философских изречений. Александр Михайлович прекратит исповедальный опыт в 1982 году, в 37 лет. Блокноты будет вести по-прежнему, но характер записей в них кардинально изменится. В тетрадках не станет откровений, будто кто-

то внезапно перекроет особый клапан и навсегда запретит подспудному изливаться на чистые страницы. С годами изменится даже форма записных книжек. Вместо добротных пикетажных книг, которые выдавались геологам, блокнотов с усиленными, почти фанерными, корочками, обстоятельных общих тетрадей Родионов использует узкие горизонтальные планинги на спирали. В отличие от привычного ежедневника, vyplненного в формате книги, планинг отводит на каждый день не страницу, а узкую колонку из двадцати трех строчек. Экономная организация писчего пространства подразумевает предельно короткие записи – одно-два сигнальных слова. Поздние дневники Родионова являют спрессованную модель дня, собранную из часов, фамилий и приказов самому себе, связанных с творческой работой. Матрица.

Юношеские тетрадки Родионова и Башунова подобны друг другу, как все без исключения дневники молодых людей и начинающих поэтов. Страницы пе- стрят цитатами великих и высказываниями знаменитых современников. В плотные слитки сбиты первые строчки собственных стихов, отправленных в литературные журналы, рядом пометки: «напечатано» или «по расаган». Сюда же, на заповедные страницы, заносятся жизненные наблюдения и внезапно вспыхнувшие поэтические образы – упасы бог потерять.

Не знаю, что имел в виду Александр Михайлович, говоря, что нет у него таких дневников, как у Владимира Мефодьевича. Боялся уступить в извечном писательском соперничестве? Напрасно. Родионовские пикетажки читаются с острым интересом. Изучение записей превращается в общение с автором и, как ни странно, напоминает первое знакомство, причем очень приятное, притягательное. Удивителен молодой Родионов. Время за чтением его дневников бежит быстрее, чем хотелось бы, и кажется, что архив закрывается возмутительно рано. Так бывало и в родионовском доме на улице Пушкина в Барнауле: уже и за окном стемнеет, а разговоры не переговорены, до точки в теме далеко.

Записи Родионова экспрессивны и прямодушны. Что, впрочем, понятно: зачем человеку манерничать с самим собой? Удивляет другое: он отдал их в архив. Следовательно, не побоялся довериться современникам и потомкам, открыться целиком перед близкими и дальними. Видится в этом шаг – от сокровенного к публичному – попытка объяснить себя, уже оттуда, из небытия, чтобы здесь быть понятым и прощенным. Знал: рано или поздно прочитают. И хотел этого.

Дневники Родионова интересны в первую очередь тем, что автор их предстает без прикрас и оговоров, без возвышенных фантазий и клеветы. Это исключительный – чистый, без примесей – биографический материал. И это, возможно, лучшая творческая работа, выполненная Родионовым в первой половине 1970-х годов.

* * *

Тисульская зима проходит под знаком трудов и самобичевания. С утра – камеральный труд, расшифровка геологической информации, вечерами – сражение с рифмой, затворничество с дневником. Пишет без пропусков, еженощно.

Вот январская ночь без сна, с 26-го на 27-е. Тема та же – «тайный горб», но выписана в столбик. Таежный затворник выводит первую строчку: «К тридцати годам накуролесив...» Лирический герой, свесив похмельную голову, слушает сопение старого чайника на плитке, он вспоминает дочь и искренне хочет начать жить иначе:

*День начать свой новый без оплошки,
Позабыть про боль былых утрат,
Что ж ты задержался у окошка
С сигаретой горькой до утра?*

Доводить до печатного варианта безотрадный эскиз не стал, бросил. В черновиках отвалы пустой породы обильны, в комментариях к пробам пера заметна досада на себя за неумение обуздать сложную словесную стихию.

«18 декабря 1969 г. Тисульская жизнь представлялась мне бутылкой темного стекла, наполненной чем-то не отведанным доселе. Испил... и оказалось: не то самогон, не то водка, а уж на дне – лень, это точно.

Христе боже! Пошли слово...

А терпенье долгое и труд будут ответом».

Все девять месяцев жизни в Тисуле, с августа по май, Родионов несет себя по кочкам, хает нещадно, выворачивает запущенный испод, и бьет, и чистит, и скребет его до изнеможения.

«15 января 1970 г. Растительно-дремотное состояние – это как раз то, что можно сказать о житие тисульском.

22 марта 1970 г. Дела. Хватит мелочи. Нужно помнить о людях. Потом – ты. Все».

Распинает и характер неангельский, и творческие опыты свои. «Это абортыш, а не стих», – гневается на безжизненные строки.

Девятнадцать страниц подряд исписывает он стихами Бальмонта и Волошина, а на полях – придирчивые, вьедливые комментарии. Волошинское «И манит, и плачет, и давит виски / Весеннюю острою грустью» тисульский критик оценивает как «плохие строки, ординарные», зато следующее двустишие «Неси мои думы, как воды реки, / На волю к широкому устью» ставит выше: «эти хороши». Оголец, влюбленный в стихи, менторски разбирается с классиками. Это «ведет в преисподнюю поэзии», не смущаясь, говорит «строгому парнасцу» задиристый молодой человек. Однако дарит и лестные оценки: «мастерски сделано». Броско, восклицательным знаком, выделяет строки «Как ядро к ноге прикован / Шар земной». Уж это да!

Придет время, и он, знаток и поэтический причастник, удивит мир. Потому и нападает на мэтров, и тут же благоговееет, и восхищается, и, как равный, слегка фамильярничаает: «За Макса говорят выписанные стихи». К счастью, Родионов до самоедства требователен и честен. Активное увлечение Волошиным и Бальмонтом оборачивается приговором себе: «24–25 марта 1970 г. И ни слова о поэзии больше. До дней уверенности, что ты имеешь право говорить о ней».

Первые тисульские месяцы невероятно трудны. Он один. Не то чтобы никаких контактов... Есть рабочие отношения, знакомства, возможно, и донжуанское увлечение, но нет своего круга. То, что устоялось за годы учебы: литстудия, многотиражка, Дни поэзии, верный друг Леха, дочка (вот о ком помнит постоянно) и, как ни крути, жена – все теперь далеко. Потому «и отрадно говорить с ТПИшниками!» – замечает он в дневнике 15 марта 1970 года. Через полгода, в самом начале октября, уже покинув Тисуль навсегда, он снова запишет: «Пока друзья и звезды тебе светят. Такие добрые письма...»

В Тисуле, в легендарной Мартайге, достаточно времени, чтобы подумать обо всем: о творчестве и о семье, о свободе и одиночестве.

Да, Родионов хочет свободы. Ясно ли представляет, каких размеров она должна быть? И дело вовсе не в подвигах Казановы. Любовныехождения, подмечено им, становятся в итоге сюжетом, характером, милой подробностью и прочей прекрасной художественной мишурой.

На тисульских страницах мелькает какая-то Антуанетта. Он записывает за ней, боясь упустить чудо-говорок.

«Из Антуанетты:

– Юровая девка, в стенку брось – отскочит».

Или:

«Ребенка-то ей соорит, сам в армию уйдет – оставайся лодка с товаром».

По соседству с Антуанеттой цитируется Цицерон: «Служить одновременно женщине и философии невозможно. 15 января 1970 г.». Вот к чему стремится Родионов: к творческому раздолью, свободе по Цицерону. Однако это существование довольно странное, противоречивое, жертвенное. Творческая свобода парадоксальна. Она подразумевает беспрепятственное движение и общение, и она же склонна к исключительной сосредоточенности, закрытости, как бы безотлучному пребыванию внутри себя. Свобода творца ведет напрямиком в келью. Свобода творца есть одиночество.

О свободной келье Александру предстоит думать еще не раз. В дневнике: «Надо быть одному». Но сейчас он выбирает долг – жену и дочь. В конце мая 1970 года, после седьмого Дня поэзии в Томске («где остался в своем тщеславно-пьяном амплуа», – свидетельствует дневник), он переезжает в геологический

поселок Елань, к Лизавете и Вероне. Не последнюю роль в возвращении Александра в семью сыграло постоянное самобичевание (и литературное, и житейское), подчинение себя дисциплине и правилам.

«Сегодня Елань, – пишет в ночь с 21 на 22 мая. – Красивое слово. Дитячи следы. Играют под управлением Л. Стоковского из "Самсона и Далилы". Очень восточно звучит. Итак, "возвращается ветер на круги своя"».

Геологическая держава

Елань – небольшой поселок в тринадцати километрах от Новокузнецка. В 1957 году в этом местечке обосновалась центральная геолого-съёмочная экспедиция, которая к семидесятым годам станет называться Западно-Сибирской. В одной стороне Елани живут крестьяне, на противоположном фланге – подданные «геологической державы», «удивительной геологической страны». «Геологическая съёмка – это королева геологии», – горячо утверждает Сергей Николаев, коллега и друг Александра Родионова по Елани. Больше двадцати лет Николаевы, Сергей Владимирович и его супруга Нина Васильевна, отслужили Елани верой и правдой. В поселок приехали молодыми специалистами, с Родионовыми дружили семьями.

В еланской империи собрался народ неординарный, бесконечно преданный геологии, однако и не замкнутый исключительно на работе. Камеральный период, с октября по май, когда геологи работают в кабинетах, проходил весело, кажется, будто и вовсе в игре. По рассказам Николаевых, жизнь в Елани представляется нескончаемым праздником. Работа дается на удивление легко, а геологи только и делают, что острят, развлекаются и пируют. А бывает ли иным взгляд, обращенный назад – в молодость?

В Елани лучший день в году – первое воскресенье апреля, День геолога. К празднику выходят «Еланские ведомости». Стенная газета, склеенная из двадцати листов ватмана, опоясывает фойе клуба. Бумажная лента напичкана стихами, шутейными штучками и шаржами. Генератор идей и редактор – Сергей Николаев. Саня Родионов время от времени участвует в подготовке самиздата, сочиняя стихи.

Классика жанра – композиция «Не все дома». На рисунке – он и она, молодые, спортивного вида люди. Под картинкой – перефразированные строчки из песни «Держись, геолог»:

*Ты поедешь в далекие степи,
Я уйду на разведку в тайгу...*

За Николаевым и Родионовым закреплены и тексты к капустникам – неременной составляющей всех еланских праздников. В семейных архивах еланцев до сих пор хранятся оригинальные пригласительные билеты, зазывающие на вечеринки. Один из них выпол-

нен в виде фотографии, запечатлевшей мужскую половину экспедиции вокруг большой, вырезанной из бумаги восьмерки. На обратной стороне карточки написано: «Дорогая Нина! (Или: дорогая Лиза!) Мужчины приветствуют, поздравляют тебя и приглашают на чашку чая в красный уголок. 07/III – 72 г. В 16 ч. 30 мин. Мужчины».

Коридор еланской камералки славится «публичным гвоздем». Всякий желающий накаливает на него лист с экспромтом, всякий проходящий мимо – читает. В комнаты, где геологи корпят над расшифровкой и описанием полевых изысканий, то и дело доносится смех.

*Мы любовью с науками спаяны,
Каждый с умною книгой знаком –
Тайны разума неисчерпаемы, –
Вдруг проснешься: дурак дураком!*

(Николаев)

*У Дроздова фавориты
Мартайгинские утриты.
Если спросишь про бокситы,
Отвечает он: «Иди ты!»*

(Родионов)

Геологи, кочуя из дома в дом, в складчину отмечают знаменательные события: Новый год – само собой, но, если надо, подойдет и День Парижской коммуны.

«В нашей квартире часто случались какие-то праздники, – вспоминает дочь Александра Родионова Вероника. – Постоянно звучал проигрыватель, помню, часто ставились пластинки Валерия Ободзинского. В единственной комнате людно: к родителям пришли друзья-геологи. Мужчины чинно что-то обсуждают. Женщины хлопочут в кухне, снуют с салатами, посудой. Я, малявка, мешаюсь под ногами. Меня отправляют поиграть в ванную комнату и за спорами и тостами забывают обо мне. Спихиваются, бегут, открывают двери ванной, сокрушаются: «Что же не скажешь, Вероня?!» – усаживают с собой за стол. Молодые папа, мама, их друзья – в моей памяти навсегда. Отношения с геологами, однокурсниками, папа говорил – «однокашниками», не пресекались никогда. Однажды я спросила: почему однокашник? Папа удивился: «Ну как? Кашу вместе ели». Геологическое братство – это очень сильно».

Еланцы с энтузиазмом обустривают свой быт. Собственными силами в свободное от работы время возводят клуб и два спортивных зала. Клубное помещение задумывается по образцу английского, как «мужское всееланское акционерное общество «Сандуны». Члены клуба дразнят жен:

*Сколько женских поколений
пережили мы в общаге.*

*Но, увы, сошли со сцены
постаревшие бедняги.
Их тотчас же заменяют
молодые фаворитки,
распивая вместе с нами
алкогольные напитки.*

Геологины грозятся сжечь «Сандуны»...

Елань начала 1970-х вполне можно назвать коммунальным райом. Молодых специалистов заселяют в отдельные домики или комнаты в строениях барачного типа, где есть горячая вода, ванна, отопление. Сразу за поселком начинается освещенная лыжная трасса, имеется подъемник. После восьмичасового корпения в камералке геологи не прочь пробежать «пятерочку» на лыжах.

Правда, и в поселке образцового содержания не без курьезов. Геологическую контору в центре Елани украшает лозунг «Слава советским геологам!», а неподалеку от здания в жирной грязи (асфальтом еще не обзавелись) лежат совхозные свиньи, забредшие с крестьянской половины. «Еланские ведомости» отзываются карикатурой и экспромтом Сергея Николаева:

*Чешется о «Наши достижения»
За конторой крупная свинья.
Вы не ощущайте унижения,
У свиньи эстетика своя.*

Свиньи на фоне славящего геологов лозунга всего лишь повод для юморного куплета, всерьез сельскохозяйственные животные никого не занимают. До хрюшек ли? Геологическая молодежь погружена в съемки игрового фильма: написан сценарий, отобраны актеры, а главное, есть своя шестнадцатимиллиметровая камера.

Родионов вносит в культурную жизнь Елани свою лепту: приглашает из Новокузнецка знакомых поэтов и устраивает вечера в красном уголке. После выступления распаленная ватага стихотворцев находит пристанище в доме Николаевых: у них двухкомнатная, а Родионовы пока живут в однушке.

Однако Александр не погружен в еланскую среду с головой подобно Сергею Николаеву, он поддерживает геологические фантазии от случая к случаю, но сосредоточен на другом. Поэтический Томск не отпускает его. Вряд ли коллеги-геологи предполагают в громком, порой бузовом Рыжке (так зовут Родионова в Елани) будущего серьезного литератора. А тот давно знает: по-настоящему интересна ему только литература. Капустники, юморные стишки, работа и лыжня после нее – жизнь, которая видна всем. От посторонних глаз скрыто внутреннее старательство, оно доверено дневникам.

Правило белого камешка

В дневниках Родионова дышит благодатная сила молодости: нет ничего невозможного в начале жизни. На смену испугу и смятению, в которые ввергла его беспривязность собственного подсознательного, приходит вера в себя. Начало 1970-х – сплошь попытка меняться, совершенствоваться: не сметь любоваться собой, не допускать пустых часов, расслабленной болтовни, владеть собой. Цель – вира, на-гора! Он пытается взнуздать свою природу, выковать для нее нравственный канон, который поможет жить и творить. Работу по выведению или – говорю с улыбкой – селекции новых качеств характера фиксируют дневники.

«Вчерашний день отмечен белым камешком, – записывает Родионов 9 июля 1970 года. – *Albo lapillo diem notare* (день, который следует отметить белым камешком (лат.). – Л. В.). Перебирая, отмывая из рухляди дня что-нибудь стоящее, с ужасом отмечаешь, что лоток пуст, все легкое уплыло с водой. Значит, не искал в этот день, а просто существовал. Вот тебе и ни дня без белого камешка. *Nulla dies sine alba lapilla* (игра слов, отсылка к известному изречению: *Nulla dies sine linea* («Ни дня без строчки»). – Л. В.).»

Правило белого камешка останется с ним до конца.

Одну из ранних дневниковых тетрадей открывает цитата из книги «Воспитание воли» французского педагога Жюль Пэйю: «Для воспитания воли необходимо распинать себя по мелочам». Написано красиво, разборчиво. Строки подчеркнуты и, не иначе, взяты эпиграфом к жизни.

Получив профессию геолога и уже работая в ней, Родионов твердо решает стать поэтом. Он делает ставку на самообразование и настойчивые пробы пера. В дневниках почти нет геологии, зато с лихвой, плотно, в каждой строчке – литературные темы. Он составляет огромные, на несколько страниц, списки книг, с указанием издательства, тиража, цены и годового квартала, в котором планируется выход книжки:

«Заболоцкий Н. Сочинения. 2 т. (III кв.) 25 000.

Р. Рождественский. Радар сердца (II) 25 000.

Ю. Тувим. Цветы Польши (IV) 30 тыс.

По Э. Избранные произведения. (IV) 100 тыс.

Эсхил. Трагедии. (III) 40 тыс.

Гюго В. Лирика (IV) 30 тыс.

А. Моруа. Олимпия, или Жизнь Виктора Гюго. (IV) 100 тыс.

Стоун И. Муки и радости (о Микельанджело) (IV) 75 тыс.

Цветаева Анастасия. Воспоминания. (IV) 30 тыс.

Горбовский Г. Новое лето. (II) 10 тыс.

А. Жигулин. Прозрачные дни.

Передреев А. Равнина.

В. Шаламов. Московские облака.

Натан Альтман. (II) 15 000, 3,5 р. «Искусство».

Брюсов В. Карелия. По Олонецкой земле.

Званцев. Заволжье. (III) 50 тыс.

Виленкин В. Амедео Модильяни. (II) 50 тыс. 1,8 р.». Все это будет прочитано.

Собираясь в поле, Родионов первым делом набирает непромокаемый геологический выучник книгами и блокнотами. Как-то довелось ему заехать на несколько дней в геологический лагерь к Петру Падерину, младшему однокашнику по факультету. Предложил другу построить отдельную землянку: зачем в вагончике мерзнуть? Вместе они долбили камень, укладывали рядами бревна, возводили крышу – получилась отличная камералка. В первую же свободную минуту, когда можно было прилечь на нары и ничего не делать, Родионов спросил:

– Ну, где у тебя книги лежат? Всё осмотрел, не нашёл.

– У меня нет их, не беру с собой.

Родионов помолчал в растерянности, вымолвил:

– Так же с ума можно сойти.

Он представить не мог, что люди идут в тайгу без книг, а выучник используют для хранения теплых вещей. Книги для Родионова – предметы первой необходимости, он не умеет без них жить. Его однокурсники вспоминают, как в студенческие годы Александр купил на всю стипендию четырехтомник Даля. Домой, к Лизавете и Вероне, летел на крыльях счастья. Лиза онемела (да любая бы на ее месте дар речи потеряла): до следующей стипендии целый месяц! Справедливости ради нужно сказать, что молодой отец подрабатывал на институтской кафедре лаборантом, так что какие-то денежки держал про запас.

Страстный библиофил, Родионов трепещет перед книгами, тем более редкими. В советское время, когда «книга – лучший подарок», а в магазины «Подписные издания» стоят длинные очереди, книги не покупают, а достают, выменивают, приобретают на толкучке и зачитывают. Добыча приносит неопишемую радость, о которой не грех сообщить дневнику: «Завтра у меня будет 4 тома Фасмера!»

Книжную страсть сына разделяет мама. И Татьяна Леонтьевне случается потратить на редкую книгу немалые деньги. В письме к Саше с юга, из санатория, она пишет: «В дороге читала книгу «Очерки о земледельцах», очень понравилась, большое тебе спасибо, много познавательного. Заходила здесь в книжный магазин, посмотрела старую книгу, есть Екатерина II, наверно, возьму. Напиши, что посмотреть надо из книг». Приобретенные издания мать отправляет сыну в Елань по почте. «Ночь. Из дома прислали книги. Смотрел сытым идиотом на корешки».

* * *

В тисульском сидении Родионов придумывает правила не только для неустойчивых недр природы, но и для своего литературного дела, издает что-то вроде указа: «За поэтом, как за балероном, должен следо-

вать прожектор критики, иначе он останется в полумраке сцены». И сам лезет под софиты, предлагая литературным знакомцам честно высказываться по поводу его сочинений. Что просит, то и получает.

«28 октября 1970 г. Получил письмо от Соловья. <...> Впрочем, а почему бы и нет. Почему бы не получить зуботычину из Кемеровского КИ (книжного издательства. – Л. В.). Но последние твои стихи, по мнению Соловья, холодные туристско-многозначительные опусы».

Не заставляют ждать пламенные приветы от Вадима Кшена, брата по поэтическому Томску, а теперь львовского поэта. «Кшен говорил о стихах, что нет кар-каса, вывески, нет характера. Очевидно, он прав где-то в частностях и, может быть, вообще». Еще одно «письмо от Кшена с ушатом по поводу виршей. Самообольщение не лучший вариант слепоты».

Самые жестокие розги Родионов выписывает себе сам: «Несколько гнилых свай, на которых держится твое тщеславие, должны быть сожжены на собственном огне. Не следует ожидать, когда это сделают другие». И еще о себе: «Зажирил мозг».

«Заметил, что при разговоре с незнакомыми людьми я больше рассказываю, чем слушаю и спрашиваю. Это пахнет кичливостью, крохами знания. Слушать надо и спрашивать. 20 апреля 1971 г.»

Наблюдая болезненное отношение к критике писателей нынешних лет (вплоть до возгласов: «Что я вам сделал плохого?!»), невольно приходится задаваться вопросами: Родионов из другого теста? Критика ему нипочем? Так крепка броня?

Нет, он как все. Ему тоже и больно, и обидно. Но вида не подает, а внутреннюю истерзанность доверяет дневнику.

«20 октября 1970 г. Елань. Все, что написано до сегодня, написано не для себя, а с тщеславной надеждой на (неожиданного) читателя, на самом деле очень ожидаемого. <...> Ты пишешь в надежде, что кто-то прикоснется. В то же время трусишь, что прикоснется не тот... Но отдавать все это на уничтожение либо на усмешку не в моих теперешних правилах. Здесь есть доля меня».

Стрелы критиков долетают, ранят. Он терпит, разбирается с промахами, ибо поставлена цель – состояться в литературе, войти под ее своды с девизом: «Никто, кроме меня». И пусть дело дойдет до нокаута! Значит, слаб, плохо подготовлен. Поднимайся и снова трудись. Возвышайся. В этом – характер родионовский.

Круг чтения Александра Родионова еланского бытования удивляет разнообразием: Фет, Тютчев, Гейне, Шекспир, Блок, Мандельштам, Цветаева, Бодлер, Вознесенский, Евтушенко, Распутин, Кафка... Список можно продолжать. В тетрадях выписки, поэтический анализ, мысли по поводу.

Блоком восхищен: «Милый, милый Блок. Даже Пушкин отступает». Мандельштам идет с трудом. Цветаеву любит безгранично, ее авторство обозначает одним именем – Марина – и выписывает: «Расстояния, версты, мили...» Евтушенко, по-свойски именуемый «Евтухом», входит в конспекты Родионова статьей о кирсановских зеркалах и четверостишием:

*Это счастье, даренье,
Это мука моя –
Быть поэтом деревни
Под названьем Земля.*

«28 октября 1970 г. Елань. Больше всего за последние три дня – новая книга Вознесенского. Нужно хорошенько еще раз перечитать “Тень звука”».

Из «Мужества молчания» Наума Коржавина берет литературное правило:

*И если он звучит немного тише,
Не взял за горло и не бросил в дрожь,
Не тронь пера. Ведь если ты напишешь –
Напишешь дрянь, и сам ее порвешь.*

«Эти строчки должны быть ориентиром». Родионов выделяет строфу красным карандашом.

«Ни стиха»

В январе 1971 года Родионов начинает новый дневник. Несколько записей на первой странице не датированы, другие отмечены январем. В этих заметках весь человек как на ладони.

«Ты ровно ничего не значишь. Зачем делать вид значащего? Что из того, что написано несколько десятков стихов? За всем этим должна стоять уверенность. В чем?»

«Читал Камю. «Посторонний» необычен, хотя кое-что в нем знакомо. Г-н Мерсо... Как-то через год почти возвращаешься ты к западным авторам, точнее к зарубежным. М. б., поэтому оставляют они наиболее заметный след».

«Дочь сказала: «Пальцы зажмурились». А еще раньше она заметила, что внутри яблока гремят семена. Поистине поэзия детство».

8 января 1971 г.

«Все повторяется. Только влечению не повториться. Будут дразги, ссоры, дурацкое любопытство, написанное в мой адрес. До чего меркантильно».

Интригует запись на следующей странице:

«9 январ[я] год назад ты потерял, может быть, лучшее, что мог иметь, – веру».

Загадка, вопрос: речь о вере в Бога? Вере в людей? В себя?

«27–28 января. Был у «Гренадеров» (новокузнецкое литобъединение. – Л. В.). Не знаю стихов их. Судить трудно. Какой-то неоправданный анархизм. Девичья

часть лито с претензиями на камерность, мужская – на новаторство. <...> Вообще, плохо работают. Нет пафоса».

«29 января. Умер Рубцов. Отклики Левитанского и Плитченко.

Строгал. Писал Рыбину, Киселеву.

Надо покончить с влюбленностью в привычные строчки, хоть в чьи. Если привычно, значит, мертво».

* * *

Понемногу Родионов толкает, продвигает свое литературное дело. В газете «Кузнецкий рабочий» 14 февраля 1971 года в рубрике «Новые стихи» выходит два его стихотворения. Одно новое («В лесу протаяла тропа»), а второе – давнее («В ту пору отчужденья долгого»), опубликованное полутора годами ранее в томской газете «За кадры». Публикацию предваряет коротенькая справка: «Александр Родионов — инженер-геолог. Два года назад он окончил Томский политехнический институт и работает в Западно-Сибирской геологической экспедиции. Жизнь геолога романтична сама по себе. Постоянное общение с природой, палаточный лагерь, ночевки под открытым небом – во всем этом немало поэзии. И поэтому от стихов Александра Родионова веет таежными травами, ветрами. В этих стихах мысли и мечты молодого поэта». В этом лаконичном подобии рецензии определена творческая тема Родионова. И что, безусловно, важно, его воспринимают молодым поэтом.

Через три месяца в том же «Кузнецком рабочем» и в той же рубрике публикуется новый поэтический опыт – «Вершина Чукур-Су». Начало неплохое, увлекает циклопическими видами, живописным глетчером:

*Там тишина и облака
Да глыбы серого гранита.
Как бы покровом клобука,
Вершина глетчером прикрыта.
И не тревожит ничего
Горы уснувшую громаду.
Палеозойское чело
Спокойно...*

Но во второй части стихотворения, увы, банальности и путаница. Ясность и точность описания Чукур-Су сохранить не удастся. Композиция подобна качелям, одно плечо которых изрядно нагружено, а второе свободно: невозможно ни качаться, ни равновесие установить. Тем не менее Родионов делает новые настойчивые шаги на первой после институтской газеты публичной площадке. Характерно, что по прошествии времени, уже будучи опытным литератором, разбирая стихи рубцовой поэтессы Ольги Такмаковой, Родионов обращается к автору с советом: «Дай стихам отлежаться. Хочется опубликовать, знаю, и мне по молодости не терпелось».

За письменным столом тем временем – пустыня. «Ни стиха, – жалуется он дневнику 23 февраля 1971 года. – Дремотное состояние грозит затянуться. Нужна какая-то встряска. Беда какая-то нужна...» Александр помнит, как ударила его смерть однокурсника Генки, как в тисульской отверженности строки сами заполняли листы. Но просить беды?! Лишь самонадеянная молодость способна на столь опрометчивые взывания. Беда не заставит себя долго ждать: в поэтических сферах проводимость материи мгновенна.

В апреле 1971-го Родионов отправляется в большое путешествие: Москва – Львов – Западная Украина – Ленинград. Заранее намечена обязательная программа, под шапкой «что посмотреть» – с десяток пунктов. В рюкзак первым делом отправляется книга, которую он будет читать в дороге, и несколько чистых блокнотов. Вояж, так заведено у него, тщательно конспектируется. «Только в дороге и почувствуешь настоящему, как велика и богата Россия», – выписывает он наставление из книги Дмитрия Жукова «Аввакум» и отправляется в путь-дорогу.

В Москву Александр приезжает 13 апреля. Посещает там все, что положено провинциалу: Красную площадь, ГУМ, букинистов. «К четырем так устал, что с трудом стоял в комнате Маяковского. Снял очень немного, хотя интересного масса. На столе пачка недокуренного «Волго-Дона»...». Назавтра Родионов уже во Львове, и почему-то важно ему вспомнить: «В этот день 41 год назад выстрелил Маяковский». На Львовщине «определенного плана нет, пойду куда-нибудь, все интересно». Он мотается по близлежащим городкам. «Выехал в Дрогобыч – негромкая провинция Запада. Трускавец. Вернулся ночью в Ужгород, вышел в два часа ночи в центре. «Верховина» и «Киев» забиты, ночевал на рынке». Лежанка на столе – вполне приличный ночлег для геолога.

Блокноты стремительно заполняются впечатлениями. Что видит, чему удивляется – обо всем по несколько фраз оставляет в подорожной книге. Узнал технологию резьбы по дереву, покрытому лаком; побывал в музее деревянной архитектуры и быта – «это очень, очень!». Он заглядывает во львовский кафедральный собор, где «что-то пели, чему-то молились», идет в картинную галерею, которая «началась в 1907 году с личного собрания львовского историка. Третья в Союзе после Третьяковки и Эрмитажа». Поездка, конечно, подразумевает и встречи с поэтами, знакомцами по томским Дням поэзии: во Львове живет Вадим Кшен, в Ленинграде – Леонид Агеев. На другой конец страны Родионов едет не только за новыми знаниями и вдохновением, но и за порцией критики.

В Северной столице настигает его «весть о телеграмме из дома (из Егорьевки. – Л. В.). Тревожно. Что-то с бабусей. Ленинград не мил». «1 мая 1970 г. Ленинград оставлен с сознанием необходимости. Три дня назад – 28-го – похоронили бабуся».

Клича беду, конечно, не смерти чьей-либо просил он, а внутреннего импульса, концентрации сил и дисциплины духа, которые однажды изведаль в Тисуле. Потеря родного человека, утешительницы, незримой молитвенной защиты погружает Родионова в прошлое. Скорбь придает воспоминаниям поэтическую остроту. В черновиках появляется цикл стихотворений о детстве и поэма «Сенокос 45-го года» – в этих текстах бабуся его жива.

Не все, к чему подступался Родионов, будет опубликовано, но сюжетный «Триптих» увидит свет. Автор создает кинематографически выразительную картину своего детства и его главной хранилища. Светлые стихи!

*Я проснусь, прищурюсь –
Светится
Половиц промытых гладь.
Хорошо
С кровати свеситься
И на кухню –
Гладь-поглядь,
Где бабуся,
Как-то тщательней,
Чем обычным, будним днем,
Направляя в печку чапельник,
Правит тестом
И огнем.
Кот у печки круто горбится,
Отзвенел давно петух.
Правит праздник
В нашей горнице
Травный
И древесный дух.*

В Егорьевке Александр остается до самого выезда в поле. Там же на форзац пикетажной книжки, используемой для ведения дневника, он наклеивает фотографию бабуся. Исписанный блокнот так и попал в архив с изображением Марфы Яковлевны.

Чарышский лист

Два поля, 1970 и 1971 годов, геологическая партия, в составе которой находился Родионов, работает на чарышском листе. Под листом у геологов подразумевается определенный квадрат местности, по которому идет полный сбор геологической информации для карты-двухсотки*. К слову, геологи 1970-х выполнили полную геосъемку территории Советского

* Двухсотка – топографическая карта масштабом 1 : 200000 (в 1 сантиметре 2 километра).

Союза. Именно по их трудам составлены современные карты России и государств СНГ. Колоссальная работа!

Летом 1970 года лагерь стоит на озере Колыванском, известном и как Саввушкино, в окружении причудливых каменных изваяний – на языке геологов «матрацевидных гранитов». После положенного на день маршрута (от 5 до 15 километров) Родионов бежит на вечерки к окрестным бабушкам, прихватывая с собой солидный продуктовый набор. Сетка загружается банками с тушенкой и сгущенкой, взятыми из геологического пайка. Ну и, конечно, по дороге в деревню приобретает в магазине «беленькая». Бабуся сдались настырному парню и собираются в доме одной из товарок. Разговор заходит о местных преданиях, о традициях, о домовой резьбе. Родионов задает вопросы и строчит в блокнот: из каких мест мастер переселился в Сибирь, какой рисунок предпочитал, много ли получал заказов? Под стопочку доходит дело и до песен. Родионов просит старинных, что известны бабушкам еще от родителей; записывает, ухмыляется в рыжую бороду, на припеве, уловив мотив, подтягивает. И на этой своей добровольной фольклорной практике Саня совершенно счастлив. Сам бабусин, он любит старух – их лица, похожие на древесную кору, старинный говор, особый домовый уклад. Все это кровное, сызмальства родное.

«Лицо старухи с провалами глазниц, востреньким подбородком» заслоняет прочие впечатления дня, оседает в сухом остатке на дневниковой странице. Притом старушечьи рассказы вносят существенные поправки в официальную историю страны. Молодой геолог мотает на ус, много фотографирует, крупным планом берет в объектив истонченные, ветхие образы стариков.

С приближением вечеринки к финалу Нина Николаева, согласившаяся помогать коллеге с «фольклорной практикой», выходит из дома и ждет Рыжку на крыльце. Разгоряченные бутылочкой бабушки уступают угорам молодого ухажера и с шиком подпускают в частушки «соли». Довольный Саня пополняет свою коллекцию соленых частушек, начатую еще в старших классах школы.

В лагерь геологи возвращаются за полночь.

* * *

Полевой сезон 1971 года начался 17 мая. Через три дня Родионов отметит в дневнике: «Выехали в Колывань. Совсем не знаю истории Алтая». Именно с этого дня, с 20 мая 1971 года, и берет начало вся поисковая проза Александра Родионова. Памятный момент зафиксирован в книге «Колывань камнерезная» (1986):

«Завтрашние маршруты намечались накануне вечером. Мой черед получать задание подошел, когда карандаш старшего геолога миновал долину Чарыша и заскользил к верховьям речки Белой.

– Пройдешь по границе нашего участка, – сказал старший, – можешь даже заглянуть на соседний – для стыковки.

Кто-то добавил:

– Можешь даже в Колывань заглянуть, мимо пойдешь...

<...> Конечно же, вспомнили, что камнерезный завод в поселке основан бог весть в какие времена. Вспомнили о самой большой в мире каменной вазе: делали ее будто бы почти полсотни лет, а до Петербурга везли не один год.

<...> И мне, выросшему на Алтае, незнание Колывани тогда не показалось обидным. С того маршрута Колывань у меня на горизонте».

За лето колыванская тема получает в блокнотах Родионова надежную прописку. Начальные зарубки таковы:

«В Колывани теперь режут запонки да чернильницы».

«Первый в мире камнерезный завод основан в 1802 году Ф. В. Стрижковым. 9 июня 1947 года присвоено имя И. И. Ползунова. Большая чаша из ревневской яшмы с позолоченным бронзой венком на нижней части выполнена по чертежу архитектора Гваренги».

Тут же является замысел поэмы «Камнерезы» и строчки из будущего произведения:

«За такую царицу та-та-та ваз / Не забудет царица вас».

Колывань повела Родионова за собой.

Полевой сезон завершился. Подошла пора «сшивать листы», что означает: сводить в единую карту разные квадраты местности, например, присоединять чарышский лист к романовскому. Но главное, что сулит конец поля геологам, – долгожданное свидание мужей и жен. По негласному закону супругов не отправляют в одну партию. Родионов работает на Чарыше, а жена Лиза Ковтун – на романовском листе. Так же и супруги Николаевы, Сергей и Нина, разбросаны по разным листам.

В конце сентября партии сошлись в Краснощекове. Накануне встречи Родионов посылает шифrogramму друзьям: «Готовьте белые нитки, едем сшивать листы». Геологи перетолмачили верно: едем праздновать конец поля, запасайтесь водкой. Шутка вошла в анналы Западно-Сибирской экспедиции и долго была в ходу.

Фотография запечатлела счастливую компанию. Вот они на фоне краснощекковского сельпо – молодые, сильные, уверенные, нужные стране люди: Саша Родионов, Лиза Ковтун, Нина Николаева. После полугодовой геологической вахты стоят перед фотообъективом свободные, веселые, с буханками свежего хлеба, прижатые к штормовкам и свитерам. «Белые нитки» надежно спрятаны под фуфайкой Родионова. Он смеется, глядя на жену. Они только что перемахнули через борта грузовиков и наскоро успели обняться. Впереди отпуск.

* * *

В октябре – ноябре 1971 года Родионов предпринимает путешествие на Восток: Ташкент – Навои – Бухара – Кызылкум. Его по-прежнему влечет седая и многоцветная Азия, ее культура, обычаи. Кроме того, ему нужна очередная встряска, новые впечатления, интеллектуальная подпитка. Странничество оживляет поэтическую энергию. Объяснить это жене очень трудно! Лиза, конечно, права: у них семья и маленький ребенок. Но Родионов не в силах уступить поездку. Непонимание, разлад, очередная ссора.

«Глядя во мглу, думал о том, как жить дальше», – записывает несчастный, ожидая рейса в аэропорту. Мысленно он примеряет к себе Кызылкум – чем не судьба для геолога? В пустыне, в красных песках, работает однокурсник Рыбин, которому в студенчестве Саня посвятил стихи. Родионов завернет к однокашнику на базу десятой экспедиции, оглядится: «Саксаул и верблюды, барханы мертвые – это все внешнее. Для узнавания пустыни следует в ней жить». Он готов остаться в таинственных песках. Но пока – путешествует.

Пестрый, языкастый азиатский мир! В подорожный блокнот перебираются уличные сценки, восточные натюрморты из базарных рядов. В рыночной толчее взгляд останавливается на «резчике по дереву, персидских рукописных книгах, сундуках, самоварах». Над базаром вьется узкая тихая улочка. Поднимаясь по ней, Родионов увидит и «подберет»: «остаток минарета, как окурочка», «ребенок с надкушенным гранатом, выглядывающий из дверей», «гнезда аистов на мечетях».

*Среди приезжих ротозеев,
Белесым солнцем разогрет,
Хожу на Азию глазами
По глинобитной Бухаре.*

Добросовестно изучено несколько музеев в разных городах Узбекистана, в том числе и музей Ленина в Ташкенте, картинная галерея. Авторы и названия работ скрупулезно занесены в тетрадь: Кипренский «Портрет мальчика», Тропинин «Портрет Оболенского», Маковский «Проповедник», Ге «Петр I и его сын Алексей» (повтор), Лансере «Всадник-узбек» (бронза), Антокольский «Мыслитель» (мрамор) и далее длинный список мастеров русского изобразительного искусства.

Родионову интересно все, что связано с деревом и орнаментом. В медресе Кукельдаш он открывает для себя резьбу по ганчу* и, конечно, ганчкора – мастера. Путешественник записывает имя самого известного резчика по ганчу: Ширин Мурадов, академик Узбекской ССР, под его руководством велись реставрационные работы в республике.

* Ганч — среднеазиатская разновидность гипса.

Во дворце Пой-Калян Родионов кратко отражает в блокноте рассказ экскурсовода о жемчужине Востока:

«Крепость-городище Ар. 20 метров культурных слоев. Стена XVI в. – h – 10 метров, ш. – 5 м. Минарет Калян – мастер похоронен на расстоянии 46,5 м – упадет если, то на могилу мастера.

Паранджа = ветром вздута.

Саид алиб хан – последний эмир. В 1920 г. ушел в Афганистан с наложницей-немкой, подаренной Николаем II. Четыре жены за ним вослед. У эмира 4 официальные жены, 420 наложниц. Купанье – избраннице яблоко – ее в баню молоком мыть. Больше 3 дней наложниц не держали.

Недевушек – львам (предложение подчеркнуто. – Л. В.).

Пой-Калян – подножие Великого. Минарет Калян (1127). Мечеть Калян (XV – XVI вв.) – крупнейшая в Бухаре».

Читая блокноты Родионова, хочется немедленно отправиться по его цивилизаторскому маршруту. Он напичкивает себя впечатлениями через край, чтобы «всплеснулось», чтобы проснулись стихи.

*В зените солнце. Время чая
в тени лиственных паранджей.
Но неустанно круг вращает
точильщик кухонных ножей.
Летит искра, дробясь о плиты.
Точильщик стар, бритоголов,
на потном лбу играют блики –
сиянье ближних куполов.
Взглянуть на купол нету мочи:
глазури блеск слепит глаза.
Давно забыт придворный зодчий –
сверкает храма бирюза.
Лишь на макушке минарета,
где муэдзинов был престол, –
никто не помнит, в кои лета, –
сложили аисты гнездо.
Дивлюсь гнезду и минарету,
пирамидальным тополям.
День пролетает незаметно
у стен мечети Пой-Калян.
В полночной мгле с небесной кручи,
взметнув хвостом вселенский прах,
летит искра звезды падучей,
вмиг отражаясь в куполах,
как будто где-то в недрах ночи,
вращая круг едва-едва,
точильщик-время нож свой точит,
бессильный против мастерства.*

В конце декабря в Елани болезненный и поворотный 1971 год Родионов завершит фразой: «Подбить бабки для книги».

Ave homo

В мае 1972-го Родионов работает в тайге, в составе Таянского отряда Тыскульской партии. А в родном политехе вот-вот начнется девятый День поэзии. Поэт рвется в alma mater. Сжалились, отпустили. Ожидая самолета в аэропорту, Александр записывает в дневник: «27 мая. Сейчас в Томске, возможно, уже читают и слушают, нужно занять терпения у авиакассира». На семинар он везет «Бухару», другие стихи, кое-что из поэм: «Сенокос 45-го года», наброски к «Камнерезам». Среди наставников бессменный Илья Фояков, бывший на всех поэтических праздниках в Томске. Тетрадка Родионова сохранила вопрос, заданный руководителем семинара: что было бы, если бы Демон женился на Тамаре?

После обсуждения рукописей, «до пьянки» (важная пометка в дневнике!), Александр «коротко переговорил» с Фояковым. Видимо, Илья Олегович выделяет рыжего бородатого парня. Возможно, имеет значение и профессия Родионова, и тот факт, что примчался он из тайги. Ведь отец Фоякова, Олег Антонинович, тоже был инженером-геологом, попал под репрессии, погиб в читинском лагере в 1938 году. В 1999-м Фояков посвятил памяти отца книгу «Ночь накануне».

Серьезная семинарская часть сменяется легкокрылой, где позволено, обнявшись с Бахусом, быть веселым и дурашливым. В блокнотах – рожицы, цветочки, автографы. «Priwet Sashe ot Wili!» – пишет латинскими буквами поэт из Омска Вильям Озолин.

На Томск, на поэзию, на замечательные встречи отпущены всего сутки. «Томск до слез. Как всегда при редкой встрече, было без сна...» В два ночи 29 мая он уже в Елани. После студенческой столицы Сибири геологический поселок кажется хмурым, не улыбочивым. Александр не задерживается в нем, а совершает «перепрыг сразу на Таян». В таежном уединении он рассчитывает сохранить томский настрой, рубит избу-землянку, из которой получается отличная камералка. Над дверью на фризе написано по-латыни большими буквами: AVE HOMO (да здравствует человек!). Строчкой ниже и мельче: Otium reficit vires (отдых восстанавливает силы). Землянку сторожит деревянная баба, вырубленная из бревна топором. Божок хранит одиночество поэта.

Счастлиное поле 1972 года. Родионов уравновешен. Ему пишется. И даже расплывчатое и немного смешное (таким оно кажется из нынешнего времени) письмо из журнала «Сибирские огни», пришедшее в тайгу в июне, не сбивает его.

«Уважаемый Александр Михайлович!

Мы предполагаем в первых номерах будущего года дать подборку молодых поэтов. Возможно, удастся это сделать и раньше, но сомневаюсь, поскольку до конца года все в поэтическом разделе уже сложено и утверждено. Так вот, в эту подборку, как мне кажется, могут встать одно-два Ваших стихотворения. Я – за

«Дядю Митю» и «Снеслись небесные хохлатки...». Интересным мне кажется и стихотворение «Петуху отрубили голову», но оно вряд ли пройдет. Пока, как Вы видите, ничего определенного сообщить я не могу. К тому же через несколько дней уезжаю в отпуск. Вернусь в августе. Что-то более внятное смогу сообщить в сентябре. Если Ваш адрес к тому времени изменится, сообщите, пожалуйста. Всего Вам самого доброго.

Зав. отделом поэзии А. Романов».

Таянским летом Родионов подмечает много интересного вокруг – в природе, в психологии людей. «На переправе люди еще четче». «При возвращении в лагерь мелькнула мысль о чистом Ленинграде, стоящем на болоте. Таян – болото». «Лошадь из болота выполняет на боку. Чудо-лошади, в потемках, темноте, а дорогу – четко».

На маршрутах он узнает от местных жителей байки о Марате Чуре и золотарском самоваре. Любуется грандиозными пейзажами: «Салтымаково. Дорога из Медвежки малоинтересна. А вот когда дорога выходит на уступ, с которого открывается пойма Томи, – это ощущение простора. В самом тихом углу – у подножия склона – Боровушка. От нее сквозь пихты видно желтое поле и шишечки стогов. Весь этот простор будет, очевидно, затоплен, если состоится ГЭС. Атлантида медвежьих углов». Попутно делает запасы очаровательных поэтических мелочей: «черемуховые ноты».

В его таежных хоромах живет ласка. Она спряталась от разношерстной толпы геологов, гонявших ее. «Проснулся от стука рулетки, потом по спинке кресла скатилась на сиденье ласка – опять пришла. Бегала по выюнику у головы, по черной Библии. Дочери можно рассказать». Запись о лесном зверьке открывает интересные подробности родионовского быта на Таяне. В землянке – кресло! Грубый, крепкий лесной трон, конечно, самодельный, из подручных деревяшек. Для дома он мастерит другие – изящные, на тонких ножках – креслица, неотличимые от магазинных. Родионов умеет приручить дикое место, любит превратить хаос в космос. Прочел у Брокгауза и Ефрона: «космос» в одном из значений – «порядок, гармония, красота». Отсюда любовь Родионова к словосочетанию «русский космос». Увидев в 2006-м одноименную рубрику в краевом еженедельнике «Два слова», он радуется: «Хорошо назвали». Рубая деревяшечки, обихаживая свой угол, ему важно кроме сиюминутного чувства удовлетворения – смог, сумел! – знать на собственном опыте: каково было ладить с сибирской первозданностью предкам-переселенцам? Каково утверждать на голом месте русский космос? Пока он работает топором, собирая камералки, в сознании зреет тема чистодеревщиков.

Удивительная и важная подробность: с ним в экспедиции Библия. Многие ли читали Вечную книгу в начале семидесятых? Где он ее раздобыл? Нет, книга не бабусина, не Марфы Яковлевны. Возможно, приобрел он ее у старушек, к которым бегал на «фольклорную практику».

Таянским летом Родионов запрещает себе посиделки у костра и споры «до обугленной ручки молотка». Жалко времени «на потраву пьянству и болтовне». «Одиночества, одиночества...» – просит он в дневнике. После маршрута – к верстаку: за книги и тетради. На Таяне написано 24 стихотворения. Без «абортышей». Хороший задел для будущего сборника.

В середине октября, через пять месяцев таежной жизни, партия выдвинется на базу экспедиции в Елань. «Выходить к людям после такого периода приходится с некоторым сопротивлением». А 1 ноября Родионов начнет очередной образовательный «сет»: Москва – Валдай – Ленинград. В это путешествие Александр и Лизавета едут вместе.

* * *

Перед тем как рвануть в Европу, Родионов задержится в Барнауле. Глядя с обрыва на пойму Оби, «подумал о том, что на Томи так же. Так же... Да не так. А как? Здесь шире, здесь дома». С Горы он спускается на Мало-Олонскую улицу, где в здании бывшего храма, у Старого базара (в дореволюционное время – церковь святых Захарии и Елисаветы, в наши дни – женский Знаменский монастырь), располагается архив. В нем «Петруша Бородин, затертые обрезы толстых связок, архивная сонность. А в описи то и дело рапорты о побегах, убитых, фальшивомонетчиках, о караванах серебра в Питер». Первый визит в архив Алтайского края ошеломит его. Фонд под первым номером – Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства – содержит 5134 единицы хранения за 1747–1779 и 1797–1828 годы. Второй фонд – Алтайское горное правление – 8337 единиц хранения, датированных 1828–1883 годами. Он аккуратно выписывает числа в тетрадь, будто условия задачи, которая вдруг показалась ему слишком сложной. «4.11.72. Подкрался испуг от неспособности переварить толком ту гору материала, которая лежит в архиве».

Но в тот же день явилась и добрая весть из Егорьевки: «Итак, твоя нечаянная мысль о том, что мать достойна быть заслуженным агрономом республики, подтверждена сегодня по телефону». Доброе известие приходит «во дни сомнений». Родионов, склонный расширять любое событие до символа, до знака, пожалуй, применяет его к себе следующим образом: нужно работать, как мать работает в поле, и непрерывные усилия дадут результат. Слово «поле» приобретает для него еще одно значение – «архивное», дополняя хорошо известные: «русское поле» и геологи-

ческое. В блокноте появляется запись: «Ошеломлен – не обезглавлен».

Несколько дней плотной изыскательской работы в Барнауле, и старый город улегся на блокнотный лист топографической решеткой. По вертикали – улицы от Горького до Красноармейского, по горизонтали – от Партизанской до Пушкинской и площади Свободы. План дополняет список деревянных объектов, которые нужно сфотографировать: «дом архитектора Носовича – Чернышевского, 152; женская гимназия – Социалистический, 13; дом купцов братьев Шадриных – Красноармейский, 8; дом Гуляева – Пушкинская, 94» и далее – адреса на две страницы. Зарисованы башенки, венчающие городскую ратушу и «Русский чай».

Из Барнаула Александр заедет с поздравлениями к матери в Новогорьевское и уже оттуда через Новосибирск двинется на столицу – по традиции с заранее составленной просветительской программой. «Обязательно посмотреть Петрова-Водкина и некоторые иконы в Третьяковке». Блокнот испещрен наказами подобного рода.

В его отпускном маршрутном листе намечена особая точка – деревня Мешково на Валдайской возвышенности, где живет мать одного из еланских буровиков. Он рассказал Александру о том, что в селе сохранилось много старины: и резьба, и вышивка, и иконы, и книги. День поездки отмечен в дневнике впечатлением: «Сегодня в утро. Талый Валдай. Дом, грязь и под гору ручей. Петушки поют. Ажик на всю Русию. Трещит пускач. Поедем в Мешково на тракторе». Транспорт в Мешково не ходит, дорогой к деревне служит глубокая колея от тяжелого транспорта. Прицеп трактора «Беларусь», в который загрузились путешественники, бросает из стороны в сторону. Лиза, боясь вылететь из «салона», крепко цепляется за железные борта.

– Не дрейфь, старуха, – подбадривает Родионов жену. – Сюда в войну даже немецкие танки не прошли.

– Вот именно. Танки не прошли, зато мы в отпуск сюда едем, – отвечает «старуха».

Хозяйка дома, где остановились супруги, разрешила им забраться на чердак и взять что хочется из хранящихся там вещей. Из Мешкова Александр привозит старинные иконы, книги, кое-какую утварь и лапти. Крестьянская обувь до сих пор хранится в семье старшей дочери Родионова. После Валдая был Ленинград, где Родионовых приняли Агеевы. Как-то жены, желая удержать мужей от похода в магазин, спрятали обувь Леонида и Александра. Не найдя ботинок, Родионов надел мешковские лапти и отправился в близлежащий гастроном.

Походы в винный отдел тем не менее не отменяют намеченной программы. На Ленинград отведено всего десять дней, и потому нужно успевать. С утра – Эрмитаж, вечером – театр, в промежутке – визиты в толстые литературные журналы. В «Авроре» и «Звезде» –

«по pasaran» и «посулы на завтра». На обиды времени нет: зовут сокровища Ленинграда. Эрмитажный Матисс едва ли не скопирован, на листе схематично передана композиция картины. Стоя перед Гогеном, Родионов рассуждает: «Может быть, Гоген смотрел на вещи глазами тайтян, не заботясь о том, как будет смотреть европеец на его полотно. Это одно из условий независимого (самостоятельного) в творчестве». Помимо Гогена, Александр изучает «Мефистофеля» Антокольского. А в Русском музее он пригвожден к месту рериховским «Небесным боем»: «желто-зеленые и сине-серые мускулы облаков» отправляются в поэтическую копилку.

По-особому пристальный и прицельный интерес испытывает Родионов к «царице ваз» и другим колыванским «казнобам» – вазам из алтайского камня, посвящая им большую часть времени. Зимой 1972-го он знакомится с Зинаидой Александровной Петровой, давним и потомственным научным сотрудником Эрмитажа, знатоком цветного камня. Служительница науки и искусства настолько поразит воображение Александра Родионова, что он введет ее образ в повествовательную поэму «Камнерезы».

*Зинаида Александровна! Простите.
Я Вам долго-долго не писал.*

Увы, Зинаиде Александровне нечем порадовать алтайского исследователя. Родионов передает разочарование в отчаянном стихике:

*«Над чем ты мучаешься, бездарь?
Тех лет почти не слышен гул.
Ведь пухлый том
В архивной бездне
Невозвратно утонул.*

Папка «Дело о семиаршинной чаше» в Ленинградском архиве утеряна. Есть вариант: Мельников-Печерский – быт того времени. «Россия» Семенова-Тянь-Шанского. «История России» Соловьева. Где прочитать о тракте почтовым Барнаул – Екатеринбург? О том, как пароходы ходили по Чусовой до Питера? Надо читать историю 1800–1850 годов». В целом же поездка дает Александру то, что он так любит: интеллектуальное насыщение, упоение новым знанием. Перед отъездом домой в неотлучном «подорожнике» появится запись: «Итак, Ленинград, прощай. Какой кусочек удалось увидеть... А надо больше».

Подсчитав по привычке «белые камешки» в последний день 1972 года, он останется недоволен годовой ревизией: «Главное время отдано не стихам. Это не итог, а факт с огорчением. А подводить черту не под чем. Черта под пустым местом». Слишком строг Александр Михайлович: все-таки 1972-й был отмечен творческим подъемом. Он хорошо обсудился на поэ-

тическом семинаре в Томске. На Таяне написал больше двадцати стихотворений. Начал работу в барнаульском архиве и всерьез «заарканил» две темы: дерево и камень. А поездка на Валдай и в столицы как хороша! Почему же «пустое место»? Во всем – начало. А хочется большего. Двадцать семь лет. Что сделано? – спрашивает Родионов сам себя.

Мечты рисуют книгу, непременно сборник стихов.

Таянским летом 1973-го Александра одолевает немота. Хотя и лагерь разбит на том же месте, что год назад, и сам Родионов живет в том же домике под охраной деревянного божка. «Месяц Таяна – ни строки. Кажется, только сейчас доходит до тебя тщета всех потуг. Десять лет – полсотни стихов. И до чего же все мелко, жадно, нутужно...» «Август – ни в крови, ни в голове». Родионов пытается сдвинуться с творческого нуля, применяя свой особый метод: «...черника, рыба и силой Мандельштам. Остальное должно всплеснуться». Что-то плескалось. «Проклевывался» Мандельштам. «Хочется вертолета, новостей и вообще чего-нибудь оттуда», – записал он в дневнике и наворожил. Выпала и этому Таяну благодать.

Начальник геологической партии Алексей Минин, встретив на еланской улице Лизу и Веронику, предложил им: «Я на Таян, давайте со мной. Туда и обратно. Папку проведаете». Приземлились на вертолетной площадке в тайге, но папку в лагере не застали: он был на маршруте. Через час начальник улетел один. Лиза махала руками, кричала стрекотавшей над макушками сосен «вертоптахе» (словечко из родионовской тетрадки) о завтрашней работе и строгом руководителе, который всех убьет. Геологи смеялись. Они знали: мама и дочка забыты в тайге намеренно, это – подарок. В партию Лизаветы отправили радиogramму, а Родионовым выпала сказочная неделя.

Летели-то на часок – как были, в платьицах. Геологини тут же поделились с Лизой запасными штанами, кофточкой, косынкой. А где найти одежду для шестилетней Вероники? Ребенка нарядили в трико и рубашку самой маленькой женщины в геологической партии, поварихи. Резинку трикошек затянули под мышками, штанины и рукава подвернули. В семейном альбоме хранится фотография, запечатлевшая девочку в чудном балахонистом облачении верхом на лошади. Рядом, придерживая уздечку, стоит отец. Таянское лето осталось с Вероникой навсегда. Таежная трава щекотала щеки; на берегу горного ручья вдвоем с отцом они слушали выступление «лесного оратора». «Папа в природе чувствовал себя уютно и комфортно. Он учил замечать незаметное. Услышать что-то такое... в журчанье ручья, в шелесте травы».

И маме и дочке таянская неделя запомнилась ярким праздником без точных дат. А дневник Родионова

достоверно сохранил год, число и эмоции: «14.08. 1973. Уехали. Улетели. Тихо, как всегда после неожиданной радости».

Новое поле

В ноябре 1973 года Родионовы переезжают в столицу Алтайского края. Александр и Елизавета давно были готовы двинуться в город, где есть большая библиотека и архив. Это важно для Саши, который без литературной работы, как когда-то без гор, уже не мыслит себя. Барнаул или Новокузнецк – кажется, особых предпочтений не было, главное, чтобы нашлась работа по специальности. Должность в барнаульском ТИСИИЗе предложили Лизавете, в этой же организации нашлось место и для Александра. В ожидании кооперативной квартиры Родионовы живут на съемной, в поселке Осипенко. Неблагополучный район, частный сектор, в распутицу грязь по колено. Зато в доме через дорогу сосед собрал телескоп. Михаил Левченко шлифовал стекла, превращая их в линзы, корпус телескопа собрал из металлолома. Обсерваторию с самодельным круглым куполом он установил в огороде на освобожденной от грядок территории. Сам любовался на звезды и пускал всех желающих. Герой Шукшина, помнится, мечтал о микроскопе. Мимо столь необычного человека Родионов не мог пройти. Познакомились. Осипенковский астроном угодил в творческую разработку.

* * *

Активна и интересна литературная среда Барнаула в начале 1970-х. Писательскую организацию на тот момент возглавляет Иван Павлович Кудинов. У него только что вышла повесть «Сосны, освещенные солнцем» о художнике Шишкине. Выделяется серьезный отряд литераторов, родившихся в 1918–1925 годах. Это писатели-фронтовики Георгий Егоров, Николай Дворцов, Петр Бородин, Петр Старцев, Марк Юдалевич. Непререкаемый авторитет у Георгия Васильевича Егорова, писателя и уполномоченного Литературного фонда СССР по Алтайскому краю. В 1971 году в Алтайском книжном издательстве вышла его «Книга о разведчиках». Она будет неоднократно переиздаваться и обретет популярность не только на Алтае, но и во всем Советском Союзе. Заметен, но пока не назван корифеем Марк Иосифович Юдалевич. Не нуждаются в особом представлении местному читателю и особенно детям Лев Квин и Виктор Сидоров.

Есть и поэты: Николай Черкасов, Геннадий Панов, Владимир Сергеев, Василий Нечунаев. А вот «критики на Алтае нет», делает вывод Родионов во вступительной статье к биобиблиографическому словарю «Писатели Алтайского края» (2007). В определенные периоды, мне кажется, институт критики на Алтае все же присутствовал. Газеты, журналы 1970 годов содержат предостаточно рецензий на новые книги. Пишут пре-

подаватели пединститута (среди них признанный критик Виктория Дубровская, литературовед Виктор Горн), журналисты краевых газет, в среде литераторов весьма популярны перекрестные писательские рецензии.

В литературной студии при газете «Молодежь Алтайская» занимается небезы-interесный поэтический наряд: Борис Капустин, Станислав Яненко, Владимир Коржов, Николай Байбуза и другие. Однако студийцы, многие из которых были ровесниками Александра, творческой компанией для Родионова не станут. Александр появится на занятиях разок-другой и не задержится. Василий Казанцев останется для него непревзойденным наставником.

Где-то в аудитории пединститута сидит за партой Иван Жданов. Никто в барнаульском литературном сообществе о нем не знает, хотя студент-филолог уже написал и «Крещение», и «Плач Иуды», и «Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий», и другие, сегодня знаменитые, признанные классикой русской поэзии стихотворения. Как поэт Жданов пока известен лишь узкому кругу друзей, институтским товарищам. Понимая свою инородность, с местными стихотворцами Иван не контактирует. Весь его творческий интерес в Москве, в переписке с Алексеем Парщиковым. До знакомства Жданова и Родионова еще шесть лет.

В самом начале семидесятых в Барнауле еще нет тех, кто составит литературный и дружеский круг Родионова. Владимир Башунов работает в ельцовской газете «Заря Востока» и приедет в столицу края в 1975 году. В 1977-м вернется из московской аспирантуры Виктор Горн. Все трое, по определению Родионова, «одна грибница», дети победных сороковых: Родионов 1945 года рождения, Башунов – 1946-го, Горн – 1949-го. «Писатели, как и грибы, растут слоями», – говаривал, улыбаясь, Александр Михайлович. В круг единомышленников войдут также Евгений Гуцин и Леонид Мерзликин, хотя и старше они «победной троицы» на десяток лет.

Какое-то время Родионов в Барнауле держится одиночкой. Он «вгоняет в режим» (характерное родионовское выражение) работу, домашние дела и самобразование. Его день не имеет пауз на пустое существование: с утра – работа, после – домашние дела, в третью смену – библиотека, благо в те времена она работает до десяти вечера. Ночь – в обнимку со стихами (в дневнике, как правило, обозначено два числа через черточку). А по выходным – марш-броски в окрестные села за «деревяшками». Спит Родионов мало, живет на износ. Но затем и ехали в город с большой библиотекой и архивом, потому и оставили благословенный геологический поселок с сорокапроцентной надбавкой к зарплате, чтобы Александр имел возможности для своих литературных занятий.

Спустя чуть больше месяца после переезда в Барнаул он уже с ночевкой в Тальменке, с обязательным набором: фотоаппарат, книга, блокнот. Загнав папиро-

су в угол рта и выпуская дым в сторону, он беседует со старожилами о деревянной резьбе, мастерах, родине предков и попутно обо всем, что интересно сельчанам. А вечером в гостинице заносит в дневник впечатления дня: «Вопросы старух грубоваты, может быть, но в точку: а вот у тебя бывают счастливые дни? Но когда речь заходит о вере, то это не грубо, а безжалостно прямо: а ты во что веришь? И, к ужасу, не сразу найдешься что ответить, а лепет не спасает».

Переезжая в Барнаул, Родионов уже имел договоренность об издании стихотворного сборника в Кемеровском книжном издательстве. В конце декабря 1973-го он завершает рукопись будущей книги, а уже 1 января 1974 года у него вчерне готова поэма «Камнерезы». 5 января, проводив мать на курорт, Александр Михайлович записывает: «Завтра в библиотеку, пришел том «Отечественных записок» 1820 года. Что там о Колывани?» В краевой библиотеке общительно-го и дотошного читателя запомнили сразу и поначалу называли между собой Рыжим («Там Рыжий пришел»). Но очень скоро уже все знали фамилию: Родионов. Приходит ежедневно после пяти вечера, сидит до закрытия, является постоянным клиентом межбиблиотечного абонементу.

На 21 января 1974 года Александр планирует визит к Юдалевичу. Идет с тремя вопросами:

«1. Возможность очерка от «Молодежи Алтая» или «Алтайской правды»;

2. Возможность выступления группы поэтов на «Коксохиме»;

3. Стихи».

Состоится и «Коксохим», и очерк. Вряд ли с помощью Марка Иосифовича. Эти вопросы легко решались в рабочем порядке. О стихах Родионова мэтр, как правило, говорит отбегая-мягко, не обижая (как, впрочем, в случае со всеми молодыми авторами). Но теплых отношений между Юдалевичем и Родионовым не будет. Тут скорее производственные связи, не без трений и недовольств, естественных в литературном мире между представителями разных поколений.

* * *

И все же первый барнаульский год подарил Родионову настоящую дружбу, из тех, что «до гробовой доски». На литературном вечере, проходившем на Алтайском заводе агрегатов (АЗА), Александр знакомится с Виктором Петровым, инженером, начальником цеха. В советское время выступления писателей проходят на всех промышленных предприятиях края, но АЗА славится особой любовью к литературе. При цехе Петрова, а в нем работает около 600 человек, по инициативе директора Дома книги Александра Ивановича Морозова обустраивается народный книжный магазин. Витрина с книгами устанавливается в просторном красном уголке, расположенном рядом со столовой. В обеденный перерыв книжного прилавка не миновать.

Ассортимент широкий: техническая литература, детская, художественная. На отдельной полке – книги авторов Алтайского края. Они пользуются особым интересом, рабочие знают всех местных писателей в лицо. Поэт Владимир Казаков, работающий в то время у Морозова, выступает куратором заводских встреч. Накануне поэтических посиделок в красном уголке появляется выставка книжных новинок.

Поэты Николай Черкасов, Геннадий Панов, Владимир Башунов, Александр Родионов и композитор Михаил Стариков с неизменным баяном не раз выступали для рабочих из цеха Петрова. Как правило, все сто мест в зале были заняты, опоздавшим приходилось стоять вдоль стенки и в дверях. По окончании музыкально-поэтического концерта рабочие не спешат разбегаться, а с книжками в руках идут к поэтам за автографами. Шумно, радостно. В дружеской толчее объявляются земляки, завязываются знакомства, все благодарят друг друга. Только подумать: люди после восьмичасовой смены у станков! А когда слушатели расходятся, писателей ведут в столовую: не отпускать же гостей голодными.

В застолье и выясняется, что Родионов и Петров – однокашники. Виктор окончил механический факультет ТПИ в 1963 году, Александр стал студентом Томского политеха на следующий год. Alma mater сразу сблизил их.

118

Стал ТПИ всем нам домом родным –

Мчатся учебы года.

Время придет – мы расстанемся с ним,

В сердце своем – никогда, –

начальнику цеха очень нравится приятная вальсовая мелодия институтского гимна.

Виктор Сергеевич Петров – добрый ангел Александра Родионова. В трудные девяностые годы, и после, и до самого последнего вздоха Александра Михайловича Петров будет ему надежной опорой.

* * *

И еще одна дружба на долгие-долгие годы завяжется у Родионова вскоре после переезда в Барнаул. Она начнется с заочного знакомства, дата которого точно известна. 4 марта 1973 года Родионов купит газету «Алтайская правда» и прочтет статью «Сохранить дома с кружевками», одним из авторов которой был Борис Хатмиевич Кадиков. Вырежет и сохранит. В это время Родионов еще живет в Елани, но в Барнаул наезжает регулярно: посещает библиотеку и архив, покупает местную прессу. Личное знакомство состоится через год с небольшим в Бийске, куда летом 1974-го Родионов приедет рейсовым автобусом на выходные – изучать бийскую деревянную резьбу. Она здесь особенная.

Кадиков – научный сотрудник, позже – директор Бийского краеведческого музея, первооткрыватель рунических писем на Алтае и вообще личность легендарная. Он станет для Родионова и наставником, и другом, и героем публикаций. Впервые знаменитого музейщика Родионов упомянет в статье «Там особенный узор», опубликованной в «Молодежи Алтая» 2 ноября 1974 года. Через три года, в 1977-м, «Алтайская правда» напечатает очерк Александра «Обитаемый остров», в основу которого ляжет творческий портрет Бориса Хатмиевича. Материал целиком войдет в книгу «Чистодеревщики» (1981). Родионову выпадет сказать и последнее слово о Кадикове: прощальный очерк выйдет в 2010 году в «Сибирских огнях».

Кадиков и Родионов сошлись на русской старине, на любви к полевым сезонам (теперь археологическим и этнографическим), на защите уходящей культуры. Своей последовательностью им случалось раздражать власть. У них и методы работы были одинаковы. Кадиков определил для себя правило: пройти все улочки Бийска, а их общая протяженность 400 с лишним километров, и познакомиться со всеми старожилами. Стариковские рассказы помогли ему, человеку приезжему, узнать много интересного и вписать новые страницы в историю города.

То же и Родионов: наматывает километры, расспрашивает стариков, пишет книги по истории ремесел и Барнаула, воскрешает из небытия имена мастеров. Став седым и не менее легендарным, чем Кадиков, писатель говорил: «История есть не что иное, как расспрашивание». Записные книжки Родионова середины семидесятых годов, помимо зарисовок наличников, фриз, карниз, содержат адреса известных людей Барнаула и Бийска начала XX века. Если бы его спросили: «Как пройти к дому купца Морозова в Барнауле?» – он ответил бы: «Пройдешь химеры над воротами купца Сухова, следующий дом – купца Морозова». Знаменитые барнаульские сфинксы, живущие в городе больше 150 лет (на их заброшенность не раз указывал Родионов), и сегодня лежат на тех же воротах и по-прежнему ждут внимания горожан. Между прочим, загадочные звери эти, пожалуй, самый давний символ Барнаула. Знаменитый «шпиль» гораздо моложе.

5 сентября 1974 года в дневнике Родионова появляется запись: «Только что из Бийска. Там находка – 10 эскизов наличников. Возможно, из мастерской Борзенкова». В предчувствии открытия он возбужден. На этом фоне довольно сдержанно звучит следующее

сообщение, отмеченное тем же числом: «У меня родился сын. Сын – посох». Уточнение на полях: «Родился 4 сентября».

Почти детективные разыскания бийских резчиков начала XX века, кажется, перекрыли все другие интересы: Родионов пропадает в бесконечных поездках, курсируя между Барнаулом и Бийском. Однако самые ответственные дни он проводит с семьей. Первого сентября дочь идет в первый класс. На праздничную школьную линейку Родионовы идут всей семьей. Отец фотографирует дочку, красивую улыбчивую девочку в белых бантах и фартучке, с торжественным букетом гладиолусов. «В кадр попала я и мамин животик, в котором будущий брат, – вспоминает Вероника. – Кроме черного портфеля папа подарил именно перед линейкой маленькую фигурку человечка, который мог курить. Необычную игрушку можно было положить в портфель и ходить с этим человечком в школу. Четвертого вечером родители сказали, что скоро вернется. Я осталась гонять на улице. А потом всю ночь мы с папой куда-то ездили, он делился радостной новостью с друзьями: родился сын. В сентябре 1974-го я и в Бийск, помню, ездила».

И еще одна запись от 5 сентября. Двадцатидевятилетний отец двоих детей строго спрашивает с себя за проваленную работу: «За все лето материал для одной статьи – это непростительно».

Первая публикация Родионова называлась «Мелодии резных карнизов». Она появилась в газете «Молодежь Алтая» 10 октября 1974 года. Рассказывая о деревянной резьбе старой части Барнаула, автор полемизирует с кандидатом технических наук Сергеем Николаевичем Баландиным, выпустившим тогда книгу «Архитектура Барнаула», а итожит статью следующим образом: «...деревянные постройки Барнаула остаются пока неизученными и ждут своего исследования. Да только ли Барнаула? Правильнее сказать – Алтая. И в частности, Бийска. В этом городе есть немало деревянных зданий, выстроенных виртуозно, мастерски».

Под рубрикой «Люби и знай свой край» молодежной газеты выйдет три статьи за подписью внештатного корреспондента Александра Родионова. За первым материалом последуют: «Там особенный узор» и «Твой и мой дом». С этого момента статьи Родионова нередко появляются в алтайских СМИ.

Екатерина ТЮШИНА

«И ВСЕ-ТАКИ НАШ ЭКСПЕРИМЕНТ УДАЛСЯ»

(к 100-летию АИК «Кузбасс»)

В российской истории есть страницы поистине уникальные. Одна из них – о короткой, но яркой жизни Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», созданной в Кемерове в 1921 году.

То был непростой период для страны, только что пережившей Гражданскую войну. Промышленность в упадке, разруха, нужда, голод... Именно тогда среди рабочих и интеллигенции Западной Европы и США формируется движение по оказанию помощи Советской России. В нашей молодой республике видели прообраз нового, зарождающегося мира социальной справедливости.

Летом 1921 года в Москве на 3-м Конгрессе Коминтерна встретились будущие основатели Автономной индустриальной колонии «Кузбасс»: голландский инженер Себальд Рутгерс и американские профсоюзные деятели Герберт Кальверт и Уильям Хейвуд.

Себальд Юстинус Рутгерс родился в 1879 году в городе Лейдене, в семье врача. По окончании университета, получив диплом инженера, работал на строительстве порта Роттердам. В 1911-м уехал в Индонезию, а оттуда – в Америку. Проникся идеями марксизма. В 1918 году с женой Бертой проехал поездом от Владивостока до Москвы, увидел разрушенную Гражданской войной страну и понял, что Россия нуждается в помощи.

Рутгерс связался с Хейвудом и Кальвертом. Вместе они подготовили проект создания автономной промышленной колонии, чтобы своим трудом и средствами помочь молодой Стране Советов. Для реализации смелого плана больше всего подходил Кузнецкий бассейн. С этой идеей они пришли к Ленину. Председатель Совнаркома одобрил проект и разрешил инициативной группе посетить Кузбасс, чтобы на месте изучить экономические возможности развития будущей колонии и определить предстоящие расходы. Группой Рутгерса были обследованы Щегловск (Кемерово), Кузнецк, Бачаты, Гурьевск, Киселевск, Кольчугино. Выбор был остановлен на Кемеровском руднике, прежде всего из-за наличия инфраструктуры (дороги, людские ресурсы).

Рутгерс писал: «Кемерово! Вот где наиболее эффективна будет помощь! Обжитый рудник. Завод. Прямой железнодорожный путь на Урал. И место для колонии – лучше не надо. Красивая река. Сосновый бор, березовые займища и вокруг плодородные земли. Да, да, штаб-квартира будет в Кемерове! Чего тут не хватает? Прежде всего, жилья. На первый случай построим деревянные бараки. Пригласим квалифицированных горняков и коксохимиков из Америки и Германии. Желających поехать в Россию много. Привезем машины и оборудование, механизмируем шахты, построим завод и создадим образцовое предприятие...»

В Совет Труда и Оборона (СТО) поступил меморандум, в котором Рутгерс подчеркивал, что «Сибирь, особенно Кузбасс, представляет огромное преимущество, и именно здесь имеются наилучшие перспективы для развития промышленных предприятий».

В сентябре 1921 года СТО принял постановление о заключении соглашения с группой Себальда Рутгерса о создании Автономной индустриальной колонии «Кузбас» (в то время название нашего угольного бассейна писали с одной буквой «с»). Процесс переговоров между представителями советских властей и американской инициативной группы продолжался до конца 1921 года. 25 декабря в Москве был подписан договор о создании Автономной индустриальной колонии «Кузбас» между Советом Труда и Оборона и правлением колонистов в составе Билла Хейвуда, Джека Байера, Себальда Рутгерса и других представителей. Официальная же регистрация АИК состоялась через год – 22 декабря 1922 года.

По данному договору колонисты получили в распоряжение Кемеровский рудник, строящийся завод для выработки кокса и 10 тысяч гектаров земли для сельскохозяйственных нужд. Иностранцы в свою очередь обязались проработать в России не менее двух лет, жить по законам РСФСР и подчиняться всем постановлениям СТО. Колонисты должны были восстановить все переданные им предприятия и закупить за границей передовое оборудование, необходимое для шахт и производства. По инициативе Ленина руководители и члены колонии подписали еще один необычный документ: они согласились коллективно отвечать за то, чтобы в Россию ехали «только люди, способные и готовые сознательно вынести ряд тяжелых лишений, неизбежно связанных с восстановлением разоренной промышленности в стране».

Но самое главное – АИК «Кузбас» получала статус автономии, то есть не подчинялась местным властям, а только напрямую правительству РСФСР.

Началась реализация проекта. В Нью-Йорке было создано организационное бюро «Кузбас» с

30 филиалами в Америке, Канаде, Берлине и Москве. Там же выпускаются почтовые открытки, издается официальное печатное издание АИК – «Кузбасский бюллетень». В его первом номере – большая статья Рутгерса о перспективах развития автономной индустриальной колонии. Также распространяется рекламная брошюра «Кузбас. Возможности для инженеров и рабочих». В ней было написано: «Кемерово – это маленький индустриальный городок, который находится в Кузнецком бассейне, в сердце Сибири. Американские рабочие возьмут в свои руки управление этим городом с населением в 11000 человек вместе со всем дополнительным городским хозяйством. Угледобывающая часть города расположена на восточном берегу реки Томи, а индустриальная часть, связанная с химическим заводом, – на западном. Город хорошо спланирован: широкие улицы, привлекательные бревенчатые бунгало с тремя или четырьмя комнатами, дворы огорожены заборами. В домах есть электричество, во многих – водопровод».

Предложение выглядело весьма перспективным. В Америке и Европе начался массовый набор добровольцев, желающих поехать в Россию.

Летом 1922 года в Кемерово прибыли первые группы колонистов: голландские инженеры, немецкие химики, лесорубы с Аляски, финские плотники, священники из Новой Англии, учителя из Калифорнии, литовские и югославские рабочие и многие другие. В общей сложности из США приехало более 700 человек, в Европе Рутгерс завербовал около 50 специалистов. Кроме того, в АИК работало более пяти тысяч местных жителей – с территории Кемеровского рудника и села Щеглово.

Для непосредственного руководства колонией поначалу в Кемерово прибыл Билл Хейвуд. Но ни он, ни другие колонисты даже не предполагали трудностей, с которыми им пришлось столкнуться здесь, «в сердце Сибири». Виды из рекламного проспекта не совпадали с реальностью... Главное, что негде было жить. Приехавших размещали в бараках, вагонах, палатках. Некоторые вынуждены были снимать углы у местного населения. Кроме того, одежда иностранцев оказалась непригодной для нашего сурового климата. Не хватало теплых вещей.

Неудивительно, что первое время все силы колонистов были брошены на строительство жилья. Управляющего АИК и руководящий состав разместили в отдельном доме, получившем впоследствии название «Дом Рутгерса». В нем располагались не только жилые комнаты, но и кабинеты. А для колонистов возвели большой коммунальный дом на 200 человек. Его называли «Красный дом», «Дом-коммуна», отель «Кузбас». Финские плотники из соны изготовили мебель. Вместо пружинных сеток

на кровати стелили доски. Из-за отсутствия постельных принадлежностей спали на тюфяках, набитых соломой.

Остро встал вопрос и с питанием. По договору колонисты обязаны были привезти с собой запас провизии на два года. Но скоропортящиеся продукты – овощи, молоко, мясо – привезти было невозможно. Возникла проблема: где их взять? Поэтому в первую же весну на землях, выделенных колонии, начали высаживать овощи и зерновые культуры. А для будущей фермы закупали лошадей, коров, кур и другую живность.

Непростые отношения складывались с местным руководством. Многие представители власти, инженерно-технический персонал шахт не скрывали своего недоверия к приезжим иностранцам. И на все предложения о передаче предприятий колонии (что изначально предполагал договор с правительством) местные власти отвечали отказом, а в Москву летели жалобы на действия руководителей АИК.

Не все гладко было и в самой колонии. Возникли разногласия по вопросу управления. Анархисты, члены организации «Индустриальные рабочие мира», не признавали методов централизованного руководства, требовали введения прямой демократии. «Боссов нам хватает и в Америке», – заявляли они.

127

Был и еще один дестабилизирующий момент. Тогда в нашей стране в связи с введением новой экономической политики внедряли новую систему оплаты труда. Тарифная классификация включала 17 категорий: чем выше категория (должность), тем больше зарплата. Многие колонисты протестовали против этой системы, считая, что она нарушает идею всеобщего рабочего управления промышленностью. Свое недовольство аиковцы выплескивали на митингах, которые устраивались каждый день.

Начались и межнациональные трения... Все это привело к тому, что часть разочарованных колонистов вернулась на родину. В прессе стали появляться статьи, в которых эти люди рассказывали неприглядные истории о своем житье в Сибири и называли руководство колонии мошенниками. Против АИК в Америке начался суд. Колонистам, оставшимся в Кемерове, пришлось опровергать обвинения. Суду были представлены расписки добровольцев, свидетельствующие о том, что они осознанно готовы были нести тяготы и лишения. Благодаря этим распискам, придуманным Лениным, американский суд снял с АИК все обвинения.

Те же, кто продолжал жить и работать в колонии, по-прежнему верили в «светлое завтра». Вот что написал в своем письме один из колонистов Уильям Бендер: «Несмотря на все плохие стороны, дело наше продвигается вперед; будущее обещает быть

прекрасным; все препятствия, стоящие на пути, будут постепенно преодолены...»

Существенные изменения в колонии начались с приездом в Кемерово в августе 1922 года Себальда Рутгерса, который после отбытия Хейвуда в Москву стал директором колонии. У них с Хейвудом были разные взгляды на методы управления. Рутгерс был сторонником жесткой дисциплины; не нравилось ему и то, что колонисты слишком много митингуют, вместо того чтобы работать. Под его нажимом правительство РСФСР приняло наконец решение о передаче АИК шахт Кемеровского рудника, Коксохимзавода, лесопилок, кирпичного завода и мастерских. В короткие сроки Рутгерс реорганизовал производство, сократил штаты, поменял правила делопроизводства. Постепенно все митинги прекратились, и автономная индустриальная колония приступила к полноценной деятельности.

Правление и зарубежные представительства АИК установили экономические связи с известными зарубежными фирмами, производящими оборудование. Вместо уехавших, в Кемерово прибыли новые крупные специалисты. На шахтах появились современные врубовые машины, отбойные молотки, электрическое освещение и вентиляция. Выросла производительность труда. 2 марта 1924 года Коксохимический завод, строительство которого было возобновлено именно колонистами, выдал первый кокс.

Создается сельскохозяйственное предприятие, на полях его работали трактора. Ферма обеспечивала аиковцев необходимыми продуктами питания. Из Америки доставляли только кофе и табак. Если чего-то не хватало, покупали продукты на местном базаре или в магазине.

Колонисты привезли из Америки несколько автомобилей, но имевшиеся в Кемерово дороги были в плачевном состоянии, а во время распутицы они и вовсе становились непроезжими. Кроме того, все улицы рудника были завалены мусором и навозом. Рутгерсу пришлось издать особый приказ, требующий соблюдать чистоту около домов; тем, кто выбрасывал навоз и мусор на улицу, грозило увольнение с работы. Колонисты заасфальтировали двухкилометровую дорогу, поднимающуюся вдоль берега реки, сделали сходни к парому и занялись реконструкцией железнодорожного дебаркадера. В планах АИК было к 1930 году благоустроить все улицы на руднике и начать строительство моста через Томь, поскольку курсирующий между рудником и Химзаводом паром не справлялся с объемом перевозок.

Постепенно налаживался быт. Построенный «Дом-коммуна» стал своеобразным социальным центром колонии. В самом здании и вокруг него размещались: школа, столовые, прачечная, пекар-

ня, швейная и обувная мастерские, продовольственный склад, магазин, бани, больница и поликлиники, которыми пользовались не только колонисты, но и местные жители.

«Это была настоящая коммуна, – писала Рут Кеннелл, библиотекарь колонии. – Рабочим не надо было беспокоиться об оплате яслей, детского сада, обучения детей в школе, а в советских школах, между прочим, в те годы брали деньги за учебу...»

Отправляясь в Сибирь, иностранцы рассчитывали вести там разнообразную насыщенную жизнь. У себя на родине они привыкли к кино, граммофонам, радио, бейсболу, газетам. Но ничего подобного в Кемерово не было, и колонисты вынуждены были сами себя развлекать. Например, походами на базар. Отправлялись туда не за покупками, а словно в театр. С интересом наблюдали за кричащими торговками, расхваливающими свой товар, за торгующимися покупателями, слушали песни местных гармонистов. А когда появился коммунальный дом, в нем стали проводить семейные вечера с танцами. На них приглашались и местные жители. По воскресеньям устраивались пикники на природе. Рут Кеннелл организовала театральный кружок, который также посещали горожане. В рабочем клубе два раза в месяц бесплатно показывали зарубежные и отечественные фильмы. Их с удовольствием смотрели вместе и русские и иностранцы, ведь тогда кино было немым и для того, чтобы понять содержание картины, знания языка не требовалось.

Для обучения детей колонистов приехали учителя из Калифорнии. В школе, которую посещало и несколько детей кемеровчан, работающих в АИК, обучалось 50 человек. Американцы охотно играли с нашими ребятами. Они быстрее взрослых осваивали русский язык и становились переводчиками для местных жителей и иностранцев. О дружбе американского мальчика Дэвида и русского беспризорника Володи рассказывает книга Рут Кеннелл «Товарищ Костыль». Многие дети в Америке были бойскаутами, поэтому и здесь охотно вступали в пионеры. Пионерская организация АИК состояла из двух отрядов (в общей сложности 75 человек), один из них шефствовал над неграмотными людьми, помогая им осваивать чтение и письмо. Летом колонисты открыли пионерский лагерь в деревне Мазурово, где отдыхали не только их дети, но и местные. Ничего подобного прежде в Кемерово не было.

Заметный след в жизни АИК и города Кемерово оставил голландский архитектор Йоханнес Ван Лохем. Приехав в Сибирь и увидев, в каких ужасных условиях живут люди, он решил, что сделает все, чтобы через год в городе не осталось ни одной землянки. Для постройки домов нужен был кирпич, и вскоре в Кемерово уже работало четыре кирпичных завода. А вот архитектурного отдела в городе по-

прежнему не было. Здания строились, но по проектам людей далеких от архитектуры. О планировке города никто не думал, жилые дома располагались просто рядом с Химзаводом.

Ван Лохем сделал эскизы планировки улиц, определил место для центральной площади, где решил построить школу, клуб и рабочий кооперативный магазин. А чтобы площадь выделялась особенно, над зданием школы спроектировал высокую водонапорную башню.

Он предложил разделить город на две части: заводскую и жилую. В заводской зоне на левом берегу Томи Ван Лохем собирался разбить большой сад, чтобы город не примыкал к Химзаводу. Жилая часть должна была располагаться на правом берегу, на склонах, обращенных к югу. Здесь же архитектор предлагал построить театры, клубы, рестораны, гостиницы, школы, бани и магазины.

В Кемерове Ван Лохем использовал те же архитектурные приемы, что и на родине, в голландском городе Харлеме. Например, строил длинные одноэтажные дома, которые русские прозвали «колбасой». Ему также пришлось учитывать особенности сурового климата. Если в Голландии подвал должен был быть прохладным для хранения продуктов, то в Сибири, наоборот, теплым, чтобы их не заморозить.

Однако даже самые передовые идеи архитектора встречали понимание отнюдь не сразу. Ему говорили, что кирпичные дома – это слишком дорого, что туалет в доме – это антисанитария, что рядом с домом должен располагаться огород и стайка для скота. Несмотря на сопротивление, Ван Лохему все-таки удалось использовать те технологии строительства, которые могли максимально улучшить жилищные условия айковцев. Так, для сохранения тепла в домах стены обогревались трубами печного отопления. Кухня, спальня, детская были отдельными комнатами. Все дома были подключены к водопроводу и канализации (в каждом был туалет), все имели по два выхода.

К сожалению, не все из задуманного Ван Лохемом было реализовано. Наступившие перемены в АИК «Кузбасс» вынудили архитектора покинуть город Кемерово.

К тому времени у Рутгерса обострилась болезнь – диабет, ему срочно требовалось лечение, которое можно было получить только в Голландии. Он просит прислать ему замену. Для руководства колонией из Москвы прислали нового заместителя. Это был крупный административный работник Донбасса, бывший партизан, коммунист К. Н. Коробкин. С собой он привез донбасских специалистов. Перед отъездом Рутгерс ввел Коробкина в курс дела. Тот обещал сохранить всю организационную структуру АИК, ее систему статистики и учета.

Однако с отъездом Рутгерса жизнь в колонии резко изменилась. И хотя Рутгерс все еще формально оставался председателем правления АИК, руководить колонией Коробкин стал по-своему. Прежде всего, раздал все руководящие должности и кабинеты своим друзьям, установив себе и им высокие оклады. В результате административный аппарат увеличился с 80 до 148 человек. Для себя и своих товарищей Коробкин купил дорогую мебель из красного дерева, орловских рысаков. С друзьями ездил в Америку за новым оборудованием. Накладные расходы в период его правления увеличились в десять раз!

Коробкин делал все, чтобы выжить иностранцев из Кемерово. Он не платил им зарплату, увольнял с формулировкой «за некомпетентность», отбирал служебные квартиры. В результате многие специалисты вынуждены были уехать, и в АИК осталось всего около 50 иностранцев.

Колонисты обратились к Рутгерсу с просьбой спасти колонию. Но тот приехать не смог и отправил в Кемерово своего друга, одного из основателей компартии США – Якова Голоса. Тот умел гасить любые конфликты. Но здесь не смог исправить ситуацию. Голоса самого уволили из колонии, как только он выступил против Коробкина на партсобрании.

Коробкин перевел колонию на новую систему учета и отчетности. Вместо реальной работы стало больше бумажной. Тем временем добыча угля резко снизилась, заработок стал падать, а сама заработная плата задерживаться. Вскоре было ликвидировано и подсобное хозяйство.

После отъезда из колонии Якова Голоса Рутгерс попросил кемеровскую партийную организацию вмешаться в дела АИК. Началось расследование деятельности Коробкина. В итоге его исключили из партии, сняли с работы и вместе с еще несколькими руководителями отдали под суд. Отягчающими обстоятельствами были признаны изгнание из колонии специалистов-иностранцев, приглашение на работу негодных, не бывших специалистами работников и трата значительных сумм на предметы роскоши (убытки колонии составили 4 917 550 рублей 92 копейки). Коробкин был осужден на 8 лет тюремного заключения, по 6–8 лет получили его приближенные.

Несмотря на успешную деятельность, просуществовала АИК «Кузбасс» недолго. Особый статус колонии, внедряемые американские технологии и принципы управления оказались несовместимы с советской бюрократической системой... 28 декабря 1926 года договор с АИК был расторгнут. А 20 июня 1927-го было принято постановление о полной ликвидации АИК «Кузбасс». В нем говорилось, что данная форма организации экономики изжила себя.

Подведомственные предприятия АИК «Кузбасс» вошли в государственный трест «Кузбассуголь». Большинство колонистов разъехалось, но некоторые рабочие остались в СССР, вступили в профсоюзы и продолжили трудиться на благо советского государства.

После ликвидации колонии Себальд Рутгерс жил в Москве, работал в Аграрном институте, был консультантом комиссии по экспертизе крупнейших строительных проектов, членом редколлегии газеты «Москоу дейли ньюс». В 1938 году он вернулся в Голландию, занимался научной деятельностью. В годы Второй мировой войны принимал участие в движении Сопротивления. Умер в 1961 году. Его дочь и один из сыновей приняли советское гражданство и остались в СССР. Впоследствии дочь Рутгерса Гертруда Тринчер на основе переданных ей отцом архивов и воспоминаний написала книгу «Рутгерс», посвященную в том числе и его жизни в Сибири.

Создатель Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» навсегда вошел в историю Кемерово. Одна из улиц города названа именем Себальда Рутгерса.

АИК «Кузбасс» должна была сыграть роль пилотного проекта, на базе которого предполагалось создать целую сеть подобных организаций в промышленных районах России. Но в силу политических причин проект этот не был продолжен, и колония в Кемерове осталась единственным в мире образцом подобного эксперимента с рабочей концессией. Первой и единственной в мире международной индустриальной организацией столь большого масштаба.

«И все-таки наш эксперимент удался, – утверждал Себальд Рутгерс. – Недешево нам это стоило. Наш маленький Интернационал в Сибири создал большое индустриальное предприятие. И все это остается и будет расти. Мы показали, что может сделать международная солидарность рабочих».

И действительно, действовавшей всего пять лет (1921–1926) колонией было сделано очень многое. Переоборудованы все шахты Кемеровского рудника и построен Коксохимический завод, ставший первым крупным химическим предприятием города, а также школой обучения будущих инженеров,

техников и рабочих. Уголь и химпроизводство обеспечили стремительный рост городу Кемерово.

Впрочем, АИК внесла существенный вклад в формирование производственной, социальной инфраструктуры всего Кузбасса. Под управлением колонии работали Кольчугинский, Прокопьевский, Киселевский рудники и Гурьевский завод. До сих пор в этих городах сохранились объекты, построенные колонистами.

А в Кемерове остался целый комплекс сооружений, связанных с деятельностью АИК «Кузбасс», и интерес к ним не угасает. В доме, где жил и работал Себальд Рутгерс, сейчас музей-заповедник «Красная Горка». Его сотрудники проводят большую исследовательскую работу по выявлению неизвестных фактов, связанных с историей Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» и голландского наследия в Кемерове.

С целью сохранения исторических объектов и развития промышленного туризма в Кемерове реализуется проект создания исторического парка «300 лет Кузбассу» площадью более 700 гектаров с канатной дорогой через Томь. Он будет располагаться в Рудничном районе на правом берегу реки и охватит часть территории промзоны в левобережной части города. Парк объединит объекты культурного наследия федерального и регионального значения, в том числе и постройки Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Среди достопримечательностей исторического парка – монумент «Память шахтерам Кузбасса» (скульптор Эрнст Неизвестный), музей-заповедник «Красная Горка», дома-«колбасы» и школа, построенные в 1920-х годах по проектам Йоханнеса Ван Лохема, скульптура Святой Варвары, реликтовый Рудничный бор. В здании главной конторы Копикуза, возведенном в 1918 году, должен быть создан Музей угля (или «Карбонариум»). Также на правом берегу планируется оборудовать пешеходные зоны с беседками и площадки для размещения летних кафе, обустроить места отдыха у воды.

Объединив в себе уникальные объекты культурно-исторического наследия, парк-музей «300 лет Кузбассу» может стать не только одной из главных туристических достопримечательностей Сибири, но и новым общественным пространством для отдыха туристов, а также жителей и гостей города Кемерово.

Виктор ЧУРИЛОВ

МОИ ПЕРНАТЫЕ СОСЕДИ

ДОЛГО ЛИ ДЯТЕЛ СПИТ?

– Кажется, кто-то собирался в гараж за картошкой... А ты все еще у окна стоишь, – назидательно напоминает жена. – Смотри! Прстоишь – останешься без обеда...

Я и в самом деле засмотрелся, стоя у окна спальни. Жду вылета дятла. Хочу еще раз увидеть эту редкую в городской черте птицу, понаблюдать, как она, высунувшись из дупла раз, другой, поводя длинным клиновидным клювом по сторонам, стремительно выпархивает и скрывается где-то на другой стороне улицы.

Этот большой пестрый дятел поселился в дупле старого тополя напротив нашего дома еще осенью. Случилось это так. Смотрю однажды в окно, а на тополе дятел! Старательно долбит его клювом, сторожко вертит головой по сторонам и опять долбит. Да не просто так, не ради добычи пищи – уже маленькое круглое дупло образовалось. Стою у окна, наблюдаю. Вот дятел влез в дупло наполовину. А вот и хвост его исчез. Сыпется на землю древесная труха, кипит новостройка!..

Тополям на нашей улице уже лет шестьдесят. Как-то их обрезали по просьбе жильцов дома, чтоб не затеняли окна. Но они вновь разрослись, и тогда прошлым летом сучья опять обрезали, и деревья превратились в унылые шершавые столбы. Один из них и облюбовал дятел.

Стою. Смотрю... А дятел работает – неустанно, упорно, все глубже забираясь внутрь ствола. Вдруг, откуда ни возьмись, к строящемуся жилью моего будущего соседа подлетела стайка его сородичей – маленьких черно-белых дятлов, а следом несколько вертявых синиц.

«Ишь ты, – думаю, – разлюбопытничали! Вдруг, мол, дупло не занято!»

Только подумал, как будущий пернатый сосед прервал работу, высунулся из дупла и так шуганул незваных гостей, что те тут же трусливо разлетелись кто куда.

Вскоре меня настигла срочная работа, и на время я забыл про дятла. Потом вспомнил, решил проверить: как он там в своем дупле живет-здоровствует? Посмотрю, посмотрю на тополь с кружком свежего дупла – не видать дятла. «Уж не забросил ли он свое жилье? – думаю. – Улица-то

наша вон какая шумная: машины так и снуют взад-вперед. Попробуй привыкни после лесной тишины...»

Как-то встретил в городе приятеля, рассказал про дятла. Приятель – охотник и большой знаток повадок птиц.

– Так днем-то ты его и не увидишь, – успокоил он меня. – Днем ему в дупле делать нечего: кормиться надо. Вот он и улетает на день куда-нибудь в лесной массив. Любимая его еда зимой – семена еловых шишек.

«Что ж, – думаю про дятла, – с завтрашнего дня устрою наблюдение за твоим жильем, утром и вечером».

А назавтра... Утром сижу за столом. Время от времени поглядываю в окно. И вдруг... из дупла тополя высовывается длинный клюв!

«Дятел!» – чуть не крикнул я от радости. Значит, не зря он мастерил себе жилье. Живет!

А дятел высунулся из дупла еще больше. Огляделся по сторонам и – пулей вылетел.

Я взглянул на часы. Девять пятнадцать. На дворе один из последних январских дней...

Когда же он возвращается на ночлег? Чтобы это узнать, потребовалось две недели. Наконец фиксирую прилет дятла: восемнадцать часов тридцать пять минут. Еще через неделю – восемнадцать сорок.

Долго не мог засечь его очередной утренний вылет. На исходе второй декады февраля повезло: пернатый сосед отправился «на вахту» в восемь двадцать. То есть увеличился световой день – увеличилась и продолжительность «вахты».

И вот как-то меня озарило: «А ведь дятел-то – самка! Шапочка у нее черная, а не красная, как у самца». За подтверждением заглянул в книгу «Птицы в природе» Промптова. Точно! Значит... Значит, весной в дупле появится кладка яиц и однажды я услышу многоголосое, требовательное «кики-кики!». А иначе-то и быть не может. Не зря ведь дятел строил свое жилье...

А еще недавно я вдруг вспомнил: в нашем подъезде на первом этаже, буквально напротив тополя с дуплом дятла, живет семья... Дятловых!

К НАМ В ГОСТИ ПРИЛЕТЕЛ СКВОРЕЦ

Двадцать седьмое апреля. Вечер. Приезжаю домой, захожу на кухню и вдруг слышу знакомые трели. Скворец! Откуда? Я уже стал забывать, когда последний раз в городе слышал и видел скворца. Конечно, на самой окраине.

Но еще больше удивило, когда я, подойдя к окну, увидел его сидящим на срезе тополя с

дуплом дятла. «Ну что ж, бывает», – подумал радостно и занялся ужином.

А утром, в шестом часу, сходил с дворняжкой Дуней на прогулку, подошел к окну: вдруг дятел еще не проснулся и я увижу его вылет? И увидел такую картину: скворец чистит дупло дятла! Нырять в дупло, подхватывает клювом белую древесную труху и выбрасывает ее вниз на газон.

«Вот те на!» – думаю. Неужто мой дятел, еще осенью соорудивший дупло, ночевавший в нем всю зиму и совершивший вчера привычный утренний вылет, покинул жилье? Что с ним случилось? Неужели не вернется? И не будет ли битвы со скворцом, вздумавшим без спросу занять чужой дом?

А скворец? Как он-то узнал про дупло? Наверно, совершил облет всех улиц в поисках скворечника, пока случайно не наткнулся на это дятлово жилище.

Прилет хозяина дупла я тогда не смог застать. Решил на следующий день понаблюдать его утренний вылет. Встал в пять – и к окну. Смотрю на тополь – никого... Прилетел скворец, присел к дуплу вдоль ствола – точь-в-точь как дятел – и словно чего-то ждет. Не потому ли, что хозяин там и новопоселенец не решается туда войти? Да нет. Посидев еще немного, скворец впорхнул в дупло и стал опять его чистить.

«Ну вот и все! – подумал я грустно. – Дятел покинул жилье. То, о чем я мечтал, не сбудется. А как хотелось увидеть его заботы о потомстве!»

– Нашел о чем печалиться! – попробовала су-пруга развеять мои грустные мысли, когда я рассказал о случившемся. – Чем скворец хуже дятла? Вон как распевает с утра! Не то что твой пестрый молчун. Прилетит, спрячется и сидит безвылазно до рассвета...

Новый сосед и в самом деле голосист. То свистит, то трещит, то заливается такими трелями, на которые способен только он, скворец! Впархивает в дупло и тут же вылетает. Садится на провод, свисающий над проезжей частью улицы, и поет, поет... Напевшись, начинает работать. Клювом подхватывает древесную труху и выбрасывает из дупла, перестраивая жилье дятла в свою скворчиную дуплянку.

Что будет дальше – не хочу загадывать. Как бы не сглазить, как говорят в народе. Скворцов я очень люблю. С детства.

Но... вскоре разочаровал меня и скворец. Пение его оборвалось так же неожиданно, как неожиданно сменил он прежнего хозяина дупла. А причина, видимо, та же, что и у дятла: не нашел себе пару...

ГОРИХВОСТКИ

В середине июня, вернувшись из поездки в деревню (досаживал картошку), я заметил: в дупло дятла прошмыгнула какая-то серенькая пташка. Невольно стал наблюдать. Вылетела, села на ветку стоящего рядом, такого же обрезанного тополя, потрясла хвостиком, как трясогозку, и улетела...

Прилетела вскоре вновь, и я смог рассмотреть ее получше: сизая головка с белым теменным пятнышком, серая спинка и удлиненный, как у трясогозки, ярко-оранжевый хвост.

Через несколько дней отмечаю, что птиц уже двое: самец (он ярче, как и положено) и самка – вся серенькая, но с тем же белым пятнышком на головке. Рассмотрев цветные вкладки с фотографиями в книге Промптова «Птицы в природе», сравниваю с моими новыми соседями и определяю: горихвостки!

...Сегодня наблюдаю горихвосток с полудня. У них, должно быть, уже растут птенцы, поскольку оба – самец и самка – то и дело впархивают в дупло и вскоре вылетают, сменяя друг друга. Голос птенцов я, к сожалению, вряд ли услышу: шум автомобилей на нашей улице не прерывается ни на миг. Только к ночи он ослабевает. Но и птицы успокаиваются. Им ведь тоже нужен сон!

...Уже двадцать один час, а горихвостки не спят. Вот вылетел «он», следом «она»... В двадцать один сорок пять – снова вылет. Но проходит пять, десять минут – никого. Значит, улетели отдыхать, кормиться...

Иногда к дуплу подлетают незванные гости. Несколько раз тополь посещала трясогозка. Прилетит в отсутствие хозяев, сядет над дуплом на срез ствола, посидит, повертится и улетит.

Стал я свидетелем и такой сценки. Прилетел с кормом самец горихвостки, нырнул в дупло, а следом прилип к его краю хулиганистый воробей. Началась драка. Хозяин дупла (и отец семейства!) храбро кинулся на воробья. Тот было отлетел на соседний тополь, но «горихвост» согнал его и оттуда!

...Уже целую неделю наблюдаю я жизнь горихвосток, а точнее, их повседневный труд. Смотрю на дупло: минуту, другую, третью. Наконец серенькая с оранжевым хвостиком самочка мягко падает с лета внутрь гнезда, но задерживается там ненадолго. Отлетев на соседний тополь, с минуту сидит, отдыхает на тонких ветках и вновь ныряет вниз или волнами взвивается вверх...

Пришел июль. Вчера в одиннадцать вечера, во время перерыва драматического футбольного матча Голландия – Бразилия (трансляция четвертьфинала чемпионата мира), глянул на дупло, а там в прое-

ме – серое пятно. Почти без движения. Ни туда ни сюда... Слеток? Эх, жаль, нет бинокля! Да еще бы с ночным видением, так как уже сумерки... Но перерыв матча кончился, и я вернулся к телевизору. А потом лег спать с надеждой проснуться пораньше и захватить возможный вылет птенцов.

Проснулся в четыре – и к окну. Смотрю на проем дупла – чисто. Проходит пять минут. Десять. Пятнадцать... Никого. Ни прилета, ни вылета моих неутомимых пернатых соседей. Неужели птенцы вылетели? Все? Вылетели и улетели...

Вдруг, когда прошло еще минут пятнадцать, подлетела серенькая горихвостка-самочка. Нырнула в дупло. Вынырнула. Чуть отлетела и опять нырнула. Стремительно выпорхнула и взвилась на высоченный, выше пятиэтажного дома, тополь, что на противоположной стороне улицы. Возможно, проверяла, все ли ее потомство покинуло гнездо. И – все! Больше, сколько ни наблюдал я за дуплом, ни она, ни ее верный друг не показывались.

ЖИЛ ДЯТЕЛ...

Стоял конец сентября. Теперь лишь время от времени поглядывал я на пустое дупло дятла, которое он смастерил прошлой осенью и в которое – почему-то мне верилось – мог вернуться зимовать. Но...

До сих пор хранится в памяти эта печальная дата: двадцатое сентября, понедельник. Вернулся из деревни с копки картошки. Что-то толкнуло меня подойти к окну, чтобы взглянуть на знакомый тополь. Подошел. Взглянул. И сердце замерло... Тополя с дуплом дятла нет! На том месте, где он стоял, белел пенек... И рядом стоявших старых топей тоже не стало. Срезали под корень! «Вот и

все, – подумалось. – Кончилось чудо природы! Остались только воспоминания...»

*Жил дятел под моим окном.
Он прилетел осенним днем –
я не запомнил точной даты –
большой сибирский пестрый дятел.*

*Чтоб жить уютно и тепло,
он выдолбил себе дупло.
И мгле ночной едва настать –
в дупле укладывался спать.*

*А утром у него забота:
его в лесу ждала работа.
Я видел – чуть лишь рассветет –
его стремительный полет..
Порой и я шел в лес и тут
услышать мог: тук-тук, тук-тук.*

*К весне клонились дни и ночи.
День все длинней, а ночь – короче.
И верил я: наступит срок,
не будет дятел одинок
и, пережив мороз и вьюгу,
найдет в лесу себе подругу.*

*Но как-то раз взглянул в окно,
и сделалось в глазах темно.
То дерево, где дятел жил,
какой-то человек... спилил!*

*Кто он? Зачем? Не знаю я.
Но сказка кончилась моя.
Все это словно было сном.
...Жил дятел под моим окном.*

прот. Сергей АДОДИН

СПРАВОЧНИК ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА *

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ

Божественная литургия – центральная часть церковных богослужений. Здесь совершается то, ради чего служатся остальные службы, – причастие Святых Христовых Таин. Все другие богослужения скорее служат подготовкой к этому событию.

Литургия служится ежедневно, за исключением среды и пятницы Сырной седмицы, будних дней Великого поста, кроме среды и пятницы, а также полиелейных праздников и четверга 5-й седмицы. В Великую пятницу литургия не совершается ввиду крестной Жертвы Спасителя, за одним исключением: если совпадает с Благовещением, служится литургия святителя Иоанна Златоуста. В пятницы навечерия Рождества и Крещения литургия обычно служится, если сочельник не выпадает на субботу или воскресенье.

Всего есть три вида литургий:

литургия свт. Иоанна Златоуста (бывает чаще остальных);

литургия свт. Василия Великого (бывает по воскресеньям в Великий пост, в праздник св. Василия Великого, в Рождественский и Крещенский сочельник);

литургия Преждеосвященных Даров (бывает по средам и пятницам в Великий пост).

Все виды отличаются друг от друга по чинопоследованию (заамвонные молитвы у всех трех разные, на литургии свт. Василия Великого вместо застойника поется «О Тебе радуется», на литургии Преждеосвященных Даров не бывает претворения в Тело и Кровь Христа, поскольку на литургии свт. Василия Великого заранее заготавливаются Агнцы и напеваются Кровью Христовой).

Литургия свт. Иоанна Златоуста

Ее чинопоследование записал свт. Иоанн Златоуст. Существовала с первых веков христианства. Раньше не было разделения на народ и клирос, все присутствующие пели вместе.

Эта литургия состоит из трех частей:

проскомидии;
литургии оглашенных;
литургии верных.

Вся литургия служит воспоминанием земной жизни Христа.

Проскомидия

На этой части службы вспоминается Рождество Христа. Священник подготавливает сосуды и Агнец. Он вырезается из главной большой просфоры и олицетворяет родившегося Христа. Агнец – кубическая часть просфоры – надрезается снизу и протыкается с правого бока в знак прободения Христова ребра копием римского воина. В Чашу наливается вино, смешанное с водой. Затем вынимают частицы из других просфор:

Богородичной;
девятичной (в честь девяти чинов святых);
о живых;
за умерших.

Частицы кладутся на дискосе вокруг Агнца, который накрывается звездицей. Чаша покрывается двумя покрывцами, и все вместе с дискосом накрывается воздухом. В это время на клиросе читаются третий и шестой часы.

Литургия оглашенных

128

На этой части могут находиться все, в том числе оглашенные. Так называли людей, которые намеревались принять Таинство Крещения. Начинается эта литургия часто с возгласа священника «Благословенно Царство». Далее следует мирная ектения, получившая такое название благодаря частому упоминанию слова «мир» в ее прошениях.

После ектении поются псалмы 102, 145. Потом звучит гимн Спасителю «Единородный Сыне». Затем открываются Царские врата, и под пение блаженных бывает малый вход, олицетворяющий выход Христа на проповедь. В это время поется: «Приидите поклонимся». Затем звучат тропари праздника. Диакон возглашает: «Господи, спаси благочестивыя». (Раньше, до революции 1917 года, эти слова звучали иначе: «Господи, спаси благочестивыя цари».) Потом поют «Трисвятое».

Затем поется прокимен и читается Апостол. После пения «Аллилуйя» со стихами читается Евангелие. После этого положена проповедь, но иногда священник проповедует перед причастием мирян. Затем следуют ектении с поминовением о здравии и за упокой. Стоит заметить, что Богослужебный устав не предусматривает чтения вслух поданных в алтарь записок, которое порой занимает значительное время и отвлекает от хода службы. Поданные списки живых и усопших прочитывает священник во время проскомидии, вынимая частичку из просфоры за каждое

* Окончание. Начало в «ОК» № 3.

имя. Этого вполне достаточно. Требовать от духовенства принародного чтения имен – неправильно. Эта часть литургии завершается ектенией об оглашенных. Потом следует возглас: «Оглашении, изыдите». Все готовящиеся ко Крещению должны покинуть храм. Начинается литургия верных.

Литургия верных

Начинает ее ектения, затем звучит Херувимская песнь. Она призывает забыть всякое попечение о земном и, подобно ангелам, славить Бога. Бывает Великий вход с Чашей, олицетворяющий крестный путь Спасителя. Потом – просительная ектения, содержащая основные необходимые прошения христиан. Затем звучит Символ веры и начинается Евхаристический канон.

Это – самая главная часть литургии, во время которой хлеб и вино таинственно становятся Телом и Кровью Христа. После благословения священника звучит призыв обратить сердца горе, то есть ввысь, к Богу.

Потом все присутствующие призываются к благодарению Бога. В это время вспоминается Воскресение Христово. Затем звучит прославление Богородицы «Достойно есть» или задостойник праздника. После просительной ектении поется «Отче наш». Далее священник возглашает, поднимая Агнец над дискосом: «Святая Святых». Затем начинается причастие священнослужителей в алтаре. В это время хор поет запричастный стих и другие песнопения.

После этого Царские врата открываются и священник выносит Потир, вспоминается явление воскресшего Христа ученикам. Начинается причастие мирян. После причастия, уже в алтаре, священник поднимает Чашу над престолом, вспоминая Вознесение Христово. Потом звучит возглас: «С миром изыдем» – и читается заамвонная молитва. После бывает благословение священника и отпуст.

МОЛЕБНЫЕ ПЕНИЯ ИЛИ МОЛЕБНЫ

Молебен – не входящее в состав суточного круга краткое частное богослужение просительного или благодарственного характера с молитвенным обращением к Богу, Богородице и православным святым. Обычно совершается в храме (на его середине), но может служить и вне храма. Несколько молебнов могут объединяться в один общий. По своей структуре молебен представляет собой сокращенный вариант утрени. От обычной молитвы молебен отличается тем, что он обычно касается какого-то определенного дела или начинания.

Один молебен может отличаться от другого по назначению, например:

- благодарственный молебен;
- молебен о здравии;

- молебен о путешествующих;
- молебен о прекращении войны;
- молебен о прекращении засухи.

Также молебны бывают:

- простые;
- благодарственные;
- водосвятные;
- акафистные.

Простой молебен совершается в честь святых. Обязательная часть такого богослужения после обычного начала – краткое славословие и ектения. На ектении поминаются имена заказавших молебен и их близких. Затем читается молитва святому. Простой молебен чаще всего заказывают в день именин или за больного.

Молебен с акафистом чаще служит перед чтимыми иконами, в дни празднования великих святых.

Благодарственный молебен обращен только к Самому Богу и чаще совершается по воскресным дням. Но по просьбе верующего может быть отслужен в любой день. Время совершения молебнов устанавливается настоятелем храма, но наилучшим считается время перед литургией, поскольку служение каких-либо треб после Евхаристии – величайшего благодарения, приносимого Богу, – противоречит духу православного богослужения.

Чины освящения жилья, автомобиля, предметов быта тоже относятся к молебнам. Отдельным видом молебнов выделяют водосвятие. Водосвятие бывает великое (на праздник Крещения Господня) или малое, которое может служить в любых условиях и в любое время, когда людям требуется святая вода. Водосвятные молебны чаще всего служат в храме по воскресным дням, объединяя с другими молебнами. В это время можно освятить иконы и нательные кресты.

Чтобы заказать молебен, необходимо:

- подать записку в храме, перечислив имена живых православных христиан, о ком нужно помолиться;

- в записке указать вид молебна и к кому он обращен;

- если молебен обращен к святому или святым, важно указать, к кому именно.

Молебен выражает прошения о живых, потому что молитву об усопших называют панихидой. Желательно присутствовать на молебне лично.

СОРОКОУСТ

Сорокоуст – это молитвенное поминовение, которое совершается в церкви сорок Божественных литургий подряд. В Священном Писании сказано, что наш Господь – Бог всех живых, для Бога нет умерших, поэтому обращаться к Господу можно и с молитвой о покойных, и с просьбой о выздоровлении близких.

Во время проскомидии священник, совершающий сорокоуст, вынимает частичку из богослужбной

просфоры, прочитывая имя из записки. После того как на литургии читается молитва с просьбой омыть грехи каждого человека, кто был упомянут во время проскомидии, все вынутые частички просфоры опускаются в Чашу с Кровью Христовой.

Подавать записки можно только за православных, указывая их полные имена, данные в Крещении. Такое правило связано с тем, что Господь уважает свободу воли человека и никого не приводит к Себе силой. Впрочем, никто не запрещает молиться о неправославных самостоятельно, личной молитвой.

Болезнь не обязательное условие, чтобы помолиться о здравии, вы можете заказать сорокоуст и за близкого, которого просите оградить от недугов. На сорокоуст нет временного ограничения, его можно подавать с любой периодичностью и на любой срок. За самоубийц записки не подаются. Исключение – состояние временного или постоянного умопомешательства самовольно скончавшего свою жизнь, но этот вопрос предварительно рассматривает епархиальный архиерей.

ЧИН БЛАГОСЛОВЕНИЯ НОВОГО ДОМА (освящение квартиры, рабочего места)

Это действие, по сути, является молебном, во время которого священник вместе с пригласившими его христианами испрашивает у Бога для них благодатную помощь и благословение. Потому как сказано псалмопевцем: «Если не Господь построит дом, напрасно трудятся строители» (Пс. 126).

В молитвах на благословение жилища присутствуют прошения об избавлении от бесовских воздействий, злого человеческого умысла и несчастных случаев. Фактически живущие в этом доме христиане приглашают Самого Христа и ангелов Его разделить с ними жилье, обязуясь жить согласно заповедям Божиим. Освящение какого-либо предприятия, офиса происходит по желанию руководителя и сотрудников заручиться Божьей поддержкой своей деятельности. Само собой, священник должен заранее выяснить, какова эта деятельность, избегая соучастия в делах сомнительных и заведомо греховных. Дома терпимости, казино и какие-нибудь офисы микрозаймов, конечно же, освящать не стоит.

Некоторые просят освятить жилище или рабочее место, чтобы избавиться от нечистых духов, беспокоящих людей. Иные делают это из суеверного страха перед колдунами, а другие вовсе полагают, что освящение – это своего рода магия, благодаря которой любые проблемы исчезнут сами собой, без деятельного участия в этом самих людей. Священнику следует объяснить, что освящение лишь подкрепляет человеческие усилия жить по Закону Божьему, и сделать внушение касательно суеверий, хранения различных амулетов, эзотерической литературы и магических практик.

Приглашая священника в дом или на работу, следует подготовиться. Итак, потребуются:

иконы (ведь речь идет о практикующих христианах, не так ли?);

стол, для того чтобы было где разместить принесенные священником необходимые предметы;

сосуд под святую воду (если у священника нет водосвятной чаши).

Желательно удалить на время освящения помещения животных, чтобы они не мешали.

Освещая жилище, священник на стенах дома, ответствующих сторонам света, рисует изображение креста или приклеивает наклейки с распятием. Эти изображения помазываются после освящения маслом. Чин содержит каждение дома и окропление его святой водой. На предприятии совершается молебное пение с призыванием Святого Духа на всякое благое дело. Также совершается окропление святой водой. Приглашая священника, сотрудники предприятия должны иметь твердое намерение не допускать в своей деятельности ничего, что противоречит Закону Божьему.

КАК УСТРОИТЬ У СЕБЯ ДОМА «СВЯТОЙ УГОЛ» И КАКИЕ ИКОНЫ ТАМ ДОЛЖНЫ БЫТЬ

В доме православного христианина обязательно должны быть иконы. Ведь в доме, являющемся продолжением храма, имеет место молитва. Православный верующий, который устраивает домашний иконостас, соблюдает некоторые правила, не всегда понятные для тех, кто только начал жить церковной жизнью. Итак, важно помнить, что не количество икон определяет степень благочестия жизни человека, а его поступки; иконы не предмет коллекционирования, они предназначены для молитвы.

Для расположения икон избирают самое почетное и видное место в доме. Нехорошо иконы прятать в шкаф или размещать в сервантах наряду с книгами, фотографиями или предметами искусства. Телевизор тоже не лучший сосед для икон. Домашний иконостас чаще находится на восточной стороне. Впрочем, не всегда удается расположить иконы именно на восточной стороне комнаты. Поэтому можно использовать любую стену вашего дома, предусмотрев свободный доступ к иконостасу, чтобы при молитве не чувствовалось тесноты и неудобства. Домашний иконостас можно украсить вышитыми полотенцами, рядом с иконами могут находиться церковные свечи, лампадки и освященные масла.

Существуют традиции, желательные к соблюдению. Так, например, необходимо знать, как правильно располагать иконы:

над всеми иконами находится распятие;

центральное место в иконостасе занимает икона Спасителя;

над этой иконой размещают образ Святой Троицы; слева от иконы Спасителя (как в храмах) ставят икону Божией Матери;

образа святых размещают по бокам от икон Спасителя и Богородицы.

Хорошо, если в доме есть образы святых евангелистов, святого Иоанна Предтечи, архангелов Гавриила и Михаила, а также иконы церковных праздников. Иконы должны быть расположены там, где человеку привычно молиться: в спальне – отходя ко сну и просыпаясь, на кухне – перед приготовлением пищи и трапезой и т. д. Также хорошо, если, заходя в дом, гость видит образ, перед которым можно сотворить крестное знамение. Иконы не принято размещать в бане, ванной комнате или уборной. В кладовке им тоже не место. Икона сама по себе не освящает место, освящает жилище христианина Бог Своей благодатью в ответ на добродетельную жизнь и молитву.

Икона не оберег. «Нерушимая стена» не спасет от грабителей, «Неопалимая купина» не избавит от пожара просто из-за того, что висит на стене, «Прибавление ума» мозгов не добавит, если не учиться. Чудеса бывают в жизни христианина, но это вмешательство Бога в естественный ход событий в ответ на глубокую веру христианина. А амулетов и оберегов в христианстве нет, христианство – это живая вера и общение человека с Богом, сопряженные с активной добродетелью по отношению к другим людям.

О ПОСТАХ

Пост – аскетическая практика, заключающаяся в воздержании тела от пищи животного происхождения и сладострастия, а души – от злых помыслов, дел и слов; время сугубого покаяния и трезвения. Цель поста состоит в борьбе со страстью чревоугодия, которая лежит в основе большинства страстей, поэтому борьбе с ней и уделяется такое большое внимание. Пост есть также средство выявления страстей и стяжания добродетелей, в первую очередь добродетели воздержания.

Цель постов – подчинение тела духу, умножение любви, усиление внимания к своей духовной жизни, воспитание воли, концентрация сил в духовной борьбе. По благословению духовника дополнительный пост может сочетаться с молитвенными прошениями и браться для сугубого покаяния (Исх. 34:28).

Православный пост имеет в себе догматические корни. Согласно свидетельству святых отцов Православной церкви, пост был дан как заповедь Адаму еще в раю, где Бог запретил ему вкушать плоды с дерева познания добра и зла (Быт. 2:16–17). И если нарушение поста в раю послужило причиной искажения грехом Богоподобной человеческой природы, то воз-

держание в посте способствует обратному процессу, то есть очищению души от греха.

Суть новозаветного духа православного поста, отличающего его от инославных и других практик воздержания, состоит в том, что определенные виды пищи запрещаются не для того, чтобы уберечься от своего рода осквернения или нанесения вреда здоровью, а для освобождения души от рабской зависимости чревоугодному чувству. Следуя духу православного поста, можно поститься, вкушая даже скоромное. В то же время можно нарушать пост, вкушая только постную пищу. Поэтому отцы Церкви строго обличали тех, кто употреблял во время поста пищу хотя и постную, но изысканную. «Есть такие хранители Четыредесятницы, – говорит Блаженный Августин, – которые более прихотливо, нежели благочестиво, проводят ее. Они более изыскивают новые удовольствия, нежели обуздывают ветхую плоть. Богатым и дорогим подбором разных плодов они хотят превзойти разнообразие самого вкусного стола. Сосудов, в которых варилось мясо, они страшатся, а не страшатся похоти чрева и гортани своей».

Молитва и пост с самых ранних времен были столь тесно связаны между собой, что в Священном Писании часто упоминались вместе. Пророчица Анна «не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь». Подобным образом поступал и апостол Павел, и первохристианская община. Этот обычай был столь глубоко укоренен в древнехристианской традиции, что некоторые переписчики к слову «молитва» непроизвольно добавляли слово «пост» даже и там, где его не было.

Существует шесть степеней поста, согласно Уставу:

воздержание только от мяса, все прочие продукты дозволяются (такое бывает для мирян только на Сырной седмице);

воздержание от мяса, яиц и молочных продуктов, но разрешается рыба (и, естественно, горячая растительная пища, растительное масло, вино);

воздержание от мяса, яиц, молока и рыбы. Дозволяется горячая растительная пища – «варение» (прошедшая термическую обработку) с растительным маслом и вином;

воздержание также от растительного масла и вина. Дозволяется горячая пища без масла;

сухоядение. Дозволяется «хлеб и вода и сим подобная», т. е. сырые, сушеные или моченые овощи, фрукты – «едино коеждо на кийждо день», т. е. каждый раз что-либо одно из перечисленного;

полное воздержание от пищи и питья – то, что в Типиконе, собственно, и именуется понятием совершенного поста.

Стоит сказать, что уставной пост – монашеское изобретение и обязателен к исполнению монахами, поскольку изначально имеет своей целью контроль

над либидо (монахи дают обет девства, а хранить его крайне непросто, о чем свидетельствуют описанные в патерике многочисленные падения). Соответственно, люди семейные не нуждаются в сухоядениях и подсчете размоченных фиников. Первых трех описанных степеней хватит за глаза, впрочем, каждый сам волен определять себе меру поста, сообразуясь со своим здоровьем и обстоятельствами жизни. Пост не самоцель, а лишь вспомогательное средство в духовной жизни. Сатана, как известно, вообще не ест и не пьет, но к Богу это не приближает. Гордиться строгим соблюдением поста перед другими людьми – глупо. Таких гордецов заткнет за пояс любой вегетарианец или веган. Да и вообще не стоит указывать ближним, как им поститься. Внимайте себе, а окружающим дарите любовь и милость.

Также я бы не советовал тщательно вычитывать ингредиенты на упаковке конфеты или печенюшки и бояться, что батон на хлебозаводе могли помазать меланжем. Оцеживая комара, легко проглотить верблюда, позабыв, что на Страшном суде Господь спросит не о том, какие продукты вы ели, а накормили ли вы голодного, утерли ли слезу с лица плачущего.

Супружеские отношения во время постов – дело самих супругов, которые обоюдно принимают решение о воздержании. Строго говоря, запретов по этому поводу нет, имеются лишь рекомендации, оставляющие супругам право самим разбираться в этих вопросах. Помните, что, согласно апостолу Павлу, не вы властны над своим телом, а ваша вторая половинка (1 Кор. 7:4–5), и потому отказывать в супружеском общении – значит рушить взаимоотношения и подталкивать любимого человека к измене. Горе тому, через кого соблазн приходит.

В Православной церкви существуют посты однодневные (среда и пятница, за исключением пяти сплошных седмиц, Рождественский и Крещенский сочельники – 6 и 18 января, Усекновение главы Иоанна Предтечи – 11 сентября и Воздвижение Креста Господня – 27 сентября), многодневные и евхаристический пост (перед причастием).

Из многодневных постов следует назвать в первую очередь Великий пост, установленный в память сорокадневного поста Спасителя в пустыне. К Великому посту добавляется Страстная седмица, посвященная событиям последних дней земной жизни Иисуса Христа, Его Распятия, Смерти и Погребения. Время Великого поста зависит от переходящего праздника Пасхи и поэтому не имеет устойчивых календарных дат, но продолжительность его вместе со Страстной седмицей всегда 48 дней.

Петров пост начинается через неделю после праздника Святой Пятидесятницы и продолжается до 12 июля. Этот пост установлен в честь проповеднических трудов и мученической кончины апостолов. Успенский пост (с 14 по 28 августа) установлен в

честь Успения Божией Матери. Рождественский пост – с 28 ноября по 7 января.

Количество постных дней в году – от 178 до 212 в зависимости от дня празднования Пасхи и, соответственно, более или менее продолжительного Петрова поста. Многодневные и однодневные посты обычно начинаются в полночь. Однодневные посты заканчиваются в полночь, многодневные – после литургии праздничного дня. Евхаристический пост был описан ранее.

О МОЛИТВАХ: УТРЕННИХ, ВЕЧЕРНИХ И НА ВСЯКУЮ ПОТРЕБУ

Прежде всего важно понять: зачем нужно молиться? А зачем мы разговариваем друг с другом? Аристотель считал, что наслаждение общением – главный признак дружбы. И ведь правда, если некто вам неприятен или неинтересен, вы стараетесь по возможности с ним не встречаться. Зато с любимым человеком общаться хочется как можно чаще.

Нужно ли заставлять себя обращаться к Богу в молитвах? А смысл? Ведь если Он мне неинтересен, если мне с Ним скучно, что я собираюсь делать в Его Царстве? Терпеть Божье присутствие и с тоской вспоминать земные развлечения?

Стоит ли обманывать себя, если в сердце отсутствует любовь к Богу? Вот главный вопрос, который нужно задать себе, размышляя о молитве. Итак, если вы уверены, что любите Бога, поговорим о ежедневных молитвах, которые Церковь предлагает к употреблению.

Утренние и вечерние молитвы появились не сразу: большинство молитв было написано разными православными святыми, жившими в разных странах и в разное время. Первые сборники молитв появились на Руси только в XVI–XVII веках, а современное молитвенное правило сформировалось всего двести лет назад. Самым первым молитвословом справедливо считают Псалтирь царя Давида. На Руси дома обычно читали часослов.

Часто христиане жалуются, что во время молитвы трудно сосредоточиться, поскольку мысли разбегаются. Впечатления прошедшего дня или заботы о предстоящем, естественно, отвлекают человека. Я бы посоветовал перед молитвой хотя бы минут на десять открывать какую-нибудь святоотеческую книгу. Ваши мысли придут в порядок, и молиться будет легче.

Предложенные молитвословия по своему содержанию являются образцом. Усвоив их смысл, каждый волен как варьировать эти молитвы по частоте употребления, так и добавлять к ним собственные. Потому что главным является не механическое «вычитывание» какого-либо правила, а сердечное расположение к самой молитве Господу и решимость проводить

жизнь в угождении Ему. Восстав от сна, естественно испросить у Бога благословение на предстоящий день и принести благодарение за прошедшую ночь, а отходя ко сну – благодарить за радости дня, вспомнить совершенные ошибки и молитвенно вздохнуть о них, сделав выводы для себя. Нельзя забывать и о близких, нуждающихся в нашем ходатайстве о них перед Богом. «Молитесь друг за друга», – призывает апостол Иаков. В этой заботе выражается наша любовь.

Что делать, если вы настолько утомились за день, что не осталось никаких сил на чтение молитв? Или же вы проспали и спешите на работу или учебу? Помолитесь кратко, хотя бы даже на ходу. Ведь вы не обижаетесь, когда любимый человек обессилен и вместо беседы способен лишь на поцелуй, прежде чем провалиться в сон. Нам дорог сам факт внимания. Дорог он и Богу, ведь ради каждого из нас Он не пожалел собственной жизни, распявшись на Кресте. При любой занятости любой из нас способен сотворить хотя бы краткую молитву, прославляя Создателя и испрашивая у Него помощи и поддержки.

Благодарить Бога за трапезу и призывать Его благословение всякий раз, когда садишься есть, прочитай молитву «Отче наш», для христианина должно быть естественным процессом. Так же мы поступаем перед любым делом, если только не желаем, чтобы Бог оставил нас в покое, не вмешиваясь в нашу жизнь. «Господи, благослови!» – говорим мы, помня, что, «если не Господь сохранит город, напрасно 133 бодрствует страж» (Пс.126).

О СВЯТОЙ ВОДЕ

Святой воде свойственна целебная сила, о чем неоднократно говорится в Священном Писании. В освященной воде купели Крещения мы рождаемся для жизни вечной, освящаемая Великим и малым чином вода сопровождает нас в земной жизни.

Малое освящение воды во время молебнов совершается в течение года достаточно часто, а Великое – только в праздник Крещения Господня (Богоявления). Великим водоосвящением называют по особенной торжественности обряда в воспоминание нескольких ветхозаветных и одного евангельского события, которое было не только первообразом Таинства нашего Крещения, но и освящением самой природы воды, когда в Иордан вошел Богочеловек.

Великое водоосвящение совершается согласно Уставу в день Богоявления (19 января), в конце литургии, а также и накануне, в навечерие Богоявления (18 января). Следует сказать, что никакой разницы между водой, освященной на этих двух молебнах, нет. Часто в храмах в эти дни можно видеть людей с сосудами, которые появятся снова лишь через год. Какой смысл брать у Бога малое, отвергая все остальное, – мне неизвестно. Хотя взрослые дети,

навещающие престарелых родителей лишь в день, когда тем принесли пенсию, – явление, увы, нередкое...

Народная традиция купания в холодной проруби – затея опасная, не имеющая отношения к празднику Крещения Господня. Она не очищает человека от грехов и однозначно порицается в Настольной книге священнослужителя. Если вы профессионально занимаетесь моржеванием – дело ваше, но вкладывать в это религиозный смысл не стоит.

Применение святой воды в повседневной жизни православного христианина многообразно. К примеру, ее употребляют натошак в небольших количествах, обычно вместе с кусочком просфоры (особенно это относится к великой агиасме). Также ею кропят свое жилище, продукты питания, одежду, лекарства, домашних животных и т. д.

Особенным свойством святой воды является то, что, добавленная даже в небольшом количестве к воде обычной, она сообщает благодатные свойства, поэтому в случае нехватки святой воды ее можно разбавить простой. Нельзя забывать, что освященная вода – это церковная святыня, которая требует к себе соответствующего отношения. По особой нужде в помощи Божией – при недугах или нападениях злых сил – пить крещенскую воду можно и не натошак. Воду малого освящения пьют в любое время.

Чудеса исцелений происходят всегда. Но чудесных действий святой воды удостаиваются лишь те, кто приемлет ее с живой верой в обетования Божия и благодатность церковной молитвы. Вспомните случай, когда хананеянка коснулась украдкой края одежды Иисуса Христа, веря, что получит исцеление. И хотя многие другие люди тоже касались Господа, чудо совершилось лишь над этой женщиной. Бог не творит чудес там, где хотят видеть их только из любопытства, без искреннего намерения воспользоваться ими к своему спасению.

Чтобы святая вода принесла пользу, нужно заботиться о чистоте сердца, сохраняя поступки и помыслы в Законе Божьем. Если святая вода пришла в негодность, следует вылить ее в реку или иной крупный водоем (не в плавательный бассейн, само собой), в крайнем случае полить ею домашние цветы. А пришедшую в негодность просфору можно сжечь в печи или закопать в месте, куда не доберутся животные. Во избежание таких неприятных моментов лучше не набирать святую воду и просфоры в большом количестве.

О МИЛОСТЫНЕ

«Благотворящий бедному дает взаймы Господу», – сказано еще в Писании Ветхого Завета (Притч.19:17). Христос, открывая тайну Страшного суда над человеком, перечисляет дела, кажущиеся нам явным признаком святости: чудотворения, про-

зорливость, изгнание бесов... И вдруг оказывается, что все это ничтожно в Его глазах. Но почему? А потому, что все перечисленное Господь совершал Сам, это Его таланты, Его серебро, посредством которого нужно было приобрести другие ценности – любовь и милосердие. Апостол Павел, упоминая и пророческий дар, и прозорливость, продолжает список потрясающих воображение талантов: дар говорения на человеческих и даже ангельском языках, совершенное знание, великая вера, абсолютное нестяжание и даже полное пренебрежение к своему телу вплоть до смерти. Все это Павел тоже считает ничтожным, если не была на эти таланты приобретена любовь (1 Кор. 13:1–8). «Я был голоден, и вы накормили Меня; Я хотел пить, и вы напоили Меня; Я был странником, и вы приютили Меня. Я был наг, и вы одели Меня; Я был болен, и вы ухаживали за Мной; Я был в темнице, и вы пришли навестить Меня» (Мф. 25:35–36). Вот что скажет Христос стяжавшим любовь милосердным христианам, по смирению считающим себя недостойными Его Царства. Оказывается, что Он Сам принимал всю ту милостыню, что они оказывали тем, кто попал в беду.

Преподобному Кириллу Белозерскому принадлежат удивительные слова: «...поститься не можете, а молиться ленитесь, так хоть подавайте, и милостыня этот ваш недостаток восполнит». Сколько бы христианин ни прочитал молитв, как бы строго он ни постился, сколько бы монастырей ни объездил, без деятельной любви, выраженной в сострадании и милостыне, его усилия пойдут прахом. Но разве слова «раздам все имение мое» не являются выражением любви? Оказывается, даже такое можно делать без любви. Из тщеславия, к примеру, из страха за свою жизнь, ради сохранения душевного спокойствия, когда проситель слишком навязчив и т. д. Можно «на камеру» обойти всех страждущих с узельцами злата, но любовь не требует запечатленного смущения дароприимателя.

«Милостыня да запотеет в руках твоих, пока ты не узнаешь, кому даешь», – сказано в Дидахе – одном из древнейших памятников христианской литературы I века. Вникнуть, потратить свое время, выслушать просящего (а еще лучше, не дожидаясь просьбы, опознать попавшего в беду) и, опираясь на собственный и чужой опыт, помолясь Богу, рассудить о том, что будет самым полезным для него – это требует именно любви. Человек просит денег на мыло и веревку, чтобы удавиться? Что же подать ему? Деньги? Или все же можно выяснить, что толкает его на такой поступок? Быть может, именно вы в силах решить его проблему. А может, он передумает только оттого, что его выслушали. Вы не узнаете этого, пока не потратите свое время. «Плачьте с плачущими», – говорит апостол Павел. Порой и этого достаточно, ведь деньги есть не у всех. Страшно в толпе мошенников и ту-

неядцев не узнать страдающего Христа, ведь это может быть главной ошибкой в жизни верующего.

Как правильно благотворить, когда мы выяснили, в чем на самом деле нуждается человек? Святитель Иоанн Златоуст советует: «Начни отдавать неимущим что тебе не нужно, что у тебя валяется; потом будешь в состоянии давать и больше, и даже с лишением себя; и, наконец, уже готов будешь отдавать и все, что можешь». И высказывание это справедливо по отношению как к имуществу, так и к личному времени. А когда милостыня сотворена, не позволяйте тщеславию пробраться в вашу душу: у вас и не было ничего своего, кроме того, что вам ранее послал Бог. Нечем похвастаться.

Итак, отдав Божье Ему же взаймы, получим в качестве процентов Его Царство.

ЗАЩИТА ОТ ЧАРОДЕЙСТВА

Результативность любых магических действий обеспечивают падшие ангелы – бесы. То есть, по сути, никакой магии не существует, есть лишь действия скрытых ассистентов фокусника. Хотя тут речь даже не о фокуснике, а о несчастной марионетке в руках Божьих противников.

Представьте, что вы – любимое чадо самого могущественного человека в стране. Которому принадлежит вообще все. Он решает, кому быть градоначальником, кому возглавлять прокуратуру, суд, тюрьму. Он может казнить и миловать, его все уважают и боятся нарушить его волю. Внимание, вопрос: насколько безопасно вы бы себя чувствовали в таком государстве? Не сдувал бы с вас пылинки губернатор? Не считал бы начальник полиции своим долгом лично озаботиться вашей безопасностью на случай, если на вас нападет какой-нибудь сумасшедший? Потому что в здравом уме это не придет никому в голову. Но что, если наговорить отцу гадостей, отречься от него и сбежать во враждебное государство? Причем в такое, где каждый житель ненавидит не только вашего отца, но и вашу национальность, ваш акцент, в общем, все, что связано с вашей страной даже косвенно. Изменится ли ваш статус-кво?

Теперь о главном. Чтобы ни один из бесов, ни сам Сатана не посмел вам навредить, нужно оставаться чадом Божиим. «Если Бог за нас, кто против нас?» – восклицает апостол Павел (Рим. 8:31). Вот и все. Никаких амулетов с земелькой авторитетных могил, геронтомании, жевания ладана и прочей суеты. Христианка Иустиния никаких способов защиты от чародейства не ведала, когда над ней не сработало колдовство Киприана. Просто Бог был за нее, а она лишь «ходила пред лицом Господним в истине Его» (ср. Пс. 25:3; 114:9). Вспомните все, что обещано живущему под кровом Всевышнего в 90-м псалме, и можете смело забыть о чародействе: оно действует лишь там, где человек изгоняет Бога из своей жизни,

где нет просьб «да придет Царство Твое». Только там, во враждебном государстве, сбываются приметы вроде просыпанной соли и черных кошек, действуют привороты и порча, заряжается через телевизор вода, имеют значение гороскопы, сон, чох, вороний грай и прочая хиромантия. А тут, в пределах невидимой глазу ограды Христовой Церкви, вы в безопасности.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ

Что делать, когда умер православный христианин

Для морга необходимо подготовить следующие вещи.

Для мужчины:
нижнее белье;
носки;
пиджак, рубашку, галстук;
ботинки (или тапочки);
станок для бритья, туалетную воду (одеколон);
туалетное мыло, расческу, полотенце махровое (малое).

Для женщины:
нижнее белье;
чулки (или колготки);
платье с длинным рукавом (костюм или халат);
платок на голову (не черный);
туфли (или тапочки);
туалетную воду, мыло, расческу, полотенце.

Для похорон необходимо оформить следующие документы:

бланк констатации смерти (выдается бригадой скорой помощи);
медицинское свидетельство о смерти (выдается врачом поликлиники или работниками морга);
протокол осмотра тела (выдается сотрудником полиции);
гербовое свидетельство о смерти органов загса (выдается работниками загса). Справка о смерти (форма 33);
справка на получение государственного пособия на погребение (выдается работниками загса);
договор об оказании ритуальных услуг (оформляется агентом ритуально-похоронной службы).

Духовная сторона вопроса

Желательно все вышеупомянутые организационные дела поручить одному человеку и уделить основное внимание душе близкого усопшего. Сразу после смерти нужно начинать усердную молитву, сходить в храм и попросить литургического поминовения. Нельзя забывать, что наши молитвенные труды и дела милосердия могут вмениться в праведность усопшему.

Если умершего забрали в морг, Псалтирь читается дома до выдачи его тела. Совсем необязательно держать человека там вплоть до отпевания – хорошо договориться с настоятелем о пребывании умершего в храме в течение ночи и на литургии перед самым отпеванием. В этом случае Псалтирь читается непосредственно у гроба. А если церковнославянский язык Псалтири оказывается трудным для родственников, можно воспользоваться ее русским переводом.

Если тело усопшего до похорон будет находиться дома:

тело омывают теплой водой, при этом читая «Трисвятое» или «Господи, помилуй»;

после омовения тело христианина одевают в чистые и по возможности новые одежды;

перед положением усопшего в гроб тело и гроб (снаружи и изнутри) окропляются святой водой;

гроб обычно ставят посреди комнаты перед домашними иконами, головой к образам;

тело покойного полагают на стол или в гроб, покрывают белым покрывалом – саваном;

покойного полагают в гроб лицом вверх, под голову кладут подушку, набитую соломой, опилками или сухими травами;

глаза покойного должны быть закрыты, уста сомкнуты, руки сложены крестообразно, правая рука поверх левой. Руки и ноги усопшего связывают (развязывают уже в храме);

на усопшем должен быть нательный крестик;

умершего покрывают погребальным покрывалом с изображением креста, образов святых и молитвенных надписей (продается в церковной лавке);

когда тело усопшего омыто и одето, сразу же начинают читать канон, называемый «Последование по исходе души от тела»;

когда тело омыто и одето, возжигается лампада или свеча, которая должна гореть до тех пор, пока в доме находится покойный;

в руки покойного полагают погребальный крест, на грудь кладут святую икону: для мужчин – образ Спасителя, для женщин – образ Божией Матери;

на лоб умершего возлагают венчик, являющийся символом соблюдения веры усопшим христианином и совершения им христианского жизненного подвига. Венчик возлагается в надежде на то, что почивший в вере получит по воскресении от Бога небесную награду и нетленный венец;

желательно сразу после смерти человека заказать в храме сорокоуст.

Если человек пропал без вести, его поминают как живого.

Похороны

В случае необходимости отпевание может быть совершено на дому или на кладбище.

Если похороны начинаются из дома, гроб выносят, обращая лицо покойного к выходу, т. е. ногами вперед. Провожаящие поют «Трисвятое».

По церковным правилам, вопреки суевериям, гроб с телом положено нести по возможности именным близким родственникам и друзьям. Присутствующий на похоронах священник идет впереди гроба.

В могиле усопшего полагают лицом, обращенным к востоку. При опускании гроба вновь поется «Трисвятое». Все провожающие бросают в могилу по горсти земли. По возможности необходимо избегать кремации.

Надгробный крест устанавливается в ногах покойного, обращая его лицевой стороной к западу, чтобы лицо усопшего было направлено на святой крест.

Не стоит для похорон православного христианина приглашать оркестр.

Погребение не должно совершаться в день Святой Пасхи и в день Рождества Христова.

Отпевание

Умерший православный христианин удостоивается церковного отпевания и погребения на третий день по кончине (на практике из-за различных обстоятельств это может быть любой другой день).

Отпевание совершается ради умершего только один раз, в отличие от панихид и заупокойных литий, которые могут совершаться многократно.

Отпевание не совершается при погребении некрещеных; для погребения инославных существует отдельный чин.

Церковь также не отпевает отрекшихся от веры. В этом случае родные и близкие сами должны молиться за них в домашних молитвах, подавать ради них милостыню.

Не отпевает Церковь и самоубийц, за исключением особых случаев (например, при невменяемости того, кто покончил с собой), но и то лишь по благословению епархиального архиерея.

Для отпевания гроб с телом умершего заносят в храм ногами вперед и ставят лицом к алтарю, т. е. ногами на восток, головой к западу.

При совершении чина отпевания родные и близкие должны стоять у гроба с зажженными свечами и усиленно молиться вместе со священником о душе усопшего.

После возгласения «Вечной памяти» священник читает над усопшим разрешительную молитву. Этой молитвой прощаются бывшие на умершем клятвы и грехи, кроме тех, в которых он не раскаялся намеренно.

После этого провожающие, потушив свечи, обходят гроб с телом, просят у почившего прощения, целуют венчик на лбу и икону на груди. Тело полностью закрывается покрывалом, священник крестообразно посыпает его землей. После этого гроб накрывается крышкой и уже больше не открывается.

С пением «Трисвятого» гроб выносят из храма лицом к выходу (ногами вперед).

Если нет возможности привезти тело покойного в храм, а также нет возможности пригласить священника на дом или на кладбище, то в храме может совершиться заочное отпевание. После него родственникам дают землю (песок) с панихидного стола. Этой землей крестообразно посыпают тело усопшего. Если к этому времени покойный уже погребен, то землей с панихидного стола крестообразно посыпается его могила. В случае кремации землю брать смысла нет.

Поминки

Изначально поминальная трапеза устраивалась не для насыщения родственников и друзей усопшего, а для нищих и бездомных. Потому в случае, если обычного обеда (не имеющего никакого значения для усопшего) не избежать, следует озаботиться раздачей милостыни (деньгами, вещами, продуктами питания). Также принято приносить продукты к панихидному столу в храм.

Такая трапеза может устраиваться на третий день по кончине (день похорон), девятый, сороковой дни, полгода и год по кончине, в день рождения и день ангела усопшего (тезоименитство, именины).

Желательно не употреблять спиртного на поминках, впрочем, это не должно быть поводом к скандалам.

Если поминки совершаются в постные дни, то и пища должна быть по возможности постной.

Поминальные дни, выпадающие на Светлую седмицу и на понедельник второй Пасхальной седмицы, переносятся на Радоницу.

Важно в дни поминовения усопших и в течение 40 дней усиленно раздавать милостыню нищим и нуждающимся во имя души усопшего. Хорошо также раздавать вещи покойного нуждающимся. Но и после истечения 40 дней не стоит прекращать это богоугодное дело, которое очень помогает душе усопшего.

Стоит не забывать о том, что наша разлука имеет лишь временный характер: мы все ожидаем второго пришествия Иисуса Христа, во время которого будет всеобщее воскресение из мертвых. Затем – суд, на котором в соответствии с итогами земной жизни, не исключая личного волеизъявления человека (насиленно Бог к Себе не привлекает, в ад тоже идут добровольцами), решится окончательная участь каждого из нас. В Царстве Христовом, где нет никакой печали или болезней, пребывают вечно.

Правила поведения на кладбище

Мы приходим на кладбище навестить умерших близких. Телесная смерть – лишь упокоение в ожидании всеобщего воскресения. Отсюда – бережное отношение к могилам усопших (даже незнакомых людей), ведь все захороненные на кладбище – братья и сестры в Боге. Христианину на кладбище следует себя вести спокойно и сдержанно. Придя на кладбище, хорошо зажечь свечу и помолиться об усопшем. Можно пригласить священника, чтобы он совершил чин литии об усопшем. Можно прочесть акафист об упокоении усопших. Затем можно убрать могилу, если требуется.

Можно украшать могилу: сажать цветы, кустарники, плодовые и любые другие деревья. Навещать могилы следует не только на Радоницу и в родительские субботы, но и при любом другом случае, когда есть такое желание.

Не нужно есть или пить на кладбище, это не имеет никакого смысла. Тем более не нужно лить водку на могилу или оставлять еду или питье – это отголоски язычества. Лучше раздать продукты питания нищим.

Посещение святых мест

Паломничество было в почете на Руси с давних пор, поскольку такого рода путешествия, вызванные желанием самолично увидеть святые места, были сопряжены с опасностью умереть в пути: от болезней, голода, от разбойников и т. д. Чем труднее был путь, тем почетнее считался подвиг. Современные реалии позволяют даже самый дальний путь, ранее занимавший месяцы, проделать за несколько часов неутомительного авиаперелета. Опасность умереть от инфаркта, вызванного нервным потрясением ввиду отсутствия кондиционера в номере паломнической гостиницы, пожалуй, наиболее вероятная на сегодняшний день. Имея достаточное количество денег, можно посетить абсолютно все известные святыни менее чем за год. Напротив, христианин, к примеру, несущий Христово бремя опеки над больным близким, вынужденный подсчитывать каждую копейку, может никогда в жизни не посетить и соседней области, а не то что увидеть Гроб Господень. Таким образом, духовная ценность паломнической поездки в числе возможных добродетелей опускается до значения «роскошь».

Существует мнение, что паломничество имело место еще в ветхозаветные времена, когда на праздники иудеи собирались в Иерусалиме, где бы они ни жили. Однако там речь шла о невозможности приносить жертвы в каком-либо другом месте. Сосредоточием всей религиозной жизни, праздников и ритуалов служил единственный на тот момент Храм – построенный Соломоном, восстановленный Зоровавелем и обновленный Иродом. Сегодня же, как некогда весь Изра-

иль стекался к горе Мориа, все ведет христианина к Евхаристической Чаше. И если кто-то думает, что содержимое Чаши в Иерусалиме, в Вифлееме, на Афоне и в Казанском храме г. Кемерово различается по качеству или, прости, Господи, по «силе», тот ошибается. Если кому-то кажется, что есть в мире большая святыня, нежели Тело и Кровь Христовы, преподаваемые верующим в ближайшем храме, тот заблуждается. Если есть среди нас те, которые полагают, будто есть разница, из чьих рук причаститься: престарелого митрополита или безусого священника, блистательного проповедника или косноязычного, святого или с трудом помилованного на церковном суде, – они тоже будут не правы.

А вот лично ощутить все разнообразие храмовой архитектуры, церковного пения, традиционных особенностей богослужения и т. д. – это очень интересно. Увидеть воочию места подвигов великих святых и прославленные в истории образа – замечательно. Как по мне – это самое полезное хобби, наилучший досуг, когда всем моим близким хватило от меня любви и внимания. Но будем честны: на Страшном суде это в подвиг все же не вменится.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ (БИБЛИЯ)

Библия состоит из двух частей – Ветхого и Нового Заветов, обязательных к прочтению и перечитыванию всякому православному христианину. Всего священных книг в Библии насчитывается семьдесят семь. Из них 50 книг Ветхого Завета и 27 – Нового Завета. Ветхозаветные книги делятся на канонические, т. е. богодухновенные, их 39, и неканонические, т. е. не богодухновенные, но имеющие назидательный характер, их 11.

Основное содержание и ключевые моменты книг Ветхого Завета

Творение Богом мира и человека:

Ангельский мир. Материальный мир. Дни творения. Сотворение первых людей и их блаженная жизнь в раю. Грехопадение и его последствия.

Допотопное и послепотопное человечество:

Род человеческий до потопа. Первая семья. Каин и Авель. Религиозно-нравственное состояние допотопного человечества. Потомки Каина и Сифа. Всемирный потоп. Потомки Ноя. Вавилонское столпотворение и рассеяние народов. Начало идолопоклонства.

Патриархальный период:

Призвание Аврама и переселение его в обетованную Землю. Аврам в Египте. Аврам разлучается с Лотом. Освобождение Лота из плена. Четвертое богоявление Авраму. Рождение Исаака. Аврам получает

имя Авраам. Явление Бога Аврааму у дуба Мамрийского. Гибель нечестивых городов. Рождение Исаака и изгнание Агари. Принесение Исаака в жертву Богу. Смерть Сарры и женитьба Исаака. Смерть Авраама. Исаак и его сыновья. Хитрость Ревекки и Иакова. Лестница Иакова. Жизнь Иакова у Лавана. Иаков покидает Харран. Встреча с Исавом. Дальнейший путь Иакова к дубраве Мамре. Братья продают Иосифа измаильтянам. Иосиф в доме Потифара. Сны фараона. Встреча Иосифа с братьями. Иосиф открывается братьям.

Период пребывания евреев в Египте:

Переселение Израиля в Египет. Смерть Иакова и Иосифа. Положение евреев в Египте после смерти Иосифа.

Призвание Моисея и Исход евреев из Египта:

Рождение и воспитание Моисея. Призвание Моисея. Казни египетские. Установление Пасхи. Исход из Египта. Чудесный переход через Красное море. Путь евреев к Синаю. Пустыня Сур. Пустыня Син. Рефидим. У горы Синай-Хорив. Заключение Завета. Синайское законодательство и его значение. Завет утверждается жертвенной кровью. Нарушение Завета. Восстановление Завета. Построение походного храма (скинии) и его устройство. Преобразовательное значение скинии. Ветхозаветное священство. Путь от Синая к Ханаану. Гробы прихоти. Асироф. Пустыня Фаран. Странствование по пустыне. Возмущение Корея, Дафана и Авирона. Сомнения Моисея и Аарона. К Земле обетованной. Медный змей. Дальнейший путь к обетованной Земле. Последние дни Моисея.

Завоевание Земли обетованной:

Книга Иисуса Навина. Чудесный переход через реку Иордан. Падение Иерихона. Взятие Гая. Хитрость жителей Гаваона. Битва у Гаваона. Дальнейшее завоевание и разделение Земли обетованной.

Период судей:

Политическое положение и религиозное состояние Израиля после смерти Иисуса Навина. Девора и Варак. Гедеон. Иеффай. Самсон. Первосвященник и судья Илий. Рождение, воспитание и призвание к пророческому служению Самуила. Гибель династии Илия и пленение Ковчега. Самуил – пророк и судья.

Период царей:

Помазание Саула на царство. Саул побеждает аммонитян. Первое непослушание Саула. Второе непослушание Саула. Помазание Давида на царство. Героический подвиг Давида. Слава Давида и ревность Саула. Открытое преследование Давида Саулом. Смерть Самуила и Саула. Воцарение Давида (1010–970 гг. до н. э.). Иерусалим – столица царства Давида. Расширение и укрепление царства Еврейского. Нравственное падение Давида. Мятеж Авессалома. Воцарение Соломона и смерть Давида (970 г. до н. э.). Соломон – мудрый судья и правитель. Построение Иерусалимского храма. Богатство Соломона и

нравственное его падение. Разделение царства Еврейского на Иудейское и Израильское (930 г. до н. э.). Краткий обзор истории царства Израильского (930–722 гг. до н. э.). Краткий обзор истории Иудейского царства (930–586 гг. до н. э.).

Деятельность пророков:

Пророк Илия. Пророк Елисей. Пророк Иона. Пророки Амос и Осия. Пророк Исаия. Пророк Иеремия. Малые пророки в Иудее до вавилонского плена: Авдий, Иоиль, Михей, Наум, Аввакум, Софония.

Вавилонский плен:

«На реках вавилонских». Пророк Иезекииль. Пророк Даниил. Друзья пророка Даниила в печи вавилонской.

Персидское владычество:

Падение Вавилонского царства. Пророк Даниил, брошенный на растерзание львам. Возвращение из плена. Построение второго Храма. Деятельность священника Ездры. Деятельность Неемии. Книга Неемии.

Период греческого владычества:

Иудея под властью царей египетских. Перевод Священного Писания на греческий язык. Иудея под властью сирийских царей (199–143 гг. до н. э.). Освободительная война под предводительством Маккавеев.

Правление Маккавейской (Асмонейской) династии. Период римского владычества:

Царь Ирод. Религиозно-нравственное состояние иудеев перед пришествием в мир Спасителя. Фарисеи. Саддукеи. Ессеи.

Всеобщее ожидание Спасителя:

Иудейские рассеяния. Состояние языческого мира.

Основное содержание и ключевые моменты Четвероевангелия

Рождество Христово и Его жизнь до начала общественного служения:

Рождество Богородицы, Ее воспитание при Храме и жизнь в Назарете. Благовестие Захарии. Благовещение Деве Марии. Посещение Девой Марией праведной Елисаветы. Рождение Иоанна Предтечи. Откровение праведному Иосифу о Боговоплощении. Рождество Христово. Поклонение пастухов. Обрезание и Сретение Господне. Поклонение волхвов. Бегство в Египет и избивание младенцев. Смерть Ирода и возвращение Святого семейства на родину. Жизнь Иисуса Христа в Назарете. Первое посещение Храма. Святой Иоанн Креститель, его жизнь и проповедь. Явление Иисуса Христа народу. Крещение Его на Иордане. Искушение в пустыне. Возвращение Христа на Иордан. Первые Его ученики. Первое чудо в Кане Галилейской.

Первый год общественного служения Господа Иисуса Христа:

Переселение в Капернаум. Христос в Иерусалиме на празднике Пасхи. Беседа с Никодимом. Проповедь в Иудее и последнее свидетельство Иоанна Крестителя. Беседа с самарянкой. Проповедь Иисуса Христа в Галилее. Заочное исцеление сына царедворца. Проповедь в Назаретской синагоге. Исцеление бесноватого в Капернауме. Исцеление тещи Петра и многих больных в Капернауме. Исцеление расслабленного в Капернауме. Призвание Левия Матфея.

Второй год общественного служения:

Вторая Пасха Иисуса Христа в Иерусалиме. Исцеление расслабленного в доме милосердия. Срывание колосьев и спор о субботе. Исцеление сухорукого. Избрание двенадцати апостолов. Нагорная проповедь. Исцеление слуги римского сотника. Воскрешение сына наинской вдовы. Посольство Иоанна Крестителя к Иисусу Христу. Иисус Христос в доме Симона фарисея. Исцеление бесноватого и богохульство фарисеев. Учение в притчах о Царстве Божием. Притча о сеятеле. Притча о зерне горчицы. Притча о закваске. Притчи о сокровище и о драгоценной жемчужине. Притча о плевелах. Угрождение бури. Исцеление бесноватого в стране Гадаринской. Исцеление кровоточивой и воскрешение девицы. Отправление апостолов на проповедь. Смерть Иоанна Крестителя. Чудесное насыщение народа пятью хлебами. Хождение Иисуса Христа по воде. Беседа о Хлебе Жизни.

Третий год общественного служения:

Беседа с фарисеями о предании старцев. Исцеление дочери хананеянки. Исповедание апостолом Петром Божества Христова. Преображение Господне. Исцеление бесноватого отрока. Последние дни пребывания в Галилее. Иисус Христос в Иерусалиме на празднике Кушечей. Женщина, взятая в прелюбодеянии пред судом Спасителя. Покушение фарисеев побить камнями Иисуса Христа. Исцеление слепо-рожденного. Притча о добром пастыре. Христос на празднике Обновления. Общественное служение Иисуса Христа в Заиорданье. Поучения в притчах о любви Бога к человеку и людей друг ко другу. Притча о пропавшей овце. Притча о потерянной драхме. Притча о блудном сыне. Притча о милосердном самарянине. Притча о мытаре и фарисее. Беседа Христа с бо-

гатым юношей о богатстве. Притча о богаче и Лазаре. Исцеление десяти прокаженных. Учение Иисуса Христа о браке и девстве. Благословение детей. Притча о виноградарях, призванных на работу в разное время дня. Воскрешение Лазаря. Тайное решение синедриона. Последнее путешествие Христа в Иерусалим. Исцеление слепого у Иерихонских ворот. Обращение Закхея.

Страстная неделя. Крестная смерть Иисуса Христа:

Христос в Вифании за шесть дней до Пасхи. Торжественный Вход Господень в Иерусалим. Великий Понедельник. Проклятие бесплодной смоковницы. Второе изгнание торгующих из храма. Дети, прославляющие Господа. Великий Вторник. Последнее посещение Храма. Притча о двух сыновьях. Притча о злых виноградарях. Вопрос о подати кесарю. Вопрос саддукеев о воскресении мертвых. Вопрос о наибольшей заповеди. Обличительная речь против книжников и фарисеев. Лепта вдовы. Встреча с эллинами. Пророчество о разрушении Иерусалима. Пророчество о втором пришествии Христа. Притча о десяти девах. Притча о талантах. Беседа о Страшном суде. Великая Среда. Предательство Иуды. Великий Четверг. Тайная вечеря. Установление Евхаристии. Иуда покидает пасхальную трапезу. Прощальная беседа. На пути в Гефсиманию. Гефсиманская молитва. Предательский поцелуй Иуды. На допросе у первосвященника Анны. Отречение Петра. Суд синедриона. Смерть Иуды. Великая Пятница. На суде у Пилата. Крестный путь на Голгофу. Распятие и Крестная смерть Иисуса Христа. После Распятия и смерти. Погребение.

Евангельские события после Воскресения:

Воскресение Христова. Явление Марии Магдалине и другим мироносицам. Реакция синедриона. Явление двум ученикам на пути в Эммаус. Явление всем апостолам, кроме Фомы. Явление на Тивериадском озере. Явление Христа на горе в Малой Галилее. Вознесение Господне. Сошествие Святого Духа на апостолов.

После четырех Евангелий следует книга Деяний святых апостолов, повествующая о событиях, происходивших вслед за евангельскими, 7 соборных апостольских посланий, 14 посланий апостола Павла и Откровение Иоанна Богослова.

Сергей ЧЕРНОПЯТОВ

СЕМЬ ДНЕЙ В КРЫМУ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, или Почему я отменил взятие Бастилии

Снова отпуск. И надо бы вырваться из объятий дивана и посетить дальние страны. Ну, не совсем дальние, хотя бы город Севастополь. Город, о котором мечтал с горшка. «Серёга, обязательно доберись до Сапун-горы, когда вырастешь», – говорил отец, которому так и не удалось увидеть Черное море, но кличка у которого была Севастополь. Бывало, ему, подда-тенному, кто-нибудь сделает выговор, он кулаки и челюсти сожмет, посмотрит грозно по сторонам и устрашающе прорычит: «Не трожь Севастополь, там горе и слезы!» Он и ходил качаясь, переваливаясь с ноги на ногу по-матросски (на самом деле – по причине плоскостопия) по родной улице Балтийской, а соседи переглядывались и бросали: «А, Севастополь появился...»

В молодости, сразу после службы я побывал у армейского друга в Крыму, и можно было посетить город-герой. Но по сравнению с жизнью в казарме все так закрутилось в райской Алуште, месте действия стольких любимых кинокомедий, что месяц пролетел незаметно, а я уже оказался на полке вагона, катясь под стук колес обратно в Сибирь, в холодное лето семьдесят седьмого.

С тех пор промелькнуло сорок четыре года. И я замыслил побег к Черному морю – хотя бы на неделю. Абсолютно все подталкивало к этому. И невозможность отметить свой юбилей – день рождения, который я называю взятием Бастилии, потому что именно 14 июля принял вакцину, а какая радость уколотому гулять на сухую? И отпуск в августе, когда море как парное молоко. И мост в Крым наконец-то построили. А взятие Бастилии можно заменить взятием Сапун-горы. Тем более что Бастилия – басурманская, а Сапун-гора – наша, родная, кровная, в прямом и переносном смысле.

Но вырваться из объятий дивана, преодолеть его притяжение оказалось не так-то просто. Да еще когда тебе со всех сторон летит: «Ты куда, Одиссей, от жены, от детей?» Ведь с советских времен не покидал кузбасскую землю, а сейчас вообще все по-другому. «Ты не вернешься, ты потеряешься, ведь немолодой уже. Выкинь из головы эту авантюру!»

И откуда силы взялись – схватить себя за остатки волос и, подобно Мюнхгаузену, выдернуть, как пробку. Я даже звук этот почувствовал. А больше всего помогло мне в этом стихотворение, которое я написал о морях-черноморцах. Они на маленькой бригадине смогли завалить два турецких линкора. Стихотворение просто приказало мне прочесть его возле памятника капитану Казарскому. Прежде я удивлялся: как может собственное произведение выходить из-под контроля и командовать творцом? Вспоминается Пушкин, изумленный поведением своей героини Татьяна: «Она отказала Онегину?!»

Да, именно стихотворение купило мне билет (и не на поезд, а на самолет – так торопилось, что я передумаю), забронировало место проживания, притащило к памятнику капитану. Мне ничего не оставалось, как прочитать вслух свои строки о героях. И сделать единственный снимок из всего путешествия по Крыму. Спасибо, стихотворение!

Но сначала был Кемеровский аэропорт имени Алексея Архиповича Леонова. И я думал о полете, как о выходе в открытый космос моего прославленного земляка. Правда, провожал меня не Королев, а жена Оля, но напутствие давала строже, чем генеральный конструктор. Сотовый телефон ранней модели, который подарил мне внук, я постоянно ощущал в кармане, стараясь запомнить кнопки. Их я должен нажать, когда приземлюсь. А еще должен был не стесняться вызывать стюардессу со стаканчиком воды, чтобы запить таблетку от давления, иметь под рукой маску и перчатки, чтобы при первом приказе надеть их.

Я рад был, что оказался у прохода: от высоты с детства кружится голова. Но когда аэроплан подлетал к Симферополю, я не выдержал и скосил глаз на иллюминатор. И увидел крыло, которое тряслось, как фанерка-козырек на моей даче от ветра. Настроение испортилось. А тут еще самолет накренился, и я ужаснулся: как же мы высоко над землей! Но вот посадка – и аплодисменты пассажиров. Подан трап. И в лицо – жара. Плюс 35 градусов.

Как же легко в поездке с одной ручной кладью – успеваешь везде первым! Сначала – к кассе, где тебе говорят, что билет надо брать у водителя, а потом и пустой автобус с распростертыми объятиями принимает тебя на первое сиденье. 450 рублей за проезд, но отдаешь 500, и это нормально. И – до свидания, аэропорт, полюбоваться которым не довелось. Слишком стремительным был проход сквозь него.

И вот я уже мчусь по дороге в Севастополь. Все-таки уютно находиться на земле! Можно даже вздремнуть, но какая может быть дрема, когда за окном то, что ты никогда воочию не видел. Знаешь лишь по рассказам и картинкам. Автострада «Таврида» до того гладка, что кажется, будто вновь летишь на самолете. И сосед из Новокузнецка, взявший на себя роль экс-

курсовода, с удовольствием рассказывает о причудливых скалах, что видны с дороги. Да, здесь все другое, не такое, как на моей земле. Просто иная планета.

Но вот и автовокзал. Доклад по сотовому жене, которая смотрит телевизор в Кемерове и вызывает мне такси в Севастополе. К таким чудесам я, наверное, не привыкну никогда. 195 рублей за проезд, я отдаю 200, и это нормально. Десять минут в сторону простых деревенских домов, где мне предоставляется комната на одного, но с кроватью двуспальной и с окном на потолок.

До моря езды всего 15 минут, и не хочется терять день, но силы мои не беспредельны. Гостеприимная хозяйка показывает плиту, кастрюли, сковородку, дорогу в магазин. И у меня хватает энергии закупить пельменей, консервов, чая, хлеба, пряников, кваса, забить продуктами холодильник, принять душ, включить вентилятор и завалиться на двуспальное ложе. Нужно набираться сил. Потому что на завтра у меня намечен маршрут Сапун-горы.

ДЕНЬ ВТОРОЙ, или Как я за один день побывал сразу на двух войнах

Вот и наступило первое утро на планете по имени Севастополь. Проснулся я, по своему обыкновению, ровно в шесть часов утра. Сработал мой внутренний хронометр. К сожалению, по нашему, сибирскому времени. Здесь же была еще настоящая ночь. Пришлось чем-то занимать долгие четыре часа. И я лежал, глядя в потолочное окно, за которым южные звезды водили свои хороводы. И погрузился в сладостные представления о том, как будут именно здесь, в Крыму, сбываться мои давние мечты...

Поднявшись наконец с постели, я опасался лишь одного: как бы не скрипнула дверь, когда я буду покидать свое пристанище. Ведь в соседних комнатах все двери были нараспашку: ночи здесь в эту пору еще очень теплые.

Двинулся по коридору, как Чингачгук, бесшумно. Осторожно налил в кастрюлю воду, поставил ее на плиту, чтобы сварить пельменей. Но когда я включил газовую горелку печки, раздался очень громкий щелчок.

— Люди еще спят всюю, а вы здесь гремитесь... — послышался недовольный голос дамы, выходящей из своей комнаты.

Это был первый выговор, который я получил за последние несколько месяцев. Растерявшись, я даже забыл, как надо оправдываться. Только пролепетал что-то маловразумительное: дескать, у себя дома я всегда встаю в шесть часов утра.

Позавтракав пельменями и попив чаю, я отправился на остановку. Дорога вела под гору, мимо пяти-

этажки, возле которой на лавочках у подъездов уже сидели, покуривая, пенсионеры — в майках и шлепанцах на босу ногу. Вокруг, лениво потягиваясь, бродили кошки всех мастей и окрасов, довольные безмятежной жизнью своей. Погода этим утром стояла просто изумительная, и я сам невольно проникся этой крымской умиротворенностью.

К остановке подкатил полупустой троллейбус. Сегодня, похоже, я опередил даже местных жителей, спешащих на работу. У себя дома со своим пенсионным удостоверением я уже и забыл, что надо платить за проезд в общественном транспорте. А тут... Впрочем, двадцать рублей — разве это деньги? Когда у тебя в карманах отпускные!

Пятнадцать минут поездки — и я в центре Севастополя. Даже и спрашивать не стал, где находится центр, догадался по величественному памятнику. Обычно в наших городах стоит обязательный памятник вождю и кормчему — В. И. Ленину. Ильич, как правило, с поднятой рукой, указующей нам путь в светлое будущее. И такие памятники настолько примелькались с детских лет, что их просто перестаешь замечать.

Только не в этом героическом городе!

Здесь во весь рост на огромном постаменте возвышается Павел Степанович Нахимов! И это было так необычно, что я невольно остановился, задрал голову, и стал любоваться увиденным.

Здесь выдающийся русский флотоводец был виден!

Я смотрел на него с восторгом. Потом достал записную книжку, чтобы занести в нее замечательные слова, сказанные этим героем: «В случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Слезы выступили от гордости за этого доблестного соотечественника. И возникла мысль: «А ведь где-то же должны быть и его ученики, его последователи. Ведь не зря же наши парни и сегодня, в той же Сирии, принимают огонь на себя... Ведь не зря же и кадетские морские училища называют Нахимовскими, а их воспитанники гордо именуют себя нахимовцами».

Нахимовцы, в дорогу, в добрый час!

Нахимовцы, ждут подвигов от нас!

Любимую Отчизну прославим мы не раз... —

припомнились мне слова из песни-марша нахимовцев — будущих флотоводцев и морских офицеров.

И еще. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года для награждения особо достойных моряков был учрежден орден Нахимова двух степеней и медаль Нахимова.

А здесь за спиной у Нахимова находился залив, и на самом берегу его — деревянный настил, возвыша-

ющийся над водой. На краю этого настила сидел рыбак с удочкой в руке. А недалеко от него стояла красивая девушка, подставляя свою точеную фигурку лучам ласкового утреннего солнца и наслаждаясь пробуждением природы и города...

Над заливом разносилась, словно из рупора, команда: «Раз-два! Раз-два!» Это на четырехмачтовой каравелле «Херсонес», растянувшись ровными шеренгами по палубе, весь экипаж, свободный от вахт, обнаженный по пояс, делал утреннюю физзарядку.

Я тут же перенесся в годы своей службы в Самарканде, где вот так же, под громкий счет, выполнял комплексные упражнения физзарядки. Неужто доведется свидеться мне здесь, в Крыму, со своими сослуживцами – Санькой Виноградовым из Алушты и Генкой Шубиным из Симферополя? Вот было б здорово! Столько лет прошло...

Но я тут же отогнал от себя мысли об армии: все-таки на пенсии, несомненно, лучше! Никто тобой не командует...

И вот уже куплен билет на экскурсию по городу, точнее на посещение знаменитой Сапун-горы и не менее знаменитого Малахова кургана. А до начала экскурсии есть еще море времени. Ну, не море, так хотя бы залив – это уж точно. Вот по берегу этого залива я теперь и фланирую с восторгом.

«Севастополь – город-чудо!» – так писал Лев Толстой. И дальше этот гений русской словесности не находил слов для его определения. А вот мне хочется находить такие слова, потому что Севастополь – он весь излучает какой-то необыкновенный свет! Построенный из инкерманского камня, он светится своими колоннами даже тогда, когда над городом висят тяжелые тучи.

Повсюду встречаются памятники защитникам этого города, этой святыни русской славы. И создается впечатление, что Севастополь весь дышит подвигом! И тот, кто попадает сюда, непременно пропитывается этим героизмом. Поразительно, но меня не покидает ощущение, что я сам здесь стал смелее.

Ищу безлюдную аллею, чтобы доложить жене о впечатлениях, о своей жизни в этом городе. И вдруг слышу позади себя шаги. Оборачиваюсь. И точно так же, как в «Бриллиантовой руке», бородатый парень произносит:

– Папаша, закурить не найдется?

Я уже приготовился было начать заикаться, как Семен Семенович Горбунков в фильме, но вдруг, сам себе удивляясь, произнес назидательно:

– Дружище, курить вредно. Вот тебе на пиво, выпьешь за мое здоровье. – И, протянув бородачу полтинник, продолжил телефонный разговор с домом, с женой: – Да все у меня тут отлично! Вот только подошел один господин, закурить просит... А я ж не курю,

ты сама знаешь, и сигарет никогда в моих карманах не бывает...

После этого разговора продолжаю прогуливаться вдоль залива. По самому краю, почти у воды, установлены лавочки. На них сидящие бабульки, часами глядящие вдаль, где морская гладь соединяется с небом.

Захотелось и мне присесть передохнуть. Судя по крошкам на парапете, это – прикормленное место. Смотрю, в мою сторону вышагивает довольно крупная птица, как какой-нибудь хамоватый гопник, расталкивая влево и вправо голубей. Наконец-то до меня доходит, что это – чайка. Подошла и не мигая уставилась на меня требовательно, ожидая подаяния. А в рюкзаке моем пусто – ни булочки, ни печенюшки какой завалящей. И на пиво ей не предложишь...

Тут мне припомнились эпизоды с этими птицами у Захара Прилепина в его «Обители» – как чайки выклевывали у мертвых людей глаза и своими наглými пронзительными криками изводили узников Соловков до безумия. Да-а-а, похоже, хороши эти птицы лишь в романтических стихах и песнях. Да еще, может быть, у Антона Чехова в его знаменитой пьесе «Чайка». Недаром силуэт этой птицы уже более сотни лет является символом МХАТа.

Пойду-ка я, пожалуй, искупнусь, освежусь в морской водице – перед штурмом крепости на Сапун-горе. Двигаюсь к памятнику затонувшим кораблям. Там плавают парни, ныряют, взбираясь на изваяния. И их с гордым видом фотографируют спутницы. Со мною никакой спутницы не было, так что некому показывать свою удаль. Впрочем, не было у меня и элементарного фотоаппарата, а снимать на телефон я не люблю. Как же давно миновало то время, когда снимали на фотопленку «Сменами» и «Чайками» (ага, вот и еще одна «чайка»).

Забредая в воду, я лишь несколько раз нырнул с головой, чтобы почувствовать на губах соль Черного моря. И – поскорее на берег: мою одежду никто не караулил, а остаться без нее в таком месте и в такое время мне никак не хотелось (даже если бы и просто пошутили).

И вот наконец-то Сапун-гора. Точнее, пока что лишь путь к ней, подступы. Сапун в переводе с арабского – мыло. На этой горе в древние времена добывали глину, заменявшую мыло. А ведь и в нашей не такой уж дальней истории, во времена лихолетья и тотального дефицита мыла, вместо него использовали глину.

Еду в автобусе с каким-то предчувствием: ох и намылят меня на этой горе, с моим-то воображением! На самом деле Сапун-гора тянется на 8 километров, а сама вершина ее находится на высоте 240 метров над уровнем моря.

Легко тем зевакам, кто механически слушает экскурсовода, воспринимая все как в современных виртуальных играх. И если бы разрешили им на диораме этого поистине героического места поглощать попкорн, они похрустывали бы им, безучастно слушая рассказы о реках крови, лившихся на этих высотах.

Но как быть, если у тебя есть не только слух, не только острый глаз, ранимое сердце, но и до боли мучающее с детства воображение?! И ты уже не можешь стоять простым истуканом перед экскурсоводом, а непосредственно участвуешь во всех сражениях. Ты – воюешь вместе с героями-защитниками Сапун-горы! В мае 1944 года.

Сначала – в составе бойцов Второй гвардейской армии под командованием Георгия Захарова, со всеми идешь в атаку после двухчасового шквального арт-обстрела... И кажется, что от укреплений фашистов уже не остается камня на камне. Но, увы, мы продвинулись лишь на полтора километра и наша атака захлебывается. Ждем ночи, чтобы под покровом темноты саперы разминировали проходы и проделали лазы в колючей проволоке.

На другой день маршал Толбухин бросает в атаку Приморскую армию, которой командует Кондратий Мельник. И каким-то чудом я оказываюсь уже в этой армии, иду со всеми на штурм, вгрызаясь в каменистые склоны, поливая врага огнем из «дегтярева». А вот я уже прорываюсь на гору, прикрывая своим огнем Ваню Яцененко из 844-го полка. Это он подхватил полковое знамя у раненого парторга и водрузил его на самой вершине Сапун-горы. И 7 мая 1944 года высота взята нами за 9 часов боев! Остатки немцев отступают к Северной бухте, надеясь уйти на кораблях, но их прицельно топят артиллерия и бомбы наших самолетов с воздуха. Это нам в подмогу опять подоспела Вторая гвардейская армия, в которой я воевал еще вчера...

Наши потери при штурме Сапун-горы считаются по военным меркам небольшими: 308 бойцов убитыми и порядка тысячи раненых. Но ведь среди этих «небольших» потерь есть и мои друзья...

Через 15 лет после этого сражения здесь была открыта диорама битвы и установлен памятник «Героям штурма Сапун-горы». К нему мы и направляемся после диорамы. Выбравшись оттуда на свет божий, глоснешь в буквальном смысле от мирной тишины, будто в детстве выйдя из кинотеатра после фильма о войне с заплаканными глазами.

Мимо Вечного огня – к гранитным плитам, на которых находишь имена и фамилии тех своих друзей, с которыми всего-то пять минут назад хлебнул лиха, ломая хребет ненавистному врагу. Парадоксально, но в составе неприятеля были в основном войска Румынии, которая вскоре заключила с нами мир и воевала

уже против немцев. А их король Михай даже получил звание Героя Советского Союза.

Экскурсия на Сапун-гору непохожа на обычную. Здесь не просто созерцаешь, здесь соучаствуешь, принимая все близко к сердцу! И искренне радуешься победе, доставшейся такой дорогой ценой! И можно было бы с чистой совестью поднять за взятие высоты стопарь «наркомовских», помянуть погибших друзей, если бы...

Если бы не другая война, которая тоже оказывается моей, кровной. Сегодня к обеду я должен успеть добраться до Малахова кургана. Ведь там почти целый год наши держат оборону. Но уже не против немцев и румын, а против Турции и ее союзников Англии и Франции – с 13 сентября 1854 года и по 28 августа 1855-го. И эта война будет известна в истории под названием Крымской.

А главным противником наших войск на сей раз выступают неугомонные французы, которым мы нахлобучили по их воинственным треуголкам в Отечественной войне 1812 года, побывав даже и в самом Париже. Здесь они жаждут реванша.

Малахов курган – главный оборонительный рубеж на подступах неприятеля к Севастополю. Его название связано с фамилией русского офицера Малахова Михаила Михайловича – обыкновенного, порядочно-го, справедливого, который в чине капитана некогда командовал ротой рабочего экипажа. Поселившись у подножия горы, он, как третейский судья, разрешал споры, выполнял просьбы приходивших к нему людей. А вскоре фамилией этого капитана стали называть и курган.

...Мне нужно торопиться на Малахов курган, где, по данным нашей разведки, на 12 часов дня 28 августа врагом намечен генеральный штурм под командованием французского генерала Мак-Магона.

Число врагов вдвое превосходит наших оборонцев. И достигнуто оно благодаря тому, что неприятелю удалось всего за семь недель проложить семь миль железнодорожного полотна (для конной тяги) из бережной Балаклавы и пополнить численность своих войск, продовольствия, боеприпасов. А мы, увы, прозевали эту постройку. «Эх, – думаю я, что называется, задним числом, – надо было подключить все наши силы, всю артиллерию и начать бомбардировку еще тогда, когда те укладывали первые рельсы...»

А у нас эта война унесла самых талантливых военачальников... Неумелое командование сухопутных генералов, приказавших затопить весь наш Черноморский флот, вынудило царя прибегнуть к передаче командования обороной Севастополя офицерам-флотоводцам, одержавшим незадолго до того выдающиеся победы на море, потопившим флоты турок и их союзников. А было то при Синопе 18 ноября 1853 года.

И отличились там адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин.

И теперь оборона Севастополя легла на их плечи, но уже не на море, а с суши, с крепостных бастионов Малахова кургана. Тут-то и сложили они свои головы.

Первоначально возглавить оборону было поручено вице-адмиралу Владимиру Алексеевичу Корнилову. Приказ этого храброго моряка вошел в историю: «Братцы! Царь рассчитывает на нас. Мы защищаем Севастополь. О сдаче не может быть и речи. Отступления не будет. Кто прикажет отступить – того колите. Я прикажу отступить – колите меня...» Погиб этот военачальник почти в самом начале обороны, при штурме неприятелем крепости 5 октября 1854 года. Находящегося в числе защитников на 3-м бастионе, Корнилова смертельно ранило неприятельским ядром. Последними словами Владимира Алексеевича были: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна. Благослови, Господь, Россию... Спаси Севастополь и флот...»

После гибели Корнилова командование обороной принял на себя адмирал Павел Степанович Нахимов – талантливый ученик виднейшего морехода Михаила Петровича Лазарева. Тот тоже уже покоился в Севастополе. Рядом с ним были похоронены и Корнилов, и контр-адмирал Истомин. Владимир Иванович пал смертью храбрых в жестоком бою 19 марта 1855 года.

А 28 июня был смертельно ранен и сам Нахимов, произнесший буквально накануне фатальную фразу: «Не всякая пуля в лоб». Моральная стойкость этого командира была чрезвычайно высока, ведь он ясно осознавал сложившуюся ситуацию: «Мы все здесь умрем... Помните, что мы – черноморские моряки и защищаем наш родной город! Неприятелю мы отдадим одни наши трупы и развалины. Нам уходить отсюда нельзя-с! Я уже выбрал себе могилу. Я лягу подле моего начальника Михаила Петровича Лазарева. А Корнилов и Истомин уже подле него лежат. Они свой долг исполнили. Надо и нам его исполнить!»

Дни героической обороны города в 1855 году весьма ярко отразил в своих художественных рассказах и очерках «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе» набравший силу русский писатель Лев Толстой, прикомандированный в качестве офицера-артиллериста к 4-му бастиону крепости.

...И вот я сам уже нахожусь среди защитников Севастополя на Малаховом кургане. И еще жив матрос Петр Маркович Кошка, ставший при жизни легендой, кошмар для врагов, наш первый «спецназовец». Он умел совершенно бесшумно одним боевым ножом снимать неприятельских часовых и брать по три языка за одну вылазку. Как-то раз под огнем неприятеля ему удалось откопать из земли тело русского офицера, кощунственно зарытого врагом по пояс, и принести его на свои позиции.

А однажды неприятельская бомба упала прямо под ноги вице-адмирала Корнилова. Петр, не растерявшись, мгновенно схватил ее и бросил в котел с кашей, в которой фитиль бомбы погас, и взрыва не последовало. А в ответ на благодарность Владимира Алексеевича матрос остроумно обыграл в шутке свою необычную фамилию: «Доброе слово и кошке приятно».

За свои подвиги Петр Маркович был представлен к Георгию. А императрица прислала ему золотой крестик на голубой ленточке. И Кошка не прятал его под натальной рубашкой, а носил открыто, как награду, поверх форменной одежды моряка.

...Наш экскурсионный автобус приближался к улице Матроса Кошки, которая и выводит прямо на Малахов курган. Но в моем разгоряченном воображении никак не исчезали картины яростной атаки на Сапун-горе. Перед глазами еще стояли смертельно раненные друзья из 844-го полка. В ушах еще звучала немецкая лающая речь при рукопашной схватке...

А здесь, на Малаховом кургане, мне и моим новым соратникам с минуты на минуту надо ожидать атаку французов. И я спешно пытаюсь пробиться между возбужденными защитниками на 4-й бастион в надежде встретиться там с молодым Львом Толстым. Расспрашиваю, где можно отыскать его, однако мне отвечают, что еще 15 мая Толстой был переведен командиром горного взвода и сейчас его позиция на реке Бельбек...

Получается, что из «знакомых» остается один матрос Кошка. В поисках Петра меня и застает атака французов – с криками, в которых я, не зная французского, могу разобрать лишь слово «император». Враг ожесточенно рвется на наши позиции. А ружьишко-то у меня совсем никудышное, гладкоствольное, капсюльное, бьющее на поражение лишь до 200 шагов. И это против нарезных неприятельских, косящих пулями нашего брата на расстоянии до тысячи метров! Эх, мне бы сейчас «дегтярева», с которым я отбивался давеча на Сапун-горе... Ведь именно с таким ручным пулеметом удалось мне вышибить с нее гансов с румынами. И с каким наслаждением нажал бы я сейчас на спусковой крючок! И уж тогда-то черта лысого взяли бы французы Малахов курган! Но 28 августа 1855 года у меня не было никакого пулемета...

Зато рядом все еще оставался храбрый до безумия матрос Кошка! Зная каждую щель на кургане, Петр вел меня за собой, пробивая своим ножом проход сквозь синие мундиры неприятеля. И к 10 часам вечера пробились мы с ним наконец-то к самому берегу, успев попасть на корабль, переправились на Северную... При свете зарева пожаров видны были мачты наших утопающих кораблей, которые медленно, все глубже и глубже уходили в морскую пучину...

Все это происходило, естественно, в моем пылком воображении. А вот как писал про это очевидец Лев Толстой в своем рассказе «Севастополь в августе 1855 года»: «Я плакал, когда увидел город, объятый пламенем, и французские знамена на наших бастионах...»

Горы трупов на Малаховом кургане – и защитников города, и неприятеля – были похоронены... в одной братской могиле. В 1872 году на этом месте поставили памятник с надписями на двух языках. «Памяти воинов русских и французских, павших на Малаховом кургане при защите и нападении 27 августа 1855 года», – было написано по-русски. А на обратной стороне (в переводе с французского) примерно следующее: «8 сентября 1855 года сошедшиеся для победы объединены смертью. В этом – слава солдат и судьба храбрецов».

Эх, как красиво написано...

Вот так и завершилась сегодняшняя моя экскурсия – сдачей Севастополя.

Хотя все же следует сделать оговорку. И вернуться еще раз в годы грозные войны Отечественной, Великой. А именно в июнь 1942 года. Тогда именно здесь, на месте бывшего 4-го бастиона крепости, батарея капитан-лейтенанта Алексея Матюхина, кавалера ордена Красной Звезды, отбивала яростные атаки орд Манштейна...

Вот так и смешалось все на Малаховом кургане – почти с девятистолетней временной разницей двух войн. А я всего за один день словно побывал сразу на

И этот день оказался для меня настолько эмоционально насыщенным, что, оказавшись вне экскурсии, я уже не мог понять, как мне добираться до места моего временного пристанища. От усталости я стоял на остановке даже не зная, в какую сторону нужно ехать. Припомнил только номер автобуса – 109. Сев же в него, поехал в сторону противоположную от своего жилья. Пришлось возвращаться. Но у меня совершенно вылетело из головы даже название моей остановки...

Выйдя непонятно где, забрел в ближайший магазин. И спросил первую же попавшуюся мне навстречу женщину:

– А не подскажете, как пройти на улицу Даши Севастопольской?

На что дама, складывающая в сумку продукты, улыбнулась мне. И, окинув взглядом мое измученное и растерянное лицо, произнесла:

– А я сама иду туда. И провожу вас до места. – Потом, немного смутившись, добавила: – А ведь это я вас сегодня утром, должно быть, обидела...

Вечером я и Наташа (так звали мою неожиданную спутницу и соседку) делились своими впечатлениями о прошедшем дне. Пили замечательную массандру. А я еще и кормил пельменями ее сына – пятиклассника

Пашку, потому как в рационе этой семьи были почему-то исключительно овощные салаты. А парню непременно нужно мясо – по себе знаю!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ, или Когда кончается праздник...

Всего лишь три дня я в раю, а впечатлений – лет на триста. И уже хочется домой. Впрочем, пожалуй, я все же погорячился с домом. Просто все добро льется мимо, а бочек запасных, как когда-то под углами дома, нет.

Этим третьим днем моего пребывания в Крыму – был в Ялте. Вот это город!

Раньше его я видел лишь в снах. И когда я произношу будто магическое слово – Я-л-та – во рту становится сладко. И уже хочется петь, беспричинно смеяться, что я и делаю – только глубоко внутри себя. Сумасшедшим на людях выставлять себя не намерен.

Ялта... Все эти изогнутые улочки – что вверх, что вниз, что влево, что вправо – утопающие в зелени, они будто пытаются остановить меня, а то вдруг словно стараются прогнать или промчаться мимо одинокого растерянного туриста. И уже невольно вспоминаются слова известного литературного персонажа Остапа Бендера о том, что «мы чужие на этом празднике жизни»...

А буквально полчаса назад я был в гостях у... самого Антона Павловича (ну конечно же, Чехова) – в его скромном домике, который в сравнении с дворцами нынешних звезд или нуворишей даже средней руки выглядит просто провинциальной лачугой.

Нам, экскурсантам, в гостях у великого русского писателя было, что называется, не протолкнуться, хотя всего-то находилось тут человек пятнадцать – двадцать. В тесном коридорчике и двоим-то трудно разойтись. А ведь у Чехова в свое время ежедневно столько гостей бывало! И где только все они размещались?

Честно признаюсь: в этот дом я стремился, как и на Сапун-гору, с самых юных лет. Потому что вырос на веселых рассказах классика. Я и в Севастополе пытался отыскать экскурсионный маршрут сюда, в Ялту, к Чехову. Однако на все мои расспросы у экскурсионных гидов и бюро был практически одинаковый ответ: «Не пользуется спросом». Слыша это, я не мог поверить своим ушам.

– Кто же тогда пользуется у вас спросом, – возмущался я, – если не Антон Павлович – наш великий русский писатель? Ведь его пьесы и сейчас идут по всему миру и как драматург он уступает, пожалуй, лишь Шекспиру!

– Ну, если так сильно хотите, добирайтесь своим ходом, – отвечали мне распространители экскурсионных билетов.

И я, конечно же, поспешил на автовокзал.

Как же все изменилось с советских времен! У меня почти фотографическая память, и стоит только включить картинку, как я снова, как прежде, оказываюсь в нескончаемой очереди, потный и зажатый, будто в тисках. И эта очередь вьется змейкой от окошечка кассы к самой двери, спускаясь по ступенькам, и только в самом конце ее несчастный любитель попутешествовать с тоской спрашивает: «Кто последний?» И бывало такое со мной именно в августе, в разгар бархатного сезона.

На сей раз я опять попадаю в август. Но спокойно, без суеты вхожу в прохладный севастопольский автовокзал, подхожу к окошечку кассы и практически без всякой очереди беру билет до Ялты за 273 рубля. В билете указано время (7 часов утра) и 6-е место, у окошка. И я уже представляю, как буду наблюдать из этого окошка, с правой стороны по ходу движения автобуса, раскинувшееся Черное море...

И оно раскинулось! А слева высились горы, которые тоже радуют мой сибирский глаз, жадный до южной экзотики. И хотя я пока еще только приближаюсь к цели своей поездки, уже получаю то, чего хотел: эта удивительная чудо-природа; этот влажный морской воздух, влетающий в открытые окна автобуса, которым я никак не могу надышаться; эта бескрайняя синева моря, устремляющегося к неуловимой границе с небом; этот корабль, идущий по морю, но кажущийся застывшим на месте; эти скалистые берега, теснящие побережье...

А дорога, изгибаясь, ведет меня все дальше и дальше. И из окна открываются все новые картины, будто сошедшие с книжных страниц, или сбегавшие с задников театральных кулис веселых оперетт, или запомнившиеся из кадров музыкальных кинокомедий, снятых на Ялтинский киностудии...

А внизу, вдоль самого берега, уже высятся многоэтажные санатории, дома отдыха и современные гостиничные комплексы. И я уже представляю себя в номере одного из таких отелей, стоящим на балконе, конечно же, с видом на море... И немного завидую людям, которые проживают в них, поскольку сейчас они ближе ко всему этому великолепию, чем я, мчащийся в автобусе куда-то... А куда?

И тут до меня доходит, что я мчусь не куда-то, а к Чехову. К самому Антону Павловичу! И теперь это для меня становится самым важным!

Автовокзал Ялты непохож на обычные, виденные мною ранее. Его здание находится как бы в чаще, вылепленной архитектором Богом из изумрудных гор. И снова не можешь в каком-то оцепенении оторвать взгляда от окружающего, поворачиваясь лицом к небу, вправо, влево... И, очнувшись, вспоминаешь, для чего ты приехал в этот город.

Я быстро научился распознавать среди толпы встречаемых и прохожих местных жителей-южан. Ищу подходящего для себя «информатора» — желательно

женщину, желательно в годах, желательно не спешащую никуда... И сразу нахожу такую. Спрашиваю, как добраться до дома Чехова. Остановившаяся дама начинает мне подробно разъяснять: по какой улице пройти сначала, чтобы сесть в нужный автобус, на какой остановке сойти; какой перекресток пересечь, чтобы потом сесть на троллейбус. А выйдя из троллейбуса на конечной, надо пройти вдоль светлой ограды, чтобы очутиться прямо перед калиткой дома Антона Павловича.

Я искренне благодарю эту удивительную женщину этого удивительного города и отправляюсь в гости к моему давнему кумиру. Вот и калитка, описанная вежливой незнакомкой, а от нее — вымощенная плиткой дорожка, веющая приветливым уютом.

А далее — почти по протокольному сценарию: билетно-экскурсионная касса, находящаяся в прохладном холле с кинозалом, осмотр многочисленных снимков семьи Чеховых, просмотр специального киноролика о писателе...

Сидя в уютном кресле, пытаюсь всмотреться в умное лицо Антона Павловича, и уже кажется, что только от этого сам становлюсь хоть немножечко, но умнее.

Затем стихийно сформировавшейся группой посетителей следуем за гидом в увлекательнейшее путешествие. И дама-экскурсовод с одухотворенным лицом начинает произносить давно заученный текст, возможно в тысячный раз. И все же в ее интонациях невозможно не уловить не только дежурное уважение, но и какую-то флюидную нежность к писателю. И я уже не сомневаюсь в том, что все, кто работает в этом доме-музее (а в основном это женщины), влюблены в Чехова.

И мне почему-то вспоминается другое знаковое место — пушкинское Михайловское, в котором некоторое время работал еще один наш замечательный писатель — Сергей Довлатов. И он писал примерно о том же: все сотрудники музея — от директрисы и до техники, моющей полы, — были влюблены в Пушкина. И попробуй там кто-нибудь из посетителей сказать о гении русской словесности что-либо фривольное или непотребное...

Вот так и я: не посмел задать нашему сегодняшнему гиду, так увлекательно рассказывающему о приездах Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой к мужу, ни одного неудобного вопроса. Да мне и не нужно было их задавать...

Я весь был погружен в то время, когда здесь проживал Чехов. И вновь, как на Сапун-горе или на Малаховом кургане, будто «машиновременно» переносился сюда и мое воображение воспроизводило эффект полного присутствия... Следуя в группе последним, приостановился у лестницы, ведущей на второй этаж. «Ага, вот на этом самом месте актриса, как называл ее муж, особенно торопилась, чтобы не встретиться с матушкой писателя, — понял я. — И, как та «чайка»,

взлетала по ступенькам туда, где располагалась ее комната...» Впрочем, в комнату-спальню Книппер нашу группу почему-то не пустили...

Перед самой поездкой в Крым я перечитал всю переписку Антона Павловича с Ольгой Леонардовной, все 1030 писем. И буквально за неделю до сегодняшней экскурсии искренне радовался за писателя: с каким восторгом он сообщает жене о посадке кедра! Он мечтал о том, что однажды, через годы, какой-нибудь путник отдохнет под этим выросшим деревом...

Этим путником, попавшим в Ялту, сегодня ощущаю себя и я, спасаясь от всепожирающего печала под великолепной изумрудной кроной кедра, посаженного самим Антоном Павловичем!

Перехожу на скамеечку возле дома, устраиваюсь на ней и вспоминаю чеховские слова из письма жене: «Сегодня делал лавочки, но не на массивных металлических ножках, а на деревянных, покрасил их в зеленый цвет. Есть теперь где тебе отдохнуть».

Я сижу и осматриваюсь вокруг. Конечно, такого пышного сада тогда еще не было, но дом-то стоял – последнее пристанище Антона Павловича, которое он приобрел под конец жизни.

А когда я зашел в гостиную, первым делом обратил внимание на камин, который никогда не мог согреть больного хозяина: то ли неправильно его сложили, то ли истопник был вечно пьян. А ведь при плюс 12 зимой даже здоровый человек будет мерзнуть. А у писателя туберкулез в последней стадии. И я думаю, что лучше бы он поселился где-нибудь в Бахчисарае, там местные жители в большинстве своем о такой болезни даже и не слыхивали. А если вдруг кто и заболел ненароком, умели быстро излечить. Видимо, сам воздух был целебным в том местечке...

Сижу на лавочке и вспоминаю тех людей, кто гостил здесь и кто был нужен Антону Павловичу, как свежий воздух, чтобы он мог писать свои пьесы и рассказы.

И уже видится мне высокая фигура волжанина Максима Горького, вспоминавшего о хозяине дома: «Хороши у него бывали глаза, когда он смеялся, – какие-то женские, ласковые и нежно-мягкие. И смех его, почти что беззвучный, был как-то особенно хорош. Смеясь, он именно наслаждался смехом, ликовал; я не знаю, кто бы мог еще смеяться так – скажу – «духовно». Грубые анекдоты никогда не смешили его. Смеясь так мило и душевно, он рассказывал мне: «Знаете, почему Толстой относится к вам так неровно? Он ревнует, он думает, что Сулержицкий любит вас больше, чем его. Да, да. Вчера он говорил мне: «Не могу относиться к Горькому искренно, сам не знаю почему, а не могу. Мне даже неприятно, что Сулер живет у него. Сулеру это вредно. Горький – злой человек. Он похож на семинариста, которого насильно постригли в монахи и этим обозлили его на все. У него душа соглядатая, он пришел откуда-то в чужую

ему, Ханаанскую землю, ко всему присматривается, все замечает, обо всем доносит какому-то своему богу. А бог у него – урод, вроде лешего или водяного деревенских баб». Рассказывая это, Чехов досмеялся до слез и, отирая слезы, продолжал: «Я говорю: «Горький добрый». А он: «Нет, нет, я его знаю. У него утиный нос, такие носы бывают только у несчастных и злых людей. И женщины не любят его, а у женщин, как у собак, есть чутье к хорошему человеку. Вот Сулер – он обладает действительно драгоценной способностью бескорыстной любви к людям. В этом он – гениален. Уметь любить – значит все уметь...» А еще о Сулере Чехов сказал мне: «Это – мудрый ребенок». Очень хорошо сказал...»

Горький вообще любил вспоминать Антона Павловича. Говорил, что хорошо вспоминать о таком человеке: тот же час в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл. «Человек – ось мира. А скажут: пороки, а недостатки его? Все мы голодны любовью к человеку, а при голоде и плохо выпеченный хлеб – сладко питает...» – так писал Горький спустя годы после кончины своего старшего товарища. И мне думается, очень хорошо он сказал! Видимо, не зря же и я, приехав сюда, почувствовал себя хоть на щепотку, а умнее. Парадоксально, но, может быть, именно потому, что стал меньше читать и размышлять над прочитанным?

А ведь когда-то... Будучи оператором котельной установки (а проще говоря, кочегаром), я, собрав волю в кулак, по своей инициативе решил пройти всю школьную программу по литературе! В школе-то ничего не читал из классиков, а, как все пацаны, списывал у добросовестных учениц-девочек, дабы получить вожделенный трояк, гарантирующий невызов родителей...

В котельной я проходил школьную программу и радовался, что все понимаю, потому что классика – для сорокалетних, а не для пятнадцатилетних юнцов... А когда уставал от такой учебы, разбивал вокруг своего здания сад. И однажды, к 140-летию любимого писателя, посадил 70 черенков вишни, и все они принялись! Сейчас, когда я уже давно на пенсии, встречаю порой бывших коллег и слышу от них, что на заводе люди радуются, собирая спелые вишневые ягоды с тех выросших деревьев. Думается, и Антон Павлович похвалил бы меня за тот сад. Ведь не зря же он сказал однажды Горькому, что если бы каждый человек посадил хотя бы по одному дереву, то какой сад расцвел бы на земле!

На лавочке чеховской усадьбы можно было целый день просидеть вот так в размышлениях. А экскурсионные группы, сменяя друг друга, все ходили и ходили в сопровождении гида-дамы. И она все так же одухотворенно рассказывала и рассказывала им о Чехове, его семье, его жизни здесь, причем не заученно-дежурными фразами, а импровизационно, профессионально.

И увиделся мне другой большой русский писатель – Иван Алексеевич Бунин, тоже бывавший здесь, у Чехова. Припомнился мне и их диалог:

– Антон Павлович, вот скоро и юбилей ваш будем праздновать...

– Знаю я эти юбилеи. Бранят человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят ему гусиное перо из алюминия и целый день несут над ним, со слезами и поцелуями, восторженную ахинею...

А однажды, по своему обыкновению внезапно, Чехов сказал Бунину:

– Знаете, какая раз была история со мной? – и, посмотрев некоторое время через пенсне прямо в лицо, принялся хохотать: – Понимаете, поднимаюсь я как-то по главной лестнице Московского благородного собрания, а у зеркала, спиной ко мне, стоит Сумбатов-Южин, держит за пуговицу Потапенко и настойчиво, даже сквозь зубы, говорит ему: «Да пойми же ты, что ты теперь первый, первый писатель России!» – И вдруг видит в зеркале меня, краснеет и скороговоркой прибавляет, указывая на меня через плечо: «И он...»

Сидя на лавочке, я представил себе этот эпизод так ярко, что и сам расхохотался. Потом спохватился, озираясь: не увидел ли кто одинокого туриста на скамейке, смеющегося над своими же мыслями? К счастью, очередная группа туристов в это время зашла за дом и меня не услышала. Да и слышимость здесь была не такая уж сильная – из-за оглушительного непрекращающегося естественного концерта цикад. И этот цикадный всепронизывающий свист, готовый перейти в ультразвук, был очень непривычен для сибирского уха. (Уже дома я попросил жену отыскать в интернете и показать мне на экране это насекомое. Оказывается, цикады весьма забавно трясут задниками при исполнении своих арий. Брачный период требует от них вибрировать всем телом и изо всех сил!)

В этой связи не удержусь привести здесь чеховские слова из записной книжки: «В природе из мерзкой гусеницы выходит прелестная бабочка, а вот у людей – наоборот: из прелестной бабочки выходит мерзкая гусеница...»

Ну, гусеница – куда ни шло, размер ее невелик, и она быстро уползает из поля зрения. А вот когда однажды Ольга Леонардовна написала мужу: «Антошка, милый, выходи за калитку и почаще гуляй» – он ей ответил: «Да гулял бы с удовольствием, да вот только выйдешь за калитку, куда ни посмотришь – везде свиньи рыла...»

Думается, что тут великий писатель слегка погорячился. Выходя за калитку, я попытался представить себя Антоном Павловичем и тоже взглянул по сторонам. Но не увидел вокруг ни одного «свиного рыла». Были исключительно красивые люди, фланировавшие налево и направо. Возможно, те, о которых говорил Че-

хов, сегодня уже все выродились, а бабочки уже не превращаются обратно в гусениц?

Между тем настоящие бабочки порхали вокруг меня, радуя глаз своей причудливой раскраской. И то, что осуществилась моя мечта побывать в доме замечательного человека и любимого писателя, переполняло меня небывалым восторгом! В таком состоянии совсем не хотелось возвращаться к автовокзалу. «Там хорошо, но мне туда не надо», – отозвалось во мне голосом Высоцкого, и я побрел по направлению к морю.

Чем примечательны приморские города, так это тем, что в них практически негде заблудиться. Все они располагаются на склонах: вниз пойдешь – непременно попадешь к морю, вверх подашься – упрешься в горы. Тротуар, по которому я шел, извивался по направлению к водной глади по склону между экзотических деревьев. И мне навстречу попадались исключительно красивые и жизнерадостные лица. «Раньше и девушки были красивее», – гундят выживающие из ума мои сверстники-маразматики. А мне попадались не то что девушки, но даже и старушки – исключительно привлекательной внешности, прекрасные ялтинки, ялтовочки, ялтульки (даже и не знаю, как их еще можно нежно и ласково называть). Выделялись они среди прочих неброской одеждой, загаром шестидесятилетней выдержки, спокойными несуетливыми движениями и, конечно же, сумками, авоськами, набитыми съестным. Даже окружающие домики, утопающие в зелени, были мило-уютными, и казалось, будто они улыбаются мне.

А мой тротуар-ручеек все стремительней стал набирать скорость к морю. И вот наконец оно заголубело вдаль. «Какая красота! И какие должны быть тут люди – как продолжение природы...» – восклицал когда-то Чехов. И мне подумалось, что так оно и есть на самом деле. За тысячи километров люди стремятся сюда, чтобы отдохнуть. И почему бы им хотя бы на это время не быть красивыми?! И я пытаюсь в который раз сбавить шаг, вливаясь в эту красоту и сливаясь с ней. И на какое-то мгновение мне кажется, что это удается.

Волны морские – вот они, в двадцати метрах от меня. Я скидываю с себя рубашку, брюки, и Черное море уже обнимает, ласкает меня – все клетки моего организма. Нырнув, я погружаюсь в волны целиком. И хотя я целую минуту могу быть Ихтиандром, через секунду-другую приходится выныривать: гарантий сохранности моей одежды никто не давал. И очень не хочется остаться здесь в одеянии папуаса.

По громкоговорителю объявляют об очередной посадке туристов на прогулочный катер по морю. Но мне этот вид транспорта сейчас не нужен. Автобус мне, автобус! А он на автовокзале. И до него мне, испугавшемуся в такой ласковой и теплой воде, уже хочется воспарить чеховской чайкой или, как Ольга Леонардовна, по лесенке чеховского домика – молниеносно взлететь...

«Антончик, милый, почему твоя мамаша меня не любит?» – частенько задавала вопрос мужу актриса МХТ Ольга Книппер. На что писатель каждый раз отвечал почти одно и то же: «Как не любит? Да любит она тебя, дурочка ты моя!»

А в своих письмах называл он ее всякий раз по-разному, но чаще всего – «дусик» (так обычно институтки обращались к объектам своего обожания). И однажды Чехов рассмеялся в своем письме, откровенничая, что чуть было не написал вместо «дусика» – «дурик».

А разнообразие обращений к Ольге Леонардовне в письмах у Чехова просто фантастическое! И если бы я работал гидом в его доме-музее и мне нужно было потянуть экскурсионное время (как, например, в фильме «Корона Российской империи»), то справиться с такой задачей для меня бы не составило большого труда. И туристы, полагаю, от такого моего многословия вряд ли бы затосковали, потому что каждое «имя» у великого писателя звучит свежо, по-особенному – и остроумно, и ничуть не обидно. Да и мог ли Антон Павлович захотеть обидеть свою обожаемую жену и талантливейшую театральную актрису? Вот какие Чехов использовал к ней обращения:

Лошадка; Собака; Замухрышка; Актрисуля; Таракаша; Ангелочек; Бабуся; Бедная моя девчуша; Балериночка; Жидовочка; Немочка; Змееныш, нет – громадная змея; Супружница; Книпищиц; Мамуся; Эксплуататорша души моей; Деточка; Лютераночка; Мордочка; Крокодильчик души моей; Собака Ольга; Голубчик; Балбесик мой; Милый мой песик; Светик мой; Пупсик милый; Птица моя; Милая воробыха; Балбесик мой; Клопик мой; Мордуся моя; Моя философочка; Карапузик мой; Бабочка моя; Окунь мой; Милая старушка; Попугайчик; Каракуля моя; Олюха; Моя насекомая; Забудлыга; Желуля; Зюзик; Гургулька; Красавица; Венгерек; Суслик; Жена-цаца; Зузуля; Козявка; Кашалотик; Жулик; Зяблик; Палочка...

Именно «Палочка» особенно нравилась Ольге Леонардовне из всех имен. Сама же она чаще всего подписывалась – «Собака». Но однажды жена Чехова все же обиделась и написала: «Антоша, ведь ты меня ни разу по имени не назвал». На что он отреагировал: «Разве?! Ну, тогда называю: здравствуй, Оля».

...А ведь и мне нужно произнести то же по телефону – моей далекой жене (и тоже Оле), воюющей сейчас в нашем маленьком огороде с градом, внезапно напавшим на наш город таким, казалось бы, мирным августом. Все наши посадки, нежно лелеемые с начала марта, погибли. А произошло это именно тогда, когда моя Оля осталась одна, так как все остальные близкие родичи уехали отдыхать на Байкал. Об этой неприятности и поведала жена по телефону мне – блаженствующему на берегу Черного моря. Вот такими новостями из дома и закончился мой сегодняшний праздник... Остаться без урожая и домашних заготовок на зиму? Да-а-а...

Ну что ж? Прощай, Ялта. Какими же скоротечными оказались твои ласки! Я ехал в автобусе обратно в Севастополь, глядел в последний раз на отдыхающих ялтинских туристов. И вдруг подумал: «Как же мы все похожи на мух, слетевшихся на сладкий пирог, которых скоро чья-то властная рука одним махом сгонит оттуда. И возможно, навсегда...»

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ, или Как мне не удалось войти в одно море дважды

Упорство, достойное осла, присуще мне, как никому другому. Найти друзей, потеряв их сорок лет назад, – этим я жил все последние годы. Просто в советское время часто видел кинофильмы, как встречались однополчане после войны – спустя 10, 20, даже 30 лет. Но не через 44 же года! Так долго не живут, а если и живут, уезжают в другие города и страны. Но, все это понимая, по наивности своей верю в чудеса: а вдруг я их все-таки встречу?

Частенько пересматривал черно-белые фотографии и пытался мысленно нарисовать на молоденьких пацанах в солдатской форме седину и морщины. И понимал, что если чудо и совершится и я все же встречу армейских друзей, то смогу узнать их только по глазам, которые единственные в человеке не стареют. Они могут быть усталыми, печальными, но остаются вечно юными.

Фотографий Саньки, к которому я собрался нынче в Алушту, немного, потому что делались они в начале службы. И учебка в Самарканде не давала ни лишнего времени, ни фотоаппарата для съемок наших забавных лиц в выгоревших военных панамках.

Марш-бросок в ОЗК при 40 градусах жары в тени – и ни о какой «фотосессии» ни у кого из моего взвода даже в мыслях не было. После пробежки добраться было до арыка, размотать портянки, сунуть ноги в прохладную влагу, откинуться на спину, закрыть глаза и выслушивать в сотый раз от друзей, чего бы они сейчас холоденького выпили. И уже не до хорошего, не до пива – хотя бы заглянуть в кафешку и, если есть у кого мелочь, купить яблочного морса, стакан которого так мал, что жажда остается неутоленной...

В 1977 году сразу после демобилизации я махнул к моему другу Александру в его райскую Алушту. Впервые в жизни увидел море, когда из Симферополя троллейбус неспешно поднялся на перевал. Сердце едва не остановилось от этой бескрайней синевы, соединяющейся с небом.

От вокзала мой путь лежал через рынок к его улице Ленина, которую все знали, кого бы ни спросил. Я чуть ли не летел по ней со своей спортивной сумкой, слегка обросший после службы. А вот и крайняя пятиэтажка, подъезд и квартира на четвертом этаже – и объятия с ожидающим меня другом. Молодая еще Санина мама

(нашим матерям в то время не было и пятидесяти) устраивает мне на лоджии место для ночлегов. И я, поставив сумку, прошу Сашу немедленно отправиться на море. Так мы и поступаем. Двигаемся по пологому спуску, не пропуская по дороге ни одной кафешки, в которых нам наливают по бокалу то красного, то белого крымского вкуснейшего вина, и наговориться никак не можем. На пляже, раздевшись, с разбега ныряем в набегавшую волну и потом лежим на спинах, укачиваемые Черным морем. После того как отдали долг Родине, большего блаженства я не испытывал никогда в жизни.

Морская вода так надежно держала, что я почти не двигал ни руками, ни ногами. Но течение небольшое все-таки присутствовало, и когда я поднял голову и взглянул на берег, он мне показался далекой узенькой полоской, на которой стоял Санек и махал мне руками: «Возвращайся!» Так я едва не уплыл в Турцию. Разворачиваюсь и гребу к берегу. Падаю животом на горячую мелкую гальку, греюсь на солнце. Вода в июне все-таки не такая, как в бархатный сезон. Моя бледная сибирская кожа быстро подгорает, и вот уже мы с Сашей на просторной веранде, вдающейся в море. В кафе заказываем пиво и шахматы. И под шум волн, бьющихся о берег, разыгрываем партии. Это сладкое слово – свобода! Все пропитано этим.

Рядом с пляжем кинотеатр, разнообразим наш отдых итальянской кинокомедией, фразы из которой, ухатываясь, мы то и дело произносим по дороге домой, где добрейшей красавицей его матушкой накрыт праздничный стол в честь приезда соратника сына по защите Родины.

По пути к дому Саня мне рассказывает, кого из знаменитостей он здесь встречал:

– И артистов, и спортсменов великих видел я, Серега, как тебя.

И я начинаю перечислять всех, кто был на слуху в семидесятых: «А этого видел?» – «Видел... А этого видел вот на этом самом месте. А вот лестница, по которой спускалась Нина из «Кавказской пленницы». А вот здание Дворца бракосочетания, где разрезала ленточку она. А завтра покажу валун, на котором она исполняла песню «Где-то на белом свете».

– Сашка, ты живешь в раю! – восклицаю я.

На что он мне:

– А я этого не чувствую, я же родился здесь и живу уже 20 лет.

На закате южного солнца к подъезду моего друга стекается молодежь со всего дома, потому что мы на лавочке под гитару исполняем на два голоса любимые песни Юрия Антонова:

*Море, море, мир бездонный,
Пенный шелест волн прибрежных...
Над тобой встают, как зори,
Нашей юности надежды.*

И как же звонко нам подпевали в припеве девчонки, каждая из которых при свете звезд выглядела красавицей! Помнится, это были горнолыжницы на сборах, умудрявшиеся нарушать спортивный режим.

Где они, все эти наши бывшие подружки, нынче бабушки-старушки? Нянчат внуков, играющих их медалями? Вспоминают ли они двух бардов, поющих в раю? Поутру мы с ними катались в море на катере, фотографировали друг друга простенькими «Сменами» и «Чайками». И сейчас, через многие годы, возможно, чья-то морщинистая рука, перебирая черные белые снимки, задержится на одном из них чуть дольше. Хочется верить, что это так...

Перед отправкой домой матушка моего друга спросила:

– Сережа, а что ты привезешь своим родным?

На этот вопрос я не мог ответить и попросил ее помочь мне выбрать подарки. Я протянул доброжелательной женщине остатки былых моих финансов. И Сашина мама, вернувшись под вечер, вынула из сумки три чудо-косынки разных расцветок, которые в то время считались модными и, помнится, назывались «газовыми».

– Это твоей маме, бабушке и сестренке, – сказала она, протягивая невесомые подарки и ласково улыбаясь. – А это твоему папе.

И она подала огромную коробку с набором крымских вин, названий которых я раньше не знал. Бутылочки были маленькие, стограммовые. Вспоминаю «Южную ночь», «Черные глаза», мускат «Коктебель»...

Когда я дома вынул крымские косынки, мои девочки сразу стали примерять их перед зеркалом и на глазах начали меняться. Младшая сестренка стала выглядеть как элегантная девушка. Бабушка помолодела. А мама, которая и так красавица, теперь была похожа на актрису из фильма «Моя любовь». Мама стала еще красивее.

Отцу я весь набор крымских вин не стал отдавать. Протянул лишь одну стограммовую бутылочку «Южной ночи», которую он опрокинул в граненый стакан, залпом выпил, поморщился и сказал: «Нет, наш «Аг-дам» все-таки посильней». Поэтому остальные пузырьки я красиво расставил в своем книжном шкафу, решив начать коллекционировать. Но это решение было перечеркнуто первым же приходом друзей, которые с порога заявили: «Серега, эту коллекцию надо продегустировать!» Что-то, а дегустировать мои кореша умели.

...С тех времен пронеслось сорок лет и четыре года. В сказках и былинах – обычно тридцать и три. Но все равно я решил вернуться в сказку. И никакие доводы о невозможности дважды войти в одну реку не остановили меня. Правда, базироваться я на сей раз решил не в Алуште, а в Севастополе. Тем более что героические места у меня были первыми по программе. И ничуть не пожалел об этом. И ничуть не прога-

дал. Подвиги, духом которых я наполнился на Сапун-горе и на Малаховом кургане, закалили весь мой организм и подготовили к любому повороту событий.

Либо упрямство, либо настырность говорит мне: «Ну, если нельзя в одну реку войти дважды, попытайся тогда войти хотя бы в одно море, с которым чувствуешь родство». И вот оно, море, опять за окном автобуса не отпускает моего взгляда. Доезжаю до горы, похожей на гигантского медведя, и предвкушаю встречу со старым другом. Мечтаю, как отыщу на улице Ленина его пятиэтажку, пройдя от автовокзала сначала через центральный рынок, как я проделал это 44 года назад. Предпоследний подъезд. Думаю, теперь он снабжен домофоном. Раньше-то я сразу, толкнув дверь, взбежал на четвертый этаж. Если друг-однополчанин где-то трудится на пенсии, его на той лавочке можно будет подождать, где мы пели под гитару. А вдруг мне повезет и Саня дома? Позвоню, он откроет – седой поджарый старик – и, озорными глазами глядя на меня, станет соображать: кто такой? А я его немного помучаю, растягивая предвкушение крепких объятий...

В домофон я звонил долго. Потом догадался постучать в окно в этом же подъезде. Оно отворилось, и выглянула бабушка.

– Выходит, вы спрашиваете про Сашу Виноградова? – наконец поняла она. – Так он продал квартиру и уехал на Украину...

Развернувшись, иду к автовокзалу, как всегда, напевая услужливо подвернувшуюся песню: «Куда уехал цирк, он был еще вчера? И ветер не успел со стен сорвать афиши. Куда ушли слоны, в какие города?..»

Ну правильно, мечта не осуществилась – так мне об этом все заранее твердили. Выходит, что и в одно море нельзя войти дважды.

А что ты хотел? Чтобы он стоял и ждал тебя на своей лоджии все сорок четыре года? Или часто выходил на дорогу встречать тебя в своем супермодном шушуне? Дай бог, чтобы на Украине ему жилось сытнее, чем в родной Алуште. И чтобы Саньке там кто-нибудь исполнил песню так же душевно, как исполнял его армейский друг Серега.

Теперь на автовокзал и в Симферополь. Остается, к счастью, запасной вариант – это Генка. С ним я познакомился в школе прапорщиков, где пришлось продолжать службу после Самарканда и где Геннадий, отслужив срочную, осваивал особенно ему приглянувшуюся профессию прапорщика. Который настоящий «отец каждому солдату»: оденет, и обует, и в баню сводит, и кальсоны с портянками поменяет.

Я служил в этой школе каптенармусом. И курсанты меня уважали – за то, что каптерку я открывал в любое время суток по первому требованию. Хотя работа моего склада была строго регламентирована, во всяком случае, табличка с часами открытия и закрытия на дверях висела. Но мне не было лень открывать эти

двери для парней. Тем более что у курсантов водился хороший кофе или чай и мы частенько чаевничали или кофейничали, коротая суровые армейские будни.

К тому же в каптерке я баловал товарищей песнями под гитару на любой вкус. Особенно легким на подъем был Генка. Спеть ли, станцевать, взять ли гармошку и, играя на ней, одновременно проходить полосу препятствий – для него не составляло труда. Геннадия я называл тогда Генка Теркин.

Вот его-то мне и довелось снимать на фотопленку чаще других своим фотоаппаратом «Чайка». Этот фотик замечательный был тем, что пленка вмещала не 36, а 72 кадра. Поэтому я больше служил не каптерщиком, а фотографом и гитаристом-аккомпаниатором.

Если бы мы с Генкой встретились и начали вспоминать, ухаживаясь, все анекдотические случаи на нашей батарее, не хватило бы и недели. Недаром говорят: кто в армии служил, тот в цирке не смеется.

В Симферополе я пожалел свои ноги и сел в такси.

– Вы знаете, что проезд по городу стоит 400 рублей? – буркнул водитель.

И я ответил ему, что теперь буду знать.

Тронувшись от автовокзала и переехав дорогу, такси остановилось на первой же следующей улице – Кондукторской. И первый же дом на ней оказался домом моего друга. Вся моя поездка в такси длилась три минуты. Бомбила потребовал 400 рублей, и я безропотно их ему отдал. Чувствуя, что слишком уж быстро заработал деньги, таксист для очистки совести бросил мне сквозь окно: «Может, подождать?» Но я махнул рукой, дескать, нет, спасибо, не надо, и он уехал.

Помня, как в Алуште я слишком расчувствовался, ожидая дружеских объятий, здесь не стал себя тешить иллюзиями. Постучал в окно, спросил. На что выглянувшая старушка ответила, что Гена Шубин здесь не живет. Есть телефон, но он никогда не поднимает трубку. Я попросил ее позвонить, никто не ответил. И мне ничего не оставалось, как брести на ЖД-вокзал. На автобусах и такси я сегодня уже накатался, решил вернуться в Севастополь на электричке. Ну что ж, остается запомнить этот день 5 августа и ввести себе в календарь как праздник прощания с иллюзиями и в дальнейшем отмечать его каждый год. Он этого стоит. Я немало заплатил сегодня – и в моральном, и в материальном плане.

На электричку я садился опустошенным и в то же время наполненным. Этот парадокс я надеялся разрешить во время поездки на своем любимом транспорте: в плюсе я все-таки или в минусе?

Прижавшись головой к окну, с облегчением вздохнув, я задумался. Но думы мои прервала вошедшая в вагон семья необъятных размеров. Проигнорировав остальные пустые места, все трое – папа, мама и дочка – сев рядом, буквально вдавили меня в стекло окна. Жизнерадостные, как все полные люди, они как

будто не замечали меня – и разговаривали, и резвились как у себя дома.

Сидевшая напротив дочка (по возрасту ученица первого класса, но по комплекции старшеклассница) то и дело надувала жевательную резинку и лопала пузыри мне прямо в лицо. Ее мама тоже попросила у мужа жвачку, и девочки стали надувать пузыри синхронно, тут же лопать их и при этом заодно смеяться.

Размышляя поначалу о плюсах и минусах сегодняшнего дня, теперь я поменял задачу. Захотел испытать силу воли: выдержу я или нет таких соседей до Севастополя? Половину дороги хвалил себя, свою стойкость, применяя подзабытые тренировки по хатха-йоге и моля только об одном: чтобы папа – этот гигант Пантагрюэль – не начал так же лопать пузыри мне в ухо, потому как сидел он сбоку.

Очередной лопнувший мне в физиономию пузырь оказался последней каплей. Интеллигентно извинившись, я с трудом выбрался из-под горы этой «теплой» семейки и пересел на другое место. Но все же целых два часа мне удавалось сохранять стойкость!

Добрался до своего жилья – и еще раз пришлось опечалиться: узнал, что мои добрые друзья Наташа и Пашка, с которыми я делил и кров и стол, завтра уезжают в Евпаторию.

Так закончился мой четвертый день в Крыму – день разочарований и утраченных иллюзий с многолетними мечтаниями.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ **Бахчисарай,** **или Фонтан сувениров**

Ненужных вещей, как называет их моя жена, я притащил из поездки пропасть. И в основном бахчисарайских...

Но вначале, ранним утром этого дня, я провожал на железнодорожный вокзал своих соседей – Наташу и ее сына Пашку. Они уезжали в Евпаторию продолжать лечение мальчишки.

Родив его шестимесячным, мать прилагает героические усилия, чтобы парень не отставал от своих сверстников. И почти добилась этого. Осталась одна математика, из-за которой сына грозились перевести в школу для отстающих. И я уверен, что Наташа справится и подтянет пацана до нужного уровня. Не зря же она бросила хорошо оплачиваемую работу, достала свой первый диплом учителя начальных классов и устроилась в школу, чтобы не дать сына в обиду.

Однажды я вернулся с экскурсии рано и стал свидетелем того, с каким трудом им двоим – маме и сыну – приходилось решать простейшую задачу. И с каким упорством Наталья все же добилась понимания.

И вот сегодня, оставив мне адреса и телефоны мест, где они раньше отдыхали и где намного дешевле стоит проживание, мои соседи уезжали. Всего 4 дня мы провели под одной крышей, но успели привыкнуть друг к другу, делясь пережитым ежедневно. Это пережитое стоило того, чтобы его кому-нибудь излить. Им непременно стоило поделиться.

Провожать друзей всегда грустно, но сейчас мы втроем бодро двигаемся на остановку, обдуваемые ласковым ветерком. Солнце на утренней заре – сама нежность. И тяжелые сумки на колесиках поют свою вечную дорожную песню. Путь идет под гору, где остановка ожидает своих первых ранних путешествующих пташек.

А потом просторный троллейбус катит нас в центр, к памятнику капитану Казарскому Александру Ивановичу – герою Русско-турецкой войны, который в 1829 году, 26 мая, командуя бригам «Меркурий», одержал победу над двумя самыми быстроходными линейными кораблями турецкого флота.

Это произошло на Босфоре. Турки догоняли нашу маленькую бригантину – по сути, лодку. Это когда она поднимала паруса, то становилась похожа на корабль. А без парусов – лодка, которая и уходила-то от врага на веслах.

Но как бы слаженно наши матросы ни гребли, расстояние между ними и неприятелем быстро сокращалось. И какой был выход из этого положения? Когда на тебя несутся эти два монстра – два огромных корабля, на палубах которых 200 пушек, и турки веселятся, предвкушая легкую забаву с русским суденышком с 18 пушками. Превосходство в 10 раз!

Тут могло быть два выхода. Первый – спустить Андреевский флаг и сдаться, остаться в живых, но до конца дней своих жить с этим позором. Выход второй – с поднятым флагом подорвать самих себя и, не марая чести, уйти на дно. Всего два выхода. Но капитан Казарский выбирает третий – драться!

Хотя шансов на победу – один из тысячи. Александр Иванович спрашивает команду: все ли согласны с его решением? И матросы, верившие капитану безгранично, конечно же, его поддерживают.

В такой неравной схватке нужно хотя бы маленькое чудо. И оно случилось! Когда наши моряки перед битвой стали молиться, неожиданно подул ветер. И радости русских матросов не было предела. Ведь этот ветер был другом брига, который любил маневрировать. Вот и сейчас с Божьей помощью он ловко начал уклоняться от турецких выстрелов. Уходил от врага, при этом сам снайперски сбивал мачты и рангоуты на неприятельских линкорах. Выстрел – и уход, выстрел – и уход, молниеносное изменение направления. Наши матросы летали по палубе как птицы, управляя парусами и одновременно стреляя из пушек, сбивая пламя, затыкая пробоины. Один герой

лег на пробоину, но вода его отталкивала, и тогда он закричал: «Братцы, подоприйте меня бревном!»

Бриг скользил между турками, чтобы им труднее было стрелять (могли пробить друг друга). И вот один линкор накренился от очередного нашего выстрела. Врагу стало уже не до брига (надо спасать своих), а нашим можно было уходить. Но этого не случилось.

Русский кораблик разворачивается («Разворачиваю я свою ласточку...» – как говорится в любимом кино) и на всем ходу мчится в атаку на второй линкор. Враг в панике, он решил, что бриг идет на сближение, чтобы самим взорваться и их подорвать. Но наше судно несется вдоль борта неприятеля и меткими выстрелами перебивает на нем мачтовые реи. Паруса валяются на палубу, на пушки, на турецких моряков.

Вот теперь «Меркурию» можно было уже и уходить. И, весь в пробоинах, изрешеченный, наш кораблик стал с достоинством удаляться к родным берегам. Одержав победу в такой неравной схватке, какой никогда прежде не было на море.

Из всей нашей команды погибли четыре матроса – те, которые своими телами закрывали пробоины...

Так умел побеждать по-суворовски малой кровью капитан Казарский. В восхищении был даже неприятель. Он высказался так: «В зубах у дьявола зажатый, этот русский одержал победу».

Об этой схватке я написал стихотворение, и именно оно заставило меня приехать в Севастополь и прочесть его возле памятника герою. Вот потому-то я и попросил соседку Наташу сделать снимок на месте его прочтения.

Оставив Павлика с тяжелыми сумками внизу на лавочке, мы поднялись к памятнику с надписью: «Александр Казарскому. Потомству в пример».

...На остановке у железнодорожного вокзала я подал из троллейбуса сумку своим сошедшим соседям, уезжающим в Евпаторию, а сам вышел на следующей остановке, на автовокзале, чтобы купить билет в Бахчисарай. И уже через сорок минут бесшумно понесся по великолепной автострате «Таврида».

«Бахчисарайский фонтан» – это словосочетание многим знакомо с детства благодаря Пушкину. Для меня ключевое слово было – «фонтан», поэтому я и собирался в первую очередь увидеть его, причем высотой не ниже Петергофского. А слово «Бахчисарай» для меня совсем недавно стало ассоциироваться с чебуреками. Оказалось, чтобы их отведать, люди едут туда со всего Крыма. Вот я и решил получить два удовольствия одновременно – кушая чебурек, любоваться фонтаном.

Но когда приехал в Бахчисарай и вышел из автобуса, был настолько обескуражен, что словами не передать. Оглядевшись вокруг, грешным делом подумал, что каким-то чудесным образом из своего Кемерова я добрался, допустим, до Яшкина.

Таким все было родным и близким! Те же дома, те же деревенские улицы. И так же трудно в будний день встретить кого-либо и расспросить. Не кричать же: «Я фонтан хочу увидеть!» Хорошо, что какая-то женщина проходила мимо, и я обратился к ней:

– Простите, а где здесь экскурсии?

На что она, улыбнувшись мне, воскликнула:

– О, первый клиент! Да я же экскурсовод. Это я вас поведу в горы, хотите в горы?

Я ей:

– Нет, не хочу, я высоты боюсь...

И веселая дама, по-приятельски положив ладонь мне на плечо, бросила так же заодно:

– Ну что же, тогда тренируйтесь на кошках!

И стала удаляться. Я смотрел ей вослед и думал: «А может, зря я отказался от гор?» Таким зарядом бодрости веяло от этой женщины, что настроение мое сразу улучшилось.

И я подался на поиски фонтана самостоятельно. Оказалось, нужно садиться еще на один автобус, а потом идти по длинной дороге до самого Ханского дворца. Так я и поступил. И, увидев издали острокопечные купола, повеселел вовсе. Но обрадовался еще больше, когда перед входом во дворец заметил чебуречную.

– У вас есть чебурек? – было первое, что спросил я у гостеприимной хозяйки.

– У нас все есть! Как в Греции.

– Даже лучше! – охотно подтвердил я.

Весь прилавок продавщицы был завален сувенирами, и глаза у меня разбежались.

– Выбирайте что хотите, пока чебурек готовится, – сказала она.

И тут же позвала красивую девушку восточной внешности, готовую, казалось, изображать для меня танец живота, подавая прямо с пылу с жару долгожданное кушанье.

А сувениры уже потекли потоком в мой вместительный рюкзак. Какими-то волшебными словами хозяйка чебуречной выудила из меня информацию о полном составе моей семьи и для каждого предложила яркие, радующие глаз вещицы – от разноцветных браслетиков, вееров, бисерных кошельков, гребешков, маникюрных инструментов до подушечек с ароматом можжевельника (это дерево почему-то пользовалось особой популярностью всего Крыма – с запахом можжевельника должно быть все, даже магнетики).

На десерт доброжелательная хозяйка засунула мне в рюкзак пару коробок с пахлавой: ну, это ей надо было для ровного счета, чтобы с моих пяти тысяч не исхититься.

Мясной чебурек действительно оказался удивительно вкусным, а остальные три вида я попросил вернуть мне с собою, там внутри теста лежало что-то похожее то ли на сыр, то ли на творог, то ли на какие-

то экзотические фрукты. Эти чебуреки я решил дегустировать «дома».

Запив настоящий чебурек настоящим кофе, я вспомнил о фонтане.

– А хотите в горы? – предложила мне ласковая хозяйка. – Если у вас больные ноги, вот мальчики. – И она показала на бородатых хмурых парней. – Они на машине, мигом доставят вас на любую вершину...

Я ответил:

– Спасибо. Мне бы только на фонтан посмотреть... На который я и посмотрел.

Но это был не фонтан, а слезы! Он пробивался сквозь стенку, а может, и не пробивался, мне без очков трудно было разглядеть его под двумя розами, которые, как сказали, еще Пушкин положил.

Какую глубину он сумел вложить в рассказ о невольницах, чтобы читатель смог почти воочию видеть красавиц гарема, вникать в их страдания, сопереживать им!

А простые люди вроде нас, смертных, только и видят, что убранство, интерьеры, мозаику. Зеваки – мы и есть зеваки праздные. Приехали черт знает откуда, посмотрели, ушами похлопали, чтобы поставить галочку, расписаться в «книге духовности», как говорил Довлатов, работая экскурсоводом в Михайловском...

В свой «отель» я возвратился рано. И погрустнел, потому что некому было похвастаться сувенирами. Мои бывшие соседи, наверное, уже подъезжали на электричке к Евпатории.

Но дома оказались хозяйка Наташа и ее мама Марина.

Как всегда, приятно улыбаясь, они успокоили мое сердце, когда я обратился к ним с вопросом:

– Довезу ли я до дома пахлаву? Все-таки трое суток в поезде...

– Довезете. Может, немного подтает.

Для верности я завернул эту восточную сладость в несколько пакетов и положил в холодильник.

А вот чебуреки, которые мне в Бахчисарае завернули с собой, я подогрел и наварил без особого восторга. Если бы не массандра! Она-то и добавила им особой вкусовой прелести.

Нет, все же чебуреки должны быть только с мясом!

ДЕНЬ ШЕСТОЙ, или На восточном побережье

Наступил мой предпоследний день в Крыму, на который у меня намечена самая дальняя дорога – почти на другой край полуострова. Но это не страшило меня. Как турист я успел изрядно закалиться за время, проведенное на Черноморском побережье.

Сломав свой сибирский биоритм, что называется, через колено, начал вставать здесь уже по московскому времени, но непременно с рассветом, в 6 часов утра. Снова и снова незнакомые южные звезды, кото-

рые светили мне всю ночь через окно в потолке, постепенно гасли, уступая место все ярче проступающей синеве неба. И это было сигналом для меня: пора вставать, умыться и подкрепиться перед дальней дорогой.

Севастопольская колбаса – она такая же на вкус, как и наша сибирская, когда шкворчит на сковородке, а вокруг нее, нарезанной круглыми ломтиками, расположились, как солнышки, яичные желтки. Свою вечную утреннюю песню поет кофеварка, а стало быть, все идет по намеченному плану кемеровского путешественника.

На сей раз на площади Нахимова беру экскурсионный билет до Феодосии и Коктебеля за 2400 рублей. И это – самая высокая цена из всех моих поездок по Крыму, потому как путь туда весьма неблизок. Компенсирует это хороший комфортабельный автобус с открытыми окнами. И автострада «Таврида» тоже хороша.

А в детстве для меня автобус был самым нелюбимым транспортом, потому как укачивало даже на коротком расстоянии. Способствовал тому и бензиново-гаревый запах, наполнявший салон. Но самой большой бедой были наши дороги – в сплошных ямах и рытвинах, на которых так трясло, что создавалось впечатление, будто все органы в теле перемещаются как попало и вряд ли уже когда-либо встанут на свои законные места. Тошнота творила свое пагубное дело, а о пакетиках полиэтиленовых тогда никто и представления не имел, их даже не было видно на нашем жизненном горизонте...

Все-таки ненавистный советскому строю капитализм, оказывается, имеет и положительные стороны. И с одной российской бедой как будто даже стал справляться... А вот со второй, похоже, все же кишка тонка. Она, эта беда, живуча, как и все человечество, и неважно, какой национальности тот или иной отдельный индивид.

А сегодня, сейчас наш автобус буквально скользит по гладкой автострате и нет на ней ни одного дурака – уж это точно! Ведь только умные люди могли выбрать этот маршрут, где за окнами автобуса простираются то бескрайние поля с алыми цветами, то поляны с воспетой лавандой, то золотое море подсолнухов до самых гор. И уже в который раз вспоминаются слова Чехова, с которыми я полностью соглашаюсь: «Какая красота! И какие должны быть здесь люди...»

Степные ландшафты сменяются горными холмами. И уже откуда-то неожиданно возникает белая скала, от которой невозможно оторвать взгляд. Она привораживает своим величием, как какие-нибудь экзотические цветы.

Гид-куратор нашей экскурсионной группы плавно, без перерывов ведет рассказ о том, что открывается нашему взору, и о том, что скрывается вдали и в горах. А я думаю, что здесь, должно быть, хорошо путе-

шествовать на личном автомобиле – делая остановки, сворачивая с трассы, чтобы оказываться в сказочных местах и изумляться этому нерукотворному великолепию, осматривать монастыри – как мужские, так и женские, посещать действующие храмы, набирать воду из святых источников...

«Говорите помедленнее, я записываю». Мне не пришлось повторять эту просьбу из любимой кинокомедии, я и так живо представлял себе все то, о чем рассказывала женщина-экскурсовод: подвесные мостики, по которым я осторожно перехожу на другую сторону ущелья, а внизу подо мною вальяжно прогуливаются царственные хищники, время от времени поднимая морды, словно выбирая жертву...

Примерно на полпути маршрута автобус притормаживает свой бег, сворачивает с автострасы и подруливает к кафе, где нам предлагают перекусить. Я беру хот-дог (это наша сарделька, запеченная в тесте) и кофе «американо» (это наш растворимый «не-скафе»), и все это мне кажется здесь поразительно вкусным: я просто опьянен той планетой, на которую приземлился пять суток назад.

Короткий отдых от долгого сидения в одном положении – и наш веселый светлый автобус берет курс на город с певучим названием Феодосия.

Какие же они все-таки разные, эти крымские городки! И похожие друг на друга, и непохожие. Близкие они и родные по морю и по горам. А по облику – разные кровные сестры. Алушта непохожа на Ялту, а Ялта – на Феодосию, чьи улочки тоже уютные, но намного прямее. И в каждом крымском городке имеется своя примечательность, а также своя знаменитость: в Ялте – Чехов, в Коктебеле – Волошин, в Феодосии – Айвазовский.

Айвазовский родился в этом замечательном городе, и звали его Ованесом. Мальчику изначально повезло с покровителем. Градоначальник Александр Казначеев заметил, как хорошо Ованес рисует, и подарил ему краски и бумагу, предложив учиться вместе со своими детьми у городского архитектора Коха, потом помог устроиться в симферопольскую гимназию. Следующим покровителем стала Наталья Нарышкина – жена таврического губернатора, она определила Ованеса в Императорскую Академию художеств. И уже в Петербурге Ованес Гайвазовский становится Иваном Айвазовским. Он был приставлен учеником к французскому художнику-маринисту Филиппу Таннеру, который взвалил на своего подопечного всю черновую работу. Но Иван все же находил время и для писания собственных картин. А однажды выставил свои работы там же, где выставлялся и сам Таннер. И молодого живописца похвалили, а его учителя-француза упрекнули за манерность. Это вызвало дикую ярость у Таннера, и он пожаловался на ученика императору Николаю Первому: дескать, Айвазовский нарушил субординацию, поскольку отбирать для выставки

картины должен был мастер-учитель. Тогда император, не вникая в суть конфликта, распорядился убрать с выставки картины «выскочки».

Дальнейшая карьера художника Айвазовского оказалась под угрозой. Тщетными были хлопоты писателей Крылова и Жуковского и даже президента Академии художеств Оленина. Но все же им удалось привлечь на свою сторону художника Александра Зауервейда, преподававшего детям самого императора. Он-то и показал картину Айвазовского Николаю Первому, а тот, похвалив работу, даже заплатил ее автору. А Зауервейд с того времени стал новым учителем Айвазовского.

Уже в 1837 году молодой художник получает золотую медаль академии и на два года раньше срока покидает ее, поскольку преподаватель убеждается в том, что уже ничего не может дать ученику в плане мастерства.

В 1840–1844 годах Айвазовский путешествует по Европе, совершенствуя мастерство, и часть своего пенсионера отсылает матери в Феодосию. А картины, написанные им в Венеции, Флоренции, Неаполе, приносят не только огромный успех, но и солидный материальный доход. На эти средства он позволяет себе даже поездки в Швейцарию, Германию, Францию и Англию.

Вернулся Айвазовский в Россию с триумфом. Ему присваивают звание академика, а специальным указом императора его причисляют к Главному морскому штабу в качестве художника с правом ношения атрибутов Морского министерства.

В 1848 году Айвазовский женился на гувернантке Юлии Грефс, которая родила ему четырех дочерей, но отказалась жить в Крыму и бросила его.

В 1882 году 65-летний художник женится во второй раз – на вдове феодосийского купца Анне Бурназян, с которой продолжает путешествовать по странам Средиземноморья.

Весьма любопытны два случая из его жизни. Однажды, по словам художника Константина Лемоха, император Николай Первый вышел с Иваном Константиновичем в море на колесном пароходе и там сказал живописцу: «Айвазовский! Я – царь земли, а ты – царь моря!»

А как-то уже в преклонном возрасте Айвазовский побывал в гостях у Чехова в Ялте. И, окинув взглядом библиотеку Антона Павловича, сконфуженно произнес: «А я вот ни одной книжки не прочитал...»

Осыпанный многочисленными почестями и титулами (вплоть до звания контр-адмирала), он продолжал писать морские пейзажи. Всего же его авторству приписывают порядка шести тысяч картин! А в родной Феодосии на его деньги была построена школа искусств.

И смерть у Айвазовского оказалась «легкой»: он умер во сне восьмидесяти двух лет от роду. Простить-

ся с ним вышел весь город, которому он оставил не только школу искусств, но и здание музея древностей...

К могиле великого русского художника меня сопровождал хор цикад. А в находящемся рядом храме шла служба. Я ступил на его порог и заслушался пением хора мужских и женских голосов.

В нескольких шагах от этой церкви на небольшой возвышенности еще одна достопримечательность – полуразрушенная стена гонуэзской крепости. К ней-то и потянулись мои одноклассники, чтобы прикоснуться ладонями к камням прошлых веков. Этот факт практически все экскурсанты записывали на свои телефоны. Кстати, как у них не уставали руки, не выпускавшие мобильники? Зато, приехав домой, они смогут воспроизвести все это великолепие каким-нибудь хмурым, промозглым днем на экране монитора, как будто даже согреваясь минувшим теплом.

К сожалению, у меня не имелось с собой никакого фотографического аппарата, зато я был оснащен фотографической памятью, которую, в отличие от многих, могу включать в любое нужное время – где бы ни находился и что бы меня ни окружало.

Дальнейший наш путь к морю пролегал через рынок, и я по привычке уже выискивал в торговых палатках – что бы такого интересного приобрести в качестве сувениров для родных? Более всего меня интересовали здесь гребешки с ароматом можжевельника. И в одной из палаток мне повстречались эти самые гребешки, но их у торговца оказалось всего три, мне же нужно было четыре – каждой из моих девочек по такому подарку.

Далее экскурсионный автобус повез нашу группу в Коктебель – конечный пункт сегодняшнего путешествия.

В не такие уж и далекие советские времена здесь, наряду с прочими, находилась и здравница для писателей – с литфондовской дачей и даже со своим пляжем. И попасть сюда по квотной путевке мог любой член Союза писателей СССР из любой союзной республики.

В этой связи припомнилась полухулиганская песенка барда Юлия Кима:

*В Коктебеле, в Коктебеле,
У лазурной колыбели...
На мужском пустынном пляже,
Предположим, утром ляжет
Наш дорогой Мирзо Турсун-заде.
Он лежит и в ус не дует
И «заде» свое «турсует»,
Попивая коньячок или алиготе...*

В Коктебеле, едва прибыв туда, почти вся группа направилась к морскому причалу: большинство жаждало морской прогулки на катере, чтобы уже с него любоваться видами знаменитого Карадага.

Я же, в единственном числе, подался к другому «причалу» – дому Максимилиана Волошина, ведь ради его посещения я и предпринял поездку на восточное побережье полуострова. Меня словно магнитом притягивало это место, где побывал практически весь Серебряный век русской поэзии. И было совсем немного знаменитостей, кто проигнорировал этот дом: Зинаида Гippiус, Федор Шалапин.

Мне никак не хотелось следовать их примеру, поэтому попросил экскурсовода показать мне дорогу к дому поэта. Хотя, пожалуй, и сам бы его отыскал, заранее зная, что дом этот где-то на берегу наклонного побережья, на котором нельзя заблудиться.

Хозяин этого дома всегда радушно принимал у себя всех бесплатно, кто бы к нему ни приезжал, тем самым привлекая и меня, как человек широкой и открытой души. Талантище! Мудрец, удивительный эрудит и экскурсовод по своей Киммерии. И я завидовал тому времени Серебряного века – из-за возможности отдохнуть душой и телом в этой «Кохтебели» (как ее называли болгары, что означает «страна синих гор»).

Дом-музей Волошина стоит на самом берегу и чем-то напоминает корабль на пристани, готовый отчалить и заскользить, подгоняемый соленым ветром, куда-нибудь к столбам Гибралтара. Вот фрагмент письма Максимилиана Александровича друзьям, в котором практически каждая строка пропитана гостеприимством:

«...У нас наконец-то наступила весна, и тепло, и еще никого нет из гостей. Блаженные дни отдыха и растворения. Все зимние истории – морально – позабылись, материально – ликвидированы. Штрафы уплачены. Сердце снова готово принять людей, которых пошлет судьба, со всеми их горестями, слепотой, неумением жить, неумением общаться друг с другом, со всем, что так мучит нас летом...»

Когда экскурсовод показывал мне направление к дому Волошина, я поинтересовался: а есть ли сюда тропа из Феодосии? Ведь приходили же сюда пешком друзья сто лет назад. И первым делом встречали странно одетую женщину – в шушуне, в широких длинных шароварах и расшитых сафьяновых сапожках. Повернувшись к дому, она, по обыкновению, кричала: «Ма-а-акс!» Это была матушка Максимилиана – Елена Оттобальдовна. А в ответ доносился высокий голос: «Иду, мама!» Волошин очень легко сбегал по лестнице – этот полный человек с кудрями, перехваченными ремешком. Одет он был в рыжую блузу и обут в чупаки на босу ногу.

Матушка осматривала гостей внимательно и строго, а потом говорила, слегка картавя: «Славные ребята, надо вас только обобормотить». И в гостях у мате-

ри и сына постоянно обитало веселое племя «оборотов»: художники, поэты, писатели, актеры... Обычно на день они уходили на море, на пляж, а на закате возвращались на большую террасу, где за столом веселились и пили чай. И стол ломился от гроздей винограда, копченой барабульки, от крупных кусков белой брынзы и пышного крымского хлеба!

После ужина обычно направлялись шумною толпой в кафе «Бубны», находящееся на самом берегу. В нем сдвигали столы и устраивали импровизированную эстраду, где одни поэты читали свои стихи, а другие им восторженно аплодировали.

Возвращались опять толпой вдоль пляжа под звездным небом и пели «Крокодилу»:

*По улице ходила большая крокодила –
Она, она зеленая была.
Во рту она держала кусочек одеяла –
Она, она голодная была.
В курорт она явилась и очень удивилась...
Сказать тебе ль: то был наш Коктебель!*

В куплетах этих обыгрывались экспромтами многие отдыхающие у Волошина, и никто не обижался на проделки «крокодилы». Кроме одного человека...

*Забралась она в «Бубны», сидят там люди умны,
Но ей и там попался Мандельштам.*

...Я осматривал пляжное побережье, пытаясь представить то место, где находилось кафе «Бубны». И в моих ушах стоял смех веселых творческих людей тех предвоенных и предреволюционных лет.

А чтобы попасть в дом поэта, мне пришлось выложить за экскурсионный билет еще 850 рублей. Теперь это уже не просто дом поэта Максимилиана Волошина, а музей-заповедник «Киммерия» М. А. Волошина.

«Елена Оттобальдовна, где вы?» – так и хочется произнести мне. Но вместо нее подходит миловидная женщина – экскурсовод по имени Светлана. И спрашивает, почему я свой рюкзак не сдал в камеру хранения. На что я ответил, что у меня там ценные подушечки с ароматом можжевельника. Светлана улыбнулась и разрешила подняться наверх с грузом – за ней по лесенке на второй этаж. Предупредив при этом, что идти надо осторожно, на цыпочках, так как эти ступени мастерил сам хозяин.

Рассказывая о поэте, экскурсовод чаще всего обращала свой взор на меня: видимо, глаза мои искрились сильнее, чем у других.

– По вечерам всех гостей объединял стол, – продолжала Светлана. – А что самое главное, как вы думаете, стояло на столе?

Я хотел было уже, опережая остальных экскурсантов, ответить: «Вино». Но, внезапно озаренный, воскликнул:

– Самовар!

Улыбнувшись, экскурсовод произнесла:

– Правильно! – А потом добавила: – Вы второй человек, кто правильно угадал за все лето...

И в этот момент я пожалел, что не отыскал на пляже самые красивые камушки и не протянул их экскурсоводу со словами: «Это – для Волошина...»

На обратном пути к автобусу опять иду через торговые ряды, где обследую каждую палатку в надежде отыскать недостающий гребешок. Продавцы уверяют, что их не поступает в продажу уже года два. Я настаиваю, ведь купил же я такие в Феодосии! Мне не верят.

– Да вас, видимо, обманули... А ну-ка, покажите.

И продавщица берет у меня эти гребешки, рассматривает, вдыхая ни с чем не сравнимый можжевеловый аромат. И удивленно произносит:

– Да нет... Эти – настоящие, не поддельные...

Уставший от переизбытка эмоций и впечатлений, я нахожу свой автобус, к которому уже подтягиваются и накатавшиеся на катере одnogруппники.

С удовольствием они делятся со мною:

– А вы знаете... На палубе наш руководитель оказался таким прикольщиком! То он сделает выстрел в воздух из пистолета, то вдруг крикнет: «Ложись! Нам навстречу идет пиратское судно!» И все мы невольно приседали, потому как навстречу действительно двигался катер... с туристами. А как чарующе смотрятся со стороны моря вершины Карадага! Вот это зрелище!

И я, подыгрывая, восхищенно произношу:

– Да-а-а... Вы встретились с настоящими корсарами!

...К закату мы, все изрядно уставшие, но очень довольные, подъезжали к Севастополю. Каждый из нас получил то, чего хотел от этой экскурсии. И это правильно...

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ, или Прощание с Черным морем

Ну вот и наступило последнее утро в Севастополе. Оно и на сей раз такое же ласковое, как и во все предыдущие дни. И ничто, казалось, не говорило мне о том, что нужно собираться в обратную дорогу.

То есть можно было бы выпить утреннего чая, закинуть за плечи ставший привычным дорожный рюкзак и снова махнуть еще куда-нибудь: в Форос, в Ливадию, в дом Юсупова, во дворец наместника Воронцова. Или куда поближе, например в Балаклаву или в Херсонес...

Ведь столько еще замечательных мест в этом благодатном и восхитительном Крыму! Увы, прав был Козьма Прутков: нельзя объять необъятное! Даже если бы я каким-то чудом смог облететь все названные места, все равно здесь обнаружили бы еще десятки других...

Например, Евпатория, куда недавно подались мои новые друзья – Наталья с Пашкой. Кстати, как там они? И пошло ли на пользу лечение в санаторном городе этому забавному и обаятельному пацану?

Так что сегодня я, не торопясь, как бывало в предыдущие дни, делаю вылазку только в центр Севастополя, чтобы попрощаться с этим городом-героем, покорившим меня до конца моих дней...

На глаза попадает театральная афиша. Там спектакли со знакомыми названиями. И известные актеры в образах своих героев то улыбаются мне, а то вдруг сосредоточенно, о чем-то задумавшись, отворачиваются от заезжего туриста из Кемерово...

Совсем рядом – залив. И просто прогуляться по его берегу, никуда не торопясь, ни на какую экскурсию, – это тоже весьма приятно. И время будто останавливается. И в голове моей уже мелькают картины из разных крымских городов, которые я посетил за прошедшую неделю. Словно пультом телевизора переключая каналы, не в силах на каком-либо из них задержаться надолго. Да, пожалуй, и не дело листать в этот день прожитую неделю. Надо просто дышать воздухом морского залива, любоваться водной гладью и... сходить на рынок, что находится на берегу. А вдруг там я найду недостающий до комплекта можжевельный гребешок?

И – о чудо! В первой же палатке хозяйка сувениров, протягивая его мне, произносит:

– Последний...

– А мне и нужен всего один, он четвертый по счету!

Она берет у меня деньги, недоумевая: о каком таком четвертом я говорю?

Зато теперь уже и гулять становится веселее. На подъеме прощаюсь с Нахимовым – так полюбившимся мне своей выправкой на постаменте. И даже вездесущие чайки, нахально прогуливающиеся по парпету, не кажутся неприятными птицами.

И все так же рыбак сидит с удочкой на берегу, все так же загорают красивые девушки, все так же отчаянные парни плавают к памятнику затонувшим кораблям и, взобравшись на него, гордо позируют своим спутникам...

Любуюсь всем, что попадает на глаза.

А вот огромный катер отходит от причала под музыку Штрауса, и этой картиной можно восхищаться бесконечно, пока судно не скроется за горизонтом. И нет даже зависти к улыбчивым пассажирам, стоящим

на палубе. Ведь, по сути, и я такой же пассажир, хотя и не на палубе, а на берегу, но кажется, что это не они, а я отплываю от катера...

Беззаботность меня просто опьяняет. А время уже приближается к обеду. Правда, особого аппетита почему-то не испытываю, будто все виденное наполняет еще и мой желудок. Хочется только пить. Но теперь это не проблема, везде продается русский квас – тот самый, из детства, в огромных желтых бочках на колесах.

Нет-нет да и наслаивается на все это подспудно мысль, немного даже тревожная, о скоро предстоящей дальней дороге на поезде, обратно в свою Сибирь, в родной город Кемерово. А на поездку в поезде надобно мне запастись продуктами на трое с половиной суток. С этой целью набираю разнообразных рыбных консервов с крышечками, которые легко открываются одним пальцем, хлеб, пряники, чай, копченую колбасу – все это может достаточно долго храниться и не портиться. Даже и без холодильника. А еще непременно надо запастись питьевой водой: в поезде в жару она просто незаменима.

И вот я уже в своем временном крымско-севастопольском пристанище – комнатке с двуспальной кроватью и окошком на потолке. Упаковываю рюкзаки. Прибыл сюда с одним, а сейчас затариваю и другой: пришлось приобрести дополнительно, исключительно для сувениров.

158

Прощаясь с хозяйской Наташей, похвалил ее огород, в котором крупные и сочные помидоры на стеблях были исключительно красными.

– А вот наш край, – говорю, – называют краем вечнозеленых помидоров...

И только успел промолвить это, как тут же получаю пакет с помидорами. Получается, вроде как выпросил. Благодарю искренне женщину за приют, передаю привет ее маме Марине и уже держу путь на железнодорожный вокзал.

Севастополь. Я не говорю ему «прощай». Я говорю ему «до свидания».

Впереди у меня знаменитый Крымский мост. Потом будут Уральские горы и бескрайние равнинные сибирские просторы.

Так что – чудеса продолжаются...

*Кемерово – Крым – Кемерово
Август – октябрь 2021 г.*

Ольга КУСАКИНА

БЕЗЖАЛОСТНО-ПРЕКРАСНЫЙ КРАЙ ЗЕМЛИ

При поддержке художественной галереи «Ростов» в Кузбасском центре искусств был представлен фантастический выставочный проект «Антарктида» художника Олега Каторгина (г. Прага, Чехия).

Олег Евгеньевич родился в 1970 году в Ростове-на-Дону в семье архитекторов. Окончил Ростовское художественное училище им. М. Б. Грекова, а затем Академию театрального искусства в Санкт-Петербурге. С 2000 года живет и работает в Праге. Художник-постановщик более полутора десятков спектаклей в театрах России, Чехии, Сербии, иллюстратор книг и периодических изданий, преподаватель авторского курса по сценографии и истории театра кукол, корреспондент чешского журнала «Русское слово».

159

В 2016 году в рамках Всероссийской антарктической экспедиции Каторгин участвовал в реконструкции станции «Беллинсгаузен». А в часы отдыха писал картины и... воссоздавал облик исчезнувших цивилизаций. Из «подручных материалов», которые художник нашел возле станции во время зимовки (кости пингвинов, окаменелости и мусор), он сделал много странных существ, поражающих своим неземным обликом. Получилась коллекция удивительных кукол: гуманоидов, которые миллионы лет назад якобы жили на этом материке, и их «друзей» — доисторических ящеров.

За основу своей идеи Олег Каторгин взял легенду о том, что в те времена, когда в Антарктиде было жарко, как в Калифорнии, а по ее берегам росли пальмы, в ней существовало две высокоразвитые цивилизации гуманоидов, находящиеся в контакте с инопланетянами. Гуманоиды принадлежали к двум соперничавшим расам: «рыбоголо-

вых» и «птицеголовых». И однажды между ними началась война. «Рыбоголовые» были повержены и отступили на дно океана, где, по преданиям, и живут до сих пор, стараясь никому не попадаться на глаза. А «птицеголовые» после триумфа быстро деградировали, утратили первозданный облик и язык. Постепенно от них почти ничего не осталось. Ну, разве что пингвины отдаленно напоминают о том, что их предки были «иными» (и к слову, их портретное сходство с мистическими «дамами» Каторгина весьма условно).

Что же касается ящеров, которых гуманоиды из экспозиции выгуливают, как комнатных собачек, то их существование научно доказано. До обледенения на этом континенте водились динозавры, птицы и, возможно, сумчатые млекопитающие. Ученые считают Антарктиду настоящей сокровищницей ископаемых животных. Вот только раскопки вести крайне трудно. Ведь температура воздуха здесь падает до критических отметок – минус 80–90 градусов. И все-таки кое-что найти удалось. В ходе исследований были обнаружены скелеты 8-метровых ящеров, останки птиц, около 400 подледных озер и гигантский кратер, образовавшийся, скорее всего, от столкновения с астероидом.

Начать осваивать эти бескрайние ледяные просторы люди отважились только в XIX веке. В ходе экспедиций погибло больше тысячи исследователей. До сих пор материк остается самым загадочным на планете. Здесь непостижимым образом соседствуют ледяные пустыни и действующие вулканы, потрясающий ярко-малиновый водопад и погребенный под толщей льда огромный горный хребет (горы Гамбургцева), по величине сравнимый с Альпами, внутри скал растут грибы, мхи, лишайники, в воде плавают прозрачные рыбы, а на суше живут микроскопические клещи, вши и коловратки. Здесь запросто можно не только замерзнуть, но и получить солнечный ожог, потому что снежная поверхность отражает большую часть ультрафиолетовых лучей солнца. А еще многих изумляет аромат карамельной ванили, разлитый в воздухе при температуре минус 82 градуса...

На своих картинах Олег Каторгин попытался изобразить неповторимую атмосферу тех мест. На холст попал и уникальный «синий лед», который рождается благодаря сильному нагреву и давлению. Хотя станцию «Беллинсгаузен», где жил и работал художник, исследователи называют «полярным курортом». Здесь достаточно мягкий климат (минимум – минус 26 градусов и стопроцентная влажность). Но погода постоянно меняется. Только что был солнечный штиль, а уже через пять минут небо затягивается свинцовыми тучами и поднимается ураганный ветер. «Когда находишься в доме и смотришь в окно, кажется, что летишь через пургу в вагоне поезда на бешеной скорости, – вспоминает Олег Каторгин. – Ощущение подкрепляется также изрядной тряской: наши дома приподняты на сваях, воздушные потоки бьют в стену и шевелят железную конструкцию...»

Станция получила название в честь русского мореплавателя, первооткрывателя Антарктиды Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена. Это самый северный (ближе всего к экватору) российский научно-исследовательский центр в Антарктиде. Станция находится на острове Кинг-Джордж архипелага Южные Шетландские острова, открытого всего за пару-тройку лет до экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. Там обитает четыре вида пингвинов, тюлени, морские котики, морские слоны и морские леопарды.

Олег Каторгин провел в антарктической экспедиции 13 месяцев. Художник писал не только пейзажи, но и портреты полярников: «Я завел такую традицию на станции: делаю акварелью портрет именинника и помещаю в рамку под стеклом, все желающие расписываются на обратной стороне портрета с пожеланиями виновнику торжества. Вообще-то свои работы я не дарю, у нас в профессии это не принято, но здесь случай особый... Эти

портреты останутся у каждого до конца жизни. Один участник зимовки сказал: «Вот вернусь, продам все, уйду в монастырь – возьму с собой только икону мамину-бабкину-прабабкину и портрет этот твой...»

Каждый, кто хотя бы однажды побывал в тех широтах, мечтает снова туда вернуться. И представленная в КЦИ выставка «Антарктида» – наглядный пример того, как ностальгия по суровому и в то же время ослепительно-прекрасному Южному континенту может рождать вдохновение.

«Вирус Антарктиды поселился в организме, – признается Олег Каторгин. – Дома, в Праге, спустя два месяца после возвращения все прошедшее ка-

жется уже каким-то далеким, маловероятным беллетристическим переживанием, как от прочтения хорошей книги. Но что бы ни произошло, чем бы ни пришлось заниматься дальше, знаю: у нас, побывавших там, возник некий психосоматический фантомный орган, инструмент, ледяным камертоном ветра настроенный на эту волну. При слове «Антарктида» каждый может сказать про себя: «Прежним уже не буду...»

Спустя пять лет после экспедиции Олег Евгеньевич продолжает «писать лед во всех его проявлениях». А 22 февраля 2022 года в Праге состоялась премьера его авторского спектакля «Found in Antarctica».

МОЛИТВЕННЫЕ СТРОКИ – ТРЕВОЖНЫЙ ЗОВ ДУШИ

В мае этого года вышла в свет книга Бориса Бурмистрова «Обретение», в которой автор делится с читателем своим опытом и теми обретениями, которые, по его словам, являются высшим смыслом человеческой жизни.

Изображение на обложке символично: на крутом обрыве в мечтательной задумчивости сидит мальчик, а вокруг – звездное бездонье... И этот мальчик – автор книги в десятилетнем возрасте, Борис Бурмистров.

Его вступительное слово сразу настраивает на вдумчивое, неторопливое чтение:

*Молитвенные строки
Приходят по утру...*

Последовательность стихов, в какой их расположил автор, постепенно вводит нас в мир его мыслей и образов.

*Сходила тьма на нет,
Чуть брезжило вдали –
И растекался свет
По жилочкам Земли...*

Перед нашим мысленным взором вновь возникает мальчик с обложки, созерцающий Сотворение. А дальше... дальше следует осознание себя в этом мире, осознание своего пути: «Дороги, долгие дороги, / У каждого своя стезя...» И – неизбежный вопрос: «Что в мир подлунный мы несем, / Любовь ли к ближним, Божью ль милость?»

Стихи находятся в такой плотной связке, что скоро начинаешь ощущать сплетение их общего смысла, который находит отклик в твоей душе, пробуждая самые сокровенные чувства. «Мы приходим по времени вновь / В эту жизнь через муки, страдания, / Чтоб познать хоть однажды любовь».

Читая книгу, входяшь в состояние молитвенности. Это происходит незаметно, просто вдруг понимаешь это и не можешь оторваться от строк. «Мои стихи печальны, но печаль / Струит по миру свет исповедальный». Магия слов завораживает, и ты всей душой чувствуешь мир поэта, сопереживаешь ему, «русским духом сердце наполняешь» и молишься вместе с ним.

*Молитвенные строки,
Как искренни они,
В них давние тревоги
За нынешние дни.*

И участвуешь в диалоге со Всевышним: «Что ж Ты меня снарядил в это тело, / Что ж посильнее телес не нашлось? / Ведь поручил Ты мне трудное дело...» И просишь вместе с автором: «Господи, сделай счастливым мой несчастливый народ», «Пошли мне ангела с небес / Сейчас, теперь, вот в эту пору, / Чтоб мог

нести земной свой крест / Все дальше, дальше, выше в гору...»

Все, что поэт пережил, перечувствовал в жизни, все, о чем болит душа сейчас, – все здесь.

Он открыт, искренен, пронизателен, честен... И настолько глубок, что, даже читая уже знакомые его стихи, выстроенные в новом порядке и объединенные одной темой, темой «обретения», вдруг понимаешь, как неожиданно свежо, актуально они звучат: «Я чистым русским воздухом дышу, / Которого все меньше в атмосфере», «Русский мир, как космос, навсегда!», «Поэт в России... / Он боль и кровь земли многострадальной...»

Великолепное использование всех оттенков русского языка, безупречное владение словом, неповторимые, удивительные бурмистровские образы («Любовью к ближним истончусь, / Душа любовью станет», «за моей спиной / Мой древний род: небесный и земной», «Встанем еще не раз... / С русским прищуром глаз, / С вечною правдою звезд») с сильнейшей концентрацией духа «нести, не опуская, крест / на свою незримую Голгофу» – все это не может оставить читателя равнодушным.

Любому русскому отраднo будет прочесть эту молитвенно-исповедальную книгу жизни. И всем, кто хочет найти лад с самим собой, советую ее читать. Не на бегу, не на ходу, а в тишине и уединении. Вдумчиво, не спеша...

Татьяна КОЛАЧ,
г. Юрга

«И МЫСЛИ СЛОЖАТСЯ В СЛОВА...»

Отклик на творчество Юлии Сычевой

Особое внимание на Юлию Сычеву я обратила, когда она тепло и по-доброму, но в то же время глубоко и вполне профессионально сделала поименное представление всех участников литературной студии «Притомье», которой исполнялось 35 лет («Огни Кузбасса» № 5 за 2014 год). Я помню, как она, эта студия, создавалась, кто стоял у истоков, кто вырос из нее, а о современных воспитанниках знала лишь понаслышке. И вот благодаря Юлии узнала многих участников литстудии. Сычева мастерски сделала это представление: виден каждый в отдельности, со своими изюминками, и в то же время видна команда – коллектив творческих людей под руководством поэта Дмитрия Мурзина.

Еще более пристально я присмотрелась к Юлии в связи с ее блистательной, на мой взгляд, публицистикой на тему грамотности. А этот вопрос – огромное количество неграмотно говорящих и пишущих людей, даже в ранге дикторов, журналистов или пи-

сателей! – меня очень волнует и беспокоит. Юлия написала глубокий аналитический материал (настоящее, можно сказать, журналистское расследование провела!) об акции «Тотальный диктант», набирающей вес и силу, обо всех ее составляющих – с цифрами и фактами, с именами. Отразила и свое участие, и выводы сделала. Мне очень понравилось отношение автора к этой теме. Тем более приятно, что писал материал не литератор в чистом виде, а математик по образованию («Огни Кузбасса» № 1 за 2016 год, статья «Быть грамотным – модно, или Как я писала Тотальный диктант»).

Стихи Юлии читала я еще раньше – в 2013 году. В номере первом все тех же «Огней Кузбасса» была ее подборка под названием «Одноэтажная Россия» (напрашивается сравнение с «Одноэтажной Америкой» Ильфа и Петрова, не правда ли?). И, надо сказать, «Одноэтажная Россия» Сычевой мне понравилась сразу, с ходу, безоговорочно.

Пусть я полжизни что есть силы
Болтаюсь в городских силках,
Одноэтажная Россия,
Ты мне понятна и близка.
И мне твои просторы впору,
К лицу мне цвет твоих дубрав,
Где ветры водят разговоры,
Готовя снадобья из трав,
Где вдоль дорог неугасимо
Цветок пылает огонек...
Привольным воздухом, Россия,
Позволь мне надышаться впрок!
Вернусь я в каменные джунгли,
Где шум и смог, но стол и дом
И где душа невольно жухнет
Осенним сброшенным листом...

Первое же стихотворение, которым открывается подборка, – «Уголек». Оно про наш родной Кузбасс. Стихотворение короткое, но очень емкое:

В истории немало толков,
Кем уголек наш был открыт.
Кто первым был – Михайло Волков,
А может, немец Мессершмидт –
Неважно. Для меня почетно –
Шахтерской матери, жены –
Что угольком добытым черным
Кузбасс согреет полстраны.

Было в той подборке и стихотворение, которое дало название поэтической книжке Юлии, – «Вне времени». Глубокое философское размышление о жизни заключено в нем. Ниже я его процитирую, но прежде, хваля и одобряя, не могу не сделать автору небольшого упрека: что же вы, дорогая и уважаемая Юлия Валерьевна, такой поборник чистоты русского языка, пренебрегли элементарными знаками препи-

нания? Это мода теперь такая? Не знаю, не знаю... Мне кажется, поэт должен уважать читателя, вести за собой, подтягивать его до своего уровня, а не опускаться вниз лишь для того, чтобы быть понятным и понятным.

живешь вне времени в затерянной деревне
как вдруг весной оглянешься и вот
захочется каких-то обновлений
задумаешь какой-нибудь ремонт
а приглядишься из оконных створок
и ничего не хочется менять
в упадке обветшалого забора
в рисунке окосевшего плетня
пусть все вокруг естественно стареет
естественно стареет и внутри
пусть огород затянется пыреем
под крышу прилетят нетопыри
и к дому зарастут пути-дороги
не слыша ни ура ни топора
тогда раздастся голос тихий строгий
– Пора!

Понравилось в той подборке и другое стихотворение – переключка с Мариной Цветаевой:

Потерпи чуть – морозы отпустят,
Что в Сибири на зиму пенять?
Дед Мороз возвратится в свой Устюг,
Встанут в стойла три белых коня,
Подожди чуть – метели уймутся,
Оживет расколдованный лес,
Золотое покатится блюдце
По лазоревой глади небес,
Погоди – подадутся сугробы,
Ручейки талых вод зашумят...
Ты оттаешь, оттаем мы оба
И начнем все сначала. С нуля.

163

В юбилейной подборке (№ 4 за 2017 год) уже, можно сказать, «возрастные» стихотворения. В них жизненный опыт, более взрослый – пристальный, вдумчивый – взгляд на жизнь, на свою судьбу. Мелькают свойственные именно зрелому возрасту воспоминания о детстве, есть и размышления о жизни сегодняшней, целиком посвященной творчеству, и говорится об этой стороне жизни очень выразительно, щемяще...

Ну, и в завершение несколько слов о книге «Вне времени». Название оправдано и содержанием, и последовательностью стихотворений. Хорошее и правильное начало – стихотворение «Автопортрет». Есть стихи с улыбкой, с насмешкой, а это выдает автора умного, наблюдательного, с чувством юмора; есть пейзажные зарисовки; есть и патриотические стихи, из которых я бы выделила особо про «Бессмертный полк»:

Я тому дала бы орден, право,
Упрекай меня не упрекай,
Кто собрать придумал ветеранов
В строгий строй «Бессмертного полка».
Нет сейчас их с нами, но почетно
Правнукам портреты их нести:
Старший пулеметного расчета
Дед Иван, доживший до седин,
Баба Дуся, труженица тыла,
Баба Тося, медик фронтовой...
Наша память – это наша сила,
Как Иванов, знающих родство!

Правда, тут я бы сделала Юлии замечание: родство Иваны обычно помнят или не помнят, а тут, я понимаю, вы попытались избежать тавтологии: «память» – «помнят»... Неловко как-то получилось.

И завершается книга правильно – стихотворением-сомнением (не сомневаются, простите, только дураки):

Поигравшись словами и так и сяк,
Понимаешь, что дар твой иссох, иссяк,
Да и был ли он, собственно, этот дар?
Так, смешная гордыня, слепой угар...

Хорошо, что Юлия Сычева задумывается о своем творчестве, предъявляет себе самый жесткий счет, строго и взыскательно относится к занятию литературным трудом. Это дает надежду на то, что перед нами серьезный, вдумчивый, работающий поэт. Я не сомневаюсь, что это так! И желаю на этом нелегком пути новых открытий!

Нина ИНЯКИНА,
г. Кемерово

К 80-ЛЕТИЮ С. ДОНБАЯ

История, пропущенная через недра современности, словно совершив своеобразный виток, возвращается к конкретике места. И метафоры, используемые С. Донбаем, выпукло проявляют ее, истории, суть:

Фили. Россия за спиною...
Фельдмаршал спорам не вредит.
Здоровый глаз прикрыв рукою,
Он через пальцы не глядит.
Для всех его молчанье – бремя!
Но руку не спешит отнять...
И ветку не торопит время
Плоды зеленые ронять.

Время умнее нас: плод должен созреть. И, сколь бы медленно ни было вызревание оно, именно срок определяет сущность плода.

У Донбая особые отношения с историей: он ищет коды ее, разгадки, используя сети сравнений и тонкость ассоциаций, чье плетение порой напоминает узор мороза на стекле.

Снова мысль о Борисе и Глебе,
Как морозный узор на стекле,
Как два лебедя в стынущем небе,
Посетила глаза в феврале.

Собирает незрячая воля
Снова русский оброк вековой.
И, как эхо народного вопля,
Святополк отыскался Второй.

Стихи красивы. И при этом благодаря мускульнo-волевому исполнению-осуществлению вписываются в пространство именно множественностью в них заложенного.

...Образ постепенно возникающего храма пронизан высокой солнечностью. Тут надежда, которая никогда не умрет, хотя и подводит часто; тут словно сияние Китежа, мерно всплывающего из-под метафизических вод, чтобы проявиться всем во всей силе своей, красе и величии:

Там, где ангелом воздух уже поцелованный,
Озаренный весною, пречистый, притих,
За прозрачной железной оградой церковной
Люди строят пять солнц куполов золотых!

Колокольня пока не взметнулась около,
Лишь трамвай не попад прозвонит на бегу,
Но видать, но видать, словно ясного сокола,
Отовсюду наш Знаменский храм на торгу!

Да, современность – хотя бы и бегущим трамваем – противоречит Китежу. Но все равно надежда распускает роскошные, как у Жар-птицы, крылья.

...Вспыхивает – задорно, молодо, звонко, кружась и сопоставляя полюса счастья, – такое бодрое и счастливое стихотворение:

Мне весело живется!
А почему бы нет?
Скажу – и улыбнется
Мне женщина в ответ!

Забуду все печали –
От слов, как от вина,
Глазами и плечами
Хохочет вся она!

А там, совсем вначале,
У детского окна,
Меня с утра встречали
И тополь, и сосна.

И тополь, и сосна, становящиеся персонажами стиха, словно увидены детским, бесконечно удивленным и прекрасно-восторженным взором.

Сильно строится портрет малоизвестного поэта, все же добавляющего нечто к глобальной картине русской словесности:

*Как он молился упрямо,
Чтобы тебя не отдать,
Малая родина – мама,
Общая – Родина-мать!*

*С лирикой спорила логика,
Сретенье дум и страстей...
Был он как малая толика
Русской поэзии всей.*

Кто знает? Быть может, толика и не так мала, ведь каждый человек – вселенная, а одаренный словесным даром – вселенная вдвойне.

С онтологической силой увидены деревья:

*Без листьев, без криков, без перьев,
Под взглядами нашими сквозь
Рентгеновский снимок деревьев –
Гнезда охладевшая горсть.*

*Безжизненны и недвижимы.
Уже отлетел листопад.
И кажется, с каждой вершины
И души вот-вот отлетят...*

Здесь словно утверждается глобальный круг всеобщности: связанности всех и всего в недрах бытия. И мерцающие души настраивают на возвышенный лад, хотя и отмеченный элегичностью.

Хроника жизни, мелькая черно-белыми кадрами, овещается в стихотворение двойной нагрузкой – былого и... истолкования былого:

*Старая, старая хроника
Незабываемых лет,
Перекрути и напости-ка
Неповторимый момент.*

*Серенький, маленький, бедный,
Поезда ждущий перрон –
С перекошенным Победой
Женским счастливым лицом.*

*Вот они! Видели! Видели!
В звездочках и в орденах
Высыпали победители:
Целые, на костылях,
С воздухом в рукавах...*

Донбай созидает свой поэтический сад и легко, и вдохновенно. Стихи пенятся, вспыхивая, играют глубиной постигнутого; стихи, составляясь в свиток, отправляемый в гипотетическую перспективу, ликуют и размышляют, поют и печалются – и чуткая душа и живое сердце многое могут почерпнуть из поэтического свитка Сергея Донбая.

Александр БАЛТИН,
г. Москва

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

22 сентября в областной библиотеке им. В. Федорова прошел творческий вечер, посвященный 80-летию поэта Сергея Донбая, «Родной язык – наш промысел живой...». Поэта поздравили заместитель председателя комитета по культуре и образованию Парламента Кузбасса Н. Мухин, начальник отдела культуры и искусства Министерства культуры и национальной политики Кузбасса М. Власова, директор Кузбасского центра искусств В. Каплунов, директор Музея изобразительных искусств М. Чертогова, директор библиотеки им. В. Федорова В. Никулина, председатель Союза писателей Кузбасса Б. Бурмистров, гости-писатели: из Екатеринбурга – А. Кердан, из Омска – Ю. Перминов, друзья-поэты: В. Иванов, Д. Мурзин, Д. Филиппенко, А. Пятак, коллеги из Кузбасского центра искусств, представители литературной студии «Притомье» и Совета молодых литераторов Кузбасса. Прозвучало звуковое письмо из Бахты от писателя М. Тарковского и поздравительная телеграмма Союза писателей России:

ТЕЛЕГРАММА

Секретарю Союза писателей России,
члену приемной комиссии,
главному редактору журнала «Огни Кузбасса»
ДОНБАЮ С. Л.

Дорогой Сергей Лаврентьевич!

Правление Союза писателей России поздравляет Вас с большим, достойным юбилеем – восьмидесятилетием со дня рождения! Желаем Вам крепкого здоровья, неизменного вдохновения и плодотворной работы на поэтическом поприще, в журнале и везде, где востребован Ваш талант и Ваше ответственное отношение к творчеству.

Вы являетесь автором четырнадцати книг стихотворений, вышедших в Кемерове, Москве, Красноярске. Публиковались в литературных журналах «Сибирские огни», «Наш современник», «Москва», «Всероссийский собор», «Сибирь», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века», «Врата Сибири», «Алтай», «Барнаул», «Родная Ладога», «Бийский вестник», «Сибирячок», «Литературный меридиан», «Подъем», «Форум», «Роман-журнал. XXI век», «Север», «Родная Кубань», «Образ», «Юность», «Петровский мост», «Русское эхо», «Литературная Феодосия». Являетесь лауреатом литературных премий им. В. Федорова, святого благоверного великого князя Александра Невского, «Белуха», Николая Клюева, Виктора Баянова и др. Заслуженный работник культуры России, имеете почетную грамоту Президента России.

На днях в честь 60-летия Союза писателей Кузбасса Вы награждены министром культуры и национальной политики Кемеровской области серебряным нагрудным знаком «Кузбасс». Союз писателей России отметил Ваш труд золотой медалью «Иван Бу-

нин. За верное служение отечественной литературе».

Новых книг, интересных, ярких публикаций на страницах редактируемого Вами журнала, неиссякаемого вдохновения!

Правление Союза писателей России

Сергей Лаврентьевич, с юбилеем! Твои стихи с редкой разговорной интонацией замечательно говорят просто – о сложном. Это так важно в нашем мире, когда философствование превратилось только в стилистику и к реальной жизни почти не относится. Безыскусность – вот инструментальная задача поэзии, и твоя поэтическая речь этому соответствует в высшей степени. Здоровья, новых стихотворений, благополучия журналу «Огни Кузбасса»!

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
г. Воронеж

Благоденственное и мирное житие, здравие и спасение и во всем благое поспешение подаждь, Господи, ныне рабу Твоему Сергию и сохрани его на многая и благая лета! Дорогой Сергей Лаврентьевич, с замечательным юбилеем! Горжусь дружбой. Читаю всегда с радостью. Ценю каждую встречу. Дай Бог этим встречам множиться и множиться.

Василий ДВОРЦОВ,
г. Москва

166 Начну несколько отвлеченно от юбилея, но это только на первый взгляд.

Буквально только перечитывал стихи удивительного поэта Виктора Коврижных (к сожалению, недавно ушедшего от нас... Бога ради, Сергей Лаврентьевич, не хулите меня за смешение таких разных событий!). Так вот, оказывается, первым журналом, напечатавшим его стихи, были «Огни Кузбасса». И ход им дал именно Сергей Донбай. Можно предположить, какие чувства тогда испытывал неизвестный по большому счету молодой поэт, которого благословили на поэтическое поприще. Вот и получается, что отвлеченными мои слова можно считать условно! А скольким еще литераторам он «дал зеленку», наверное, Сергей Лаврентьевич и сам не помнит. Помимо собственных трудов на стезе поэтовой, это ли не беззаветное служение русской литературе?

Уважаемый Сергей Лаврентьевич! Счастья, добра и удачи во всех ипостасях!

Геннадий Ёмкин,
г. Саров

Споры про личность в истории – споры сытых. Споры про личность в литературном процессе – споры голодных. Донбай кормит и окормляет паству огромного атолла современной литературы Сибири. Нам, живущим в Европейской России, надо знать имена, вам, живущим в России Зауралья, надо чувствовать нашу любовь и внимание. Между этим всем

Сергей Лаврентьевич Донбай. Мощный, огромный, неутомимый, живой!

Даниэль Орлов,
г. Кронштадт

Дорогой Сергей Лаврентьевич!

С юбилеем тебя, прекрасный поэт и организатор. Когда с тобой видимся или читаю твои новые произведения, невольно вспоминаю строчку знаменитой песни: «Мои года – мое богатство». Поэтому в пожелании тебе могу лишь сказать: пусть это ощущение всегда будет в твоей душе.

Было очень приятно повидаться в начале июня на Красной площади.

Григорий Блехман,
г. Москва

Многоуважаемый Сергей Лаврентьевич!

Поздравляем Вас с высокой наградой – золотой медалью Ивана Бунина. Награда правильно Вас нашла. Когда Бунина не стало, Вам исполнилось 10 лет, поэт Сергей Донбай начал формироваться. В 1968 году состоялась первая публикация: в третьем номере журнала «Огни Кузбасса» редактор Владимир Мазаев напечатал «Утренние стихи» Сергея Донбая, где образ поэта вписан в поэтическую образную систему.

Бунин писал стихи всю жизнь. В 1890-х это были пейзажные стихотворения, в 1900-х годах – сонеты («Я вижу, слышу, счастлив, все во мне...»), в 1910-х – исторические баллады, с 1916 по 1952 год – просто стихотворения, иногда нечто промежуточное между поэзией и прозой. В лирике позднего Бунина есть образ «молодой старости»:

СТАРАЯ ЯБЛОНЯ

Вся в снегу, кудрявом, благовонном,
Вся-то ты гудишь блаженным звоном
Пчел и ос, завистливых и злых...
Старишься, подруга дорогая?
Не беда. Вот будет ли такая
Молодая старость у других!

Как отметил известный новокузнецкий буниновед Олег Владимиров, оксюморон «молодая старость» – емкое обозначение отмены старости, вневременности жизни, вечного обновления жизни. Излюбленный мотив у Бунина: «Счастье жизни в вечном обновлении». «Молодая старость» синонимична вечной юности, второй молодости. И это не просто вернувшаяся молодость, а творческий расцвет, обогащенный прожитым и пережитым. Это творческая активность, духовный взлет в молодой старости. «Молодая старость» осознается Буниным как дар свыше, обязывающий к особой ответственности перед собой и Богом.

Кемеровские филологи поздравляют Вас с юбилейным днем рождения и вступлением в прекрасный

вневозрастной период второй молодости! Многая лета! Бодрости духа! Творческих озарений!

Галина Карпова, Ирина Ащеулова,
Светлана Старовойтова, Людмила Ходанен,
Наталья Налегач, Татьяна Горохова

5 июня поселок Пор-Искитим Промышленновского района посетил творческий десант, организованный Кузбасским центром искусств при участии творческих союзов писателей и художников. В литературной гостинной приняли участие поэты И. Фролова и Б. Бурмистров. Они провели литературный семинар для участников студий, прочли свои стихи, подали книги с автографами.

6 июня на площади Пушкина состоялись Пушкинские чтения, посвященные дню рождения великого русского поэта. Зрители услышали выступления солистов Музыкального театра им. А. К. Боброва, членов Союза писателей Кузбасса Б. Бурмистрова, Л. Чидилян, А. Пятака, В. Киселева, Ю. Дубатова, Н. Дубровской, членов литстудий области: «Притомье» (Кемерово), «Кислород» (Березовский), «Образ» (Ленинск-Кузнецкий), им. В. Федорова (Анжеро-Судженск). Работал свободный микрофон.

6–9 июня поэт Д. Филиппенко принял участие в V Всероссийском совещании молодых литераторов в г. Химки. В рамках совещания было сформировано расписание всероссийских фестивалей, в число которых вошел литературный фестиваль им. А. Бельмасова.

8 июня в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление второго номера журнала «Огни Кузбасса». Стихи почитали юбиляры-авторы номера Е. Трухан, И. Тюнина, В. Каганов. Со своими публикациями читателей познакомили Б. Бурмистров, Е. Тюшина, В. Тюмерова, О. Цветкова, В. Чурилов, Д. Мурзин. Вел вечер главный редактор журнала С. Донбай.

10 июня в Ленинске-Кузнецком в библиотеке им. Н. К. Крупской прошла творческая встреча с поэтом, членом Союза писателей России Б. Гринбергом (Новосибирск).

11 июня в пос. Яшкино Б. Бурмистров совместно с артистами филармонии и музыкального театра принял участие в концерте, посвященном Дню России.

11–12 июня в рамках V Всероссийского совещания в Химках прошел онлайн-семинар поэзии, собравший молодых поэтов Владивостока, Благовещенска, Читы, Ташкента, Омска, Екатеринбурга, Рыбинска, Елабуги и Калуги. Руководили семинаром

поэты А. Ахматов (Санкт-Петербург), А. Морс (Иркутск), Д. Мурзин (Кемерово).

14 июня у дома № 71 по Советскому проспекту состоялась церемония открытия мемориальной доски, посвященной кузбасскому писателю Владимиру Михайловичу Мазаеву, который жил в этом доме с 1975 по 1994 год. «Адмирал сибирской прозы» Мазаев еще при жизни был причислен к разряду писателей-классиков. Автор более двадцати книг повестей и рассказов, он внес значительный вклад в развитие современной прозы наряду с Распутиным, Шукшиным, Астафьевым.

14 июня в библиотеке им. В. Федорова состоялся праздничный творческий вечер, посвященный 60-летию юбилею со дня образования Союза писателей Кузбасса. Председатель союза Б. Бурмистров рассказал о знаковых событиях из писательской жизни каждого руководителя-предшественника: Е. Буравлева, В. Мазаева, Г. Юрова и В. Зубарева. Творческий вечер был наполнен воспоминаниями о становлении профессиональной писательской организации Кузбасса. Выступили С. Донбай, И. Куралов, Д. Мурзин, И. Фролова, А. Пятак, Л. Чидилян.

16 июня в пос. Трудармейском Прокопьевского района высадился творческий десант в составе поэтов И. Фроловой, Д. Нагорновой и художников Е. Юмановой и Э. Сурниной.

18 июня в село Барановка с выставкой и мастер-классом «Пейзажная живопись» приехали В. Кострицкий и И. Нечаев, члены Кемеровского отделения Творческого союза художников России; члены Союза писателей России И. Фролова и А. Пятак читали стихи и провели мастер-класс для любительских литературных студий.

19 июня творческий десант побывал в селе Малопесчанка. В его составе поэты Ю. Сычева и Е. Краснова, члены Творческого союза художников России В. Кострицкий и И. Нечаев. Писатели представили новый выпуск журнала «Огни Кузбасса», провели мастер-классы и прочитали свои произведения.

19 июня в Ленинске-Кузнецком в помещении администрации состоялась творческая встреча с поэтом В. Киселевым и прозаиком Н. Дубровской (Кемерово). Встречу подготовил поэт Н. Глушкова.

21 июня в Березовском на территории памятника живой природы «Сосна сибирская» состоялся творческий пикник. В программе были выступления поэтов и музыкантов на поляне у памятника живой природы, подведение итогов литературного конкурса «Твое слово». И. Прокопьева из библиотеки «Гармония» рассказала о кедре. Главный редактор газеты

«Мой город» И. Соколова вручила грамоты за участие в номинации «Сказки Дядюшки Кедр», учрежденной газетой. Поэты Д. Мурзин и Д. Филиппенко вручили грамоты и призы победителям конкурса «Твое слово».

23 июня в библиотеке «Книжный меридиан» прошло представление журнала «Огни Кузбасса». Ответсек журнала Д. Мурзин познакомил читателей библиотеки с материалами первого и второго номеров.

10 июля в Белове состоялось собрание Совета молодых литераторов Кузбасса.

17–31 июля прошел детский бард-заезд «Енисей» на Красноярском водохранилище (директор И. Решетов, начальник смены Т. Чукреева). На берегу Енисея собрались мастера и начинающие исполнители из Кемерово, Барнаула, Красноярска. В работе заезда приняли участие поэты Д. и Н. Мурзины. Они провели мастер-классы, помогли ребятам написать гимн бард-заезда.

23 июля в Ленинске-Кузнецком в библиотеке им. Н. К. Крупской прошла презентация третьего номера альманаха «Образ» за 2022 год.

30 июля в Ленинске-Кузнецком в библиотеке им. Н. К. Крупской состоялась презентация книги Василия Гуляева «Мои дороги».

2 августа в библиотеке для детей и юношества им. А. Гайдара прошла творческая встреча поэта Б. Бурмистрова со студентами архитектурного техникума.

6 августа в Барачатах Крапивинского района высадился творческий десант поэтов И. Фроловой, Л. Чидилян и художников Е. Юмановой и Н. Бублика.

8 августа, в день рождения поэта, прошла презентация новых книг Б. Бурмистрова в областной научной библиотеке им. В. Федорова: книги публицистики «Расчехленное перо» и сборника стихотворений о пути поэта к православной вере «Обретение».

8 августа митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх вручил юбилейные медали, посвященные 10-летию Кемеровской метрополии, поэтам Б. Бурмистрову, С. Донбаю, Д. Мурзину и руководителю православной общественной организации «Духовные традиции земли Кузнецкой» В. Ермоленко.

С 19 по 21 августа в музее-заповеднике «Томская Писаница» при поддержке Министерства культуры и национальной политики Кузбасса, Кузбасского центра искусств, Кемеровского областного отделения Союза писателей России, Совета молодых литерато-

ров Кузбасса прошло совещание молодых писателей Кузбасса «На 55-й широте». Автор и руководитель проекта – Д. Филиппенко. В совещании приняло участие 40 молодых писателей из 16 городов Кузбасса. Прошли семинары поэзии и прозы, выступления на площадках поэтической аллеи музея-заповедника, поэтический и прозаический турниры. Победу в поэтическом турнире одержал В. Шагиахметов, а в прозаическом – В. Засухин. По итогам совещания сертификаты на участие в литературном фестивале им. А. Бельмасова в Ленинске-Кузнецком получили: Я. Орехова (Кемерово), К. Дорышева (Кемерово), Е. Щедрин (Мариинск); во Всероссийском фестивале молодых поэтов «Мцыри» в Москве – Е. Гончарова (Прокопьевск), Е. Андронova (Кемерово), С. Сидоров (Березовский). Сертификат на участие во Всероссийском совещании молодых литераторов в Химках получила А. Коржова (Калтан). Право на издание книги получил В. Шагиахметов. Заметки о совещании молодых писателей Кузбасса «На 55-й широте» вышли в «Литературной газете», на сайтах «АсПур» и «Российский писатель».

23 августа в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 состоялся юбилейный творческий вечер поэта Ю. Сычевой. На вечере была представлена ее новая книга «Темные источники».

1 сентября Д. Мурзин, О. Рокова, А. Коржова и Д. Филиппенко приняли участие в программе «Хороший вечер» на радио «Кузбасс FM».

3 сентября в Ленинске-Кузнецком в библиотеке им. Н. К. Крупской прошла творческая встреча с поэтом, членом Союза писателей России из Омска М. Четвериковой.

5 сентября в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление третьего номера журнала «Огни Кузбасса». Это молодежный выпуск, посвященный 100-летию со дня выхода в свет повести Александра Грина «Алые паруса». На представлении выступили авторы Ю. Сычева, А. Коржова, О. Рокова, С. Черемнов. Вечер вел главный редактор С. Донбай.

10–17 сентября в городах Татарстана Елабуге и Казани прошел 20-й Международный научно-творческий симпозиум «Волошинский сентябрь», приуроченный к 130-летию со дня рождения М. Цветаевой и 145-летию со дня рождения М. Волошина. Кузбасс представлял поэт Д. Мурзин, который принял участие в ряде поэтических чтений, провел творческую встречу в библиотеке № 13 г. Казани, представил журнал «Огни Кузбасса» в Национальной библиотеке Республики Татарстан, принял участие в работе жюри Волошинского поэтического турнира. Лауреатом «Волошинского сентября» в номинации журнала

«Урал» «Кто верит в жизнь, тот верит чуду...» стал автор «Огней Кузбасса» А. Долгарева.

С 17 по 20 сентября в подмосковном Переделкине состоялся форум переводчиков, организованный кураторами Программы поддержки национальных литератур народов РФ и антологий «Современная литература народов России». В форуме приняло участие около 20 переводчиков с разных языков народов России: татарского, башкирского, якутского, эрзянского, а также редких, исчезающих языков: вепского, шорского, долганского и др. На литературных чтениях поэты и прозаики говорили на своих родных языках, читая произведения на двух языках (национальном и русском). На форуме побывала кузбасская поэтесса, прозаик и художник Л. Арбачакова. Она перевела с эрзянского языка на шорский две сказки и считалку.

20 сентября в Театре для детей и молодежи прошло торжественное собрание «Живое слово», организованное в честь 60-летнего юбилея Кемеровского областного отделения Союза писателей России. Писателей пришли поздравить: председатель совета по вопросам попечительства в социальной сфере А. Цивилева, министр культуры и национальной политики Кузбасса А. Юдина, председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Парламента Кузбасса И. Федорова, ректор Кемеровского государственного института культуры А. Шунков. Поздравить писателей Кузбасса приехали: поэт, первый секретарь правления Союза писателей России Г. Иванов (Москва); поэт и прозаик, сопредседатель правления Союза писателей России А. Кердан (Екатеринбург); поэт, секретарь правления Союза писателей России, председатель Томского отделения СП Г. Скарлыгин (Томск); поэт, секретарь Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России Ю. Перминов (Омск). На торжественном вечере кузбасские поэты читали свои стихи, 27 литераторов были отмечены памятными наградами, а в фойе театра экспонировалась выставка архивных фотографий.

21 сентября в областной библиотеке им. В. Федорова прошли поэтические чтения, выступили гости писательского юбилея А. Кердан, Г. Скарлыгин, Ю. Перминов и кузбасские поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, Д. Мурзин.

24 сентября в молодежном отделе Кемеровской епархии прошла встреча Д. Мурзина с православными скаутами. Поэт рассказал о журнале «Огни Кузбасса», своей работе в журнале, почитал стихи.

25 сентября в Центральной библиотеке г. Березовского им. Л. Гержидовича при участии СМЛ Кузбасса прошла литературная встреча «Человек чита-

ющий». Во время встречи главный редактор журнала «Огни Кузбасса» **С. Донбай** и ответсек **Д. Мурзин** представили третий номер. Состоялась горячая дискуссия о современном состоянии русской литературы. Прозвучали стихи **С. Донбая**, **Д. Мурзина**, **Ю. Михайлова**, **О. Роковой**, **М. Москвикина**, представителей литературных студий Березовского «Кислород» и «Свой голос».

28 сентября в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошла встреча редакции журнала «Огни Кузбасса» с учениками 3 «А» класса лицея № 62 (педагог **Н. Кушнир**). Главный редактор **С. Донбай** и ответственный секретарь **Д. Мурзин** рассказали о журнале и антологии поэзии для детей «Паровоз – 500 колес», почитали стихи, ответили на вопросы. Самые активные школьники получили в подарок журналы.

28 сентября в библиотеке для детей и юношества им. А. Гайдара прошло представление нового номера газеты «Литературный сундучок». На мероприятии присутствовал поэт **С. Донбай**, который подарил авторам журнал «Огни Кузбасса».

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Сибирские огни» (Новосибирск) № 6 напечатал рассказ **А. Королева** «Красные бусы».

Альманах «Литературная Феодосия» за 2022 год напечатал подборки поэтов **С. Донбая** «Во сне снегов» и **Д. Мурзина** «Эта женщина придет».

Журнал «Родная Ладога» № 1–2 опубликовал подборку **Д. Филиппенко** «Я живу на улице шахтеров».

Газета «Литературная Россия» № 19 опубликовала подборку **Д. Филиппенко** «Идет по шахте человек».

В антологию современной патриотической поэзии «ПоЗЫВной – Победа!» (Москва) вошли стихи **Б. Бурмистрова**, **С. Донбая**, **В. Коврижных**, **В. Киселева**.

«Литературная газета» № 38 опубликовала юбилейную подборку стихов **С. Донбая** с предисловием **В. Кирюшина**.

В газете «День литературы» (Москва) № 9 опубликована юбилейная подборка поэта **С. Донбая** «Воля воздуха, влаги, земли и огня...».

Альманах «Енисей» (Красноярск) дал подборку стихотворений **Д. Филиппенко**.

Журнал «Байкал» (Улан-Удэ) № 4 опубликовал юбилейную подборку стихов **С. Донбая** «Из варяг в греки».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Королев А. Провожатый: рассказы. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. – 180 с.

Сычева Ю. Темные источники: стихи. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. – 76 с.

Сливина Ю. Неестественный отбор: стихи. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. – 82 с.

Тюнина И. До встречи в сентябре!: рассказы. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. – 160 с.

Рыжова А. Оставаться живой: стихи и проза. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. – 110 с.

Классика земли Кузнецкой: в 3 томах. Т. 2. Избранная проза Кузбасса, кн. 2. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. – 528 с.

30 августа после тяжелой болезни скончался известный русский поэт и прозаик

ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ КОВРИЖНЫХ.

Виктор Анатольевич родился 5 ноября 1952 года в селе Старобачаты Крапивинского района. После окончания средней школы учился в ГПТУ на электромонтера. Служил в армии. После демобилизации работал автоэлектриком, водителем, машинистом железнодорожного крана, составителем поездов на угольном разрезе, служил в пожарно-спасательной части поселка в должности начальника караула. Виктор Анатольевич – автор семи

книг стихов и десятков публикаций в журналах: «Наш современник» (Москва), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Начало века» (Томск), «Бийский вестник» (Бийск), «Барнаул» и др. Виктор Коврижных был отмечен литературными премиями им. В. Д. Федорова, «Образ», «Энергия творчества», журналов «Огни Кузбасса» и «Сибирские огни». Награжден медалями «За веру и добро» и «100 лет профсоюзам России». Член Союза писателей России с 1999 года.

Он сам себя очень точно назвал сельским лириком. Душа его поэзии вся в сибирской глубинке, где он родился и прожил почти 70 лет, наполняя каждый день поэтическими строками.

*Тихо вздрогнуть от шорохов дня,
замерев у речного обрыва,
будто кто-то окликнул меня
из покоев, где зреет крапива.*

*Из каких он пристанищ возник,
отогретый дыханием зноя, –
не пристроенный памятью миг,
овладев неожиданно мною?*

*Видно, нам разминуться нельзя
над рекой, где задумчивы ивы.
Смотрят пристально чьи-то глаза
сквозь зеленое пламя крапивы,*

*сквозь меня без особых примет.
Только сердце тревожно так бьется,
словно видит неведомый свет,
что при жизни узнать не придется.*

Союз писателей Кузбасса и Кузбасский центр искусств приносят искренние соболезнования родным и близким, друзьям и коллегам поэта.

31 августа на восемьдесят третьем году жизни от нас ушел поэт, прозаик и сценарист

ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ФЕДАНОВ.

Василий Степанович родился 1 октября 1939 года в селе Сарабалык Новосибирской области. Окончил Красноярский технологический институт. Работал в мебельной промышленности, возглавлял газету «В бой за уголь» в Киселевске. Избирался депутатом Кемеровского городского Совета. Автор семи книг. Член Союза писателей России с 2004 года. Награжден медалями «Ветеран труда» и «За доблестный труд».

Союз писателей Кузбасса и Кузбасский центр искусств приносят искренние соболезнования родным и близким, друзьям и коллегам поэта.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, АО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 4. Дата выхода в свет: 15.11.2022

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 1037. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**

Верстка: **Е. К. Метякова**

Союзу писателей Кузбасса – 60 лет

Писатели Кузбасса и гости юбилея. Сентябрь 2022 г.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40